

Модель для сборки

незаметно присоединяйтесь

МОДЕЛЬ
ДЛЯ СБОРКИ

20
лет

Москва
Снежный Ком
2015

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
М74

Составитель *Сергей Чекмаев*
Художник *Макс Олин*

М74 Модель для сборки 20 лет : Антология. / Сост. Сергей Чекмаев. — М. : Снежный Ком М, 2015. — 400 с.

ISBN 978-5-904919-91-7

Так случилось (конечно, не совсем случайно), что эта прекрасная книга выходит в свет накануне двадцатилетия программы «Модель для сборки», и это астрономическое для нас число никак не идет в голову всерьез... Не осмысляется... Впрочем, говорят, так и должно быть.

Мы постарались собрать лучших из лучших и всё равно не смогли вместить всё, что достойно тут быть. И хотя формат книжного издания крайне мал, чтобы предложить вам всё лучшее, и дает читателю лишь текст, — я уверен, что, листая страницы, вы услышите потрескивание пластинки, а возможно, вам почудится знакомый голос...

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-904919-91-7 © Пехов А., Овчинников О., Николаев А., Чекмаев С., Бачило А., Каганов Л., Наумов И., Дивов О., Градинар Д., Дубровин М., Кликин М., Булатникова Д., Володихин Д., Томах Т., Гелприн М., Корнев П., Панов В., Веров Я., 2015
© Оформление. Олин М., Брегис Э., 2015
© ООО «Снежный Ком М», 2015

Предисловие

Влад Копп, автор, литературный ведущий,
«голос» программы

Привет всем, кто имеет к этому отношение! Поскольку фантастика сопровождает меня с детства, трудно выразить всю глубину признательности авторам этого «несерьезного» жанра. Ведь без фантазии пропадает порыв к движению, которое необходимо всему живому и, уж точно, — мыслящему.

В отрочестве название «Двадцать лет спустя» вызывало ассоциации с астрономическими масштабами. Но! Фокус-покус! Это реально было вчера. «Станция», ночные эфиры, веселье через край, ощущение неминуемого наступающего прекрасного далёка, Дивного Нового Мира! Прогресс налицо, но остается много вопросов. Надеюсь на разум будущих поколений.

Спасибо всем нереальное за поддержку и признание проекта и неизменный интерес к тому, чем мы с вами занимаемся в соавторстве, ибо каждый прочитанный и прослушанный рассказ — это океан эмоций в уникальной Вселенной каждого «незаметно присоединившегося». Будем продолжать в том же духе! Мир вам, люди!

Андрей Эддисон, DJ, продюсер, музыкальный ведущий «Модели для сборки»:

Друзья!

Обычно мы так приветствуем вас из ваших колонок, наушников и прочих аудиогаджетов, и к этому вы, наши слушатели, да и мы — все давно привыкли, и как будто так

было всегда... Но сегодня мы впервые обращаемся к вам со страниц книги, и, признаться, это новый и неожиданный для нас опыт, но всегда интересно что-то начинать.

Так случилось (конечно, не совсем случайно), что эта прекрасная книга выходит в свет накануне двадцатилетия программы «Модель для сборки», и это астрономическое для нас число никак не идет в голову всерьез... Не осмыслиется... Впрочем, говорят, так и должно быть.

И поскольку год нынешний для нас юбилейный, праздничный и во всех смыслах особенный, мы решили начать с того, что давно собирались — отметить и поблагодарить наших авторов, лучшие рассказы которых увидят свет в этом сборнике. Жизнь покажет, станет ли он библиографической редкостью спустя какое-то время или нет, но, так или иначе, коллекционерам нашей программы да и, надеюсь, простому читателю будет приятно иметь в своей библиотеке сей артефакт и время от времени перечитывать любимые рассказы.

Мы постарались собрать лучших из лучших и всё равно не смогли вместить всё, что достойно тут быть. И хотя формат книжного издания крайне мал, чтобы предложить вам всё лучшее, и дает читателю лишь текст, — я уверен, что, листая страницы, вы услышите потрескивание пластинки, а возможно, вам почудится знакомый голос...

Желаю вам увлекательнейшего чтения!

Михаил Габович, DJ, музыкальный ведущий
«Модели для сборки»

Вы держите в руках прекрасную книгу, которая является не только прекрасным памятным артефактом, обозначающим двадцатилетие «Модели для сборки», но и дает основания думать, что следующие двадцать лет мы проведем не менее интересно, путешествуя без движения в чудесных фантастических мирах под волшебную музыку. Мы-то уж точно останавливаться на достигнутом не намерены, а история издания этой книги вселила в нас уверенность,

что у МДС, авторов и слушателей впереди сотни эфиров, встреч, книг, музыкальных произведений и много другого. Всё только начинается...

Сергей Чекмаев, писатель-фантаст,
литературный редактор «Модели для сборки»

Здравствуйте, «незаметно присоединившиеся»!

Мне выпала большая честь приветствовать читателей Юбилейного сборника не только как участнику проекта МДС, но и от всех наших авторов, чьи тексты открывают вам дорогу в неизведанное. Сегодня они все здесь, наши постоянные друзья, кто многие годы бескорыстно давал «Модели» свои рассказы и повести. Не пожалейте пяти минут времени — скажите им «спасибо» в социальных сетях и на форумах, в чатах и на личных встречах. Они это заслужили.

Хочу выразить благодарность от нашей команды и всем акционерам, поддержавшим издание этой книги. Первый опыт краудфандинга оказался для нас неожиданно удачным, и уже сейчас, к моменту выхода сборника, мы планируем продолжить работу в подобном ключе.

А вообще, двадцать лет — это только начало. Двадцатилетний человек полон планов, перспектив, надежд на будущее и новых идей. Так и мы. Впереди еще много интересного, «Модель для сборки» не собирается почивать на лаврах! Спасибо тем, кто был с нами все эти годы, двойное спасибо — тем, кто по-прежнему остается рядом, и бесконечное спасибо каждому, кто собирается вместе путешествовать и дальше. Путешествие без движения бесконечно, и двадцать лет — это только начало пути, коротенький отрезок невероятно длинной дороги, наполненной приключениями.

Вы с нами? Вперед!

Алексей Пехов

Слово автора:

Мое первое знакомство с «Моделью» произошло в далеком 1996 году, когда я, переключая радиостанции, случайно поймал «волну». Да так на ней и остался.

Тогда я даже предположить не мог, что когда-нибудь сам начну писать и мои рассказы будут прочитаны в эфире, я познакомлюсь с Владом Коппом и диджеями, приму участие в записи и увижу, как создается настоящая звуковая магия.

«Модель для сборки» — уникальнейший проект для нашей страны, с талантливыми участниками и преданными поклонниками, многие из которых остаются с ним на протяжении двадцати лет. Остается только пожелать им дальнейшего развития и возвращения в эфир.

ПОСЛЕДНЯЯ ОСЕНЬ

(прочитан на радио NRG 12.02.2007)

В этот солнечный осенний день Василий решил последний раз обойти Лес. Первым делом он побывал возле покинутого комарами и развеселыми лягушками Кикиморового болотца. Кот помнил то счастливое время, когда июньскими вечерами квакушки играли на трубах и саксофонах бархатный блюз и все жители Леса приходили послушать чудесный концерт.

После болота Василий попрощался с мертвой и безмолвной Опушкой Лешего, на минутку заглянул к Трем соснам, но солнечная полянка тоже оказалась пуста. Многие не стали дожидаться последнего дня и ушли в Портал еще до того, как сказка начала умирать. Он их не винил, а даже подталкивал к этому нелегкому решению — оставить волшебный Лес навсегда.

Направляясь к Пьяной пуще, Василий встретил грустного Старого Шарманщика с выводком усталых и зареванных кукол. Увидев кота, старик едва заметно кивнул и перебросил мешок с поклажей Театра с одного плеча на другое.

— К Порталу?

— Да.

— Никого не забыли? — на всякий случай поинтересовался Василий.

— Карабас с Артемоном куда-то запропастились, — всхлипнула очаровательная синеволосяя куколка. — Я волнуюсь, милорд Смотритель.

— Постараюсь их найти.

Та в ответ благодарно хлюпнула носом, покрепче сжала руку носатого паренька, на голове которого красовался смешной полосатый колпак, и поспешила за Шарманщиком.

— Портал закрывается сегодня вечером! — крикнул Смотритель им вслед.

Никто не обернулся. Они и так знали, что сегодня последний день, но Василий считал своим долгом предупредить каждого. И делал это по пять раз на дню вот уже вторую неделю.

Кот направился дальше, кляня Карабаса и его дурного пса. С той поры, как волшебство стало покидать Лес, сторож Театра слишком сильно налегал на вино, и теперь, кто знает, где его искать? Упустит время, и поминай как звали. Василий, недовольно фыркнув, встопорщил усы. Придется искать пропавших, а ведь он еще не побывал в Пьяной пуще и не попрощался со старым дубом возле Лукоморского холма. Даже в последний день Леса у него нашлись дела.

— Привет, кот!

На ветке ближайшей березы сидела толстая ворона.

— Привет, Вешалка. Я думал, что ты уже ушла.

— Ха! — хрипло каркнула та, недовольно нахохлившись. — Во-первых, не ушла, а улетела. И, во-вторых, у меня по всему Лесу заначки сыра. Пока всё не съем, не свалю.

— Смотри, жадность до добра не доводит, — предупредил он. — Сегодня вечером Портал закрывается.

— Твои слова под цвет твоей шерсти, котище, — довольно невежливо фыркнула ворона, но Василий не обратил на это внимания. Он не имел привычки обижаться на старых друзей.

— Мое дело предупредить. Когда волшебство покинет Лес, станешь обыкновенной птицей.

— «Мое дело предупредить!» — сварливо передразнила Вешалка. — Ты хоть и Смотритель, но мне не указ. Ладно, не волнуйся, всего два куска осталось. У Лукоморского холма к вечеру будешь?

— Да.

— Вместе и махнем, шоб мне Лиса перья общипала! Бывай, хвостатый!

— Стой! — поспешно окликнул ее кот. — Ты Карабаса с собакой не видела?

— Карабаса? — уже готовая взлететь, птица призадумалась. — Вроде нет... Спроси у Людоеда, они с бородатым давние приятели.

— Спасибо, ворона, — поблагодарил Василий.

— Не за что, — каркнула Вешалка. — Ты знаешь, что Феоктист вчера скончался?

— Как?!

— Когда всё стало умирать, Пруд пересох, а водяные без воды... Вначале все его мальки, а потом и он за ними. Не хотел уходить. Говорил, что Лес и Пруд — его дом. Сам ведь помнишь, каким он упрямым был.

— Помню, — вздохнул кот. — Мы с Кощеем так и не смогли уговорить его.

Смерть старого водяного опечалила Василия.

— Кстати, как Кощей? — вдруг заинтересовалась ворона.

— Месяц его не видел. Ладно, у меня еще дела. До вечера.

— Угу, — напоследок угукнула птица и улетела.

Беда нагрянула в Лес вместе с людьми. Сказка, не потерпевшая наглого вторжения, утекала отсюда, словно вода в песок. А вместе с ней исчезала магия, о которой люди так любят рассказывать детям. Чужакам, нарушившим хрупкое равновесие сказочного мира, было плевать на волшебство. Не обращая внимания на гибель Леса, люди впелись зубами в закрытый для них мир. Небылица для человека всего лишь безделушка, рудимент детства, который они таскают в себе и без колебаний отбрасывают в сторону, словно ненужную вещь, как только появляется хоть какой-то повод это сделать.

Крошка-фея называла их браконьерами, Василий — хватчиками, Золушка — убийцами. С охотниками, проравшимися в волшебный мир, худо-бедно справлялись, но доступ для обычных людей остался открытым, и магии становилось всё меньше и меньше. Если б не старания Черномора, Мерлина и Гингема, открывших Портал в другой волшебный мир, всех, кто жил в Лесу, можно было бы с чистой совестью записывать в покойники. Поэтому почти

все покинули обреченный мир. Но находились и такие, кто не хотел оставлять родные, насиженные места.

Василий аккуратно перешагнул через тоненькую нитку ручья. После того как Пруд начал умирать, ручеек пересох и забился желтыми листьями. Смотритель помнил то время, когда вода с веселым звоном бегала наперегонки с семейством зайцев, что жили на Ромашковой полянке.

Кот остановился и принялся. Пахло осенью, жареным мясом и чем-то чужим... людским. Решив проверить, в чем дело, Василий пошел на запах. Теперь он уже различал, что наравне с ароматом жаркого явственно тянет гарью и чем-то резким и очень непривычным.

Из-за кустов послышалось басовитое пение:

*Как-то раз в одном лесу,
Волк нашел себе Лису,
К дереву ее прижал...*

Песенка выходила достаточно пошлой, и Василий понимающе хмыкнул. Он знал, кто любит распевать такие вот песни.

Кот вышел на поляну и принялся наблюдать за весело горланящим здоровенным детинушкой. Рядом, свернувшись калачиком и укрыв косматой бородой себя и спящего Артемона, храпел Карабас.

К коту певец сидел спиной. Парень колдовал возле костра, радостно поворачивая вертел, на котором висел уже порядком прожаренный кабан. Василий раздраженно прижал уши к голове, дернул хвостом и произнес:

— Хлеб да соль.

— Ем, да свой! — не преминул ответить громила, а затем, так и не обернувшись, добавил: — Вали своей дорогой, пока я добрый! Али на костер захотел?

— Ты бы обернулся, рыло, — мягко посоветовал детине Смотритель.

— Сам напросился, я хотел быть добрым, — деланно вздохнул грубиян, отвлекся от вертела, взял с травы огромную дубину и только после этого повернул голову.

Маленькие черные глазки, гневно сверкающие из-под рыжих кустистых бровей, нос картошкой, крокодилы зубы, рыжие усы и бакенбарды. Гневная отповедь застряла у великана в глотке, глаза удивленно распахнулись, а дубина поспешно исчезла за спиной.

— Люодед, а Люодед, — Василий театрально поднял лапу, внимательно ее изучил и выпустил когти. — Я ведь тебя предупреждал, чтобы ты заканчивал со своими кулинарными изысками?

— Предупреждал, — проямлил тот, как замороженный наблюдая, как кот убирает и вновь выпускает когти.

— Я ведь неоднократно тебя предупреждал, правда? — лениво произнес гость.

— Правда, — побледнел Люодед.

— Так какого рожна ты вновь занимаешься браконьерством?! Кто разрешил жарить несчастных хрюшек без моего ведома? — рявкнул Василий.

Детина в испуге отскочил назад и едва не угодил в собственный костер.

— Я вот думаю, а на кой ты нам сдался в новом Лесу? — между тем как ни в чем не бывало продолжал кот. — Может, не пускать тебя в Портал? А что? Это идея! Людей здесь будет полно, наешься до отвала, если только они тебя раньше не подстрелят, как Золотую антилопу, мир ее праху.

— Не губи! — взвыл громила, поспешно рухнув на колени. — Лихо Одноглазое попутало! Предложило перекусить, а само в кусты! Этот последний! Больше я их жрать не буду! Мамой клянусь!

— Ты, вроде, говорил это в прошлый раз?

— В прошлый раз он клялся папой, — пробормотал Карabas и, перевернувшись на другой бок, вновь захрапел.

Повисла напряженная тишина. Рыжеволосый стоял ни жив ни мертв.

Кот, конечно, не собирался оставлять на растерзание людям даже такого троглодита, как Люодед. Хотя надо было бы...

— Ладно. На этот раз прощаю. Ради твоей жены.

Людоед, облегченно вздохнув, встал с колен, высморкался в бороду и бросил быстрый взгляд на жаркое.

— Переверни уж, вижу, что подгорает.

Прощенный поспешно кивнул, соорудил довольную рожу и крутанул вертел.

— Откуда так воняет? — полюбопытствовал Смотритель.

— Оттуда, — рыжий поначалу ткнул пальцем в небо, а затем в дальний угол поляны, где валялась исковерканная груда железа. Кое-где из нее еще поднимался черный вонючий дымок.

— И что это?

— А хрен знает, как оно называлось! — Охотник на хрюшек был сама любезность. — Это та фигня, что обычно над Лесом летала.

— М-да? — Кот с интересом уставился на обломки.

В последнее время странная штука донимала всех. Вот уже целую неделю она с ревом носилась над Лесом и пугала его жителей.

— И как оно умудрилось упасть?

— Горыныч постарался! — Людоед усмехнулся и достал из засаленных шорт банку специй. — Гадом, говорит, буду, если не собью эту сволочь перед уходом.

— Он ушел? — Василий помнил, что за уход через Портал была одна голова Горыныча, а против — две.

— С утра еще. Третья смогла убедить Первую. А Вторая башка плюнула и сказала, что тогда тоже пойдет, не оставаться же ей здесь одной?

— А где всадник? В железной птице остался?

— Не... он успел ката... катю... В общем, он пультировался куда-то или что-то в этом роде. Ну а я вот... Гм... Погнался за ним и...

— ...и человек опять от тебя убежал, — безжалостно закончил за него Василий.

Громила покраснел. Он только назывался Людоедом, а на самом деле еще ни разу не пообедал человечинкой, как это положено всякому приличному и уважающему себя каннибалу. Видя страшилище, люди оглашали Лес воплями

и задавали такого стрекача, что несчастному детине никогда не удавалось их догнать.

— Смотри, скажу жене, что опять охотился в Заповедной роще... — пригрозил кот. — Она уже ушла?

— Элли? — вопросом на вопрос ответил Людоед.

— А у тебя еще какая-то жена есть? — раздраженно фыркнул собеседник.

— Нет... Ушла два дня назад. Я сейчас откушаю и...

— Элли волки съели! — хором крикнули два выскочивших на поляну бельчонок.

— Кыш! — грозно рыкнул на них великан и потянулся за дубиной. — Только и знаете, что дразниться, мелочь пузатая!

Один бельчонок показал Людоеду язык, другой отчего-то кукиш.

— Дирле и Тирле! — окликнул бельчат Смотритель. — Вы, почему еще не в Портале?

— А мы Нильса ждем! — пискнул Дирле.

— Да-да! Нильса! И гусей! Честно-честно! — ответил Тирле. — А потом мы сразу... в этот... в пр-ротал.

Бельчата юркнули в кусты. На несносных сорванцов никто не мог найти управы.

— Будешь уходить, захвати Карабаса с псом, — попросил Людоеда кот.

— Сделаю.

— Сегодня вечером Портал закрывается, поторопись.

— Уже иду, — в одной руке рыжий держал солонку, в другой — перечницу и мучительно думал, которую из них использовать в первую очередь.

Василий раздраженно фыркнул и, обойдя стороной дымящиеся обломки летающей машины людей, направился по тропинке к Пьяной пуще.

За неделю, что он здесь не был, пуща сильно изменилась, чем неприятно поразила Смотрителя. Конечно же, он знал, что не встретит ни одной птицы, но знать — это одно, а вот видеть — совершенно другое. Исчезли все. Не было ни сладкоголосых соловьев, ни веселых щеглов,

ни заводных жаворонков, ни пронырливых дроздов, ни рас- судительных иволг, ни глупых поползней, ни дятлов-бара- банщиков, ни ученых сов, ни мудрых филинов, ни желто- грудых синиц, ни скандальных соек, ни трескучих сорок, ни сотен других пернатых, что раньше наполняли лесок кипучей радостью жизни. Не осталось никого. Среди пожел- тевших берез и осин властвовала мертвая тишина. Сейчас Пьяная пуща казалась чужой и очень зловещей. Василию до самого кончика его черного хвоста захотелось немедлен- но отсюда уйти.

— Эй! Есть здесь кто? — тишина слишком давила, и сей- час кот был готов разговаривать сам с собой.

Естественно, на его вопрос никто не ответил.

Смотритель подошел к старой березе, в три прыжка оказался на ее вершине и заглянул в гнездо. Там всё еще лежало яйцо. Как он и предполагал, семья Жар-Птиц уле- тала через Портал, но яйцо им пришлось оставить. Груст- но... Василий вздохнул и слез с дерева.

Он уже собирался уходить, когда в густых кустах колю- чего можжевельника заметил темный силуэт. Фигура очень напоминала одного из людей-охотников. Незаметно для спрятавшегося Василий выпустил когти. Если это охотник, то он не на того напал и вряд ли сможет добыть себе сказоч- ный трофей. Кот превратился в размытую черную молнию и в одно мгновенье оказался возле незнакомца. За секунду до удара он успел остановить лапу. Никакой угрозы не было. Перед ним возвышался Железный Дровосек.

Железный исчез через два дня после открытия Портала. Все отчего-то подумали, что он ушел. Ну, ушел и ушел. Никто не озаботился поисками. Было не до этого. А если еще учесть тот факт, что у нелюдимого Дровосека совсем не было друзей, то никто из жителей Леса и не беспокоил- ся о его исчезновении. Теперь же он был мертв, и его тело покрывал густой слой рыжей ржавчины. Возле ног погиб- шего лежал топор и масленка. Волшебное масло, вылив- шееся из нее, образовало на засохшей траве большое гряз- ное пятно. Василий почему-то несколько не сомневался,

что Железный Дровосек сам вылил масло, не оставив себе никаких шансов выжить. Он никогда не хотел покидать Лес, впрочем, как и многие другие. Некоторые предпочли остаться здесь и дожидаться судьбы, какой бы она ни была, или попросту покончить с жизнью.

С тяжелым сердцем кот покинул Пьяную пущу, уже жалея, что приходил сюда. Теперь она навсегда останется в его памяти не яркой, звонкой и солнечной, а жуткой, умирающей и унылой.

День давно перевалил за середину, тусклое солнце клонилось к закату. Василий побывал на Земляничной полянке, заглянул в дупло, в котором раньше жили Неправильные пчелы, делающие Неправильный мед. Хозяева улетели, золотые соты стали пепельно-серыми. В слабом запахе меда, всё еще витавшем в воздухе, больше не чувствовалось аромата полевых цветов и липы. Теперь здесь пахло чем-то горьким и застарелым, и Смотритель, сморщившись, словно от зубной боли, оставил брошенное дупло в покое. Главное, что Неправильные пчелы убрались в Портал, а не стали жадничать и сидеть до последнего часа на своем драгоценном меде. Кот усмехнулся — будет теперь Пуху забава в новом Лесу. Опять, небось, наклюкается с Пятачком и пойдет пугать истеричных жужжалок, говоря, что он маленькая черная тучка, страдающая большой белой горячкой.

Что-то опрометью выскочило из кустов и едва не врезалось в Смотрителя.

— Всё торопимся? — промурлыкал кот.

Белый пушистый красноглазый Кролик, обряженный в синий бархатный жилет и черный цилиндр, икнул и, рассыпаясь в тысячах извинений, отпрыгнул в сторону.

— Да-да! Да-да! Опаздываю! Какой кошмар! Опять опаздываю!

Его пенсне огорченно сверкнуло. Кролик залез во внутренний карман жилета и выудил большие золотые часы на цепочке. Откинул крышку, посмотрел на стрелки и огорченно цокнул языком.

— До закрытия Портала еще три часа. Все ваши уши?

— Да... Королева со свитой еще в первый день, Болванщик с Мартовским зайцем вчера, Алису не видел, она чего-то там с Красной Шапочкой мутила.

— А мой родственничек?

— Чеширский? — уточнил Кролик, пряча часы обратно в жилетку. — Он вообще исчез. Поначалу сам, а затем и его знаменитая улыбочка. Правда, вчера мне Бармаглот говорил, что Чешир вместе с Котом в сапогах подались в новый мир, но вы же знаете этого Бармаглота, ваша милость? Он болтать любит.

— Ладно, — сказал Василий, напоследок взмахнув хвостом. — Не буду тебя задерживать.

— И то, верно, опаздываю! — Кролик снял цилиндр и вытер лоб носовым платком.

— Ты откуда эту шляпу взял? — любопытствовал Смотритель, с интересом разглядывая маленькое вишневое деревце, растущее между ушей собеседника.

— Шляпу? — Кролик рассеянно покрутил в руках черный цилиндр. — У семейки Муми-троллей. Они ее на крыльце забыли, когда уезжали. А я решил, чего добру пропадать? Вот и приспособил. А что?

— Ты только не волнуйся, — вкрадчиво произнес кот. — Как в новом Лесу окажешься, найди доктора Айболита. У тебя на голове дерево выросло.

Белый Кролик тут же начал стенать, заламывая руки и ныть, почему зря кляня проклятую Морру, подложившую ему такую свинью. Кот усмехнулся в усы. Лучший друг Болванщика всегда был растяпой.

Пройдя через маленькое поле, заросшее высокой пожухлой травой и серебристыми цветами, над которыми не властна была даже осень, Василий вышел к Зачарованному бору. Из-за пожелтевших елок, умирающих от дыхания последней осени ничуть не хуже, чем березы, клены и дубы, внезапно раздались отборные матюги. На поляне возвышалась здоровенная белая печь с едва дымящейся трубой. Рядом с ней на четвереньках стоял Иван-дурак. Рожа у него была злая, красная и порядком перепачканная.

На ковре из еловых иголок в хаотичном беспорядке валялись инструменты.

— Попробуй теперь! — крикнул водила.

— Не фигу подобного! — хриплым басом отвечивал сидящий на печи Колобок.

— Ты на какую педаль жмешь?

— На эту... которая посередке!

— А я на какую просил?! — зарычал Иван.

— Не так уж это и просто — жать на педаль, когда нету ног! — оправдался помощник и, основательно повозившись, всё же умудрился на что-то надавить.

Печь загудела, чихнула, выпустила из трубы маленькое вонючее облачко дыма и скисла. Иван вновь матюгнулся, поминая создателей печи вплоть до седьмого колена.

— Бог в помощь, — произнес Василий, выходя из-за елок.

— А... Смотритель. Привет, привет. Вот блин, заглохла, падла, на полпути!

Из ведра, находящегося за спиной Колобка, выглянула Щука:

— Говорила я тебе, пешком надо было идти!

— А весь скарб кто потащит? — огрызнулся дурак, копясь в груди гаечных ключей. — Или я, по-твоему, должен переть шмотки на своем горбу?

Действительно, на печи живого места не было от сваленного барахла. Создавалось впечатление, что на ней едет не Иван-дурак, а целая армия Лимонов, вкуче с многочисленной семейкой дядьки Черномора.

Щука ничего не ответила и скрылась в ведре, напоследок ударив хвостом и разбрызгав воду.

— Эй! Зубастая! — обиделся Колобок, на которого попала вода. — Поаккуратней там!

— Давно стоите? — поинтересовался Василий.

— Уже с час. Чего мы только не делали!

Над Зачарованным бором раздался рев, и по небу пронеслась железная птица людей.

— Разлетались, мать их! — выругался Иван, проводя машина взглядом. — Не терпится им...

— Одну хреновину Горыныч сбил, так их теперь в пять раз больше налетело, — вновь высунулась из ведра Шука.

— Пора сваливать, — подытожил Колобок. — А то опять будут бухалки скидывать. Давеча они Великана и Мальчика-с-пальчик убили.

— Да как же мы свалим, если эта рухлядь не заводится?! — взорвался Иван и зашвырнул молоток в кусты.

— А по щучьему веленью? — на всякий случай поинтересовался кот.

— Хренушки! — схибно отозвалась Шука. — Скажи спасибо людям! Волшебство ушло. Не действует! Ни мое, ни Золотой Рыбки!

— А Рыбка где?

— Здесь она родимая, в ведре, — Колобок соскочил с печи и подкатился к Ивану. — Хотели подвезти до Портала, а вон видите, милорд Смотритель, как обернулось-то?

— Что сломалось хоть?

— Да шут ее знает, — вздохнул Иван, огорченно почесав в затылке. — Всё перебрал и ничего не нашел.

— А дровишки заложить не забыли?

— Я самолично в топку десяток сосновых поленьев записал! — произнес Колобок.

Дурак в раздражении хлопнул себя по лбу:

— Безногий, ты хоть и башкой вышел, но тупее меня! Какой умник тебя научил сосну пихать?! Печь у меня, отродясь, ни на чем, кроме березы, не фурычила! А я гляжу, чей-то не то! Идет как-то рывками, блин!

— Я ж не знал, — виновато заканючил Колобок.

— Не знал он, — буркнул Иван, подняв с земли топор. — Вытаскивай дрова из топки, а я за березой.

— Как же я их вытащу? — жалобно спросил Колобок. — У меня и рук-то нету.

— А запикивал как?! Так и выпихивай!

Спустя полчаса печь радостно фырчала, разбросанные по земле инструменты были собраны, а Иван-дурак с Колобком весело распевали незатейливую победную песню.

— Смотритель, давай подброшу? — благодушно предложил Иван.

— Вы к Порталу? — на всякий случай спросил кот.

— А то.

— Ну, подбрось, коли не трудно, — согласился он.

Иван дернул рычаг, нажал на педаль, весело гикнул, и печь, гудя и пуская из трубы белый дымок, отправилась в путь.

— Ты-то как здесь оказался? — спросил у Колобка Василий.

— А я что? Я своих проводил и к Ивану покатил. Еще на той неделе обещался ему помочь с отъездом.

— Бабка не переживала, что ты без нее пошел?

— Еще как! Но я ее успокоил, сказал, сегодня прикачусь. Да и не до этого ей было. Курочка Ряба не хотела оставлять Репку, так что...

— Не оставила?

— Нет... Докатали до Портала с грехом пополам. Жучке хвост отдавили... Глянь, осень-то какая!

— Последняя.

— Да не переживайте вы так! — дернул плечом Иван. — Мы ведь живы, и уйти есть куда!

— Надолго ли? — спросила Щука.

— Чего надолго?

— Надолго ли мы задержимся в новом Лесу, говорю? Сказка может уйти и оттуда.

— Не уйдет! — беспечно отмахнулся дурак. — Люди там в нее еще верят, а значит, сказке и Лесу нечего бояться!

— Нью-нью, — пробормотал Колобок, с грустью глядя на мелькающие по краям дороги желтые деревья.

Еще дважды над ними пролетали ревушие машины, но, по счастью, то ли не замечали печь с ее пассажирами, то ли у них были куда более важные дела. Наконец, Зачарованный бор кончился, и печь выехала к Лукоморскому холму.

— Притормози, я тут сойду, — попросил Василий.

Дурак послушно остановил печь, давая коту возможность спрыгнуть на землю.

— Давай, Смотритель, не задерживайся, — сказал на прощанье Колобок. — Уже вечер. Увидимся в Лесу.

— Увидимся, — кивнул Василий. — Я ненадолго.

На холме рос Дуб. Это было единственное дерево во всем Лесу, чьи листья до сих пор оставались зелеными, словно осень не имела над ними никакой власти. Возле дуба сидел облаченный в доспехи человек. Худое, обтянутое пожелтевшей кожей лицо, черные ввалившиеся глаза, крючковатый нос, тонкие губы — всё это делало его похожим на мертвеца. Он неотрывно смотрел на букет бледных нарциссов, лежащих на холмике свежей могилы, в основании которой был воткнут огромный фламберг. Кот никогда не думал, что этот грозный меч когда-нибудь превратится в могильный крест.

— Здравствуй, Кощей.

— Привет, Василий, — ответил тот, не отрывая глаз от цветов.

— Когда?

— Вчера. Рано утром.

— Прости. Я не знал, — неловко пробормотал кот.

— Ничего.

— Как это случилось?

— Как? — Кощей едва заметно пожал плечами, перевел взгляд на пламенеющий горизонт. — Наверное, как и со многими другими. Без волшебства мы умираем.

— Она была слишком сильна, чтобы так умереть.

Друг издал грустный смешок.

— Когда-то ее звали Василисой Прекрасной, но... Ты бы видел, что с нею случилось за последний месяц! Она больше не была прекрасной! Красота исчезла вместе со сказкой! Я не знаю, что произошло, но она стала самой обычной женщиной и не захотела так жить! Она...

Продолжать не имело смысла. Кот и так понял, что произошло. Василиса, как и многие другие, не захотела уходить и выбрала единственный способ...

— Прости, дружище, если бы я только знал... Быть может, я сумел бы ее остановить.

— У меня не вышло ее убедить, а у тебя и подавно бы ничего не получилось. Как они могли? Как?!

— Они — люди. Благодаря им мы существуем и благодаря им — умираем. Такова судьба. Иногда они забывают про сказку, которая живет в них, и Лес погибает. Такое уже было однажды.

— Сказка для них всего лишь бесполезная небылица! Говорят, что дети злы, но взрослые гораздо злее. Зачем они убивают нас?

— Они — люди, — вновь ответил Василий и, сощурившись, посмотрел на заходящее солнце. — Осталось совсем недолго.

— Я не страдаю эскапизмом, — Кощей покачал головой. — Обычно там, где нас нет, хуже, чем там, где мы есть. Стоит ли уходить? Это мой Лес.

— Это и мой Лес, — с нажимом произнес кот. — Не забывай, что я — Смотритель. Но нам надо уйти. Ради..

— Ради кого?! — выплюнул Кощей, и в его глазах полыхнуло пламя. — Ради человеческих детей, которые когда-нибудь вырастут и забудут о нас?!

— Быть может, они будут лучше..

— Быть может... — худые плечи опустились. — Я прожил столько лет, я почти бессмертен. Ты не поверишь, но я очень устал. Устал от этой последней осени. Иногда хочется послать всё к Черномору и сломать ее.

Только сейчас кот увидел в левой руке друга рубиновую иглу.

— Не глупи, — мягко сказал Василий. — Это не выход.

— Для нее это был единственный выход.

— А для тебя — нет. Что я скажу Горынычу? Ты нужен новому Лесу, дружище. Ты нужен сказке.

Он осторожно забрал иглу.

С неба рухнул большой комок перьев.

— Опаздываешь, — произнес кот.

Вешалка выплюнула килограммовый кусок сулугуни и проворчала:

— Угонишься за вами. Думала, последняя ухожу. Спасибо, что подождали старуху.

— Где пропадала?

— Не поверите! — хихикнула ворона. — Уговаривала Избушку на Курьих Ножках свалить, пока не поздно.

— Ну и как? Вышло? — оживился Василий.

— Спрашиваешь! — гордо кивнула Вешалка.

По полю бодрым галопом неслась Избушка. Из нее доносилась отборная брань. Мгновение — и Курьи Ножки исчезли в Портале.

— Неужели Яга перестала упрямиться? — поразился Смотритель.

— Как же! — фыркнула Вешалка. — Старая карга как раз и не хотела никуда уходить. Вопила, что это ее Лес, и она в нем умрет. Только гнездо ее слушать не стало.

Кот приложил лапу к шершавой и теплой коре могучего дуба.

— Прощай, старый друг. Жаль, что ты не можешь пойти с нами.

— Помнишь, как однажды мы обернули его золотой цепью? — совершенно не к месту хохотнула ворона. — И как пьяный Леший усадил на ветки Русалку, а тебе пришлось лезть и снимать дамочку?

— Помню, — улыбнулся кот. — Нам пора. Солнце почти скрылось.

— Я догоню, — глухо сказал Кощей, не спуская взгляда с могилы.

— Уверен? — Василий всё еще боялся, что друг сотворит какую-нибудь глупость.

— Да.

Смотритель внимательно поглядел на Бессмертного и, так ничего и не сказав, начал спускаться с холма. Вешалка, сжимая сыр в клюве, скакала рядом. Возле двери в другой мир они остановились. От солнца остался всего лишь краешек. Минута, может быть, две, и выход закроется навсегда.

— Давай, я сразу за тобой, — сказал кот, и ворона, облегченно кивнув, прыгнула в Портал.

Подбежал запыхавшийся Кощей, разжал кулак, показывая маленький желудь. Бросил прощальный взгляд

на могилу, а потом скрылся в синем мареве волшебной двери.

Василий уходил из Леса последним. Очень хотелось обернуться, попрощаться с родным миром, но времени на это уже не оставалось. Он шагнул в арку, оставив позади себя умирающий Лес, последнюю осень и людей, навсегда лишившихся сказки.

Олег Овчинников

Слово автора:

Мне очень симпатична «Модель для сборки». Она была бы мне не менее симпатична, если бы в проекте не было ни одного моего текста, но моих текстов там много. Мне нравится, как читает Влад Копп и какую музыку подбирает ему звукооператор.

Я помню, что некоторые мои коллеги сочли чтение их текстов на радио нарушением авторских прав. Если это и нарушение, то, пожалуй, одно из самых приятных. Не так часто у авторов есть возможность услышать, как кто-то другой пропускает их тексты через себя. Да и несколько новых читателей не будут лишними, даже если твое произведение дошло до них через уши. А что делать? Шелест страниц слышен всё реже в наше мультимедийное время.

ОПЕРАТОРЫ ОДНОСТОРОННЕЙ СВЯЗИ

(выложен 25.04.2007)

Привет, я один из тех, кто разговаривает в автобусе. И в кабине лифта, стоя в углу и не обращая внимания на мелькание этажей. И когда поздним вечером вы спешите домой, а я бреду вам навстречу по темной улице. Не потому, что у меня в ухе наушник, а на щеке — модная проволочка «хэндс фри» микрофона. У меня вообще нет мобильного. С кем бы я по нему общался? Даже пейджера нет. Я сам как пейджер.

Я разговариваю сам с собой, так думаете вы. Если вам взбредет в голову понаблюдать за мной, вы заметите, что я говорю разными голосами. Но я не шизофреник. Шизофренику никогда не бывает так одиноко.

Я связист. Или связной. Название не меняет сути. Опс, извините, начинается моя передача.

— Эй, кончайте прикалываться, злыдни! Зачем вы меня заперли? Тоже мне, шуточки... Откройте, я же всё равно выберусь! Дверь вышибу или по пожарке слезу. Слышите? Всё, вышибаю... — Минуту спустя: — Крепкая, черт! Все-таки по пожарке... У-у, шатается!

Кажется, всё.

— Извините, это я не вам. Да, да, мне очень жаль. Я же извинился!.. Сами вы прете! Да вам одной на тротуаре тесно! Езжайте в Индию, там на таких, как вы, молятся. Всё, я сказал!

Ненавижу прохожих-скандалистов! Готовы целый час возмущенно размахивать руками и чесать языком, вместо

того чтобы просто сделать шаг в сторону и дать мне пройти. Я же не виноват, что меня периодически накрывает. Можно подумать, я сам выбираю время и место сеанса! Чуть настроение не испортила. Не видно разве: человек на свидание торопится. В чистых брюках. Со стрелочками.

Стрелочки, правда, немного разные получились. Что поделывать, маловато опыта... Так ведь они и в швейцарских часах не совсем одинаковые. По слухам.

Всё, вроде успокоился.

О чем я? Об одиночестве? Ладно.

Мы повстречались прошлой осенью, в парке.

Смешное слово «повстречались». Повстречались, повстречались и разошлись? Я не суеверен, однако не пожалю ни слюны, ни свежевывглаженной рубашки, лишь бы такого не случилось. Тьфу-тьфу-тьфу!

«Повстречались» — значит случайно встретились. И познакомились тоже случайно. Только благодаря поделке из цветной бумаги, иначе бы так и остались незнакомыми, случайными, чужими... Я озабоченно пинал опавшие листья: «Середина октября, время продумывать зимний гардероб. А чего тут продумывать? Заштопать свитер, второй... Самый теплый, с оленями, к сожалению, «восстановлению не подлежит», но, если обрезать и подшить рукава, из него получится отличная жилетка. И ветровка — поверх: зимы в Москве дождливые. В общем, как-нибудь перезимуем. Как-нибудь...» Она недовольно сметала листву к обочине: «Середина октября, теплынь, солнышко. Второе лето за год проходит мимо. Даром что бабье...» Я шаркал подошвами, она — метлой. Она работала с прохладцей, я просто прохлаждался. Я вносил элемент хаоса в золотисто-багряное великолепие, в это унылое очарование для очей поэта. Она пыталась его упорядочить, выметая листья чуть ли не у меня из-под ног, собирая их в аккуратные кучки, сильно смахивающие на заготовки для жертвенных костров. Словом, трудно представить себе пару, менее расположенную к знакомству.

Шарик из сиреневого картона мы заметили одновременно. Он лежал посередине пустой скамейки, забытый кем-то

или выброшенный. Грани на шарике стали заметны, когда мы подошли ближе, каждый своим путем.

Она остановилась, я склонился над скамейкой. Она протянула к шарiku руку в неуклюжей брезентовой рукавице, я оказался проворней.

— Двенадцатигранник, — сказала она тихим голосом.

— Додекаэдр, — согласился я.

Я уже вертел его в пальцах — правда, тогда он был серый и пластмассовый — давным-давно в кабинете алгебры и геометрии. И думал, что все люди похожи на многогранники. Простые и прямодушные — на кубы, более сложные, «с подтекстом» — на додекаэдры, себя же я с юношеской самоуверенностью причислял к икосаэдрам, сплошь состоящим из маленьких хитреньких треугольничков.

С какой стороны ни посмотри, увидишь всего несколько граней, прочие останутся в тени. На них даже можно написать: «эта сторона — для родителей», «эта — для учителей», «эта — для случайных встречных». И только к тем, кто нам по-настоящему дорог, мы стараемся поворачивать свои лучшими гранями.

С годами число треугольничков поубавилось, граненый брильянт икосаэдра потускнел и выродился до чего-то угловатого и плоского. Сторона «А» для тех, кто пройдет мимо и не заметит, и сторона «Б» для тех, кто заметит... и пройдет. В частности, к парковой «девушке с метлой» я неосознанно старался повернуться левым боком. На правой щеке третий день белела полоска пластыря, вернее сказать, уже серела — в память о неудачной попытке заточить тупое лезвие одноразового бритвенного станка. Заметив такую странность в своем поведении, я улыбнулся.

— Можно? — Маленькая узкая ладошка вынырнула из рукавицы, превосходящей ее размерами раза в три.

— Пожалуйста. — Я положил на нее наглядное пособие по наивным заблуждениям детства.

— Картонный, — заметила она с легким сожалением. — У нас в классе был пластмассовый.

Сиреневый двенадцатигранник дрогнул под порывом ветра, и мне пришлось придержать его пальцами, чтобы не улетел.

Девушка с метлой бросила на меня короткий взгляд исподлобья и тут же отвернулась. Я успел заметить лишь красное пятнышко расцветающей простуды — слева над верхней губой. На ее стороне «А».

Две минуты спустя она призналась, что ее зовут Лара. Три минуты спустя я всё еще пытался вспомнить собственное имя. Меня так давно о нем не спрашивали, чаще интересуясь регистрацией... А когда вспомнил — не успел назвать.

Знакомый холодок пробежал вверх по позвоночнику, вздыбил волосы на шее, больно клюнул в темечко. Разошелся электрическими волнами по рукам и ногам, нестерпимо засвербел, уткнувшись в кончики пальцев. Я почувствовал приближение сеанса. И даже зубы стиснул от раздражения: до чего же не вовремя!

Впрочем, когда это сеанс наступал вовремя?

Я повернулся спиной к Ларе и успел сделать несколько шагов по дорожке черного и как будто осиротевшего после расчистки асфальта. Начинать передачу в присутствии новой знакомой почему-то не хотелось. Я еще порадовался про себя: начало эфира по непонятной причине задерживалось. Но уйти достаточно далеко мне не удалось.

— Антон! — раздалось за спиной, и я, хоть имя было не мое, резко обернулся.

— Когда же ты приедешь? — немного нервным, но пока еще контролируемым голосом спросила Лара, глядя куда угодно, только не на меня. — Два часа давно прошли, эти люди сказали, что дают тебе еще полчаса. Верни им деньги, Антон, это всего лишь деньги. У тебя же есть, ты говорил...

Я уставился на Лару как в первый раз. Вернее, не «как» — просто в первый раз, поскольку обычно избегаю пристально смотреть на людей, надеясь, что и они в свою очередь проявят тактичность и не станут пялиться на меня в какой-нибудь не самый подходящий момент. То есть практически в любой...

И увидел бледное лицо с тонкими дрожащими губами, которые стали бы выразительнее, не пожалей их обладательница хоть капельку помады. И слипшиеся волосы цвета сырого песка, спадающие на лоб десятком мышиных хвостиков. И выглядывающие из-под челки глаза неопределенной расцветки: не зеленые, не серые, не голубые...

Они и должны быть такими — никакими, глаза связаного во время сеанса.

Из-под казенного фартука выглядывали потертые джинсы и мятая трикотажная майка. Стоптаные кроссовки, почти слившиеся цветом с окружающей серостью, завершали ансамбль. Всё сходится. Нам незачем заботиться о внешнем виде. Не для кого.

— Антошечка, милый, приезжай поскорее, пожалуйста! Мне не нравится, как на меня смотрит этот лысый!

Взгляд в никуда, закушенные губы... Я не в первый раз наблюдал передачу со стороны. А вот собственной шкурой почувствовал начало сеанса — чужого сеанса — пожалуй, впервые. Почему бы?

Впрочем, когда посланное сообщение нащупывает надлежащий пейджер, оно тоже сперва пару секунд трещит и булькает помехами в случившемся на пути луча телевизоре, радиоприемнике, даже в электрических розетках. Говорят...

И вдруг громко, не своим — с самого начала не своим, но теперь к тому же полным отчаяния — голосом:

— АНТОН! Я БОЮСЬ!

Всё.

И сразу — распахнутый рот, два судорожных вдоха без промежуточного выдоха, изломанная поза с упором на рукоять метлы и прорвавшаяся плотина слез. Истерическая реакция. К слову сказать, не самая худшая.

Я уже был рядом. Обнимал за плечи — неловко, как умею. Ничего не говорил, только гладил по волосам, как будто успокаивал десяток дрожащих мышек. А что тут скажешь? Что всё прошло? Что всё уже кончилось? И в любой момент может начаться опять?

Это она и без меня знает.

— Почему она не сказала адрес? Телефон? — слабым, но уже собственным голосом пожаловалась Лара. — Хотя бы фамилию! Я могла бы приехать, поднять на уши соседней. Или, я не знаю, позвонить в милицию. Господи, ну почему они никогда не говорят фамилию и адрес!

Я сжал покрепче худые вздрагивающие плечи и порадовался тому, что парк в этот час практически безлюден. Только вдалеке по одной из боковых аллеек прогуливалась молодая пара с детской коляской. Счастливые... За собственными большими радостями и мелкими заботами им дела нет до тетки в дворницком фартуке, которая сначала закатила шумную истерику, а потом бросилась на шею своему невзрачному кавалеру — мириться. Кстати, так и не выпустив из рук верное орудие труда. Вот и стоят в обнимку все трое: он, она и метла.

— Не злись, — посоветовал я. — Они ведь даже не догадываются, что мы их слышим. Думают, что кричат в пустоту.

Потом вздохнул и добавил:

— Лучше бы так оно и было.

Я проходил это. По молодости тоже пытался отыскать, помочь. И рядовому запаса, которого бросила невеста. И выжившему из ума старику, который во время прогулки сбежал от сиделки, гордился своей проделкой минуты три, а после до глубокой ночи искал собственный дом. И особенно студентке, забывшей в автобусе папку с дипломной работой. Все три отпечатанных под копирку экземпляра, за несколько дней до защиты. До чего же мне хотелось ее найти! Но как? Бегать по улицам, заглядывать в глаза?.. В надежде узнать, успокоить, объяснить, что есть на свете вещи и похуже потерянной папки. И получше — тоже есть.

Ведь иногда человеку нужно так немного, чтобы перестать чувствовать себя несчастным. Хватит и доброго слова. И теплого взгляда.

А однажды, два года назад, я не выдержал. Мне неделю не давала покоя девочка лет пяти. Днем еще ничего, по-видимому, в детский сад ее возили куда-то в отдаленный район, зато по вечерам она стабильно с 21 до 23:00 рыдала

о пропавшем щеночке. Видимо, лежа в постели. Видимо, отвернувшись к стенке и уткнувшись лицом в подушку, чтобы не слышали родители. Причем по чистоте сигнала было ясно, что его источник находится где-то рядом. Девочка жила в моем дворе, максимум в соседнем, и ее отнюдь не маленькая трагедия не давала мне спать по ночам.

Я обегал весь район. Заглянул во все подвалы, незапертые подсобные помещения и расщелины между гаражами. И наконец нашел это курчаво-пятнистое чудо (благо из сбивчивых жалоб девочки успел составить примерный портрет пропажи) на двенадцатом этаже строящегося неподалеку дома. Само оно туда забралось или затащили хулиганы-мальчишки — щенок не отвечал. Только скулил и жался к полу. Я взял его домой, накормил, согрел. На следующее утро обвешал все столбы в районе образцами своего почерка. «Найден щенок, порода неопределенная, окрас — все цвета радуги, кроме, кажется, зеленого. Потерявшим убедительная просьба...»

И еще неделю после этого сам зарывался головой в подушку, чтобы не слышать невыносимое «Кузя, где ты?». Но подушка не влияла на четкость сигнала, а от детского голоса подолгу болели связки.

Пятилетняя девочка не умела читать. А ее родители либо не замечали моих объявлений... либо хулиганы-мальчишки были тут ни при чем.

Через неделю сеансы связи пошли на убыль. Детское горе недолговечно. Я хотел оставить щенка себе. Потом подумал и отдал в приют. Кому нужен такой хозяин.

Кому мы вообще нужны...

— Мы? — Лара подняла на меня глаза — два стоячих омута, готовые в любое мгновение снова стать проточными, и повторила за мной: — Мы их слышим? Ты тоже?

— Тоже, тоже.

Недоверчивый взгляд... пожалуй, что карих глаз.

— А... давно?

— Четырнадцать лет. А ты?

— Шесть. Шесть с половиной. Мне тогда пришлось уйти с четвертого курса.

Я вздохнул, поделив сочувствие на три части: себе, Ларе и шарикку из сиреневого картона, смятому до неузнаваемости во время сеанса. Это я тоже проходил. Таким, как мы, об учебе лучше забыть. И о нормальной работе лучше забыть. Особенно о той, которая предполагает частое общение с людьми. Не только потому что тебе в конце концов надоедают косые взгляды коллег и клиентов, ставших невольными слушателями не им адресованной передачи, просто... В какой-то момент ты понимаешь, что не очень-то хочешь видеть людей. Всех, без разбора, со всеми их слабостями, проблемами и душевными воплями.

Кажется, как раз для таких, как мы, придуманы профессии дворника, ночного сторожа, кочегара в котельной... Правда, последний в случае затянувшегося сеанса рискует оставить весь район без горячей воды.

В Лариной каптерке, похожей на поставленный на попа цинковый гроб, обнаружилась вторая метла. Старая, но мела она, вопреки пословице, чище новой.

А поговорить под слаженное вжиканье метел нам было о чем.

— У тебя было так, чтобы с риском для жизни?

— Сто раз! Дважды — когда дорогу переходил. Потом еще раз, когда в трамвай садился. Ну и на день города — просто в толпе. Чуть не затоптали.

— А остальные девяносто шесть?

— Лара! Не будь занудой.

И под гулкое уханье лома:

— А в самый первый раз, когда тебя накрыло, ты что подумал?

— То же, что и все, кто как раз оказался рядом. Что схожу с ума.

— А тебя забирали... Ну, в больницу?

— Шутишь? Меня бы оттуда никто не выпустил. Столько абонентов под боком, передачи шли бы без перерыва. Круглосуточно! Нет, больницы с поликлиниками я обхожу за километр.

— И дома престарелых.

— И роддома.

— О-ой! Не напоминай!.. А как ты думаешь... Почему это случается именно с нами?

— Не знаю.

— А... это когда-нибудь кончится?

— Не знаю.

— А...

— Лариса! Если я буду так часто пожимать плечами, тебе придется долбить лед в одиночестве.

И под скрежет деревянных лопат по асфальту.

— А как ты чувствуешь, что вот сейчас тебя абонируют?

— Ларусь! — Предыдущее придуманное мною ласковое прозвище Ларек почему-то не прижилось. — Мне не нравится, когда ты говоришь «абонируют». Я же не лежа в театре и не банковская ячейка.

— Ну, вызывают.

— Да что я чувствую... Холод чувствую. Мурашки. И покалывание. Голова болит.

— Виски или затылок?

— Темечко. О! Кстати, вот... накликали! Извини... Эй! Какой умник опять засунул Кешу в мусоропровод? Вы что, думаете, это смешно, что ли? Ну, погодите, оболтусы, вот поймаю... Иди сюда, Кешенька, сладкий мой... Фу, какой же ты грязнуля!

Тридцать первого декабря перед началом рабочего дня Лара торжественно вручила мне пару вязаных перчаток и шарф. Очень своевременно, хотя и непонятно, когда же она успела их связать? Я, немного смущаясь, достал из кармана маленький хрустальный додекаэдр. Напоминание о нашем знакомстве, которое можно сжимать в руке хоть тысячу сеансов напролет, не опасаясь раздавить. И потом, что это за медиум без магического кристалла? Несмотря на несоответствие практичного и сентиментального, Лара казалась очень довольной моим подарком. У меня тоже изрядно потеплело на душе, не говоря уже о вечно мерзнущих руках и шее. Мы весело покидали снежок, еще раз поздравили друг друга с Новым годом — и расстались

до следующего дня. Рабочего, несмотря на праздничную раскраску календарика.

Иногда я провожал Лару до подъезда. Домоуправление — или как оно сейчас называется? — щедро выделило ей комнатку на первом этаже. Без окон, зато с отдельным входом с улицы. Ко времени нашей встречи Ларе оставалось блюсти чистоту окрестного асфальта семь лет с небольшим, чтобы стать полноправной владелицей этих дармовых хором размером чуть больше парковой каптерки. В саму комнатку я не заходил. И через открытую дверь было видно, что двоим внутри попросту не развернуться.

Пригласить Лару к себе я тоже не решался. Хотя обитал вообще-то в нормальной однокомнатной берлоге, помимо отсутствия телефона, телевизора и практически всей мебели имевшей всего три недостатка: счета за газ, воду и свет. В сумме они обычно превышали все мои случайные заработки и приработки за месяц. Нет, не три. Четвертым недостатком были соседи. Со всех сторон. Слишком много соседей.

Взрослые ладно, они, как правило, сдержанны, детей разумного возраста тоже можно терпеть, они отходчивы. Но когда я вижу, как у соседнего подъезда останавливается машина и из нее выносят сверток из одеяла, перевязанный голубой или розовой лентой, мне хочется сменить место жительства. Или попросту бросить и стать «без определенного...». Будто было что-то определенное в моих четырнадцати метрах полезной площади.

Но есть и другой выход. Любым путем раздобыть нужную сумму денег и приобрести в ближайшем продмаге ящик самой дешевой водки. А лучше — два. Иначе не пережить.

Первые три месяца еще ничего. Ну холодно. Ну покормить забыли. Ну животик заболел. Почему бы не поскулить об этом тихонько? Под настроение.

Но когда они начинают узнавать своих, к тому же входят в голос... тут-то и начинается сущий Ад. Пекло. С которым ничего нельзя поделаться. Разве что вместе с маленьким сучить ножками и вопить от невозможности облечь в слова простенькие, но мощные чувства.

Или периодически пытаться залить адское пламя алкоголем. Три раза по сто грамм перед сном — и «будь спок!», как говаривал известный всему миру детский доктор. Ночь пройдет без сновидений.

Кстати, что бы ни думали по этому поводу Бенджамин Спок с коллегами, кричат они главным образом не от голода, боли, страха или скуки, а оттого, что хотят каждый раз, просыпаясь, видеть перед собой родное лицо. Разве это так много?

Ужасно много, на мой взгляд. Со мной, к примеру, такого не случалось ни разу.

Это проходит, когда им исполняется полгода. Видимо, в этом возрасте приходит обидное понимание, что не всё и не всегда в жизни получается так, как нам хотелось бы.

Нашим с Ларой отношениям, текущим куда-то вяло-повялу, тоже на днях исполняется полгода. Наверное, поэтому вчера, отмахав свое, я предложил Ларе:

— Завтра у тебя выходной. Может... сходим куда-нибудь?

— Ты приглашаешь меня на свидание? — спросила она очень серьезно, не зная, куда девать глаза и руки в неуклюжих рукавицах.

— Да нет, просто... Да, — быстро поправился я, поймав на мгновение ее беспомощно метущийся взгляд.

Лара подумала еще немного, разглядывая очертания ладони, как будто пыталась увидеть линию судьбы сквозь мягкий брезент.

— Хорошо. Только пусть в этом месте...

— ...будет поменьше людей, — закончили мы хором.

Я рассмеялся. Она тоже улыбнулась.

Домой я вернулся только под утро, весь бледный и седой от цементной пыли. Даже не вернулся — заскочил, чтобы наскоро переодеться, отмыться, побриться, погладиться... Правда, переодеться оказалось не во что, так что пришлось в авральном режиме еще стираться и сушиться. В общем, заскочил на минутку и задержался на четыре часа. Полчаса из которых, будто подросток, провел перед зеркалом. Разглядывал ямочку на подбородке, о существовании которой успел забыть.

Вышел из квартиры сверкающий, благоухающий... и отчаянно зевающий. Сказывалась ночь, проведенная на разгрузке вагонов. Зато мятых бумажек в кармане теперь хватало на обед в кафе. Каком-нибудь загородном, безлюдном, где появляются только автомобилисты и только по вечерам. Такие, как мы с Ларисой, всегда тяготеют к окраинам. Внутри МКАД нам становится шумно.

Я шел по улице, щурился на апрельское солнце и сам себе не верил: неужели и вправду свидание? Настоящее свидание, как у нормальных людей, с цветами и шам... Шам, шам... Что это я вдруг зашамкал? Да, шампуня пришлось вылить полтюбика, потом минут пятнадцать расчесывать волосы, которые от воды начало потихоньку прихватывать, потом снова промывать... Цемент оказался въедливым — куда там местному участковому.

Кстати, о цветах.

— Баб Глаш, дай-ка мне вон тех, мохнатеньких.

— Скока? Три?

— А сколько же.

— Кто тебя знает. Может, на кладбище собрался.

— В глаженной рубашке?

Моя ирония осталась незамеченной.

Баба Глаша тоже из наших. Нелюдимая, неразговорчивая, зимой она перебивалась сбором стеклотары, а с марта по октябрь подпирала стену универсама с ведерком цветов. Где она их берет, я не в курсе. Летом, понятно, собирает урожай с городских клумб, но в апреле-то? М-да, загадка...

Сурово поглядывая из-под косынки, женщина-загадка выудила из разномастной толпы цветов пушистую белую гвоздичку, протянула мне. Выбрала вторую — тоже белую, но как будто с розоватыми ноготками на концах лепестков. Потянулась за третьей, но на полпути помутнела взглядом да так и застыла — с занесенной рукой.

А я вздохнул и услышал:

— Андрюшенька... Это даже хорошо, что ты не смог приехать. Не хочу, чтобы ты меня видел такой. Все вокруг, как сговорились, только и твердят, как я чудесно выгляжу и как

быстро поправляюсь. Но я же вижу, как они на меня смотрят, когда думают, что я сплю. И почему у меня отобрали зеркальце? Правым-то я уже вполне могу смотреть. Андрюш, пойми... Я разговаривала с Галиной Владимировной, и я всё решила. Два-три месяца роли не играют. Господи, прости! Сына, в последний раз: ты ни в чем не виноват! Всё, прощай, Андрюшенька.

— До свидания, баб Глаш... — Я выдернул из ведерка третий цветок, вложил в протянутую руку часть мятых бумажек и удалился быстрым шагом, не дожидаясь реакции на сеанс. Не выношу, когда плачут старики.

Поймите, мы не медиумы. Медиум означает посредник. Между человеком и Богом, миром «духов» и людьми, короче, между кем-то и кем-то. А мы — связные между непонятно кем и пустотой. Как полупроводники. Как мятые конверты со штемпелем: «Адресат выбыл». Как бутылки с запиской, проплававшие в океане так долго, что не осталось в живых ни автора письма, ни получателя, да и сам язык, на котором оно написано, давно перешел в разряд мертвых. Но больше всего мы похожи на пейджеры. Нас потеряли владельцы, но мы будем исправно доставлять сообщения для никого, пока не сядет батарейка.

Мы не виноваты, что мы такие. И мы ни в чем не виним вас. И уж ни в коем случае не ненавидим. Но и для любви к вам, согласитесь, у нас нет особых причин.

Возможно, наше сверхчувственное восприятие могло бы принести хоть какую-то пользу, будь у вас чуточку больше терпения и здравого смысла. Ну неужели трудно предварять каждый крик души коротким предисловием: «Я, фамилия имя отчество, телефон... зарегистрированный по адресу... взываю к абоненту номер...»

Шучу.

Мрачно шучу.

Шути с оглядкой, как сказал один шут другому, все мы, братец, под колпаком.

И главное — чего завелся-то? Глупо же: давно пора привыкнуть. И на редкость не вовремя. Не хватало еще

опоздать на свидание! Первое за последние... не помню, сколько лет. Надо бы свериться с паспортом.

Лара ждала меня на улице, рядом с персональным входом в личные апартаменты и, кажется, слегка уже изнемогала от ожидания.

— Привет! Как дела?

— Ничего...

Так всегда. На вопрос «Как дела?» Лара неизменно отвечала либо «Хорошо», либо «Ничего», как будто речь шла о покойниках.

— Ну что, пошли, что ли?

— Пошли...

Шагая рядом, я украдкой поглядывал на Лару, размышляя, не слишком ли нагло будет с моей стороны взять ее за руку. Так ничего и не решил. Вместо этого сказал:

— Да. Это тебе.

— Спасибо. — Она взяла мой скромный букетик и обеими руками прижала к груди.

Видно было, что Лара тоже всерьез готовилась к нашей встрече. С джинсов куда-то ушла почти вся потертость, отмытые до изначального цвета кроссовки уже не казались такими стоптанными, а свитер на Ларе был то ли новый, то ли я прежде не замечал его под рабочим фартуком и пуховиком. Вдобавок она наконец избавилась от челки. Десять мышиных хвостиков собрались в один большой — на затылке, правда, цвет волос не изменился, и от этого Лара стала похожа на, скажем так, королеву-мать из мультфильма про Щелкунчика. Каюсь, неудачное вышло сравнение, зато я получил возможность любоваться ее глазами... по-моему, все-таки карими.

По дороге в автобусе мы почти не разговаривали. О чем? О погоде? О трудовых успехах? О планах на будущее? О чем-нибудь еще, о чем не успели переговорить раз по десять под аккомпанемент метел и лопат? Скажем, о любви? В самом деле, почему бы двум умеренно привлекательным и нестарым еще людям не побеседовать на эту волнующую тему?

Ах, не смешите меня!

Так что мы просто молчали. И даже без необходимости старались не смотреть друг на друга. Думаю, Лара уже забыла, когда ее в последний раз приглашали на свидание. А я, сколько ни рылся в памяти, так и не вспомнил, было ли в моей прежней жизни что-нибудь, достойное забвения. Поэтому, подозреваю, мы с Ларой чувствовали себя в равной степени неловко, оба не знали, как себя вести, и за время пути успели не раз и не два пожалеть о том, что вообще затеяли всё это. Я так точно успел.

Оставалась, правда, робкая надежда, что разговор сам собой как-нибудь завяжется, когда мы доберемся до места. Но вот мы отыскивали пустующее кафе, разбудили официанта и с удобством расположились на стульях с подгибающимися ножками за круглым столиком из красной пластмассы, а неловкое молчание между тем никуда не делось. Напротив, стало совершенно невыносимым.

В конечном итоге мы всё же заговорили. Как ни странно, о любви. По крайней мере это слово витало над столиком чаще других.

— Хорошо, что весна, — первой нашлась Лара. — Не люблю зиму.

— А я люблю, — парировал я и добавил, уже смелее: — Люблю работать зимой снежным первопроходцем.

— Как это?

— А так. Кто, по-твоему, прокладывает тропинки между сугробами?

— Люди.

— Да? А кто идет первым, чтобы остальные поняли, что тропинка должна проходить именно здесь?

— Ты?

Я ограничился исполненным достоинства кивком.

— А я не люблю снег. Он тяжелый.

— А я люблю. Он похож на эскимо.

— А я не люблю эскимо.

— Сочувствую.

— Не за что! Зато у меня до тридцати не было ни одной пломбы, — похвасталась Лара и демонстративно оскалилась.

Я не поверил, конечно, — месяца полтора назад она говорила, что ей двадцать семь, — но на всякий случай позавидовал.

Неловкость куда-то исчезла, как исчезла со стола пепельница, набитая доверху чьими-то окурками, — незаметно, без следа. Мы болтали как дети, ни о чем, прячась от солнечных лучей под парусиновым зонтом с надписью «Клинское». Как вдруг солнышко скрылось за облаком, кося тень упала на Ларино лицо и неприятный холодок пробежал по спине.

Слишком знакомый холодок, не имеющий отношения к капризам погоды.

Ну, и кого на сей раз? — с тоской подумал я. Меня или Лару? За время знакомства я научился чувствовать ее вызовы как свои собственные. Правда, так и не научился их различать.

Я на всякий случай взял Лару за руку — она по-прежнему чересчур болезненно реагировала на сеансы — и внимательно взгляделся в ее лицо. Из карих глаз стремительно уходили цвет и выражение.

— Почему ты не-е-е... — тихо, на пределе слышимости спросила она. — Почему ты не звонишь?

Помехи и громкость голоса — вернее, его тихость — свидетельствовали о чрезвычайной удаленности источника. Не межгород, конечно, но до абонента точно не один километр. Хотя кто знает, от чего, помимо расстояния, зависит качество сигнала? Может, от желания быть услышанным?

Я не столько слышал ее, сколько читал по губам. Тонким и дрожащим. Единственному островку жизни на окаменевшем лице.

— Чего стоили твои слова в тот вечер? Или ты врал? Алексей... Надеюсь, хотя бы с именем ты меня не обманул? Так вот, Алексей. Если ты не позвонишь сегодня, я никогда и никому больше не поверю.

Значит, все-таки Лару... Я вздохнул, испытывая смесь сочувствия и стыдного облегчения.

Как оказалось — рано!

Тупая игла по-хозяйски вошла в затылок. По рукам и ногам пробежала судорога, как от удара электрошоком. Кончики пальцев зачесались, словно у вора-карманника при виде пухлого кошелька.

В следующее мгновение мир вокруг стал черно-белым, а мой собственный голос — чужим. Сделался моложе, резче...

Несчастнее?!

— Эй, где ты бродишь третьи сутки подряд? И что у тебя с телефоном? Ты же говорила, что звонить можно в любой день, начиная с полпятого. Когда же он наступит, твой любой день?

Наверное, со стороны мы смотрелись престранно. Два медиума, накрытых одновременным сеансом. Два пейджера, трезвонящие на разные голоса: один пронзительно, другой чуть слышно, как из последних сил.

— Ты говорил: завтра же! Ты говорил: обязательно позвоню. Ты говорил: не волнуйся, Верунь, я всегда говорю только...

— ...ни полпятого, ни полдевятого, ни даже в полседьмого утра. Такое впечатление, что ты перешла на круглосуточный метод работы!

— ...же твоя правда? Я не хочу думать, что... Что?

— ...напросто начинаю волноваться. Или тебе настолько безразличен мой звонок? В таком слу... Эй, кто тут?

— Что? Кто это говорит?

— Я. А с кем? И... как?

— Лешка, ты?!

— Верка? Верка, чумичка, куда ты пропала? Почему не берешь трубку?

— Это я не беру? Почему ты не звонишь?

— Я?! Да у меня мозоль на пальце от твоего номера.

— Какого?

— Какой продиктовала. 212-85-06. Видишь, наизусть выучил.

— Ноль семь!!!

— Что?

— Ноль семь, дурилка! Последние цифры — ноль семь.

— Что? Говори громче, связь ужасная!

— Какая связь?!

— Какая... Я не знаю! Как ты это делаешь?

— Как я?! Как ты это делаешь?

Как мы это делаем, хотел бы я спросить у Лары. Хотя бы взглядом. Если бы он мне хоть чуть-чуть подчинялся.

Связь, говорите, ужасная? Ну-ну! Погодите, вот расцепим руки...

На самом деле расцепить руки — последнее, чего мне тогда хотелось. Даже умереть, наверное, было бы не так страшно.

— Я не знаю.

— И я не знаю. Ты перезвонишь?

— Конечно, сейчас!

— Ноль семь, запомнил?

— Конечно. Не вздумай снова пропасть! И ничего не бойся, слышишь?

— Слышу.

— Я люблю тебя.

— Я... тоже.

Всё...

И я ни за что не признаюсь Ларе, что мое «всё» наступило репликой раньше. Впрочем, глаза напротив тоже подозрительно покоричневели, а голос дрогнул слегка, до того как тонкие губы прошептали: «Я... тоже».

Что «тоже»? М-да, загадка...

Лара держала меня за руку и улыбалась сквозь слезы. Я тоже держал ее за руку и, к счастью, не видел собственного лица. Глупейшее, должно быть, прилипло к нему выражение.

Только с таким и можно, не мигая и не жмурясь, смотреть на чудо. Ведь, согласитесь, это маленькое чудо, когда два додекаэдра намертво сцепляются всеми двадцатью четырьмя гранями. Когда брошенная в океан бутылка через некоторое время возвращается — против всех течений! — с ответом и обещанием скорой помощи. А два ущербных пейджера совместными усилиями обеспечивают вполне сносную сотовую связь.

«Значит, все-таки можем? — спрашивал Ларин взгляд. — Все-таки чего-то да стоим?»

Вслух говорить она вряд ли могла. Наверняка дальняя связь сорвала ей связки.

Я тоже промолчал, из солидарности. Только пожал плечами, всем видом изображая легкомысленную самоуверенность. «Естественно! А ты что, сомневалась?» И покрепче сжал маленькую узкую ладонь.

Она ответила на пожатие. «Да уж. И ведь неплохо получилось — для первого раза».

«Какого еще первого раза?! — Брови недоверчивыми пчелами взметнулись на середину лба. — Что значит первого раза?!»

Но Лара только улыбнулась еще шире и загадочней...

Ну вот, на этом я, пожалуй, закруглюсь.

Нет, все-таки добавлю еще кое-что от себя. Да, Лара, добавлю. И нечего пинать меня под столом. От таких намеков портятся стрелочки на брюках.

В конце концов я столько лет озвучивал чужие стенания, проклятия и мольбы о помощи, что наверняка заработал право на одну маленькую встречную просьбу.

Итак, дорогие мои абоненты, убедительная просьба к вам. Пожалуйста, не бойтесь занять место рядом со мной в автобусе. Это не заразно. Не выбегайте при виде меня из лифта или хотя бы дождитесь своего этажа. И не спешите переходить на другую сторону плохо освещенной улицы. Лучше подойдите поближе, возьмите за руку, если это не сложно, и внимательно вслушайтесь в мой лепет, который кажется бессвязным только на первый взгляд. И тогда, не исключено, вы услышите что-то важное именно для вас.

Вот теперь действительно всё. Всем пока.

Что?.. Лара, ты восхитительная зануда!

Конечно же, правильно говорить: до связи!

Андрей Николаев, Сергей Чекмаев

Слово автора:

Свои тексты в исполнении «Модели для сборки» я впервые услышал по радио, совершенно неожиданно, и тогда еще подумал: «Жаль, что я не знал раньше, предупредил бы друзей — тоже бы присоединились. Незаметно». А когда я вошел в команду, основной задачей для себя выбрал абсолютную правовую прозрачность текстов, то есть теперь рассказы в «Модели» читают только с любезного разрешения авторов. И, разумеется, авторы знают день, время и место выступления. А по мере возможности мы снабжаем их и записями.

Лучше бы это маленькое предисловие писал мой соавтор и друг Андрей Николаев. Литературному редактору тяжело оценивать весь проект в целом, так сказать, изнутри. Думаю, мой соавтор не отказал бы МДС — в далеком 2008 году я взял на себя смелость решить за нас обоих. Но, к сожалению, тогда Андрея уже не было с нами. С тех пор каждую новую публикацию этого рассказа я неизменно посвящаю его памяти. Особенно эту, юбилейную — голос Влада Коппа, музыка Андрея Эддисона и Михаила Габовича сделали из нашей истории целое фантастическое приключение.

РЕЛИКТ

(выложен 09.05.2008)

Полосатый зверь подышал. Брюхо его было распорото от грудины почти до хвоста. Исходящие паром внутренности неопрятной кучей волочились следом, когда зверь перекатывался по влажной траве, пытаясь ухватить их зубами. Неподалеку стая таких же остромордых и полосатых рвала на куски гигантскую птицу. Та еще пыталась отбиваться, достать хищников огромным изогнутым клювом, но это была агония.

— По-моему, этот подойдет.

— Мелковат.

— Он и должен выглядеть игрушкой, ему умиление вызывать надо, а не инфаркт. Но какие повадки, а? Охрана — это та же охота, только со знаком плюс. Всё должно быть на уровне инстинкта, подсознательно. Через миллионы лет ему равных не будет. В некотором смысле эволюция — это вырождение, и какой-нибудь мастино или ротвейлер для него просто боксерская груша! Заменяем...

— Эволюция не может быть вырождением по определению.

— ...заменяем когти, зубы, поставим на крайний случай плазменный заряд.

— Да он ноги таскать не сможет!

— А мы усилим скелет, мышцы, потренируется полгода, побегает. Нет, я думаю, это то, что надо.

— Какой-то он неуклюжий. Так вот подставиться...

— Неуклюжий? Да он лидер! Он же первым бросился на эту жирафу в перьях.

— Ну, как знаешь. А если не согласится?

— Выбора у него нет. Иначе свои сожрут. Как только доедят птицу. Всё, начинаем, а то поздно будет.

Возле бьющегося тела в полупрозрачном столбе света возникли два человека.

Несколько зверюг, опоздавших к пиршеству, направились к своему неудачливому собрату, но, ткнувшись острыми мордами в невидимую преграду, остановились в недоумении.

Глаза зверя, подернувшиеся предсмертной пеленой, прояснились. Он увидел свое распоротое брюхо. Потом взглянул на рвущихся к нему сородичей и попытался завыть. Но сил уже не было.

— Фу, какая вонь.

— Да, ему досталось... Кишки наружу, но это не проблема. Ты с его мозгом поработал? Так отойди в сторону, теоретик.

Один из людей, наморщив нос, отошел в сторону, а второй присел на корточки, приподнял мокрую от слюны и пены морду зверя и посмотрел в тоскливые, слезящиеся глаза.

— Ну, здравствуй, приятель, здравствуй. Вот, этот теоретик считает, что ты неуклюжий неудачник, а я совсем другого мнения...

Сегодня меня опять ловили. Сижу себе в песочнице, ребятню развлекаю. Сереньке, как раз, последний кружочек на пирамиду помогаю надевать. Серенька веселый, а чего ему? Подгузник еще сухой, хотя и потяжелел изрядно. И песок можно есть прямо лопаткой — пока мамка отвлеклась, по мобильнику с кем-то треплется.

Слышу — едут. Я эту машину противную уже давно выучил. Точно! Заруливают. Ну-ну... Сегодня я решил не прятаться. Ну, сколько можно, а? С начала весны тут ошиваюсь, а эти всё норовят подцепить. Я слышал, как мордатый с петлей всё ходил, приговаривал:

— Ничего... в следующий раз мы тебя, буль проклятый, точно возьмем! Зуб даю.

Это он меня зовет так. Я и вправду на бультерьера похож. Морда клином, только побольше да помохнатей, серый в темную полосу.

Мамаши детей похватали, кто на руки, кто в коляски и подальше. Я тоже из песочницы ушел — там города всякие построены, пирамиды, зачем разрушать? Отошел в сторону, сел на хвост, жду. Хвост у меня толстый, удобный.

Идет этот мордатый, куском колбасы помахивает:

— Жрать хочешь, небось, а? На, ешь...

Бросил колбасу мне, палку с петлей наострил, примеривается. Понюхал я; колбаса как колбаса, ничего лишнего: мясо, крахмал, хвосты крысиные. Не стал мордатого разочаровывать, подошел и съел. А пока ел, он петлю мне на шею накиннул, к машине обернулся и кричит:

— Утюг, Утюг, я его взял!

Пока кричал, я веревку перекусил, по петле когтем чиркнул, отошел и опять на хвост сел.

Из кабины вылез Утюг, такой же мордатый, небритый, только ноги короткие. Топает к нам:

— Ну, и где твой буль?

— А-а, гад, петлю скусил!

— Что ты мне втираешь?! Инвентарь проверять надо! Где ты видел собак, которые петлю перекусят?

— Да ты чего, Утюг, не веришь? Сам посмотри...

Тот отмахнулся:

— Ладно, сейчас мы его сеткой возьмем.

Долго они за мной по двору бегали. Сначала с лаской, с уговорами. Потом, когда сетка запуталась окончательно, стали слова всякие говорить. Бабки у подъезда, на что привычные, и те покраснели.

— Эх, — вздохнул наконец Утюг, упарившись. — Вот ведь оно как бывает.

И уехали. Жучку, правда, приبلудную прихватили, не успел я помешать. Хорошо, что дети не видели, уж очень ласковая была Жучка. Она не за колбасой к мордатым пошла. За лаской. Ее кто погладил, тот и друг. Ведь и у людей тоже так бывает.

Тут и Наташка моя из подъезда выскочила, я — к ней, понятно дело. Бабка Катя — сегодня при параде, в цигейке и подшитых валенках — кричит:

— Слышь-ка, опять сегодня Амура твоего поймать хотели.

Наташка в слезы.

— И-и что-о...?

— А он им веревку отъел.

— Так, баб Катя, вы б сказали, что собака не бродячая, моя собака.

А сама присела, гладит меня. У меня шерсть толстая такая, плотная, как на ковре.

— Эх, девонька, кто ж старуху послушает. У них план, а собака без ошейника. Но я, правда, им кой-чего сказала.

— Я представляю, — смеется Наташка. — Амур, пойдешь со мной в магазин?

Конечно, пойду. Куда ты, туда и я. Один раз две остановки бежал. Ей в книжный надо было, через три квартала, вот и бежал. Кто меня в автобус пустит?

— Наташ, а ты мать уговорила бы, — это бабка Катя опять, — возьмите собачку-то. Небольшая, но смотри, какая серьезная. Как он того кобеля погнал! Боец!

С неделю назад забежал во двор одичавший доберман. Кидаться на всех начал, ну я его и придавил малость. Мигом опамятовал.

— Да всё никак, — пригорюнилась Наташка, — ты, говорит, поиграешься и всё, а мне за ним ходить. А он ведь меня и в школу провожает, и из школы ждет.

Ничего, думаю, мы маму Таню как-нибудь сообща уломаем.

У магазина я присел в сторонке, чтоб собаки не косились. Они хоть и чувствуют, что родня, но уж больно дальняя. Это точно. Там, откуда меня взяли, собак не было. Ну, в любом случае, другие зверюги еще меньше подходили. Волкодава какого-нибудь двухметрового мама Таня в дом ни за что не пустит. А человека к девчонке-школьнице не приставишь — заметно слишком.

Наташка вышла, сумку тащит. Я подошел, зубами за ручки хватать — давай, мол.

— Куда тебе, Амурчик, она ж больше тебя.

А ты дай и всё!

— Ну на, держи.

Я в холке и вправду невысок, не выше бульдога. Но сумку просто взял за ручки, на спину забросил и потрусил домой. Самое главное: ручки не перекусить от усердия. Наташка чуть не завизжала от восторга.

К подъезду подходим, а там как раз мама Таня с работы идет. Присела с бабкой Катей мнениями обменяться. Удачно! Сейчас поведем атаку по всем правилам.

Бабка Катя тоже на нашей стороне:

— Ну, ты смотри, Танюш, золотая зверюга! Сумки на спине носит! Скоро у меня папироски стрелять будет. Взяла бы его к себе. Не место ему на улице, ученый пес.

Я сумку поставил, а сам головой в руку мамы Тани тычусь: ну посмотри, какой я!

— У-у, зверище, — и по холке меня треплет. — А кормить-то тебя чем, а? Вон, какой толстый.

Это я толстый?! Просто конституция такая. Да и ем всё, чего не дай. Не хватит — крысы на помойке пока не перевелись. Не первой.

— Ну, мам, ну давай возьмем, — Наташка чуть не плачет. — Пожа-алуйста. Я всё делать буду: и убирать, и гулять, и мыть, и прививки.

А я всё носом в руки тычусь. Кто тут устоит?

— Ладно, бери своего Амурчика, но смотри у меня!

Что тут началось! Визг, писк, чмокание. Суровая бабка Катя и та разулыбалась. А мы домой пошли. Пятый этаж без лифта, хрущоба двухкомнатная, но это ж не под лавкой во дворе!

И стали меня мыть в четыре руки детским шампунем, сушить полотенцем и феном, кормить гречневой кашей и играть в мяч со мной стали! А спать я лег в прихожей. Хотели у двери положить, но тут уж я не уступил: коврик перенес, куда хотел. Отсюда у меня и дверь, и балкон под контролем.

На выходных мы поехали покупать ошейник, поводок и намордник. Наташка просила самый красивый, но на мою морду не всякий налезет. Что подошло, то и купили. А на ошейник тут же сделали бляху с гравировкой: «АМУР».

Потом засобирались гулять в парк. День выдался солнечный, теплый. Меня, конечно, хотели оставить дома, но я показал, что до их приезда ни малую, ни большую нужду терпеть не стану. Поем всю обувь, прогрызу диван, а может, и холодильник, и меня взяли. Доехали не без приключений. И пускать меня не хотели, и хвост прищемило, и лапы оттоптали, но работа есть работа! Да и не работа это уже, а удовольствие. Да, да! Кого не любили, тот не поймет. Для меня охранять эту девчонку — удовольствием!

А через пару дней случился у Наташки праздник. День рождения. Куча народу заявила, а меня закрыли на кухне. И проверить никого нельзя. Я было попытался в щель выскользнуть, но мама Таня строго сказала:

— Сиди пока тут, Амурчик. Перепугаешь еще людей.

И как быть прикажете? Сижу на кухне, а там кому попало дверь открывают и в квартиру пускают без проверки.

Хорошо, что Наташка не утерпела — похвастаться захотелось. Прибегает, кричит прямо с порога:

— Амур, пойдем знакомиться. Я тебя девчонкам покажу.

Ну, и поехало. Маша, Ирка, Дашута, Ксюха... Вырядились все. Расфуфыренные, причесанные, наряженные.

— Ой, какой!

— А погладить можно?

— Не кусается?

Не-е, не кусаюсь. Только гладь поаккуратнее.

В итоге всех гостей я обнюхал, всех проверил, погладить дал, в руку потыкался... Все довольны. И стоило мне расслабиться — этот заявился, как его... Одноклассник Наташкин. На Гарри Поттера похож, у Наташки на тумбочке книжка лежит, вот там на обложке — вылитый он.

Не люблю таких. Вечно всё лучше всех знают.

Понятно, меня и с ним познакомили.

— Это Амур.

Гарри очками на меня сверкнул, смерил от ушей до хвоста, потом повернулся и говорит:

— А порода какая?

Тут бы Наташке и промолчать: не знаю, мол, не помню, у мамы спроси... Нет, ляпнула гордо еще так:

— Бультерьер!

Девчонки смеются, а Гарри в позу надменную встал и сказал, как отрезал:

— Никакой это не бультерьер. Это томарктус! На зубы его посмотрите!

Тут уж я пасть захлопнул. Как же, счас! Так я тебе и показал свои зубки. И когти пустотелые не покажу, а на руки я даже Наташке не даюсь — не может собака моего размера столько весить.

— Кто?!

— Томарктус, — теперь Гарри уже объяснял, как учитель нерадивому школьнику. Снизошел. — Реликтовое млекопитающее. Один из прямых предков современных киноидных!

— Алик, не грузи! При чем здесь кино?

А, вот как его зовут — Алик. Очень подходит.

Девчонки смеются. Действительно: я и кино — две совершенно не совместимые вещи!

Но Алика так просто с толку не собьешь:

— Киноидные — это собакообразные. Кинос — собака по-древнегречески, если вы не знаете. Мне про них дядя рассказывал, он палеонтолог.

И понес, и понес...

— Ты, Наташка, даже и не представляешь, когда они жили. Это же современники мамонтов! Да что там мамонты, возможно и раньше, — продолжая вещать, он рассматривал меня каким-то странно холодным, изучающим взором, так что пришлось прятаться то за Наташку, то за кресло. Я даже стал жалобно поскуливать, чтобы показать, насколько испуган.

— ...вели в основном ночной образ жизни, предпочитая одиночество, но объединялись в стаи при охоте на крупную добычу. Даже фороракос...

Заскучавшие было девчонки встрепенулись, хихикнули на незнакомое слово. Алику пришлось разъяснять:

— ...э-э, это такая птица, хищная, побольше страуса...

Ха-ха. Какое там «побольше»! Да страус рядом с ней — воробей недокормленный.

— ...хотя для томарктуса он, пожалуй, великоват. У того было удлиненное тело и довольно короткие лапы.

Ага, знаем мы, как твой дядя с компанией скелеты собирают. Нашли кучу костей, сложили, что подошло друг к другу, и — будьте любезны! — образец древней жизни.

Я уж думал, эта пытка никогда не кончится. Алик вещал, девчонки клевали носами, а Наташка — или мне только показалось? — начала особенно пристально на меня поглядывать.

Положение спасла мама Таня.

— Эй, молодежь! К столу! Всё готово!

Алик-Гарри поперхнулся на полуслове, девчонки с визгом побежали в большую комнату. Наташка махнула рукой:

— Ладно, Алик, хватит. Ну, какой он реликт? Томат... томар...

— Томарктус.

— Вот-вот. Собака как собака. Только хорошая, правда, Амурчик?

А как же. Хочешь, хвостом повиляю?

— Откуда он у тебя?

Вот неугомонный! Пришлось Наташке соврать, хоть она это дело и не любит:

— Мы его купили! На Птичке. Там таких много.

— А родителей его ты видела?

Ситуация накалялась. Наташка покраснела, но тут опять вмешалась мама Таня:

— Наташа! Олег! Ну, где вы?

Вечером, когда все разошлись, Наташка рассказала маме Аликовы теории. Я же, старательно изображая вечно

голодных собак, сидел у стола и провожал жалобным взглядом каждый кусок вкусной еды, проходящий мимо меня. Вдруг мама Таня сказала:

— А он действительно необычный, а, Наташ? Ты посмотри, ему ведь не хочется есть. Он как будто изображает голод.

Упс! Я привстал и заскулил. Наташка засмеялась.

— Он просто кушать хочет. На, Амурчик!

Я осторожно слизнул с ладони кусок котлеты и, жадно чавкая, проглотил.

— Хорошая собака, хорошая. Реликт ты наш полосатый.

Фу-у, вроде пронесло.

Наступило лето. На каникулы Наташка никуда не поехала. Просто некуда было, а в лагерь она не хотела. Из-за меня, конечно. Мама Таня повздыхала, попеняла мне, но потом решила, что вот, в августе будет отпуск, и мы все вместе отправимся к ее подруге под Истру. На дачу. А пока мы ездили купаться на водохранилище — всего-то десяток остановок на двух трамваях, ходили в парк на собачью площадку. В общем, как говорила бабка Катя, гулеванили.

На этой самой площадке я опять прокололся. То есть вначале всё было, как и задумано: бревно очень узкое и скользкое, лестница слишком крутая, а в трубу я вообще не полезу — там темно и страшно. Но постепенно, к великой Наташкиной гордости, упорные тренировки пошли мне на пользу.

На площадку пузатый дядька в джинсах с подтяжками приводил бельгийскую овчарку. Для себя дядька нес упаковку баночного пива, а для псины — мешок костей из магазина «Собачий пир». Красивый пес, черный как смоль, звеня медалями, устраивал показательные выступления. И тут уж мешать не могли! Наташка обычно отводила меня в сторонку, приговаривала:

— Вот, смотри и учись.

Я сидел и смотрел, хотя мне было глубоко по барабану, с какой элегантностью Экселенц (какое скромное, со вкусом подобранное имя!) берет барьеры и бегает по бревну.

Бревно я давно освоил, а забор Наташке по макушку, и если я его вдруг перепрыгну, народ сильно заинтересуется скромной полосатой дворняжкой.

В тот раз я не спеша шел по бревну, как вдруг сзади требовательно гавкнули. Черный Экселенц картинно взбегал на бревно и требовал уступить дорогу. Еще бы! За исполнение показательной программы ему полагалась куча разноцветных костей.

Наташка подбежала к пузатому хозяину.

— Ой, отзовите, пожалуйста, вашу собачку. Сейчас мы быстренько пройдем и не будем мешать.

— Ты лучше своего кабыздоха убери, а то как бы чего не вышло, — сказал дядька, прихлебывая «Хейнекен», — Экс, вперед.

— Ну, что же вы делаете! — в отчаянии закричала Наташка и бросилась обратно к бревну. — Амур, ко мне!

Экс догнал меня в три прыжка и злобно гавкнул. Нет, брат, шалишь, теперь уж я не уйду. Развернувшись, я негромко зарычал. У бельгийца от неожиданности разъехались лапы, он шмякнулся грудью о бревно — только зубы клацнули — и позорно свалился на землю. Все замерли. И Наташка, и пузатый дядька, и прочие собаководы, с почтением наблюдавшие за тренировкой Экселенца.

— Ну, сейчас что-то будет, — сказала рыжая тетка, беря на поводок эрделя.

Экс бросился на меня прямо с земли, я шагнул в сторону, и он, не удержавшись, пролетел вперед несколько метров.

— Взять его, Экс! Фас!

— Ой, не надо, дяденька...

Бельгиец уже разворачивался для атаки. Я знал, что будет дальше. Эх, потомки, у вас здесь кто больше, тот и молодец. Эволюция.

Экс летел на меня. Большой, черный, взбесившийся от злости.

Тоненько вскрикнула Наташка.

Было инстинктивное желание уступить дорогу и сбоку рвануть клыками шею. Я подавил. Но с трудом.

Я прыгнул с места, когда Экс был в паре метров. Мы сшиблись в воздухе, я ударил плечом и грудью. Под звон медалей бельгиец закувыркался по траве. Не давая опомниться, я ударил еще раз, потом еще. Я катил его, как мяч, в сторону пузатого хозяина. Дядька выронил пиво, мешок с костями, взмахнул цепью и бросился спасать своего чемпиона. Я оставил Экса и, припав к земле, пошел на хозяина. Собаки так не нападают. Видно, я здорово разозлился, если подсознание взяло верх. Цепь, свистнув, пролетела над головой. Я метнулся вперед и перекусил ее прямо возле пальцев пузана. Дядька от неожиданности попятился, споткнулся и рухнул прямо на упаковку с пивом.

— Амур, нельзя! Фу!

Я остановился, но адреналин кипел в крови. Наташка смотрела на меня круглыми глазами. Пузатый дядька, отряхиваясь и бормоча, что меня надо держать в клетке, побежал искать своего чемпиона, а собаководы как стояли, так и продолжали стоять, разинув рты.

Я поджал хвост и на полусогнутых пошел к Наташке.

— Ты что, Амур... ты что это, а? Как это?

Я не буду больше, Наташ, не ругай меня.

— Пойдем-ка домой, реликт.

Дворняжка я! Никакой не реликт! Ну, посмотри же...

— Пойдем, пойдем.

Она взяла меня на поводок и потащила с площадки. Пока мне выговаривали, красивые кости из «Собачьего пира» уже подъели. Проходя, я понюхал пустой мешок. Пахло вкусно...

— Мам, я сама видела! Вот такую цепь перекусил! — Наташка показала на пальцах, какой толщины была цепь.

Не слушай ее, мама Таня! Такой цепью слона удавить можно, а та цепочка была тоненькая и ржавая!

— Ты не придумываешь?

— Да нет, точно. Там все так и обалдели!

Мама Таня покачала головой.

— Да-а... Может, все-таки Алик прав, а?

Они сидели на кухне за столом. Наташка нахмурилась разглядывала меня, будто в первый раз увидела. Я распластался на полу, положив голову на лапы, и пытался выглядеть несчастным и обиженным.

— Ну-ка, Амур, чем ты там цепь перекусил, — мама Таня присела рядом со мной и пальцами приподняла мне губу. — Зубы как зубы. Белые, красивые. Вполне собачьи зубы.

Правильно, ничего необычного.

— Ладно, Наташ. Зато защитник какой у тебя! Только держи его на поводке, раз он такой буйный.

Ночью была гроза. Не люблю грозу. Видимо, где-то в подсознании остался островок первобытного страха. То есть я ее уже не боюсь, но опасаясь.

Все уже спали, не обращая внимания на блеск молний, гром и шум дождя. Я побродил по комнатам, попил водички, выглянул на балкон. Дождь полупрозрачной завесой отгородил нашу квартиру от всего мира. А ведь сейчас кто-то прячется под лавками во дворе, под деревьями. Бр-р. И я когда-то, в другой жизни, тоже прятался и скулил от страха. Правда, тогда грозы были пострашней. Это я хорошо помню.

Неприятный зуд возник где-то на затылке между ушами. Я насторожился. Зуд перешел в прерывистый гул, будто удары далекого колокола слились в один бесконечно долгий звук.

Пришло мое время. Наташку, конечно, будить не стоит — еще, чего доброго, со мной пойдет.

Мама Таня спала, свесив руку из-под одеяла. Я лизнул пальцы. Безрезультатно. М-м-м-м... Ухватил осторожно одеяло и потянул. Она заворочалась, когда холодный сырой воздух забрался под рубашку.

— Наташ, ты... Амур, ты что?

Я совсем стянул одеяло и оттащил его на середину комнаты.

— Ты что, сдурел, что ли? Ну-ка, пошел отсюда.

Я жалобно заскулил и оглянулся на дверь.

— Ну, что еще! Газ, что ли, не выключили?

Мама Таня прошлепала босыми ногами на кухню, проверила плиту, потом заглянула в ванную.

— Чего тебе надо?

Я подбежал к входной двери и стал в нее царапаться.

— Да? А еще чего изволите? Время три часа ночи, а ему приспичило. Ты видел, что на улице делается? Потерпишь!

Я заскулил еще жалобней.

— Тихо ты, Наташку разбудишь! Вот, смотри, открываю дверь. Сделаешь свои дела, придешь. Дверь запирать не буду. Понял? И чтобы это было в первый и последний раз!

Кодовая дверь была приоткрыта, и я шмыгнул на улицу. У подъезда, под козырьком сидела на старом венском стуле бабка Катя и смолила папироску.

— Ну что, Амур, не спится? И я в грозу спать не могу. Всё войну вспоминаю. Вот такая же погодка была, когда мы в сорок четвертом...

Да знаю я, баб Катя, ты мне уж столько раз рассказывала. Извини, дела.

— Ну беги, погуляй. Тебе то что, вон какой ковер на спине.

Гроза стихала: молний уже не было, ворчал, уходя, гром, и только дождь хлестал с прежней силой. Фонари вдоль дома не горели, а так — едва тлели тусклыми огоньками в кронах мокрых деревьев.

Меня ждали на углу, там, где не было даже рассеянного света. Я почуял его раньше, чем увидел, и был разочарован. Это была собака. Большой, породистый ротвейлер. Он стоял, широко расставив мощные лапы, ожидая, кто придет остановить его. Он не был расположен к переговорам, но все-таки я решил его урезонить.

— Ты не получишь то, за чем пришел. Ты не понимаешь, что делаешь. Уходи.

— Меня выбрали, и это хороший выбор. Я знаю, ты не уйдешь с дороги, но это и не нужно. Ты умрешь первым.

Ротвейлер слегка присел, готовясь к нападению.

Интересно, как выглядел наш диалог со стороны. Стоят две собаки, смотрят друг на друга. Ни лая, ни рычания. Игра в гляделки, да и только. Я понимал, что он говорит, но мысли его были тяжелые и ворочались с трудом, как камни в русле горной речки. Видимо, те, кто выбрал его, не стали кропотливо готовить посланца, тренировать, натаскивать. Просто взяли наиболее подходящее для убийства существо и наделили минимальным сознанием. Ну а чем его оснастили, сейчас увидим. Я не чувствовал злобы или неуверенности. Я долго готовился к этой схватке. Там, где я жил, были звери куда серьезнее, да и не животное я ожидал увидеть.

Заскрежетал металл по асфальту — он выпустил лезвия из когтей, готовясь к броску. Это напрасно. Рано. Прыгать неудобно. Ротвейлер совсем не знал, кто будет против него. Он тяжело поднял в прыжке свое тело. Вечный недостаток домашних собак — лишний вес.

Я прыгнул навстречу, чуть вбок, переворачиваясь в воздухе на спину и выпуская когти. Отбил его левую лапу, посыпались искры. Что за железо ему поставили, если крошки летят? Его лапа пошла вниз, голову он повернуть не успел, и я рванул снизу стальными когтями беззащитную глотку. Ротвейлер замер на растопыренных лапах, затем, неловко переступив, завалился на меня. Я лежал на спине, даже не потрудившись перекатиться в сторону. Горячая кровь хлынула на морду, уходя из сильного тела. Он пытался что-то сказать, но мысли, и прежде тяжелые, теперь совсем не слушались. Чужое сознание оставило его. Я уловил отчаяние, непонимание происходящего, ужас и страх перед надвигающимся и неизбежным. Желание оказаться рядом с другом, с которым можно играть в мяч, таскать в зубах колесо от «Жигулей», упиваясь собственной силой, спать на ковре у двери, радоваться похвалам и огорчаться неудовольствию хозяина, охранять детскую коляску с пищущим человечьим детенышем...

Всё кончилось. Его большое тело в последний раз сотрясла крупная дрожь, хрипенье и бульканье затихли.

Я лежал в луже чужой крови, и не было сил подняться. Видит бог, я не хотел этого. Но он пришел убить Наташку. Не по своей воле, но пришел. Я припомню этого бедолагу, если встречаюсь с приславшими его.

Кое-как я добрел до водосточной трубы на углу дома. Лег в промоину и стал жадно пить отдающую ржавчиной воду, поворачиваясь то одним, то другим боком, чтобы смыть кровь.

— Ты молодец, приятель. Сделал всё, как надо. Теперь пойдём с нами.

Это были те двое, которые дали когда-то мне новую жизнь и отправили сюда за тысячи километров и миллионы лет от моего мира защищать ребенка. Они и в прошлый раз появились неожиданно, но тогда я валялся с распоротым брюхом, а сейчас должен был почувствовать их приближение раньше. Избаловался... Привык сладко есть и мягко спать...

— А как же Наташка? Ведь вы говорили, что на одной попытке они не остановятся?

— Это уже не важно, — сказал один, — ребенок должен был погибнуть еще полгода назад. Мы не дали этому случиться, и теперь это отразилось на нашем времени. Наш мир меняется. И меняется катастрофически. Мы хотели поставить эксперимент и ошиблись. Да-да, мы тоже ошибаемся, как и современные люди, хотя и отличаемся от них, как ты от собак. Исчезновение одного человека этот, — он выделил голосом, — мир не изменит. Несопоставимые величины. Социум просто не заметит потери, но, если в ближайшее время девочка не умрет, последствия для будущего лично я не берусь предсказать.

— Ах, социум не заметит... А ее мать заметит? А старуха-соседка? А те, кто ее любит и знает? А я? Кстати, ведь меня должны были сожрать еще в миоцене, но я жив, и мир в порядке.

Второй присел на корточки рядом со мной и склонил голову, будто с интересом разглядывал что-то неведомое.

— Ну, прямо доисторическая преданность. Ты и в самом деле реликт. Пойдем с нами, приятель, пойдём. У нас даже собаки живут долго, почти вечно. Оставь всё, как есть и...

Он поперхнулся словами, поскольку я встал и так энергично встряхнулся, что брызги дождевой воды веером прошлись по его лицу. Смахнув капли ладонью, он поднялся.

— Ты здорово изменился, приятель. Ты не забыл, кто ты, зачем ты и кому обязан практически всем, что имеешь? Ты можешь вернуться в свое время или можешь пойти с нами, — сказал он сухо. — Здесь ты не останешься. Или останешься лежать рядом вон с той собакой.

— А Наташка?

— Нам приказано убрать тебя отсюда. Скажу больше: мы не можем забрать тебя силой, но в твоих интересах согласиться. Теперь ребенок — не наша забота. И не твоя.

— Я остаюсь, — я слегка присел, стараясь держать обоих в поле зрения, — кто из вас рискнет своей вечной жизнью? Ну? Ничего страшного — ведь социум не заметит.

Они переглянулись. Затем тот, кто говорил со мной, взял второго за ворот и притянул к себе.

— Ну что, теоретик? Что теперь?

Тот слабо пытался вырваться:

— Откуда я знаю. И вообще, ты привлек это существо, ты и...

— Я? Правильно, я. Ты только идеи подкидываешь. Я исполнитель, а ты, как всегда, в стороне! — Он недобро глянул на меня. Я ждал. — Ладно, приятель, делай как знаешь. Тебе всё равно ее не спасти.

«Теоретик» наклонился ко мне и почти прошипел:

— А от нас тебе будет сюрприз. Помнишь свою последнюю охоту? А-а, помнишь! Вот на ней и подохнешь! Я тебе обещаю!

Они растворились в струях дождя.

Бабка Катя всё еще сидела у подъезда. Я подошел и уселся рядом — надо было хоть немного обсохнуть.

— Амур, ты что, купался? Ишь, как вымок. А там рычал кто-то, ох как страшно рычал. Я подумала: не ты ли с кем сцепился?

Нет, баб Кать, не я. Я смиренный и послушный.

— Ну, давай посидим, поговорим. Ты хоть знаешь, почему тебя Наташка Амуром назвала? Нет? Так это я подсказала. Да! Смотри, говорю, какой зверь полосатый. Ну, прямо тигр амурский, да и только! Вот так-то.

Спасибо, баб Кать, мне нравится.

Два дня во дворе только и говорили об убитой собаке. Сошлись на том, что какие-то отморозки зарезали ни в чем не повинное беспомощное существо. Жаль, когти его никто не рассмотрел внимательно. А то бы постеснялись насчет беспомощности...

Только бабка Катя имела свое мнение, даже не мнение, а так, подозрение, но высказала его только мне.

— Ты ведь, Амур, гулял в ту ночь. А? Чего молчишь? Неужто не видел ничего?

Нет, баб Кать, ничего не видел.

— Ох, не простой ты пес, не простой. Ладно, не скажу никому, но ты уж за Наташкой пригляди, а то смотри, что делается.

Какой разговор, конечно, пригляжу. Недолго осталось. Те двое говорили, что в ближайшее время Наташку должны, ну... это. А если нет, то всё обойдется. Уж я постараюсь, чтобы... м-м... обошлось.

— Чего это, на ночь глядя? До завтра не подождет? — Мама Таня, прикрыв телефонную трубку ладонью, недовольно посмотрела на Наташку.

— Ну, мам, Ксюха говорит — завтра уже отдавать. Да я быстро!

— Одна нога здесь, другая там! Ясно? — Мама Таня махнула рукой. — Алло, Свет... Нет, я не пропала, у Наташки подружке какую-то тряпку от Диора притащили, вот просится посмотреть. Пусть сбегает, это рядом, — она опять прикрыла трубку. — Наташка, денег всё равно нет!

Только я прилечь собрался. Эх, жизнь собачья! Ну ладно, пошли, что ли. Наташ, не беги ты так, я же только что каши наелся. У-у, коза длинноногая.

На втором этаже мы обогнали бабу Катю. Она, держась за перила, потихоньку спускалась по лестнице и несла в руке металлический ящичек с красным крестом на крышке.

— Что случилось, баб Катя?

— А-а, как всегда. Петровна звонила, плачет, у Васьки ее опять сердце прихватило. А ведь моложе меня! Не берегут себя нынче, всё быстрее, давай-давай...

Мы выскочили на улицу и, не сбавляя темпа, понеслись в пятый подъезд к Наташкиной однокласснице.

— Амур, сиди тут. За кошками не гоняйся, крыс не ешь — только сейчас кашу трескал. Всё, я быстро.

Да, быстро. Знаю, знаю.

Я присел и огляделся. Уже стемнело, с запада опять шла гроза. Там всю гремело и полыхало, скоро и нас накроет, а Наташка без зонтика.

В помойке у гаражей кто-то зашуршал. Я принял. Каша — кашей, но без мяса...

Знакомый зуд возник за ушами, и удары колокола опять догоняли друг друга.

Он появился прямо из ничего в тени старого ясеня, там, где полутьма переходила в ночь. В этот раз он походил на человека, хотя судить было трудно — нелепая одежда скрывала его. На нем бесформенной грудой висела какая-то темная хламида с капюшоном, ниспадающая до земли. Он не стал ничего говорить, просто приподнял руки, повернул их ладонями вперед и шагнул ко мне. Загустевший вдруг воздух упруго толкнул меня в морду, и я понял, что медлить нельзя. Я сорвался с места, будто меня под хвост кинула сороконожка, толкнулся всеми лапами и прыгнул на него, выпуская когти... и словно ударился в раскаленную стену. Меня отбросило назад и, перекувырнувшись через голову, я распластался на асфальте. Лапы и морда горели. Разлепив опаленные веки, сквозь радужные круги перед глазами я увидел, что мои когти оплавились на концах в стальные шарики. Вот паразит, как же я теперь буду их втягивать?

Он сделал еще шаг, снова приподнимая руки. Я подобрался и, проскрежетав бесполезными железками на лапах, опять прыгнул на него...

На этот раз я даже не почувствовал удара, очнулся — лежу в собственной рвоте. Это было так унижительно, что я чуть не завыл от стыда. Он шагнул еще и встал прямо надо мной. Я не смог разглядеть лицо под капюшоном, но, если оно было, уверен, что он улыбался. Не торжествующе, нет, — снисходительно. Так улыбаются нахальному мальчишке, показав свое превосходство.

Я подтянул передние лапы и кое-как выпрямил их, приподнялся. Оперся на толстый удобный хвост и посмотрел ему прямо в черный провал капюшона. Ты рано улыбаешься, и ты напрасно подошел так близко. Я, конечно, хочу еще пожить, но для чего-то определенного, а не разжиревшей шавкой на поводке. А ваше время кончается... считай, что кончилось! Я открыл пасть, будто и впрямь собрался завывать. По пищеводу поднималось что-то раскаленное, колющее. Словно я проглотил солнце, и теперь оно нашло выход. Солнце заполнило всю глотку, и дышать стало нечем.

В последнее мгновение он, видно, что-то понял и отшатнулся. Но поздно... Раздирая мне пасть и плавая зубы, солнце рвалось на свободу.

— Годовщина Курской дуги сегодня все-таки. Он ведь совсем мальчишкой там в танке горел, — Петровна смахнула слезу, — вот друзей вспоминал. Да и прихватило.

— Ладно, — Екатерина Ивановна убрала шприц и поднялась с табуретки, — пусть лежит, не встает. А утром в районную позвони...

На улице она пошарила по карманам в поисках папирос. Забыла... Придется домой подниматься, пять пролетов вверх! Потом уж вниз ни за какие коврижки! А хотелось посидеть тут немножко перед сном.

А вот я Наташку дождусь и попрошу ко мне сбегать, решила Екатерина Ивановна.

Набегавшие тучи съедали звезды, зашумел ветер. Опять гроза, что ж — июль, знамо дело. Громыхнуло так близко, что Екатерина Ивановна вздрогнула и решила дожидаться Наташку под козырьком подъезда. Шаркая валенками, она поднялась по ступенькам, но тут какое-то движение в углу двора привлекло ее внимание. Близоруко сощурившись, Екатерина Ивановна пригляделась: у дальнего подъезда сидел Амур, а перед ним, на границе света и тьмы, стоял кто-то в темном плаще — не плаще, в балахоне каком-то. Амур поднял морду, словно собирался завывать. Тот, в плаще, отпрянул, нелепо взмахнув широкими рукавами. Ослепительный шар раздулся и лопнул между ними брызгами нестерпимого света, заставив Екатерину Ивановну на секунду зажмуриться. И тут же гулкий раскат грома ударил по барабанным перепонкам. Тугой теплый ветер бросил ей в лицо пыль и опавшие листья. Потянуло грозовой свежестью.

Что же это делается, а?

— Амур! Амурчик!

Еще издали Екатерина Ивановна поняла, что у подъезда уже никого нет. На потрескавшемся асфальте выделялся темный, будто закопченный круг. Что-то блеснуло под ногой. Она наклонилась и подняла с земли обрывок ошейника с бляшкой.

Наташка ракетой вылетела из подъезда и, оглядевшись, подбежала к Екатерине Ивановне.

— А где Амур, баб Кать?

— Ой, не знаю, Наташ, — запинаясь, пробормотала та. — Как молния-то полыхнула, да еще гром вдарил, он гавкнул и кинулся куда-то. Видать, испугался.

— Да ты что, баб Кать, он же никогда грозы не боялся.

— Так грохнуло-то как! У меня самой аж сердце зашлось.

— Ой, ну что же делать? Потеряется ведь! — Наташка закусила губу, с надеждой оглядывая двор. — Амур! Амур!!

— Ты беги, матери скажи, вместе и поищем.

Первые крупные капли застучали по листьям. Наташка кинулась домой. Екатерина Ивановна поднесла к глазам

обрывок ошейника и, протерев бляшку, долго на нее смотрела.

«АМУР»...

67

— Поискать мы, конечно, поищем, — прошептала она, — всё тебе легче будет, дочка.

Полосатый зверь умирал. Он лежал на боку и старался не смотреть на тушу огромной птицы, что поедали сейчас его сородичи. Он помнил, как первый бросился на фороракоса, как получил когтем в брюхо. Зверь знал, что будет дальше, но ни о чем не жалел, был спокоен и почти доволен.

Послышалось негромкое рычание и повизгивание. Зверь повернул морду. Несколько таких же, как он, остромордых и полосатых, опоздав к пиршеству, подбирались теперь к нему, поблескивая в клочьях утреннего тумана маленькими черными глазками. Ну, вот и всё. Зверь приподнялся на передних лапах, оскалил зубы и пополз навстречу.

И всё же он был доволен. Он знал, что за миллионы лет отсюда всё обошлось.

Александр Бачило

Слово автора:

Едва узнав о существовании «радиопередачи, в которой читают фантастику», я поспешил отправить туда свои рассказы и был счастлив получить благоприятный ответ от Сергея Чекмаева. Циничный расчет подсказал мне, что слушатели аудиокниг — весьма внушительная аудитория, сравнимая с тиражами печатных изданий. Такими возможностями для публикации не пренебрегают. С тех пор я всегда высылаю рассказы Сергею, как только у меня появляется что-то новенькое.

В лице Влада Коппа и всей команды МДС каждый автор получает мощнейшего союзника в борьбе за симпатии читателей. Помимо достоинств самого текста, аудиторию покоряет артистизм исполнения, возможность зримо представить написанное. Это почти экранизация. В то же время слушать, а не читать, бывает просто удобно. Ведь в это время можно гулять, не натываясь на прохожих, рулить, делать уборку, ремонт, мастерить что-нибудь руками и даже укладывать детей спать. Да еще и с музыкальным сопровождением, которое в МДС всегда высочайшего качества. В общем, совершенно особый вид искусства.

ДОМ НА ХОЛМЕ

(выложен 23.05.2008)

Пока ехали в трамвае, Гошка заснул и просыпаться на нужной остановке категорически отказался. Марина еле протиснулась с ним к выходу под окрики утрамбованного народа. Мне с чемоданами и сумкой тоже пришлось нелегко. На нас косились неприязненно, с подозрением — уж очень мы были похожи на беженцев, а беженцы всегда раздражают. Особенно тех, кому бежать некуда...

Трамвай укатил. Мы остались одни посреди неосвещенной улицы. Никогда раньше я здесь не был и даже не знал, что в городе есть такое место. Позади нас тянулся бесконечный бетонный забор, а впереди темнела громада холма.

— Нам туда, — я показал на смутно прорисованную в небе вершину.

— Ох, — Марина перехватила Гошку поудобнее. — Ты уверен?

Я пожал плечами. Уже и не помню, когда я в последний раз был хоть в чем-то уверен...

— А где дом? — спросила Марина.

— Отсюда не разглядишь. Светомаскировка, наверное...

— Как же мы туда заберемся?

Я взялся за чемоданы.

— Пошли. Там видно будет...

К вершине холма вела растоптанная лестница с гнилыми досками вместо ступеней. Она пологими стежками из стороны в сторону штопала холм, отчего идти было не намного легче, зато гораздо дальше. Мы совсем выбились из сил. Марина никак не хотела подождать, пока я затащу вверх чемоданы и вернусь за ребенком, ей было страшно оставаться в темноте с Гошкой на руках. В городе

много разного рассказывали об этих окраинах. Мне и самому не терпелось добраться до чертова дома поскорее. Если бы оказалось, что я перепутал холмы и никакого дома здесь нет, мы бы, наверное, оба разревелись.

Но дом был. Серая унылая девятиэтажка в один подъезд, с плохо замаскированными, зато надежно зарешеченными окнами. Когда-то, в хрущобные пятиэтажные времена, такие небоскребы называли «свечками». На стоянке перед подъездом — несколько машин. Черт! Как это я не сообразил, что к дому обязательно должна вести дорога! Карабкались, как дураки, ноги били в темноте. Впрочем, по дороге, наверное, еще дальше, а машину теперь хрен поймаешь...

Металлическая дверь подъезда производила солидное впечатление. Стрелковый глазок, бронированный домофон — всё, как положено. Я поставил чемоданы и набрал номер квартиры. Долгое время ничего не происходило. Гошка захныкал во сне, наверное, замерз.

— Тихо, тихо, маленький, сейчас пойдем баиньки! — шептала Марина.

Вот будет номер, если нас и на порог не пустят. Куда же нам тогда? Хоть в петлю...

Громко щелкнул замок. Я обрадованно ухватился за стылую металлическую ручку. Дверь нехотя подалась. Из подъезда пахло теплом и кошками.

— Заползайте! — бодро скомандовал я.

Пока всё складывалось благополучно. Замызганные стены подъезда были покрыты незамысловатыми надписями вкривь и вкось. Кто-то плюс кто-то равняется пронзенное сердце, Жирный — лох и, конечно, смерть уродам. Вполне обычные надписи, вполне обычный дом. Вот только ни охранника, ни даже вахтерши здесь не оказалось.

Я снова поставил чемоданы — теперь перед дверью лифта. Ох, и наломался сегодня с ними — спина не разгибается! Кнопка вызова торчала бесформенным почерневшим огарком. Тоже знакомо. Я кое-как вдавил ее в стену. Прислушался. То ли трубы водопроводные гудят, то ли вентер гуляет в шахте. То ли все-таки что-то едет...

— Не работает лифт!

Я обернулся. По лестнице лениво спускался плотный мужик в спортивном трико и шлепанцах на босу ногу. Он на ходу откусывал от большого бутерброда с салом и жевал так же лениво, как шел. Всклоченная шевелюра с проседью, небритая, опухшая рожа. Повязка на глазу. Черт его знает... Неприятный тип.

Я подхватил (в который раз!) чемоданы и направился к лестнице.

— А вы к кому? — Он и не собирался уступать мне дорогу.

— К знакомым.

— А в какую квартиру?

От сала губы его лоснились. Толстенный шмат на щедро выломанном из буханки куске хлеба пронзительно шибал чесночком и невольно притягивал взгляд. Свинство какое. При нынешних-то нормах выдачи!

— А вам, собственно, зачем? — спросил я.

— А затем, что я управдом, — веско сказал мужик, показав мне в подтверждение бутерброд. — У нас тут случайные люди не ходят. Время, сами знаете, какое. Глаз да глаз... — Он поправил повязку. — Так что за знакомые, где живут?

— В семнадцатой квартире, — пробурчал я.

Очень мне не хотелось говорить с ним на эту тему...

Управдом усмехнулся.

— Так бы сразу и говорили! А то — знакомые у них! В эмиграцию собрались?

Я вздрогнул. Его вопрос и напугал меня, и обрадовал. Больше, пожалуй, обрадовал.

— А это, правда, здесь? — осторожно спросил я.

Управдом не ответил. Укусив бутерброд, он разглядывал наши чемоданы.

— Вас кто прислал?

— Извините, — Марина поспешно подошла ближе, — мы обещали, что не скажем. И даже клятву давали. За чем же подводить человека?

Управдом оглядел ее цепким сизым оком с головы до ног.

— А он, человек ваш, не предупредил, что ли, вас?

— О чем?

— О чем! Что с вещами нельзя!

— Н-нет...

— Ох, люди, люди... только о себе думают! — Он небрежно откинул крышку мусоропровода, швырнул бутерброд в темноту и снова грохнул крышкой. — Корабль ведь не резиновый! — наставительно продолжал он, вытирая руки об себя. — А желающих — ох как много!.. Пошли!

Из глубины своих трикотанов он вытянул связку ключей на длинном ремешке и отпер низенькую, обитую жестью, дверь под лестницей. За дверью было темно. Ступени круто уходили вниз.

— Чемоданы — в подвал, — заявил управдом. — Там слева на стенке выключатель. Да за собой не забудь вырубить! Как управитесь, заходите во вторую квартиру с документами, встанете на очередь.

— А большая очередь? — спросила Марина.

— Кому как. Некоторые вторую неделю сидят, да без толку!

Мы переглянулись. Час от часу не легче!

— У нас ребенок маленький! — сказала Марина. — Он и так уже плачет...

— Эх, гражданочка! — Управдом укоризненно покачал головой. — Тут взрослые мужики плачут, как малые дети! Кому ж охота оставаться на верную смерть? Своя рубашка к телу-то ближе... Чего там, в городе, слышно?

— Да ничего нового, — вздохнул я. — Ждут.

— Дождутся, — покивал управдом. — Барнаул-то, говорят, уже не наш...

— Черепаново ночью сдали, — сказал я.

— Ох, е-мое! Что ж это будет такое?! — Он заторопился. — Да бросай ты пожитки свои скорей! Мне идти надо!

Я торопливо спустился по ступенькам в кромешную тьму и, не выбирая места, сунул чемоданы к стене. Управдом ждал меня наверху, нетерпеливо позвякивая ключами.

— Всё! Валите во вторую, там список.

— А нам сказали — в семнадцатую, — робко заметил я.

— Ох, не знаю, не знаю теперь... — пробормотал управдом, — мало местов! Загробите мне корабль...

— А что это за корабль? — спросила Марина. — И где он находится? Как мы, вообще, туда попадем?

Управдом, уже поднимаясь по лестнице, обернулся.

— А вот за такие вопросы, дамочка, очень просто можно за дверью оказаться. И выбирайтесь тогда своим ходом, как пожелаете!

Квартира номер два оказалась жилплощадью в самом начальном смысле слова «площадь». Она была устроена из двух, а то и трех объединенных квартир со сломанными перегородками, срубленными под корень унитазами и ваннами. В квартире не было ни щепочки мебели, ни одного, даже встроенного, шкафчика, ни стола, ни табуретки, не говоря уже о диванах и кроватях. И все-таки в ней было тесно. Люди сидели и лежали на полу вплотную друг к другу, ходили, перешагивая через тела, пили воду, присосавшись к единственному крану, торчащему из стены бывшей кухни. Кто-то, пристроившись на подоконнике, писал заявления. Галдели и плакали дети. Гошка сразу проснулся и тоже заплакал. Дух стоял нездоровый и застарелый.

— Боже мой... — прошептала Марина.

— Ничего, сейчас разберемся, — я стал пробираться к висящим на стене спискам.

Возле них толпилось человек десять, один что-то зачеркивал и надписывал шариковой ручкой.

— Запишите! — распорядился я. — Пехтеревы, три места.

Человек с ручкой обернулся и смерил меня взглядом.

— Собеседование прошли?

— С управдомом? Да, прошли.

— Блядь, — спокойно произнес человек. — С каким управдомом? В темную комнату вас водили?

— Э-э... в подвал, что ли? — не сдавался я. — Было дело!

Человек с авторучкой заметно терял ко мне интерес.

— Сидите и ждите собеседования, — он махнул рукой в неопределенном направлении.

— А как же они узнают, кого вызывать?! — забеспокоился я. — Вы ж не записали!

— А как ты узнал, куда нужно приехать? — спросил вдруг у меня над ухом голос с неприятной хрипотцой. — Сядь и не дребезжи!

Я отошел от списков и вернулся к своим. Гошка уже не плакал. Он стоял с независимым видом, держа маму за руку, чтобы не боялась, и делал вид, что не интересуется заводной собакой.

— Ну как? — спросила Марина.

— Всё в порядке, — сказал я. — Скоро вызовут на собеседование.

— Гошка писать хочет.

— Госа писать... — задумчиво повторил сын, вздыхая о собаке, которой играла чужая девочка.

— Это мы сейчас! — Я склонился над лежащей рядом объемистой теткой. — Извините, где здесь туалет?

— То есть как это — где?! — неожиданно возмутилась она. — На улице, конечно! Под себя, что ли, гадить?! И так уже дышать нечем! На голову скоро нальют!

Она отвернулась, шумно пыхтя.

— Спасибо, — сказал я. — Ладно, пойдем, Гошка. Не будем ждать милостей от природы. Запасные-то штаны в чемодане остались...

На улице мы немного задержались. Гошке обязательно нужно было посмотреть на большую машину, которая с ревом выскочила на гору и, подкатив к подъезду, визгливо затормозила. Это был здоровенный джип, сияющий добрым десятком фар, несмотря на строгий приказ по городу о светомаскировке. Приказ, впрочем, совершенно бессмысленный. В этой войне еще ни разу не было воздушных налетов. А если и будут, так светомаскировка не поможет.

Из джипа долго никто не выходил.

— Масына сама пиехала, — со знанием дела сказал Гошка.

Но тут дверца распахнулась, как от пинка, и на землю прыгнул тощий парень в длинном пальто, темных очках, с ежиком обесцвеченных волос, делающих его похожим на карандаш с резинкой на макушке. В руке он держал ополовиненную бутылку виски.

— Здесь, чё ли? — от общего презрения к человечеству он говорил в нос и будто сквозь сон.

— Смотря что, — ответил я.

— Так, я не поал, ты хто?! — сразу завелся он. — Самый главный тут, чё ли?

— Главный — внутри, — сказал я, чтобы отвязаться. — Пошли, сына!

— Стоять! — отпрыгнул парень. — Я тебя не отпускал. Здесь, чё ли, на корабль садиться?

Он был настолько пьян, что не мог быть слишком опасен. Я молча подхватил Гошку на руки и вошел в подъезд. Дверь за нами закрылась, но щелчка замка не последовало. На площадке у лифта курил управдом.

— Там пьяный какой-то, — сказал я. — Приехал на джипе, спрашивает, здесь ли на корабль садиться.

Управдом глубоко затянулся, неторопливо выпустил дым, щуря единственный глаз.

— Твое какое дело? — спокойно спросил он.

— Да нет, я просто, для информации... Нам бы собеседование пройти...

— Пройдешь еще, мало не покажется...

Дверь с улицы вдруг распахнулась, и в проеме появился пьяный, толкая перед собой огромный баул на колесах.

— Я не поал, — бушевал он, глядя прямо перед собой, — меня чё здесь, за лоха держат?! Ты!! — Он вдруг увидел меня. — Веди, давай, на корабль! Последний раз добром...

Управдом бросил окурок и, придавив его ногой, шагнул навстречу парню.

— С вещами нельзя!

— Да что ты говоришь?! — рассмеялся пьяный. — Ни с какими нельзя?

— Ни с какими, — упрямо сказал управдом.

— Утя-путя! — Парень явно от души веселился. — А с такими? — Он распахнул плащ и поднял автомат. — Ну? Обосрался?

Я загордил Гошку и стал осторожно отступать к двери второй квартиры.

— Давай, давай, батя, — сказал парень управдому, — шевели костылями! Показывай, куда идти!

— Ладно, пошли, — управдом с безразличным видом стал подниматься по лестнице. Пьяный тронулся за ним, стуча баулом по ступеням. Я живо запихнул Гошку в квартиру, юркнул сам и аккуратно прикрыл за собой дверь.

— Мама! Мы больсую масыну видели! — закричал он и запрыгал через ноги и спины лежащих к Марине.

— Ну как вы там? — спросила она. — Успешно?

— Вполне! — Я решил не трепать ей лишний раз нервы и ничего не сказал о парне на джипе. — Не вызывали нас?

— Нет. Одну только семью вызвали. Зато я уголок заняла удобный! Никто через нас перешагивать не будет.

Мы расселись на полу и стали ждать. В комнате стоял приглушенный гомон. Кто храпел во сне, кто кашлял, кто переговаривался вполголоса с соседями.

— На всех этажах так. Вповалку лежат. Некоторые и на площадке, а на седьмом — так даже в лифте. А на девятом пусто...

— Там темная комната. В нее по одному водят. Смотрят на тебя и решают, пускать на корабль или нет.

— Как это они смотрят — в темноте?

— Не знаю. Может, аппарат специальный...

Общительный Гошка быстро сдружился с трехлетней девочкой и вовсю ковырял ключом в спине заводной собаки.

— Ты знаешь, — тихо сказала Марина, глядя в сторону, — говорят, Евсино сдали...

— Кто говорит?

— Тут один... его вызвали.

— Откуда он знает?

— У него приемник иногда ловит разговоры по радици.

— Чьи разговоры?

— Не знаю. Случайные...

— Ну, разговоры, это еще не факт...

Я потрепал ее ободряюще по плечу. Евсино... Блин! Меньше часа на электричке... Где же этот их корабль? Как бы не опоздать...

— А еще ... — Марина смотрела в пол синими, совсем Гошкиными глазами, — ...говорят, будто их уже видели на окраинах Искитима...

— Ну, вот это уж точно, вранье! — отмахнулся я. — Тот, кто их видел, ничего уже говорить не может!

— Совершенно справедливо! — поддержал меня человек в пыльной шляпе и мутных очках. — Дурацкие слухи! За такие к стенке надо ставить! Это их шпионы специально распускают, чтобы вызвать панику.

— Что еще за шпионы? — Лежавшая по соседству бабка выпростала ухо из-под платка.

— Да те самые, что нефтекомбинат подожгли! — охотно объяснил мужчина в очках. — И жилые дома на Гусинке они же взрывали!

— Дома взорвались, потому что там плиты на газу! — сказали у окна. — Жильцы побегали, а газ незакрытый бросили — вот и утечка.

— А вы откуда знаете? — ревниво спросил запыленный.

— А оттуда! Где плиты электрические, ни одного взрыва не было!

— Было, было! — прогудел бас из другого угла. — Только сообщать перестали.

— А по мне уж лучше так, чем этих дожидаться... Милое дело, сидишь дома — бах! И нет тебя.

— Да? А чего ж вы тогда на корабль проситься прибежали? Сидели бы себе дома!

— Да где он, тот корабль? Кто его видел?

— А ну тихо там, у окна! — раздался нервный окрик. — Из-за вас, дураков, всех за дверь попросят!

Разговор снова притих.

Мало, подумал я. Мало шансов. Как мы попадем на корабль? Как прорвемся через всю эту толпу? Я-то ладно,

а Гошка? А Марина? Если начнется свалка, страшно подумать, что тут будет. Но даже если мы прорвемся. Допустим, прорвемся. Я зубами буду грызть всё и всех, но мы прорвемся. И что? Как, спрашивается, корабль, чем бы он ни был — подлодкой, самолетом или ракетой, — выберется из мертвого окружения? Да куда еще завезет? Впрочем, сейчас это неважно. Главное — попасть на борт. А шансов с каждой минутой всё меньше. И, пожалуй, единственный способ — идти, как тот бандюган — с автоматом. Он хоть и пьяный в стельку, а не дурак. И наверняка уже на корабле...

Хлопнула входная дверь, и я вдруг увидел его на пороге квартиры. Если бы не белобрысый ежик и не долговязая карандашная фигура, узнать его было бы трудно. Ни очков, ни плаща, ни баула на колесах, ни тем более автомата при нем не было. А главное — он был тих, подавлен и абсолютнотрезв!

Осторожно ступая, он прошел к свободному пятачку в центре комнаты и сел, обхватив свои тощие коленки и уткнувшись в них лицом.

— Эй, новенький! — позвали его от списков. — Слышь, белобрысый!

Парень поднял голову.

— Собеседование прошел? — спросил всё тот же человек с шариковой ручкой.

Казалось, он знает ответ.

Белобрысый кивнул.

— Записывайся тогда. Как звать?

— Анальгин.

— Это что, имя или фамилия?

Парень пожал плечами и ничего не ответил.

— Ну, Анальгин так Анальгин... — человек вписал имя в захватанный листок. — Семьсот четырнадцатый будешь!

— Извините, а что там, на собеседовании, спрашивают? — поинтересовалась сидящая рядом с Анальгином женщина.

— Да ничего там не спрашивают! Хотя... — семьсот четырнадцатый задумался. — Хотя отвечать-то приходится...

— А вы что отвечали? — не отставала любопытная тетка.

— А что я отвечу? — Анальгин опять уткнулся в колени. — У меня семья в городе осталась. Жена, сын...

— Как так — осталась?! — Женщина всплеснула руками. — Почему же вы их сюда не привезли?!

Все головы повернулись к белобрысому.

— Потому что нельзя мне домой! — Анальгин ударил кулаком в пол. — Ловят меня на них, как на живца!

— Кто ловит?

— Братва! Кто! Осатанели со страху. Приду домой — сразу мочканут. И меня, и Галку, и Дениску...

— А за что? — всё любопытствовала соседка.

Анальгин сплюнул на пол, растер каблуком.

— Ясно, за что. Слух-то давно ходит... Чтобы выжить, кровь нужна. А тут кто-то сказал — верняк. Положишь двух своих — спасешься. За две жизни одну выкупишь...

В комнате повисла тишина.

— Ну мы и раскинули по честнухе, — бормотал Анальгин, — кому жить, а кому — хватит. Да не мой вышел расклад. Выпало мне под нож, а что я им, баран? Вырвался, убежал. Теперь ловят. Галку звонить заставляют, домой звать, — он схватился за голову. — А я ж чувствую, что у нее голос неживой! Всё равно их кончат, хоть со мной, хоть без меня!.. — Клок белых волос остался у него в кулаке. — И что мне теперь? Одному спастись или идти, втроем подыхать?!

Некоторое время все, кто был в комнате, молчали. Только у двери надсадно кашлял старик, уткнув лицо в шапку.

Однако что же это мы сидим, подумал я. Какие бы ни были тут трагедии и драмы, а факт остается фактом: человек, заявившийся после нас, уже прошел собеседование! Действовать, действовать надо! Найти оправдому, пусть нас тоже ведет! А то я его и без автомата последнего глаза лишу!

— Будь наготове, — шепнул я Марине. — Как только мигну от двери, выбирайтесь с Гошкой незаметно.

— А ты куда? — испуганно спросила она.

— Не бойся. Просто потолкую с оправдомом...

На площадке, к моему удивлению, царило лихорадочное оживление. Железная дверь была распахнута, напротив нее

стоял грузовик с откинутым бортом. Какие-то серые, оборванные люди торопливо снимали с грузовика тяжелые ящики, затаскивали их в подъезд и спускали в подвал. На крыльце стоял управдом и делал отметки на клочке бумажки.

— Может, помочь? — деловито спросил я.

Управдом скользнул по мне глазом.

— Да нет, заканчиваем уже.

— А что это за ящики?

Он ответил не сразу.

— Тридцать два, тридцать три... всё, последний! Закрывай!

Вдвоем с управдомом мы закрыли борт, грузовик развернулся и укатил под гору.

— Это что, продукты? — снова спросил я.

— Да какое там! — Он рассмеялся. — Чудик один явился вместе с коллекцией каких-то камней! всю жизнь собирал. Цены, говорит, нет! А мне — куда их? Хорошо хоть, что в подвал поместились! А то пришлось бы на улице бросить. Никак народ не поймет, что туда, — он значительно посмотрел на меня, — ничего с собой не возьмешь! Ни еды, ни денег, ни оружия...

— Вот как раз об этом у меня к вам разговор! — подхватил я. — Того парня с автоматом вы на собеседование уже пропустили, а я с семьей всё еще жду...

— Собеседований больше не будет, — сказал он, входя в подъезд.

— Как не будет?! — Я чуть не грохнулся на пороге, но догнал его и схватил за рукав.

— А так, — он добродушно похлопал меня по руке. — Не нужны они больше...

— А мы? Мы что, тоже... не нужны?! — Перед глазами у меня плавали какие-то рваные клочья.

Управдом вдруг расхохотался.

— Ну чего побелел-то? Не ссы! Всех берем! Безо всяких собеседований! Кто поверил и пришел — все спасется!

— В каком смысле — все? — Я всё еще боялся выпустить его рукав.

— Да в таком! Что ж ты думал, на улицу кого-то выгоним? Так всем табором и поедем! Хозяева тоже сердце имеют!

— Чьи хозяева? — Я чувствовал, что плохо соображаю.

— Корабельные, чьи! И наши с тобой теперь, поскольку поступаем к ним на довольствие на неопределенный срок! Ну что, рад? — Управдом усмехнулся. — Не помри только от счастья!

— А к-когда... мы поедем... пойдем... попадем на корабль? — Я с трудом собирал в кучу разбретающиеся слова.

— Вот придурок-человек! — Управдом хлопнул себя по ляжкам. — Ты что же, так ничего и не понял?! Ну, пойдем, объясню...

В квартире номер два стояла мертвая тишина. Все, даже дети, слушали меня, боясь упустить хоть слово. Только иногда кто-нибудь из особо непонятливых поднимал руку и осторожно задавал вопрос.

— Так что же, выходит, вот это всё и есть — корабль?

— Да, — сказал я. — Упрощенно говоря, корабль — это дом, где мы находимся. А точнее — область пространства, внутри которой находится дом. Эта область будет перенесена в другой мир... ну, в другое место. Вместе с нашими телами. Понимаете, перенесутся только живые тела, все вещи и даже сам дом останется здесь.

— Так мы там голые, что ли, будем? — спросил кто-то.

Я кивнул.

— Голые. По крайней мере, пока не обзаведемся новой одеждой.

— Да ладно! Шмотки — дело наживное, — подали голос от окна. — Ты скажи главное: точно — всех берут?

— Всех! Всех! Не волнуйтесь. Я же объясняю: перенесутся все живые существа, находящиеся в пределах этой области пространства. Сколько будет этих существ — им безразлично.

— А кому это — им? — спросил пыльный мужчина в очках. — Не тем ли, с кем мы воюем?

— Да... — Я в раздумье прошелся вдоль стены.

Для меня торопливо организовали проход, подбирая ноги.

— Да. Это та же цивилизация, что нас уничтожает. Тот же вид... народ, что ли. Но другое племя. Понимаете? Они воюют между собой. Одни хотят нас истребить, а другие — спасти.

— Да можно ли им доверять? — вздохнул кто-то. — Куда они нас завезут? И что с нами сделают?

— Этого я не знаю. Но разве у нас есть выход?

На некоторое время снова установилась тишина.

— М-да... — произнес кто-то. — Сомнительно всё это...

— А я верю! — У двери вскочил вдруг мальчишка лет семнадцати. — Мы там наладим нормальную жизнь, детей нарожаем! И когда-нибудь вернемся. Только надо побольше народу захватить! Смотрите, сколько места еще! На лестницах, на площадках — везде свободно! Надо набить дом народом!

— Поздно, — сказал я. — Пока мы отправимся собирать народ, пройдет куча времени. Телефоны отключены, другой связи нет...

— Надо знак подать! — крикнул мальчишка. — О! Придумал!

Он выскочил за дверь. Некоторое время все недоуменно переглядывались, затем потянулись к выходу вслед за мальчишкой.

— Оставайтесь здесь, — сказал я Марине. — Гошку никуда не пускай. Не дай бог — давка!

На крыльце толпился народ. Паренек, выбежавший первым, возился возле Анальгинова джипа. Крышка с бензобака была сбита, из отверстия торчала длинная узорчатая полоска, скорее всего — галстук.

— Отходи! — крикнул мальчишка и чиркнул зажигалкой.

Синий огонек стремительно побегал к горловине бензобака. На крыльце вдруг появился сам Анальгин.

— Ты что это делаешь, гад?.. — недоуменно начал он, но в этот момент грохнуло.

Всех, кто не успел спрятаться в подъезде, окатило волной жара. Облако голубого пламени оторвалось от крыши машины и унеслось в небо. Джип запылал, как факел.

— Нормально! — кричал паренек, потирая опаленные брови. — Сейчас сами набегут посмотреть!

— Ах ты ж... — Анальгин налетел на него, сбил с ног и с размаху пнул в зубы. — Ты чё, в натуре?! Отморозок гребаный!

Я прыгнул на белобрысого сзади, обхватил, пытаюсь оттащить от мальчишки.

— Не смей! Дурак! На черта тебе теперь твой джип?! Туда его не возьмешь!

Анальгин больно ударил меня затылком по переносице, но я вцепился в него намертво.

— По херу мне джип! — визжал он в истерике. — У меня семья в городе осталась! А он чужих зовет! А мои... Дениска!!!

Анальгин вырвался, оставив у меня в руках клочья одежды. Он упал на колени возле оглушенного мальчишки, закрыл лицо руками и разрыдался, перекрикивая рев пламени...

Прошел час. Во всех квартирах, на всех этажах, на лестничных пролетах и в лифте плотной толпой стояли люди. Детей держали на руках. Было невыносимо душно, но никто не жаловался. Мы ждали. Гошка сидел у меня на плечах. Это место он предпочитал, пожалуй, всем остальным местам на земле. На Земле... Именно на Земле-то для нас больше нет места...

Толпа вдруг качнулась.

Пронесся сдавленный крик: «Управдом?! Где управдом?! Нету! Сбежал!»

— Там женщина какая-то голосит, — сказали от двери.

— Тихо! Дайте послушать!

Опять не слава богу, подумал я. Но что, черт их раздери, означают эти вопли?!

— Да я сама на карьере работала! — звучал где-то вдалеке пронзительный голос. — Если на ящиках треугольник, значит, это динамит!

Я сразу вспомнил тридцать три ящика, привезенных сегодня и сгруженных в подвал. Но был ли на них треугольник?

— Люди! Это обман! — закричал кто-то отчаянно. — Нас хотят взорвать!!!

— Дверь! Дверь откройте! Выходите все! На улицу!

— Не открывается дверь! Заклинило! Снаружи приперто, что ли...

— Пустите меня!!! А-а!!! Я боюсь!!

Толпа задвигалась, в ней возникали приливы и отливы, промоины и валы, накатывающие так, что люди едва могли держаться на ногах.

— Чего она там кричит, дура?! — заорал я. — Детей из-за нее передавим! Пускай сама в подвал спустится и посмотрит, что там за ящики!

— Все двери закрыты! — отозвались с площадки. — И в подвал, и на улицу! И управдом пропал!

— Да куда он денется! — Мне с трудом удавалось перекрикивать нарастающий вой. — Прекратить панику! Стоять всем на месте! Управдом на верхних этажах! А ну, пропустите! — Я, прямо с испуганным Гошкой на плечах, стал продвигаться к двери. Марина, крепко ухватив меня за ремень, шла следом.

На площадке людские волны бесновались еще сильнее. Кто-то бился на полу в истерике. Сразу несколько ног вразнобой ударяли во входную дверь и в дверь подвала. Подвальная рухнула первой. Несколько человек вместе с женщиной, поднявшей панику, ринулись вниз по лестнице.

— Пропустите меня! — кричал старичок с кургузой бородкой. — Я специалист! Я профессор химии!

Его пропустили, и он тоже исчез в темном проломе. Оттуда уже доносились какие-то звуки — не то истерические вскрики, не то визг выдираемых из ящиков гвоздей.

— Да успокойтесь вы! Сейчас всё скажут! Сейчас всё выяснится! — выкрикивал я, поворачиваясь направо и налево, пока меня самого не ткнули в бок:

— Тихо!

На площадке и в квартирах установилась относительная тишина. Сразу стали слышны шаги на подвальной лестнице. В развороченном проеме показался старичок профессор.

Все смотрели на него и молчали, ни у кого не хватало духу задать первый и единственный вопрос. Маринина ладонь как-то незаметно оказалась в моей.

Старичок обвел нас растерянным взглядом, посмотрел зачем-то на часы... Наконец, до него дошло, чего все ждут.

— Нет, нет, — глухо произнес он. — Всё в порядке. Никакой опасности...

— А динамит? — всхлипнул кто-то.

— Да какой там динамит! — Старичок снова бросил вороватый взгляд на часы. — Всё в полном порядке. Сейчас стартуем...

— А ты откуда знаешь? — Вперед выдвинулся крепенький невысокий парень с боксерской стрижкой.

— А там, как раз, это... — профессор неопределенно поводил рукой. — Стартовый пульт, да.

— А ну, дай, я посмотрю, — парень шагнул к подвальной двери.

— Нет! — Старичок испуганно расставил руки, будто пытался закрыть собой пролом. — Поймите, это бессмысленно! Уже начался отсчет времени! Собственно, пошли последние секунды. Вот...

Он поднес часы к подслеповатым глазам.

— Десять. Девять. Восемь. Семь...

И все, кто стоял на площадке, и дальше, на лестнице, и выше, на всех этажах унылого серого дома, медленно отсчитали про себя:

Шесть...

Пять...

Четыре...

Три...

Два...

Один...

Старт.

Леонид Каганов

Слово автора:

Мне есть чем похвастаться: мне довелось стать первым автором, кто познакомился с «Моделью для сборки» вживую, явившись на эфир радиостанции. Представления об авторском праве в те годы только устаканивались на просторах страны, и не было толком понятно, что можно, что нельзя. «Модель для сборки» работала к тому времени уже не первый год, а в Интернете изредка бурлили недовольные авторы: мол, как это так, какие-то незнакомые люди нас читают, да вслух, да без спросу, да по радио, да денег не платят!

Я немного имел представление, каких огромных денег может стоить автору получасовая реклама на радио и какие копейки получают ведущие. Поэтому вступал в споры и пытался объяснить: ребята, это же прекрасно, что ваш текст прочли — на всю, так сказать, страну! После одной из таких громких дискуссий мне пришло письмо с предложением познакомиться с «Моделью». И вот однажды вечером я попал в студию, где рождалась «Модель», — красивый таинственный голос Влада читал с листа рассказ (на этот раз прямо мой), и всё это сопровождала таинственная музыка, льющаяся с пульта диджея Габовича. Это оказались прекрасные люди, и с тех пор мы дружим. В тот раз я спросил Влада, как ему пришла в голову мысль читать вслух для слушателей? Оказалось, читать он умел уже в детском саду, и воспитательница часто оставляла группу на маленького Влада, прося его почитать вслух книжку остальным... А в читательских отзывах на произведения, которые мне пишут, всё чаще звучит «я услышал» вместо «я прочел».

МАММА СОННИМ

(выложен 22–24.06.2009)

*Когда болеет дерево, никто
Под ним не отдыхает у дороги.
А под здоровым деревом всегда
Прохожий ищет тени и приюта.
Но вот оно без веток, без листвы,
И на него теперь не сядет птица.*

Сон Кан (Чон Чхоль), пер. А. Ахматовой

— Теперь тихо! — сказал Капитан. — Подъезжаем.

И разговоры смолкли на полуслове. Джип мягко сбавил ход и прижался к обочине шоссе. Из низкого кустарника торчали две ржавые стойки, между ними было распято узкое железное полотенце с белыми буквами на осыпавшемся голубом фоне «п/л КУКУШКА — 4 км». Сразу за табличкой в лес уходила асфальтовая дорога — ровно по габаритам лагерного автобуса, возившего когда-то пионеров. Страшно представить, что произошло бы, столкнусь тут два автобуса — одному бы пришлось пятиться обратно.

Джип качнулся и съехал с шоссе. Сразу под колесами угрожающе затрещало — дорожка была разбитой и запущенной. Из поседевшего асфальта пучками лезла жесткая летняя трава, валялись камни и сплюснутые жестянки. А стоило въехать в лес, появились корни, и асфальт стал похож на куски кафеля, изжеванные гигантским животным и разбросанные как попало по лесной тропе. Джип медленно полз сквозь ельник. Справа и слева мелькали тяжелые хвойные лапы, а когда лапы на миг расступались, в темных провалах возникали сырые ямы, доверху заваленные

мусором. Над ними стоял кислый запах ржавчины и пластика. Казалось, жители всей области привозили сюда хронить скончавшиеся холодильники и комоды. А заодно, по древним варварским обычаям, клали в их могилы всё, что окружало монстров при жизни: старые кастрюли, пластиковые бутылки, тряпки и детские игрушки.

В одной из ям рылись две собаки — огромные, словно волки, грязно-бурой масти. Увидев джип, они прекратили рыться в куче, как по команде задрали морды, оскалили желтые клыки и проводили машину долгим понимающим взглядом.

— Останови через километр, — произнес Капитан и оглядел салон.

Всё в порядке. Ребята готовы. Спокойные, сосредоточенные лица. Не первый год вместе. Слаженная команда, понимают друг друга с полуслова. Много повидали, но всегда справлялись. Спецгруппа быстрого реагирования, чего тут говорить.

Ямы скоро кончились, по обочинам замелькал лес — сырой и чистый.

— Здесь стой, — обронил Капитан, и водитель тихо заглушил мотор. — Ким, выйдешь здесь. Гранатомет берешь ты. Задача: не выдавая присутствия, наблюдать за обстановкой. Докладывать. В огневой контакт не вступать. Гранатомет использовать только по моей команде. Контролируешь дорогу. Это на случай непредвиденного. Если они вызовут помощь или попытаются уйти. Давай!

Неразговорчивый Ким привстал, небрежно взял гранатомет за ствол и вышел наружу. Его низкая фигурка сразу исчезла в ельнике — даже ветки не качнулись. Команда проводила его молчаливым взглядом. Ким считался железным человеком.

— Заболодин, Касаев — идут на выход перед самым выездом на поляну. Петеренко, притормозишь. Разойтись, окружить здание. В огневой контакт — по моей команде. Либо по необходимости. Подъезжаем к зданию, сразу на выход все. Артамонов идет со мной, чуть впереди. Петеренко остается у машины, используя как укрытие. Вопросы?

Вопросов не было. Только Заболодин хмыкнул себе под нос:

— Дом Агиева с такими предосторожностями не брали... Но Капитан услышал.

— Разговоры! — отрезал он. — Еще раз повторяю. Кто не понял. Здесь пропала группа Тарасова. В полном составе, без следов. Связь оборвана.

Заболодин уставился на Капитана. Остальные молчали.

— А ты думал, учебная тревога?

Заболодин молчал. Наступила пауза, и было слышно, как лесной сквозняк с тихим шепотом забирается в щели салона.

— Работаем! — кивнул Капитан.

Мотор взревел, и джип понесся вперед по корням и обломкам асфальта. Несколько раз его сильно потрянуло, словно могучие лесные кулаки били в днище, а потом скорость выровнялась, и удары превратились в глухую вибрацию. Затем джип резко притормозил. Касаев и Заболодин выкатились в ельник, прощально хлопнув дверцей. Машина снова рванула вперед, и вдруг всё кончилось — деревья расступились, открывая здоровенную поляну. В центре возвышался пятиэтажный корпус пансионата, бывшего пионерлагеря. Здание было выстроено на совесть и выглядело бы еще довольно молодо, если бы на каждом окне, на каждой клочке штукатурки не лежала печать заброшенности.

Асфальтовая дорожка вела прямо к козырьку парадного крыльца — мимо покалеченного шлагбаума, мимо пятачка стоянки для автобуса. Слева торчали останки спортплощадки — скелет футбольных ворот и ржавая лестница из толстых труб, устремленная в небо почти вертикально, — словно в небе разгорелся пожар, его полезли тушить, да так и не добрались. Справа от дорожки была детская площадка — там виднелась дуга бывших качелей и раздолбанная песочница. В песочнице сидела девочка лет пяти с очень серьезным личиком, и это, наверно, удивило бы Капитана, если бы он умел удивляться во время боя.

Джип взревел последний раз и развернулся боком, глухо урча. Разом открылись двери — Петеренко выскочил

из-за руля и укатился под джип, сжимая в руках штурмовик. Капитан и Артамонов выпрыгнули в сторону здания, но их движения и осанка тут же приобрели ту степенность, которая положена людям, собирающимся говорить, прежде чем стрелять.

Стрелять было не в кого. Капитан и Артамонов направились к песочнице, синхронно держа правые руки за отворотами курток.

Девочка не обратила на них ни малейшего внимания, и Капитан сперва даже подумал, что она глухонемая. На ней было красное платьице и белые сандалики, а редкие кудри украшал здоровенный бант. Девочка сосредоточенно тыкала совком в кучу старого песка, перемешанного с листьями и хвоей. Капитан подошел к песочнице первым. Девочка подняла на него взгляд — глаза у нее были непроницаемо черные и очень серьезные. Артамонов отошел на пару шагов вбок и тревожно оглядывал здание.

— Привет, малышка, — сказал Капитан и улыбнулся, показав крепко сжатые зубы.

Девочка не ответила, опустила голову и снова принялась ковырять совком, выстраивая песочный холм.

Капитан оглянулся на Артамонова. Тот взмахнул рукой и пальцами сложил в воздухе несколько знаков подряд: «Опасности не вижу, контролирую левое крыло и середину...» Капитан быстро скользнул взглядом по правому крылу — снизу вверх до земли. Особо внимательно кольнул взглядом куст сирени, прикрывающий угол дома. Тут тоже всё было спокойно. Капитан перевел взгляд на девочку и снова нарисовал на лице улыбку.

— И что ты здесь делаешь?

— МЕДВЕДЯ ЗАРЫВАЮ, — вдруг ответила девочка таким хриплым голосом, что Капитан вздрогнул.

— А взрослые где?

Девочка не ответила.

— Петеренко! — рявкнул Капитан в отворот куртки. — Укрой ребенка в машине! Вытяни информацию. Не бей, но не церемонься.

И, не дожидаясь ответа, пружинисто направился к козырьку здания.

Дверь была распахнута, изнутри сочился влажный сумрак. В вестибюле на полу валялось несколько матрацев, и сквозняк гонял сухие листья. Капитан отпрыгнул в сторону и замер, вжавшись в стену. Артамонов, войдя следом, бросился на пол, перекувыркнулся, сгруппировался и замер в противоположном углу вестибюля. Дом дышал вековой пылью.

— Прикрой! — скомандовал Капитан и метнулся к лестнице.

На лестнице тоже валялся старый матрас, из его распоротого брюха ключьями торчала вата и солома. Капитан перепрыгнул его и пружинисто взлетел на второй этаж. Артамонов двигался за ним короткими перебежками — от стены к стене.

Здесь тоже не пахло человеческим жильем. Пахло ветром, лесом, корой и прелыми листьями. Вдоль коридора гуляли лесные сквозняки, а прямо напротив лестницы валялась маленькая детская кукла — грязно-зеленый крокодилчик с распоротым животом. Он лежал на боку и глядел на Капитана грустными пластиковыми глазами.

Капитан указал стволом штурмовика наверх и пошел дальше. Артамонов двинулся следом. Так они добрались до последнего, пятого этажа и прошли по его коридору. Дом был пуст. Возле одной из дверей Артамонов замер и вдруг резко распахнул ее. Капитан подскочил и заглянул внутрь.

Обычная комната, только железные кровати кто-то разобрал и свалил в углу. Стены измазаны бурой гадостью, потолок закопчен, по углам валялись бутылки и небольшие кости — то ли собачьи, то ли козлиные. А посередине комнаты на желтом линолеуме нарисован скошенный пентакль. В середине пентакля в оплавленных лоскутах линолеума чернело старое костровище с торчащими во все стороны головешками и обрывками недогоревших газет.

А вокруг пентакля разбросаны маленькие детские игрушки — пластиковые зайчики и поросята, плюшевый слоник, несколько солдатиков и голенастая кукла без одежды.

Капитан посмотрел вверх на закопченный потолок, а затем глянул в разбитое окно — прямо в тусклое лицо заходящего солнца, сползающего в ельник.

— Здесь давно никого нет, — произнес Артамонов и плюнул в центр пентакля.

— Здесь нет и группы Тарасова, — возразил Капитан. — Будем искать следы.

Он задумчиво подошел к окну, взялся рукой за отворот куртки и негромко произнес:

— Петеренко! Что говорит ребенок?

Ответа не было.

— Петеренко! — повторил Капитан.

Ответом была тишина, только за спиной слышался тихий вой сквозняка. И тут ему на плечо легла рука.

Капитан резко обернулся, но это был Артамонов. Только глаза у него сейчас стали круглые и испуганные, он не мигая смотрел в окно. Капитан повернулся к окну и сперва даже не понял, в чем дело. Чего-то не хватало в пейзаже — вроде на месте был и лес, и уходящее солнце, и асфальтовые дорожки, и разбитая спортплощадка с песочницей... Не хватало только джипа. Капитан мог поклясться, что звука уезжающей машины за всё это время не было, но вот в какой момент исчезло ворчание мотора на холостых оборотах — этого он, к своему удивлению, тоже вспомнить не мог.

— Замереть! — шепнул Капитан, отпрыгнул назад и тревожно вытянулся.

Артамонов отпрыгнул и замер с левой стороны окна. Несколько минут они стояли друг перед другом навтытяжку, как курсанты в карауле. В воздухе разливалась безмятежная, спокойная тишина. Сонно шуршал ельник за окном, и тихо пели сквозняки в коридорах. Наконец во дворе раздался тихий скрежет, словно кто-то тяжелый шел по снежному насту. Затем снова и снова. Капитан сжал зубы, многозначительно глянул на Артамонова, медленно поднял ствол и снова выглянул в окно.

В песочнице сидела девочка и тыкала совочком. Совочек входил в песок с тихим скрежетом, девочка сосредоточенно

раскапывала холмик, и теперь оттуда торчала бурая лапа плюшевого медвежонка.

Неожиданно в наушнике раздался голос Кима.

— Капитан, у меня всё тихо, — сообщил Ким. — Что у вас стряслось?

— Пропал джип, — сказал Капитан шепотом. — Не проезжал?

— Никто не проезжал.

Капитан решительно тряхнул головой и рывкнул в воротник:

— Заболодин, Касаев! Живы?

— Жив, — тут же откликнулся Касаев. — Вижу Заболодина.

— Я в порядке, — сказал Заболодин.

— Касаев, где наш джип?! — рывкнул Капитан.

— Мы с тыла здания, — ответил Касаев. — Отсюда не видно. Но я ничего не слышал.

— А я уже на углу, — сообщил Заболодин. — Вижу поляну. Джипа не вижу. Вижу грузовик.

— Какой грузовик?! — Капитан осторожно высунулся.

Действительно, приглядевшись, он увидел на месте джипа маленький игрушечный грузовичок. В кузове сидел резиновый пингвинчик.

— Б...!!! — с чувством произнес Капитан так громко, что девочка прекратила тыкать совком, подняла голову и уставилась снизу на Капитана черными немигающими глазами.

Капитану стало не по себе, и он отшатнулся от окна.

— Что же это? — спросил Капитан растерянно.

Но в следующий миг взял себя в руки, кивнул Артамонову на дверь, чтоб прикрывал на случай атаки, а сам выдернул из кармана спутниковый трансивер. По инструкции, это надо было сделать уже давно, с самого начала. Артамонов метнулся за дверь и встал у стены коридора, тревожно стреляя глазами вправо-влево.

Капитан выдернул антенну на всю длину и нажал вызов.

— Центр! Объект пуст! Пропал джип и Петеренко! Пропал джип и Петеренко! Центр!

В трансивере стоял тихий ровный шумок.

— Ситуация неопределенная... — сказал Капитан после долгой паузы. — Центр?

Трансивер молчал. Это было невероятно, но военная связь отказала. Капитан на всякий случай глянул в небо за окном, но, конечно, никакого стального купола там не было — свежее, настоящее небо. И где-то там, в вышине, торчали спутники.

— Ким! — скомандовал Капитан дрогнувшим голосом. — Уйти! Выбраться живым и доложить в центр!

— Приказ понял, — тихо отозвался Ким в наушнике.

— По обстоятельствам стреляй, — добавил Капитан.

— Понял, — ответил Ким на выдохе.

— Заболодин, Касаев — подняться в здание!

Капитан глянул на часы. Солнце еле-еле пробивалось сквозь ветки, на поляну со всех сторон опускался тяжелый сумрак. Далеко за ельником тоскливо взвыла собака и смолкла.

— Вошел в здание, — сообщил Заболодин. — Опасности не вижу, двигаюсь наверх.

— Ребенка брат? — спросил Касаев.

Капитан снова осторожно выглянул — Касаев стоял в центре песочницы, держа девочку на руках.

— Да, — сказал Капитан, секунду помедлив.

Касаев тут же метнулся к зданию и пропал под козырьком. А еще через секунду оттуда вышла девочка, волоча за хвост длинного плюшевого удава. Голова удава безвольно моталась по земле, поблескивая двумя черными бусинками.

— Касаев... — тихо позвал Капитан.

Касаев не ответил.

— Касаев!

Ответил Ким.

— Жив, двигаюсь к трассе, — сообщил он мрачно.

— Жив, двигаюсь по второму этажу, — тут же откликнулся Заболодин.

Касаев молчал.

И тогда Капитан сделал то, что ему подсказывала интуиция. Он аккуратно поднял ствол, с ходу переводя

на одиночные, и когда на линии огня возник затылок девочки с бантиком, аккуратно нажал спуск. Хладнокровно, без колебаний и без эмоций. Вдруг поняв, что это правильно.

Сдавленный хлопок штурмовика разнесся по комнате, метнулся эхом по коридорам и увяз в тишине. Капитан знал, как всё должно произойти: голова девочки аккуратно дернется, словно от короткого подзатыльника, затем подогнутся ноги, и она упадет лицом в песок. Но почему-то он уже был уверен, что этого не произойдет. И поэтому внутренне обмер, когда голова девочки все-таки дернулась. Убить ребенка, даже во время операции... Но девочка не упала. Она обернулась, подняла голову и уставилась на Капитана черными пустыми глазами. А затем неестественно широко распахнула рот в гигантской улыбке, как это бывает только в мультфильмах. И так, с распахнутым алым ртом, вдруг завывала на весь лес — хрипло, оглушительным сочным басом, с колокольными перекатами. И в такт ей загудели сквозняки по всему зданию и далеко в ельнике заорали собаки.

Капитан отшатнулся от окна, машинально переводя штурмовик на стрельбу очередями. Время замедлилось. Казалось, прошла целая вечность. Наконец вой так же резко оборвался.

— Артамонов жив, — раздался голос Артамонова одновременно в наушнике и за спиной.

— Ким жив, — сказал Ким.

— Заболодин жив, — сообщил Заболодин. — Нашел на третьем этаже место огневого контакта. Шесть гильз и очередь на потолке. Крови нет, следов борьбы нет. Гильзы наши, здесь был Тарасов.

Капитан помолчал немного, а затем все-таки произнес:

— Капитан жив.

И только после этого выглянул в окно. Девочка теперь сидела на качелях, словно окаменев, и механически покачивала ногой. Капитан сунул руку глубоко за пазуху — под комбез, под бронник, под гимнастерку — и там, на волосатой груди, нащупал маленький серебряный крестик.

— Заболодин жив. Иду наверх, — прозвучало в наушнике.

— Артамонов жив, — раздалось в наушнике и одновременно за спиной.

— Ким жив. Вышел на опушку к зданиям, — раздалось одновременно в наушнике и — тихо-тихо — вдалеке за окном.

Капитан тут же выглянул — у самой кромки ельника стоял Ким, сжимая гранатомет.

— Ким, стоп! — шепнул Капитан в микрофон. — В лес!!!

Фигурка метнулась назад и исчезла в ельнике.

— Что случилось? — спросил Ким в наушнике.

— Идиот!!! — прошипел Капитан. — Я приказал уйти, а не подходить к «Кукушке»!

— Я ушел к трассе, — ответил Ким не очень уверенно. — Вижу здание. Вижу ребенка на качелях... Здание заброшенное... В разбитом окне на пятом... человек?

— Твою мать, это я! Ты вышел к «Кукушке»! Бойся девочки! Убирайся вон! К трассе!

— Понял, — сказал Ким.

Капитан еще долго глядел в ельник, но там не было движения.

— Заболодин жив, — сказал Заболодин. — Поднялся на пятый, вижу Артамонова в конце коридора.

— Артамонов жив, — сказал Артамонов. — Ко мне приближается Заболодин.

Капитан еще раз окинул взглядом загаженную комнату и сильнее сжал крестик. А затем решительно вышел в коридор. Заболодин и Артамонов уже ждали его. Хмуро кивнув им, Капитан подергал соседнюю дверь. Та была заперта. Капитан шагнул к следующей — тоже заперто. Тогда он умело стукнул плечом, ловко подхватил вылетевшую дверь и прислонил ее к стенке. В этой комнате было чисто, окно целое, кровати аккуратно застелены и подушки торчали на них пирамидками. Капитан хмуро обернулся:

— Ну, заходите, чего на пороге столпились?

Артамонов и Заболодин переглянулись, но вошли. Капитан сел на кровать, задумчиво взял треугольную подушку и положил ее на колени. Штурмовик положил рядом.

Артамонов тревожно оглянулся на коридор, но Капитан взглядом приказал сесть.

— Ким! — сказал он в воротник. — Доложишь так: объект заброшен, исчез джип и Петеренко, исчез Касаев. По объекту ходит девочка — нечеловеческая. Огонь на поражение не действует. Ситуация не укладывается. Не укладывается... — повторил он задумчиво.

— Понял, — ответил Ким. — Двигаюсь к трассе.

— Так. — Капитан оглядел комнату и сложил руки на подушке. — Погибли Петеренко и Касаев. Ушел Ким. Нас осталось трое. Какие будут предложения?

— Первое предложение, — негромко, но внушительно сказал Артамонов, — восстановить контроль над коридором. Такая полная беспечность приведет...

— Валяй, — уныло перебил Капитан.

Артамонов тут же выскочил из комнаты и занял оборонительную позицию.

— Ну, — Капитан перевел взгляд на Заболодина, — а ты чего скажешь?

— Нет идей, — потряс головой Заболодин и тревожно сжал свой штурмовик.

— Вот и у меня нет идей.

Капитан снова вынул трансивер и повертел его в руках. Трансивер молчал.

— Ким жив, — тревожно раздалось в наушнике. — Двигаюсь к трассе.

— Мы тоже пока живы, — сказал Капитан и умолк.

— Может, пора рассказать, что здесь случилось и зачем нас подняли? — хмуро произнес Заболодин.

— Я объяснял перед выездом, — вздохнул Капитан. — Меня вызвал генерал. Велел поднять по тревоге группу и взять под контроль объект. Всё, что я успел узнать про «Кукушку», — тут был пионерлагерь, а затем пансионат. Прошлым летом начались неприятности, стали пропадать люди. Оборвалась телефонная связь, исчез персонал и отдыхающие, затем пропали несколько местных. Ушли сюда и не вернулись.

— И никто не возвращался?

— Некоторые возвращались. Те, что возвращались, говорили, что объект пуст и заброшен. Но внутрь они не входили. Грибники. Затем приехал наряд милиции — исчез.

— Вот этого я уже не слышал... — вставил из коридора Артамонов.

— Поползли слухи, но дело замяли. Приезжали следователи из прокуратуры — осмотрели, прошлись по этажам, ничего не нашли и вернулись, оставив наблюдение. Наблюдение исчезло в тот же вечер. Недавно сюда отправилась группа сатанистов — по оперативным данным, не возвращались. Наконец генерал отправил группу Тарасова с полной выкладкой. Связь утеряна, никто не вернулся.

Воцарилась тишина.

— А может, надо было всё это раньше сказать?! — зло рявкнул Артамонов из коридора. — Я бы хоть с женой попрощался, знать такое!!!

— Тихо!!! — прошипел Капитан. — Прекратить панику!!!

— А чего мы ждем?! Бежать надо!!! — вскочил Заболотин, но тут же осекся и продолжил: — И докладывать...

— Прекратить панику! — снова прошипел Капитан. — Уходит один Ким, ему нужно время. Мы — отвлекаем.

— Кого отвлекаем? — спросил Артамонов. — Кого?!

Капитан ничего не ответил. Артамонов заглянул в комнату.

— А если она сюда поднимется?! — прошептал он, выкатив глаза.

— Капитан! — раздался в наушнике голос Кима. — Она закольцована! Я опять вышел к «Кукушке»!

— Кто закольцована?!

— Дорога, — ответил Ким немного смущенно. — Пятьдесят метров вглубь от поляны и... я нашел место, где всё начинает повторяться.

— Объясни! — потребовал Капитан.

— Там... как зеркало, — мялся Ким, подбирая слова. — Там, если встать на дороге, то вперед и назад стоят одинаковые деревья, и в какую сторону ни посмотреть — видна «Кукушка»...

— Так уйди с дороги! — скомандовал Капитан.

— Пробовал, в лесу то же самое. Пятьдесят метров вглубь — и как зеркало местности. «Кукушка» — опушка — «Кукушка» — опушка. До бесконечности.

— Но мы же приехали сюда откуда-то?! — рявкнул Капитан. — Или мы здесь родились?!

— Продолжать попытки?

— Продолжай. — Капитан повернулся к Артамонову. — Вот видишь. Не в девочке дело...

— Кэп... — тихо сказал Заболодин. — А это не похоже на галлюцинации? Отравление какими-нибудь психоактивными...

Капитан задумался.

— Не похоже, — помотал он головой. — И вообще, Ким-то не подходил к «Кукушке».

— Но ведь Ким и... — начал Заболодин, но задумался. — Тогда я не вижу вообще никакой логики!

— А здесь нет логики, — хмуро кивнул Капитан. — По-любому нет. Никто не заинтересован в происходящем. Никто здесь не скрывается. Никто не борется за это место.

— Кому принадлежит «Кукушка»?

— «Кукушка» принадлежала КБ «Металлопроект», — поморщился Капитан. — Его давно не существует. Никто не борется за «Кукушку». Ни один политик не сделает карьеру на этих событиях.

— Люди не могут исчезать бесследно, — твердо сказал Заболодин и замер с открытым ртом.

— Они не исчезают, — возразил Капитан. — Они...

— Собака! Тварь! Мразь! — Заболодин со злостью бил кулаком подушку, затем остановился, тихо произнес «Ой...» и начал стремительно съеживаться.

Всё произошло в одну секунду. Капитан моргнул. Перед ним на кровати лежал сиреневый ослик из шершавого пластика.

— Артамонов! — прошептал Капитан, не отрывая взгляда от ослика.

Но встревоженный Артамонов и так уже стоял на пороге комнаты. Он непонимающе поглядел на Капитана, затем на соседнюю кровать. И замер.

— Что с Артамоновым? — резко спросил Ким в наушнике.

— С Артамоновым порядок, — ответил Капитан. — Погиб Заболодин.

— Как же это так? — прошептал Артамонов.

Капитан метнулся к окну. Девочка сидела на качелях. Она наполовину сползла и задумчиво ковыряла землю сандалией.

— Вот так... — сказал Капитан обреченно. — Вот так. Никак. — Он тут же взял себя в руки и требовательно обернулся. — Артамонов! Осмотри его!

— Кого? — шепотом спросил Артамонов.

— Его. — Капитан кивнул на ослика.

Оглянувшись на Капитана, Артамонов опасливо приблизился к ослику. Ослик лежал на боку, его мутные пластиковые глаза смотрели без выражения. Артамонов взял его в ладони и аккуратно повертел в руках. Затем сжал. Ослик пискнул. Артамонов перевернул его и осмотрел встроенную пищалку.

— Сделано в Китае? — спросил Капитан и почувствовал неуместность этого вопроса.

— Написано «ОТК-27», — прищурился Артамонов. — Обычный ослик, у моего младшего такой же.

— Такой же?

— Только зеленый.

«Если выберемся — похороним с почестями», — подумал Капитан, отворачиваясь к окну.

Девочка сидела на качелях. Солнце зашло, и теперь светило лишь небо над ельником. На опушке снова стоял Ким, и по тому, как он стоял — открыто, не скрываясь, — Капитан понял, что Ким совершенно растерян и раздавлен.

— Ким! — негромко позвал Капитан. — Не стой, поднимись в здание.

Ким двинулся вперед, пожав плечами — тоже очень несвойственный для него жест. Путь его шел мимо качелей, но он специально сошел с тропинки, чтобы обойти подальше, метров за двадцать. Девочка заметила Кима, подняла голову и уставилась на него.

— Не останавливайся, — быстро предупредил Капитан на всякий случай.

Не вставая с качелей, девочка вытянула руку в сторону Кима — четыре пальца растопырены, большой прижат. Так поднимает лапу кошка.

Ким не оглянулся, хотя наверняка следил краем глаза. Он подошел к зданию и скрылся под козырьком. Девочка еще немного посидела с поднятой лапой, затем так же неестественно опустила ее, скосбочилась и уставилась за ельник, в сторону закатившегося солнца. Капитану подумалось, что приезжать сюда лучше было с утра, когда светло. Возможно, по свету удастся и выбраться...

Сумрак сгустился окончательно. Девочка поднялась с качелей и тяжело опустилась на четвереньки. Капитан ощутил холодок — ему подумалось, что девочка сейчас поползет к зданию. Она действительно поползла, умело переставляя конечности, но не совсем к зданию — просто вдоль площадки. Капитан на секунду оглянулся на Артамонова — тот сидел на кровати, всё так же держа в руках ослика. А когда Капитан повернулся обратно, то вздрогнул. Девочки не было. И в том месте, где она только что ползла, двигался здоровенный косматый зверь, напоминавший медведя с растрепанным конским хвостом.

— Что там? — спросил Артамонов шепотом.

— Да зачем тебе?.. — поморщился Капитан и сам отвернулся.

Артамонов пожал плечами и уставился перед собой. В коридоре послышался шорох, и на пороге возник Ким.

— Надо осмотреть здание, — заявил он сразу.

— Командую здесь я, — напомнил Капитан.

— Так командуй! — неожиданно взорвался Ким. — А не изображай в окне мишень!

Капитан посмотрел на него с удивлением, и Ким смутился:

— Виноват. Нервы. — Он уперся гранатометом в пол.

— Ты лучше глянь на это. — Капитан кивнул за окно.

Ким тут же оказался рядом с ним и долго смотрел в сгустившиеся сумерки. А Капитан смотрел на его лицо. Ким

держался молодцом — лицо его оставалось каменным, только зрачки расширились. Капитан снова глянул на поляну. Чудовище стояло на задних лапах в профиль. Оно горбилось, передние лапы обвисли и лениво покачивались вдоль туловища. Под бурой медвежьей шерстью топорщились гроздьи мышц, громадные когти неспешно рассекали воздух. Но это был не медведь. У чудовища была женская грудь, поросшая бурым мехом.

— Что скажешь? — спросил Капитан.

— Я не знаю, что видишь ты... — начал Ким задумчиво.

— А ты?

— Я вижу медведицу с женской грудью и девятью хвостами.

— Девятью хвостами? — Теперь Капитан разглядел вместо конского хвоста пучок шевелящихся щупалец, кажется, их действительно было девять.

Артамонов не выдержал, тоже подошел к окну и уставился на чудовище, открыв рот. Чудовище медленно развернулось, подняло морду и теперь рассеянно оглядывало здание.

— Ну и что это?! — требовательно спросил Капитан.

— Вы оба видите то же самое? — уточнил Ким. — Медведицу с женской грудью и девятью...

— Да! Что это, твою мать?!

— Если верить моему покойному деду, один из демонов корейских сказок, — спокойно ответил Ким. — Дед называл его Мамма Сонним — многоуважаемый гость оспа. Или просто — многоуважаемый гость.

— Ах, многоуважаемый?! А что твой дед советовал делать при встрече с этой живой Маммой?!

— Мамма Сонним не бывает живой. Она мертвая по определению.

— Но что с ней делать-то?!!

— А что ты на меня орешь?! — взвился Ким. — Я-то откуда знаю?!

— А кто у нас эксперт?!

— Я эксперт по технике и вооружению, где ты видишь оружие?! Кто у нас эксперт по стратегии?!

— Да ты хоть понимаешь, что... — разъярился Капитан, но Ким успокаивающе поднял руку.

— Если это демон из корейской сказки, то в корейских сказках с Маммой Сонним ничего не сделать. Что твой дед советовал делать со Змеем Горынычем?

— Рубить все головы, — вместо Капитана ответил Артамонов. — Бабу Ягу — в печь. Кощею Бессмертному — ломать иглу.

— Бессмертных не бывает, — подтвердил Капитан.

— У вас всё просто, — согласился Ким. — У нас сложно. С Маммой Сонним ничего нельзя сделать.

— Так не бывает, — возразил Артамонов.

— Так бывает. От нее можно убежать или умиловать ее.

— Убежать ты уже пробовал. А умиловать — вон у нас... умиловали уже троих... — Капитан махнул рукой на кровать, где лежал ослик.

Ким резко повернулся и только сейчас заметил ослика. Он подошел ближе, волоча по линолеуму гранатомет, и постоял немного, склонив голову.

— Как это случилось? — спросил он наконец.

— Хлоп — и превратился, — ответил Капитан. — Был Заболодин — и нет Заболодина. Сам по себе, на полуфразе. Мамма твоя в здание не поднималась.

— Пока, — вставил Артамонов.

— Пока, — повторил Капитан.

— То есть мы попали в корейскую сказку? — произнес Артамонов, и в голосе его Капитану почудились обиженные нотки.

— Это ко мне вопрос? — уточнил Ким.

— К тебе. Что про это говорят корейские сказки? — спросил Капитан.

— Я ни о чем подобном не слышал.

— А кто слышал?! Я слышал?! — заорал Капитан, но тут же осекся. — Виноват, нервы.

В комнате воцарилась тишина.

— В корейских сказках люди превращаются в игрушки? — спросил Артамонов.

— В корейских сказках превращаются в разное, — пожал плечами Ким. — Я не знаток корейских сказок.

— И не в какие-нибудь бамбуковые игрушки! — Капитан повернулся к Киму и прищурился. — А вот в таких вот, пластиковых осликов с надписью «ОТК»? Превращаются люди в корейских сказках?

— Если здесь поселился демон Мама Сонним, — веско сказал Ким, — вряд ли он станет вести себя так же, как вел себя в древней Корее много веков назад.

— А ты можешь с ней того... Спуститься и... разобраться как-нибудь? Поговорить? — Артамонов кивнул за окно.

— Это приказ? — Ким сжал гранатомет и вопросительно посмотрел на Капитана.

— Не приказ. Но... ты же кореец? — потупился Капитан.

Ким вскинул голову и посмотрел ему прямо в глаза.

— Я жду! — сказал Ким. — Ты меня не хочешь обвинить в саботаже и связях с противником?

— Я совсем не об этом... — смутился Капитан. — Просто эта... с девятью хвостами... Мама Сонним...

— Она из Кореи? Она знает корейский? — Ким в упор смотрел на Капитана.

— Не исключено, — твердо сказал Капитан.

— А я из Кореи? — спросил Ким. — Я знаю корейский?

— А ты знаешь корейский?

— Впервые ты меня об этом спрашивал девять лет назад. — Ким повернулся спиной и встал у окна, опершись на гранатомет.

— Что ж нам делать? — растерянно пробасил Артамонов.

— Осмотреть здание, — решил Капитан и вдруг добавил: — Артамонов, возьми Заболодина, мы своих не бросаем.

Ким смотрел в окно.

— Она двигается, Капитан. Она роет землю.

Сначала они вернулись в изгаженную комнату с пентаклем на полу — просто чтоб показать Киму. Ким задумчиво потыкал ботинком разбросанные игрушки, затем присел, разглядывая кости в углу.

— Обломались сатанисты, — цыкнул зубом Артамонов. — Превратились в зайчиков.

— А может, они для этого и пришли? — возразил Капитан.

— Нет, — покачал головой Артамонов, — они обломались. Хотели пообщаться с Сатаной, а Сатана оказалась корейская... Ким, в Корее есть сатанисты?

Ким не ответил. Он пружинисто поднялся, опершись о гранатомет.

— Осмотрим другие комнаты?

— Осмотрим, — вяло согласился Капитан, и они вышли в коридор.

Остальные комнаты пятого этажа ничего собой не представляли. Когда под плечом Капитана падала очередная дверь, за ней оказывалась та же картина — пара аккуратно застеленных колченогих коек с подушками-пирамидками, две тумбочки, штатный пыльный графин и два стакана.

— Я сутки не спал, — сказал Артамонов в пятой по счету комнате. — Вот бы лечь и уснуть...

— Ты смог бы сейчас уснуть? — удивился Капитан.

— Смог бы.

— И проснуться осликом?

— Кстати, не факт.

— Кстати, вопрос, — вмешался Ким. — О чем говорили люди перед тем, как превратиться?

Капитан задумался.

— О чем говорил с ней Петеренко, мы, наверно, уже не узнаем... Касаев пытался войти в здание вместе с ней...

— Мамма Сонним, — подсказал Ким.

— Заболотин просто сидел на койке, о чем мы говорили?

— Вы говорили, кому принадлежала «Кукушка», — напомнил Ким.

— А сатанисты, наверно, просто песни свои пели и живого козла резали.

— Собаку, — подсказал Ким. — Шелти.

— Нет логики, — подытожил Капитан и ткнул плечом следующую дверь.

Дверь не поддалась. Капитан выругался и ударил снова. Дверь упала, за ней оказалась комната горничной, заваленная штабелями белья.

— Какая разница, о чем говорили. А вот о чем они думали перед тем, как превратиться? — спросил Артамонов, безуспешно щелкая разболтанным выключателем на стене, хотя было известно, что электричества в здании нет.

— Уж, наверно, Петеренко и подростки-сатанисты думали о разном... — Капитан сосредоточенно водил по углам фонарем.

Ким вышел, зашел в соседний номер и вернулся.

— Туалет и душ, — доложил он. — Этаж пуст. Осматриваем нижние?

— Осматриваем.

Они спустились на четвертый и распахнули первую дверь. Та же картина, только номера были одноместные. Одна кровать, одна тумбочка, один стакан возле графина.

— У моего старшего, — начал Артамонов, — есть карманный компьютер.

Капитан присел на корточки и заглянул под кровать — пустота, пыль. В стене обнаружился шкаф, Ким распахнул его и посветил фонарем — пустота, запах старой фанеры, скрюченные разошедшиеся вешалки на стальных крючьях.

— Там у него в компьютере есть такая игра, — продолжал Артамонов. — Надо двигать разноцветные шарики, и если встанут в ряд пять штук одного цвета — то исчезают.

— К чему это ты? — Капитан вышел в коридор и пнул дверь напротив.

Из темного проема резко пахнуло чем-то кислым, раздался громкий визг, и вдруг из пустоты ему в лицо метнулось пятно. Капитан не успел испугаться, рефлексы сработали сами — он кинулся на пол и в тот же миг услышал тихий хлопок. Капитан перекувыркнулся, привстал на одно колено и обернулся, сжимая штурмовик. На полу билась в конвульсиях крупная летучая мышь — как раздавленная бабочка, упавшая на спину. Ким деловито прятал под мышку личный пистолет. Артамонов нервно водил штурмовиком из стороны в сторону.

Капитан со злостью расплющил ботинком останки летучей мыши и вошел в комнату. Такой же одноместный номер, лишь фрамуга в окне была распахнута, а пол и кровать завалены черным мусором и пометом. Артамонов кашлянул и опустил ствол.

— Так вот, я и говорю, — продолжил он. — Может, у человека в голове тоже так устроено? Скачут мысли, скачут, а как сложатся в одну цепочку — хлоп, и нету. Ни мыслей, ни человека. Инфаркт.

— У меня так бывает, — кивнул Капитан. — С мыслями. Если не спал долго.

— Так вот я и говорю... — продолжал Артамонов. — А если здесь тот же принцип? Может, не мысли, может, складываются жесты или там...

— Помолчи? — попросил Ким. — Работать мешаешь.

— Да, — вспомнил Капитан, — ты лучше погляди, как там Мамма Сонним?

Артамонов вошел в распахнутый номер, открыл балконную дверь, вышел на воздух и долго глядел вниз.

— Ну? — не выдержал Капитан.

— Валяется, — шепотом сказал Артамонов. — Может, подохла?

— Мамма Сонним не живая, — напомнил Ким.

— Она встает, — прошептал Артамонов и глотнул. — Мамма Сонним смотрит на меня.

— Эй! — напрягся Капитан. — Эй!

Артамонов молчал.

— Артамонов, отставить! — вдруг оглушительно рявкнул Ким. — Слушать команду! Закрыв глаза! Два шага назад! Аккуратно, порожек. Еще шаг. Закрыв балкон. Открыл глаза, вышел к нам, в коридор!

Вид у Артамонова был ошарашенный.

— Что там было? — спросил Капитан шепотом.

— У Маммы Сонним большие черные глаза... — протяжно завыл Артамонов, запрокинув голову.

Ким резко, без замаха двинул его в скулу. Артамонов отлетел к стенке, но удержался на ногах.

— Спасибо, — произнес он уже нормальным голосом, растирая скулу тыльной стороной ладони. — Там очень страшно. Когда на тебя смотрит Мамма Сонним...

Ким энергично развернулся, вскинул гранатомет на плечо и решительно направился к балконной двери.

— Отставить, — сухо произнес Капитан. — На четвертом этаже осталось четыре комнаты. Вы осматривайте их, а я спускаюсь на третий. Заболодин нашел на третьем огневой контакт Тарасова.

Гильз он обнаружил не шесть, а гораздо больше — остальные лежали в дальнем углу за банкеткой. Но все гильзы родные — кто-то из людей Тарасова расстрелял тут целую обойму. Стрелял из укрытия, с колена, по движущейся цели. Точнее — по надвигающейся. И, судя по ровной трассе на потолке, так ни разу и не попал. Капитан еще раз осветил фонариком прошитый потолок и опустил на корточки. Угол самый удобный, он бы тоже выбрал для обороны именно его. А вот надвигающаяся цель была двухметрового роста. Если до этого у Капитана и оставалась надежда, что чудовище в здание не поднимается, то теперь умерла и она.

— Капитан, у нас новости, — сухо произнес Ким в наушнике.

— Что? — вскинулся Капитан. — Вы где?

— Мы всё еще на четвертом. Нашли жилую комнату, запертую изнутри.

— Там люди? — насторожился Капитан.

— Труп, — ответил Ким. — Его надо осмотреть.

Капитан пружинисто встал, в два прыжка оказался у лестницы и поднялся на четвертый этаж. Это было странно, но одинокой покосившейся дверцы четвертого этажа не было на месте — вместо нее торчали обе матовые створки, как на третьем. Капитан посветил фонариком. На дальней стене была намалевана цифра три.

«Как же я так ошибся? Выходит, я был на втором?» — подумал Капитан, взбегая на этаж выше.

Здесь тоже висели обе целые створки, и тоже за ними в полумраке коридора маячила цифра три.

«Всё. Отпрыгался», — подумал Капитан без эмоций, взбежал сразу на три пролета вверх и замер. Лестница продолжалась всё выше и выше. А здесь всё та же картина — две матовые створки, третий этаж. Капитан зашел в глубь этажа, повернул направо и добрался до конца коридора. Всё, как есть — прошитый двумя очередями потолок, шесть гильз на полу и россыпь за банкеткой. Он вернулся к лестнице и поднялся еще на один пролет. Покосившаяся створка, цифра три. Капитан растерянно остановился.

— Кэп, ты скоро? Мы ждем, — напомнил Ким в наушнике.

— У меня проблемы, — сухо выдавил Капитан. — Не могу подняться.

— Мама Сонним в здании? — спросил Ким быстро, но Капитан слишком хорошо его знал и различил в голосе испуганные нотки.

— Нет, — ответил Капитан. — Не знаю. Не видел. Замокнулась лестница, поднимаюсь всё выше и снова оказываюсь на третьем.

— Я выйду навстречу, — сказал Ким решительно, и в наушнике лязгнуло, словно с пола рывком подняли гранатомет.

— Нет! — отрезал Капитан. — Не разделяйтесь и никуда не выходите. Просто подай голос.

— Голос? — спросил Ким и вдруг заорал на всё здание: — Ура-а-а-а-а-а-а-а-а-а!!!

Капитан непроизвольно дернулся, стараясь выкинуть наушник из уха, но наушник держался крепко.

Голос Кима раздавался сверху, со следующего этажа.

— Ура!!! — рявкнул Капитан в ответ.

— Ура-а-а-а! Ура-а-а-а! — хором закричали сверху Артамонов и Ким.

— Ура-а-а-а-а! — заорал Капитан и кинулся вверх.

Голоса приближались. Взбегая по лестнице, Капитан боялся, что они вдруг рывком переместятся выше, но они всё приближались. Когда он достиг площадки, голоса четко звучали из глубины коридора. Капитан прикусил губу и поднял взгляд. Да, теперь перед ним висела всего одна створка! И за ней на стене была намалевана синяя четверка.

— Эй! Я прорвался! — заорал Капитан и бросился вперед по коридору, пробормотав напоследок: — Нет логики, чертовщина работает странно, со сбоями...

Одышки у Капитана никогда не было, но сейчас он долго не мог прийти в себя. В этой комнате стоял странный тяжелый запах — густая пряная смесь из запахов сушеной воблы, свежих кожаных ремней, старых книг и сухой пыли. На подоконнике горело яркое пятно лунного блика, подсвечивая сидящего рядом Артамонова мертвенным зеленоватым светом. На кровати лежала мумия — высохшие останки пожилого человека. В свете фонаря лицо казалось скорчившейся картонной маской. Человек лежал на спине, укрытый по грудь сереньким санаторным одеялом, с руками, сложенными на груди крест-накрест.

— Это вы его так сложили? — поинтересовался Капитан.

— Нет, — ответил Артамонов. — Его мы не трогали. Видимо, так и умер. Комната была заперта изнутри.

— От чего умер? — спросил Капитан и тут же понял, что вопрос глуп: Артамонов и Ким не могли еще ничего толком выяснить.

— Сердечная недостаточность, — спокойно ответил Ким. — На фоне острого невроза.

— Откуда информация? — заинтересовался Капитан, внимательно освещая фонарем ссохшуюся маску.

Вместо ответа Ким указал на высохшие кулаки мумии — они были крепко сжаты, причем большие пальцы находились внутри кулаков. Капитану стало стыдно, что он сам этого не заметил. Кулак с большим пальцем внутрь — «рука младенца» — глубокий инстинкт, который просыпается у человека в моменты острых потрясений.

— И вот еще... — Артамонов осветил фонарем пол около кровати.

Судя по темному ровному квадрату посреди выцветшего линолеума, здесь долгие годы стояла тумбочка. Теперь вместо нее стоял пересохший стакан, а рядом валялась капсула с нитроглицерином.

— Ясно. — Капитан повернулся к двери. — А тумбочкой, значит...

Теперь он внимательно осмотрел груды возле двери — тумбочка валялась на боку, рядом — перевернутый журнальный столик и стул, а на пороге почему-то валялся распотрошенный фонарь Кима без батареи.

— Он баррикадировался, — закончил Артамонов, хотя Капитану и так уже всё стало ясно.

— Не молодой, лет шестьдесят, — задумчиво произнес Ким. — Чего его понесло на семинар?

— Семинар? — резко повернулся Капитан.

— Нам повезло, — кивнул Артамонов. — Мы нашли его записи. Только осторожнее...

Капитан обернулся и только сейчас заметил, что на подоконнике рядом с Артамоновым светится вовсе не лунный блик, а экранчик маленького карманного компьютера. Рядом лежала увесистая батарея фонаря, аккуратно подсоединенная проводками.

— А это... долго ли меня не было? — сглотнул Капитан.

— Часа три с половиной. — Артамонов поднялся со стула, уступая место. — Мы прочли еще не всё, но если вкратце...

Капитан сел перед экранчиком. Он промотал текст в начало и погрузился в чтение. Вначале шла полная бессмыслица. Латинские буквы складывались в слова, а слова явно составляли фразы, которые кончались точкой, но чаще — гроздьями восклицательных или вопросительных знаков. Но не то чтобы произнести, и прочесть это не получалось.

— Корейский, — произнес Ким из-за плеча. — Но в транслите.

— Переведи, — потребовал Капитан.

— Транслит — это когда иероглифы изображают латинскими...

— Переведи сам текст!

— Я объяснял девять лет назад, — сухо напомнил Ким. — Я не знаю корейский.

— Жаль, — сказал Капитан. — А хоть примерно?

— Я не знаю корейский, — с упором повторил Ким. — Ни иероглифов, ни транслита.

— Откуда ж ты тогда знаешь, что это корейский? — зло повернулся Капитан. — Может, это монгольский?

Ким ничего не ответил, вместо него ответил Артамонов:

— Ким говорит, что вот эти бесконечные «уео-уео» — корейские. А у монголов вообще русские буквы.

— А на клавиатурке-то русские буквы есть! — заметил Капитан.

— Ты листай дальше, — вздохнул Артамонов. — У нас не так много времени. Там будет много русских букв.

— А это?

— Это считай корейской молитвой.

Капитан полистал вперед — вскоре корейский текст действительно оборвался на полуслове, потянулись пустые страницы, а затем без всякого заголовка начался распорядок мероприятий: «Понедельник... Вторник... Завтрак... Обед... Дискуссия в холле третьего этажа... Пути развития... Деловые коммуникации... Партнерство... Ужин... Завтрак... Тренинг инициативного общения... Эффективное руководство... Подчинение и управление... Обед... Ужин... Тренинг... Карьерный рост... Корпоративное лидерство...» Капитан недоуменно пролистал распорядок, заметив, что расписано тринадцать дней.

Дальше пошел сбивчивый конспект — причудливая смесь экономических и психологических терминов, усыпанная офисным жаргоном. Слово «бизнес» повторялось почти в каждой строке. Обычное дело, бизнес как бизнес, думал Капитан, листая текст, который всё не кончался и не кончался. Видали и не такое. Устраивать семинары для унылых безработных и зачуханных младшеньких менеджеров — тоже выгодно. Прибыльнее, чем торговать апельсинами. У них ведь тоже водится небольшая денежка, и они с радостью готовы отдать ее любому, кто пообещает сделать их везучими в бизнесе, инициативными в общении и уверенными в себе. А там уж, чем черт не шутит, авось и счастливыми в личной жизни... А если обещание

не сбудется, жизнь после семинара не наладится и служебная лестница не упрется в небо, так никаких претензий к организаторам — значит сам и виноват: недостаточно самораскрылся, плохо освоил техники, приезжай учиться снова, всегда рады... Загородный пансионат, полсотни таких же нищих духом, на неделю раскрывших рты перед местным гуру, рассказывающим про свою неслыханно эффективную технику. Бизнес и психология. Коммуникации и управление. Религия нашего времени. Секты и пророки будут всегда, они никуда не делись. Просто — как там сказал Ким про демона? — вряд ли он станет себя вести точно так же, как и много веков назад. «Бренд = единица знания. Первоб. человек произошел от обезьяны в тот момент, когда стал находить бренд в окр. природе. Брендом может являться: внешний вид (все яблоки имеют разный цвет и форму, но единый бренд внешнего вида, позволяющий отличить от др. фруктов), звук (гром — бренд грозы), запах (плохой запах — бренд нечистот) и др. В совр. бизнесе бренд продукта — это его торг. марка (название). Бренд человека — имидж. Бренд полный и неполный. Полный бренд...»

— Полный бред, — сказал Капитан. — И этой ерундой они занимались две недели? Завтрак, семинар, обед, тренинг, ужин, тренинг, медитация...

Капитан вдруг задумался.

— Это мне показалось, или там у них в мероприятиях мелькала какая-то медитация?

— Мелькала, — кивнул Артамонов. — И не только она. Семинар назывался «Магия в бизнесе и коммуникациях».

— Странно...

— Послушай наконец главное: семинар у них... — начал Ким, но закончить не успел.

Во дворе громко ухнуло, а затем раздался тоскливый вой. Он заполнил всё пространство, не оставив места для других звуков. Глухой бас тянул одну ноту, и в такт ему вибрировали стекла, скрипели двери, шуршали сквозняки по коридорам. Наконец вой смолк.

— Семинар у них, — продолжил Ким невозмутимо, — вел некто Лауст. Судя по тому, как о нем отзывается в этом дневнике покойный, — очень авторитетный мистик из Кореи.

— Ах, Кореи... — понимающе кивнул Капитан, хотя понятно ничего не было.

— Не всегда, — вставил Артамонов.

— Что не всегда? — удивился Ким.

— Не всегда о нем хорошо отзывается. — Артамонов ткнул мизинцем в экран.

Ким глянул и покачал головой.

— Мудан — это шаман по-корейски.

— Мудан Топ-Менеджер Лауст, — задумчиво прочел Капитан.

— Еще там упоминается переводчик, который переводил его.

— Я не вижу логики, — взорвался Капитан и откинулся на спинку стула. — Корейская молитва, график, бизнес, медитация... На кой нам эти конспекты?

— А ты прочитай вот это... — Артамонов протянул руку и уверенно промотал с десяток страниц. — Вот отсюда: «... склонить к сотрудничеству демона...»

— Ну-ка, ну-ка... — Капитан впился в экран.

«Аттестационный тест на звание бизнес-магика: склонить к сотрудничеству демона. Владение техниками бизнес-коммуникаций: 1) уверенность в своих силах; 2) настойчивость в достижении цели; 3) умение чувствовать интересы партнера; 4) умение управлять партнером в своих интересах. В последний день семинара Топ-Менеджер на Огненной Медитации пригласит к нам виртуального бизнес-клиента. Цель — склонить виртуального клиента к сотрудничеству на взаимовыгодных условиях. Виртуальный клиент живет за счет наших эмоций. Он появится, если мы поверим в его существование. Чем сильнее эмоции в его адрес, тем ярче будут проявления виртуального клиента. По окончании экзамена виртуальный клиент станет нам безразличен и исчезнет. Виртуальный клиент, как любой бизнес-партнер, преследует свои интересы, но всегда отражает наши эмоции.

Чтобы расположить виртуального клиента к сотрудничеству, надо захотеть сотрудничества. Чтобы вызвать его злость — надо возненавидеть его. Чтобы виртуальный клиент стал добр, надо желать ему добра. Если виртуальный клиент полон злобы — ответьте ему добром. Добро — это щит, от которого отразится злоба демона и ударит его самого. По окончании аттестации — утренний банкет.

— П...ц, — тихо произнес Капитан.

— Предлагаю взять это за рабочую версию, — хмуро предложил Ким. — За неимением других объяснений.

— Я только одного не понимаю, — наконец произнес Артамонов. — Допустим, эти ублюдки каким-то образом вызвали своего клиента...

— Демона, — поправил Капитан.

— Мамма Сонним, — уточнил Ким.

— Демона, — согласился Артамонов. — Допустим, они не смогли его склонить к сотрудничеству или как там называется...

— А дальше уже всё ясно, — кивнул Капитан. — Демон вышел из-под контроля, обрел силу — и началась паника. Чем больше паника, тем сильнее демон. Пошла цепная реакция.

— Угу... — Артамонов нервно пожегся. — Вышел из-под контроля... Представляю эту дикую сцену... Но я не понимаю другого. Демон извел всех обитателей «Кукушки»... Так? — Артамонов повернулся к Киму. — Как там его? Матушка-чума?

— Мамма Сонним. Многоуважаемый гость оспа.

— Куда девается оспа, когда умирает последний больной?

— Оспа может сохраняться на вещах и предметах, — ответил Ким, — только Мамма Сонним — это не совсем оспа. Даже совсем не оспа. Даже...

— Не важно, — перебил Артамонов. — Если демон живет за счет человеческих эмоций, почему он не исчез вместе с последним обитателем «Кукушки»?

— Эмоции были такие сильные, что хватило еще на некоторое время, — предположил Ким.

— Ага, — передразнил Артамонов. — Жизнь больного была такой бурной, что он и после смерти пару лет ходил и разговаривал...

— Чего тут неясного, — сказал Ким. — Представь, сколько эмоций развелось вокруг «Кукушки», когда выяснилось, что пропали люди и творится бесовщина?

— Ничего не выяснилось, — возразил Капитан. — Только слухи ходят. Шепчутся окрестные дачники, тусуются са-танисты. Но никто не видел демона, никто ничего не знает наверняка.

— А генерал? — прищурился Ким.

— Разве что генерал... Он собрал всю информацию и что-то знает...

Капитан вспомнил острый подбородок генерала, стальной взгляд из-под мохнатых бровей. Вспомнил, как перед заданием генерал по-отечески приобнял его и вполголоса сказал: «Будь осторожен, но ничего не бойся. Не подведешь?» Никаких глупостей сроду не говорил перед операциями, а тут вдруг выдал. Капитан тогда не придавал этому значения, подумал, что генерал сильно сдал за последний год...

— Генерал что-то знает, — кивнул Капитан.

— Ну так эмоций нашего бати хватит на шестьсот шестьдесят шесть демонов... — криво усмехнулся Ким.

— Мать... — вдруг выдохнул Артамонов. — А представь, что будет, когда журналисты раструбят по всей стране? Представь, какую силу он наберет? Это ж будет...

Капитан решительно встал, прошелся по комнате и резко обернулся.

— Хватит. Какие предложения?

— Перестать бояться и перестать верить — не предлагать, — хмуро произнес Артамонов.

— А если я отдам приказ? — Капитан сурово посмотрел ему в глаза. — Перестать бояться и перестать верить?

— Буду стараться выполнить приказ, — пожал плечами Артамонов. — Не щадя жизни. Но у меня не получится.

— А если я прикажу расстаться с жизнью?

— Кэп, ты меня знаешь, — сухо ответил Артамонов. — Прикажешь — сделаю.

Внизу снова раздался оглушительный рев, усиленный эхом. Теперь он шел не со стороны и не со двора, а снизу — из вестибюля.

Ким что-то произнес и встал.

«Капитан, она поднимается», — прочитал Капитан по губам. В сумраке цвета лица было не различить, но Капитан понял, что Ким побледнел. Капитан сжал челюсти и замер. Вой наконец стих.

— Делай! Кэп, сделай что-нибудь! — визгливо крикнул Артамонов.

— Возьми себя в руки! — прошипел Капитан. — Ты питаешь ее своим страхом!

— Если я правильно понял принцип, от нашего страха Мамме Сонним будет самой страшно, — пробормотал Ким.

— Нам от этого лучше не станет, — возразил Капитан.

— Почему?

— Потому что когда тебе страшно, Ким, ты стреляешь быстрее...

Ким сжал зубы и ничего не ответил.

Рев снизу повторился, теперь усиленный эхом звук шел немного слева — Мамма Сонним разгуливала по вестибюлю.

— Я не могу больше! — заорал Артамонов, когда вой утих. — Сделай что-нибудь, Капитан! Я не могу не бояться! Она чувствует это, видишь? Она чувствует! Оглуши меня! Пристрели!

Капитан вздохнул, помолчал немного, а затем решительно снял с шеи крестик и протянул Артамонову.

— Ты пойдешь вниз, — сказал он тихо и жестко, отводя взгляд. — Бойся. Но не проклинай. Если получится — желай ей добра. Не сопротивляйся. Ударит по правой щеке — подставь левую.

— Это... — Артамонов глотнул. — Это — приказ?

— Да, — тихо сказал Капитан. — Это — приказ.

— Это приказ, — повторил Артамонов как в полусне, шаря по карманам. — Это приказ...

Он отцепил с пояса гранаты, суетливо отстегнул кобуру и положил на пол. Капитан не смотрел на него, он смотрел в окно.

— Это приказ, — тихо повторил Артамонов и медленно надел крестик дрожащими руками.

— Ты крещеный? — шепотом спросил Ким.

— Да-да, конечно, — послушно кивнул Артамонов. — Я крещеный. Прощай, Кэп. Прощай, Ким.

— Не говори глупостей, — зло дернулся Капитан. — Мы идем за тобой следом.

Артамонов засунул руку за бронник и вытащил маленького ослика.

— Ребята, возьмите Заболодина... — сказал он. — Что они чувствуют, когда превращаются?

— Это не больно. — Капитан взял ослика и засунул в боковой карман.

— Она умеет превращать и на расстоянии, — напомнил Ким. — Каждый из нас может превратиться в любую секунду.

— Если что, передайте жене... — Артамонов запнулся. — Нет, ничего. Я готов.

— Вот только бы лестница не подвела, — вполголоса пробормотал Капитан.

Лестница не подвела. Артамонов шел впереди, гордо подняв голову, протягивая вперед руки открытыми ладонями вверх — так посоветовал Ким. Даже во мраке лестницы было видно, что руки трясутся. Капитан отсчитывал вслух. На каждый счет Артамонов делал шаг на следующую ступеньку. Капитан и Ким шагали пролетом выше, перегнувшись через перила, чтобы видеть, что происходит.

— Двадцать три... Двадцать четыре... — медленно и четко ронял Капитан с большими паузами.

— Я ступил на второй. Вижу цифру два, — доложил Артамонов.

Быть может, руки у него и дрожали, но голос был спокойный и собранный. Паники не было. Артамонов работал, у него было задание. Опасное, но четкое.

— Мы на третьем, — сообщил Капитан. — Вижу цифру три. Что слышно снизу?

— Внизу тишина.

— Работаем. Продолжаем движение. Двадцать пять... Двадцать шесть...

Снизу потянуло сквозняком.

— Двадцать семь... Двадцать восемь... Остановись, послушаем...

— Слышу тихий шорох в вестибюле, — откликнулся Артамонов.

— Боишься? — спросил вдруг Капитан.

— Боюсь.

— Бойся честно, — напомнил Ким. — Как смерть. Не как в бою, не чтоб ударить первым.

— А ты б заткнулся — сука! советчик! умник! — заорал вдруг Артамонов.

— Разговоры! — рявкнул Капитан. — Ким — заткнулся! Работаем, работаем!

Воцарилась тишина.

— Двадцать девять, — сказал Капитан сквозь зубы. — Тридцать. Тридцать один.

— Я вижу ее, — вдруг отчетливо произнес Артамонов. — Мамма Сонним смотрит на меня...

— Ах ты, черт...

Капитан перегнулся через перила, сколько мог, но вестибюля отсюда не увидел. Артамонов стоял неподвижно, вытянув руки. Руки отчаянно дрожали.

— Тридцать два, — скомандовал Артамонов сам и шагнул на ступеньку ниже. — Тридцать три... У меня нет оружия. Я пришел с миром. Тридцать четыре. Тридцать пять. Тридцать шесть, семь, восемь. Я не желаю тебе зла, я просто тебя боюсь. Мои руки пусты, у меня нет оружия. Я хочу говорить с тобой. Слышишь? Я иду к тебе с миром.

Капитан и Ким спустились еще на несколько ступенек и увидели Мамму Сонним — сначала только лапы. Видимо, она поднялась и стояла на задних лапах. Огромные, мохнатые и бурые, с шестью когтями, впивающимися, казалось,

в мраморную плитку вестибюля. Вокруг лап медленно и бесшумно извивались хвосты, масляно блестящие в лунном свете — то ли гладкие, то ли покрытые мелкой чешуей.

— Я не сделаю тебе вреда, — медленно и четко говорил Артамонов. — У меня нет оружия. Я пришел с миром. Я хочу с тобой говорить. Хочешь, поговорим о бизнесе? Тебя пригласили говорить о бизнесе, но не смогли. Я иду без оружия. Я...

Артамонов запнулся и умолк. Капитан и Ким присели за перилами, всматриваясь в глубь вестибюля. Громадная туша стояла на задних лапах, почти касаясь потолка медвежьей головой. Здесь, в вестибюле, она казалась гигантской — то ли и была такой, то ли еще больше выросла. Словно копируя Артамонова, Мамма Сонним тянула вперед верхние лапы. Огромные когти висели параллельно полу. Хвосты расчерчивали пространство медленно и величественно, как рыбы в тихой заводи.

— Я без оружия, — повторил Артамонов. — Я без оружия. Я пришел с миром. Я не желаю тебе зла. Я желаю тебе добра. Это ты мне желаешь зла. А я тебе — наоборот. Я искренне желаю тебе добра. Я читал, я знаю, добро — это щит. От которого отразится твоя злоба и ударит тебя же.

Хвосты на миг замерли, а затем стали двигаться быстрее. «Кошка виляет хвостом, когда сердится. Собака — когда радуется. А медведь?» — мелькнуло в голове у Капитана.

— Отвлеки ее чем-нибудь, — прошептал он в микрофон. — Расскажи о своих детях. Стихи почитай детские.

В ту же секунду он почувствовал, как Ким зло и больно пнул его локтем в бок. Капитан смолчал, только сжал челюсти. Действительно, не надо ничего говорить, Артамонов молодец, он справится.

Артамонов медленно поднял руку к голове и выдернул наушник.

— Мои друзья волнуются за меня, — объяснил он. — Они советуют мне рассказать о своей семье и прочесть детские стихи. Я не умею читать стихи и не помню их. Детям читает стихи жена, я много работаю и редко вижу семью...

Артамонов запнулся и кашлянул. Хвосты замерли и снова закружились, теперь еще быстрее.

— Я расскажу тебе и о семье, и о работе, — сказал Артамонов медленно. — Главное — помни: я пришел с миром и хочу тебе только добра! Давай выйдем на воздух и поговорим там? Хочешь?

Повисла тишина. Чудовище гулко вздохнуло, наклонило голову вперед, плавно качнулось и вдруг зашагало к Артамонову.

— Выход с другой стороны! — крикнул Артамонов сдавленно и сжал крестик левой рукой. — У меня нет оружия. Нет оружия. Нет! Оружия! Черт, оружия нет!!!

Теперь Мамма Сонним нависала над ним.

— Я желаю тебе доб...

Закончить он не успел. Чудовище взревело так, что сквозняк долетел до Капитана с Кимом, а затем вцепилось когтями в грудь Артамонова. Затрещали ребра. Оторвав тело от земли, Мамма Сонним распахнула рот, усеянный ярко-белыми зубами в несколько рядов, и впилась в добычу.

Капитан резко потянул ствол штурмовика, но Ким молниеносно сжал его плечо.

Несколько бесконечных секунд слышался только хруст дробящихся костей — Мамма Сонним терзала тело, остервенело и неуклюже расшвыривая в разные стороны окровавленные куски. Долетев до мраморного пола, куски исчезали, превращаясь в тоненькие резиновые лоскуты. Это были куски детской игрушки, но какой — понять было уже невозможно.

Ким и Капитан как по команде вскочили и, не сговариваясь, бросились вверх по лестнице.

— Это предательство, — зло говорил Ким, целясь в замок люка, ведущего на чердак. — Мы его бросили.

— Это отступление, — упрямо ответил Капитан, но выстрел заглушил его слова. — Мы его не могли спасти.

Ким распахнул люк и прыгнул. В воздухе мелькнули тяжелые ботинки и скрылись. Капитан бросился следом, подтянулся и оказался на чердаке. Он захлопнул под собой люк и огляделся. Чердак маленький, низкий и пустой, прижать

люк нечем. Даже не чердак — комнатка с люком вниз и дверцей на крышу. Ким с разгону вышиб дверцу, и оттуда ударил лунный свет.

Добежав до края крыши, они остановились и, не сговариваясь, упали на холодный битум. Сверху палила огненно-рыжая луна, круглая и выпуклая. Шумел ветер, поскрипывали елки, и вдалеке ухал филин.

— Хороший был пансионат, — сказал Капитан. — Ты бы хотел здесь отдохнуть недельку-другую?

Ким не ответил.

— В смысле, если б ничего не было, — зачем-то уточнил Капитан.

Ким снова не ответил. Они лежали молча, впитывая спинами прохладу крыши.

— Она большая, может не пролезть сквозь люк, — сказал наконец Капитан. — В случае чего с крыши должна вести пожарная лестница, я ее видел...

— Можно и прыгнуть.

— Пять этажей?

— Я спрыгну, — уверенно сказал Ким. — С трех-четырёх прыгал легко. Если прыгать аккуратно, по стенке — ничего не сломаешь.

— Что-то я не видел, чтоб ты с пятых этажей прыгал...

— Ты многого не видел, что я умею...

— Научишь?

— Когда всё закончится.

Капитан подполз к бортику и долго-долго смотрел вниз.

— Лестница есть? — не выдержал Ким.

Капитан покачал головой.

— Даже земли нет. Этажей нет. Пропасть и пламя.

Ким вскочил, подбежал к краю и глянул вниз.

— Да... Так мы еще никогда не попадали. Плохие штуки здесь творятся с пространством.

Они отползли от края и снова уставились на луну.

— Не надо было пускать Артамонова. Надо было мне попробовать, — глухо произнес Ким.

— Успеешь попробовать. И я успею...

— На нее ничего не действует, никакое добро.

— Не знаю... — задумчиво сказал Капитан. — Не знаю. Что ни говори, он все-таки хотел ее уничтожить...

— Нет.

— Да.

— Нет.

— И ты не хочешь?

— Не хочу.

— А по большому счету?

— Не хочу. — На этот раз Ким помедлил.

— Врешь, — зевнул Капитан. — Мы здесь для того, чтобы ее уничтожить. И если мы клянемся, что пришли с миром, — мы делаем это, чтобы победить. И если искренне желаем добра — мы желаем это, чтобы уничтожить. Замокнутый круг.

— Почему обязательно уничтожить? Изгнать обратно.

— В небытие. Это не одно и то же? — Капитан вздохнул.

— И что ты предлагаешь?

— Не знаю. Мне кажется, что всё дело в той молитве на корейском, если бы мы сумели ее прочесть...

— Не сумели бы. Да и компьютер остался на подоконнике.

— Тогда надо успокоиться. Делать вид, что ничего не произошло. Лечь спать.

— Спать — хорошая идея, — ответил Ким и тоже зевнул.

— Может быть, утром... — начал Капитан.

— Утро не наступит. Оно должно было наступить два часа назад.

Капитан замер и сжал зубы, но ничего не ответил. Они закрыли глаза и долго лежали молча, пока снизу не послышался рев.

— Уже по пятому ходит, — шепотом произнес Ким. — Ты спишь?

— Сплю, сплю, — откликнулся Капитан. — Спи давай.

Рев повторился. А когда он стих — заорали собаки в ельнике.

— Собаки в ельнике, а ельника нет, — сказал Капитан.

— Вот твари, — откликнулся Ким. — Собак надо было пристрелить еще на въезде.

— Гаси эмоции, — сказал Капитан. — Гаси.

Ким рывком привстал и поднялся на ноги.

— В конце концов, я воин. Мой отец был воин. Мой дед воин. Мой прадед воин. Я тоже хочу погибнуть с оружием.

— Сядь, — сухо сказал Капитан. — Это приказ.

— Извини, — покачал головой Ким. — Больше нет приказов.

— Ким, ты умный и хитрый. Ты сильный и смелый. Ты многое понимаешь лучше и быстрее меня. Я тебе этого никогда не говорил, но ты сам это знаешь. Ты — лучший боец. Ты — эксперт. Но командир — я.

— Не сейчас. Я спущусь к ней. Получится — так получится. Не получится — не получится.

— Что получится?

— У нас нет выхода, — ответил Ким. — Мы не можем ее изгнать так, чтобы при этом не желать ей зла. Ты же это понимаешь? Мы не можем ее любить, потому что она — враг.

— Надо пытаться. Надо справиться. Сосредоточиться. Победить себя.

— Победить себя? Ты способен пожелать ей добра, успехов и хорошего настроения? Искренне? Не так, как Артамонов?

— Значит, надо сломать свои мозги! Сойти с ума! На время... — Капитан вскочил на ноги, подошел к краю крыши и долго смотрел в пылающую бездну, кусая губу. — Хорошо, что ты предлагаешь?

— Драться, — ответил Ким. — Мы пришли для того, чтобы драться, нас послал сюда генерал, чтобы мы дрались, это наш долг. И у нас нет выбора.

— Ты просто погибнешь, только быстро и в бою, — пожал плечами Капитан. — Не раздумывая, не принимая решений, не мучаясь вопросами. И лично для тебя это неплохой выход. Но только для тебя.

— Нет. Это выход для всех. Потому что только долг мы можем выполнять спокойно и без эмоций. Без обмана и без лицемерия. Понял?

— Не понял.

— Да? — Ким прищурился. — А ты вспомни, как брали дом Агиева.

— Не хочу, — нахмурился Капитан.

— Забыл?! Я тебе напомним!!! — закричал Ким.

Капитан запоздало подумал, что от былой молчаливости Кима уже давно не осталось и следа.

— Вспомни! — кричал Ким, подступая к Капитану. — Вспомни, как отстреливал его дочек из оптической винтовки! Просто так! На всякий случай, если вдруг они с папашкой заодно, забыл?! Вспомни, как кидал гранаты в подвал, где сидели его смертники вперемежку с заложниками! С женщинами, школьниками! Вспомнил?! Вспомни, как та девушка с младенцем в слезах умоляла тебя через громкоговоритель — тебя умоляла, тебя! Вспомни, как из динамика захлебывался ее ребенок на весь район!

Капитан сверлил лицо Кима выпученными глазами.

— Да, кидал, отстреливал! — заорал он в ответ. — А ты не кидал? Ты в сторонке стоял, можно подумать?!

— Э нет! — Ким вдруг вскинул руку и покачал пальцем перед носом Капитана. — Приказ отдал ты! Даже не генерал! Батя наш, хитрая сволочь, ушел от ответственности, приказал тебе действовать по обстоятельствам!

— Послушай! Ты мне этот дом Агиева теперь всю жизнь будешь вспоминать?! — Капитан хотел отшвырнуть руку Кима от лица, но Ким убрал ее быстрее. — Да! Я отдал приказ! Да! На мне ответственность! Но победителей не судят! Ты мне докажи, что у нас был другой выход! Да, я убил три десятка людей, но я спас город! Полтора миллиона! И не было второй Хиросимы!

Капитан застыл с выпученными глазами. Ким вдруг улыбнулся и отошел на шаг.

— Ты всё еще ничего не понимаешь? — спросил он. — Ты сейчас меня ненавидишь, да? Меня! С которым девять лет кувыркался под пулями? Меня — единственного твоего друга в этом адском котле? — Ким обвел рукой черный горизонт.

Капитан пригляделся — ни поляны, ни ельника, обступающего ее, уже не было, осталась только поверхность крыши, луна наверху и пламя. А вокруг, насколько хватало глаз, клубилась непроницаемая черная пелена, и уже нельзя было разобрать, что это — то ли предрассветный туман, то ли и впрямь стенки адского котла.

— Извини, — сказал Капитан, потупившись. — Нервы.

— Это не нервы, — серьезно ответил Ким. — Это — эмоции. А вот теперь вспомни: когда ты убивал двенадцатилетних близняшек Агиева — ты желал им зла?

— А кто они мне такие? Я их видел первый и последний раз — в оптический прицел. Ничего я им не желал, просто убрал, и всё. И ни разу не пожалел об этом. У меня не было выхода, пойми! Я выполнял свой долг.

— Да, — кивнул Ким. — Ну хоть теперь ты понял?

Капитан хотел ответить, но замер.

— Ким! Ты гений, — сказал он тихо. — Ты абсолютно прав! Можно! Можно убивать без злости и ненависти!

— Я не гений, — покачал головой Ким. — Просто этому меня учил отец. А его учил дед. Так учит древнее боевое искусство — воин не должен ненавидеть врага. Ненависть ослепляет. Воин должен просто выполнять то, чему суждено случиться. И я просто пойду выполнять то, за чем мы сюда приехали.

Ким поднял гранатомет за ствол, повернулся спиной и вразвалочку зашагал к центру — квадратному кубику с черным провалом вместо двери.

— Я с тобой, — быстро сказал Капитан, поднимая ствол штурмовика.

— Нет. — Ким обернулся и покачал головой. — Я — умею убивать без эмоций...

— А я — не уверен, что умею, — тихо продолжил Капитан вместо него. — Да. Ты кругом прав. Удачи.

Ким не успел дойти. Послышался рев, из черного проема вылезла гигантская лапа и впилась когтями в бетон. Ким уверенно поднял гранатомет, и Капитан заранее упал на битум. Хлопок он услышал, но взрыва не было. Капитан

поднял голову. Хлопок повторился. Ким, опустившись на колено, ритмично дергал гранатомет. За миг перед следующим хлопком Капитан увидел, что граната все-таки вылетела. И попала точно в дверной проем, откуда торчали гигантские лапы. Но взрыва не было.

Когти натужно дернулись, и каменная будка посреди крыши разлетелась. Осколки бетона, грохоча, покатались в разные стороны, а там, где секунду назад стояла будка, во весь рост поднималась медвежья туша с огромными женскими грудями и бешено выющимися вокруг лап канатами хвостов. Теперь стало видно, что чудовище огромно — оно было в десять раз выше Кима, и не верилось, что секунду назад оно помещалось на чердаке, а еще недавно стояло во весь рост посреди вестибюля.

Мамма Сонним распахнула гигантский рот, наполненный зубами в сотни рядов, и заревела так, что пространство затряслось. Со всех сторон взметнулась и обступила крышу багровая огненная стена, словно вниз плеснули бензина.

Ким отбросил гранатомет, поднялся во весь рост, высоко задрал голову, чтобы смотреть чудовищу в глаза. Капитан знал рукопашную стойку Кима. Его руки сейчас — окаменевшие лезвия, которыми Ким на тренировках разбивал в пыль кирпичи, бетонные бруски и камни.

Мамма Сонним снова взревела и угрожающе взмахнула передними лапами. И в такт им снова взметнулось ледяное багровое пламя.

И тогда Капитан резко поднял ствол штурмовика и, не целясь, нажал спуск — легко и равнодушно, заранее зная, что попал. Чувствуя, что так и надо, что другого выхода нет. Единственная мысль, которая у него мелькнула, — штурмовик тоже может не сработать, как и гранатомет. Но штурмовик сработал, и его знаменитый бесшумный хлопок почему-то перекрыл и рев чудовища, и гул пламени, прокатился по крыше и глухо увяз в пылающем пространстве. Чудовище смолкло, поперхнувшись воем, а пламя опало — теперь за бортиками крыши снова клубилась черная пелена.

Ким еще секунду постоял, а затем медленно упал вперед, гулко хрустнув лицом о черный битум. Ровно из середины его затылка вылетел тонкий красный фонтанчик и потух, обжигая голову темным ручьем.

Капитан вскочил. Не глядя, изо всех сил зашвырнул штурмовик в огненную бездну. В два прыжка оказался возле Кима и резко перевернул его на спину. И увидел лицо, залитое кровью, и алое крошево вместо нижней челюсти — отсюда вышла пуля. «Какая она высокая, Мамма Сонним...» — равнодушно подумал Капитан, чувствуя, как текут по рукам теплые струйки. Глаза Кима были открыты, но он был мертв.

— Прости, друг, — тихо сказал Капитан и закрыл ему веки ладонью. — Ты ошибался. Можно убивать без зла, но нельзя убивать с добром. И я только что убедился в этом: я не желал тебе добра, когда нажимал спуск. Я просто знал, что сейчас так надо, и мне было всё равно. Если бы я знал, что надо выстрелить в себя, — мне тоже было бы всё равно. Я мог выстрелить и в Мамму Сонним — и мне тоже было бы всё равно. Ты ошибался. Ты был прав раньше, когда говорил, что Мамма Сонним не живая. Я и сейчас не знаю, как она устроена, не могу сказать, живая она или нет. Быть может, она всегда была мертвая, но ожила, когда ее вызвали в наш мир на этом семинаре. Мамма Сонним — это механизм, автомат. Ее нельзя ненавидеть или любить, потому что она тоже не желает нам ни зла, ни добра. Она тоже, как и ты, выполняет свой долг и не может иначе. Мы созданы такими, а она — такой. И ее можно только пожалеть. Потому что твой долг — красив и благороден, а ее долг — черный и неблагодарный. И Мамма Сонним, и мы все пришли в этот мир на короткое время, мы проживем здесь и уйдем обратно в небытие. Скоро-скоро никого из нас не будет. Раньше это произойдет или позже — не имеет значения. Каждый из нас как автомат выполнит то, что ему предназначено, и уйдет. Но о тебе будут вспоминать со светлой грустью, а о ней — со злобой и проклятиями. А она не виновата, что у нее такое предназначение. Никто не виноват.

Капитан замолчал и с удивлением подумал, что никогда еще не говорил столько театральных слов и никогда больше их не скажет. Он поднял голову и посмотрел на возвышающуюся косматую тушу.

— Жалко тебя, — сказал он задумчиво. — Искренне жалко. Знаешь, мне даже хочется сказать тебе что-нибудь приятное, вот только не знаю что, выглядишь ты мерзко. Может, ты мне скажешь что-нибудь приятное?

Мамма Сонним распахнула свою пасть и вдруг прохрипела оглушительно и без интонации:

— Ты умрешь через три года.

Капитан опустил взгляд и долго молчал, глядя, как первые солнечные лучи пытаются уцепиться за пыльный битум.

— Спасибо, — наконец выдавил он. — Это действительно очень приятная новость. Теперь мне будет легко работать. А от чьей пули?

— От рака легких, — сказал хриплый детский голосок.

Капитан вскинулся — перед ним стояла девочка в красном платьице и белых сандаликах.

— Очень хорошо, — кивнул Капитан, нашарил в кармане пачку сигарет и закурил. — Я уйду в отставку и займусь наконец любимыми делами. Знаешь, у каждого человека есть свои любимые дела, но всю жизнь ему некогда...

— Нет, — сказала девочка. — Ты будешь служить еще два с половиной года, потом ляжешь в госпиталь.

— Ошибаешься, — покачал головой Капитан. — Завтра же подам рапорт об отставке.

Девочка промолчала.

— А что так мало осталось — это правильно. Это чтобы я не проболтался, чтобы никто и никогда не узнал, что здесь было. Мы же с тобой никому не расскажем, верно?

Девочка снова не ответила.

— А теперь знаешь что? — Капитан взял ее за руку. — Пойдем-ка с тобой зароем наших медведей.

Они шли по этажам, собирая игрушки и складывая их в накрахмаленную санаторную наволочку. Вначале Капитан еще старался понять, в кого из кукол могли превратиться

люди Тарасова, но девочка на вопросы не отвечала, и сам он вскоре плюнул на эту затею. Просто поднимал с пола и опускал в наволочку пластиковых, резиновых и меховых лошадок, тигрят, поросят, змей, лисиц и ворон. Капитану было спокойно и легко — почти так же легко бывает в тот короткий миг, когда скидываешь после марш-броска тяжеленный рюкзак.

Потом они зарывали игрушки в песочнице. Девочка — совком, Капитан — ладонями. Далеко за ельником уже поднималось солнце, в глубине проснулась кукушка и неуверенно прокуковала три раза, словно прочищая горло.

— Кукушка-кукушка, сколько мне жить осталось? — громко спросил Капитан и подмигнул девочке.

Кукушка помолчала, а затем начала куковать быстро, ритмично и без пауз — в таком темпе каждое утро подтягивался на турнике Ким. На третьем десятке Капитан сбился. Он зашел в корпус и поднялся в комнату, где лежала мумия. В утреннем свете мумия выглядела отвратительно — торчащие зубы вставной челюсти, спекшиеся лоскуты кожи, тут и там разлохмаченные не то мухами, не то мышами. Прямо над лицом мумии столбом крутилась стая мелких мошек. Капитан откинул одеяло — на мумии оказалась куцая кожаная жилетка, а на груди торчал пластиковый бейджик. На нем шла строка иероглифов, а ниже: «Мудан Топ-Менеджер Лауст».

— Ах вон оно что... — сказал Капитан. — Здравствуй, Лауст... Значит, это не твой компьютер... И, значит, та ересь с восклицательными знаками — вовсе не молитва, а предсмертная записка, которую ты пытался оставить... Рассказать пытался, что ты вызвал в этот мир и как с ним бороться... В топку!

Капитан впихнул маленький компьютер под жилетку мумии, завернул мумию в одеяло и взвалил на плечо. Она почти ничего не весила. Так он спустился во двор.

Девочка уныло тыкала совочком в песок.

— Пойдем, поможешь мне, — кивнул Капитан и вручил ей две гранаты.

Они спустились в подвал. Капитан положил мумию в угол и забрал у девочки гранаты. Пока он монтировал батарею зарядов, девочка стояла за спиной и внимательно смотрела. Закончив, Капитан поднялся на крышу, взвалил на плечо тело Кима — маленькое, но неожиданно тяжелое. Постоял так немного, а затем подошел к бортику и скинул тело вниз. Налегке сбежал во двор, поднял Кима, дотащил до подвала и положил рядом с мумией. Девочка всё так же смотрела на батарею, собранную из мусора: из неразорвавшихся снарядов гранатомета, которые Капитан собрал на чердаке, из ручных гранат и плоского чип-пакета, который Капитан зачем-то надевал последние полтора года на все задания, а вернувшись, исправно сдавал на склад. Теперь пригодился. Но батарея была спланирована и собрана по всем правилам. Капитан еще раз оглядел работу и перевел взгляд на часы.

— Нам пора, — сказал он. — Пойдем отсюда.

— Не хочу, — глухо отозвалась девочка.

— Пойдем, пойдем. — Капитан решительно взял ее за руку. — Жить, что ли, надоело? Мы с тобой издалека посмотрим.

— Хочу остаться здесь, — хныкнула девочка.

— Здесь нам никак нельзя, костей не соберем, — усмехнулся Капитан. — А надо, чтоб костей не собрал батя... Никаких. Мы же договорились никому ничего не рассказывать, верно?

Они вышли на воздух и не спеша отошли к лесу.

— Главное — ничего не бойся. — Капитан глянул на часы и положил ладонь на ее холодное плечо. — Знаешь, как весело бабахнет?

Они сидели у самой опушки и молчали, глядя на возвышающийся корпус. Капитан задумчиво кусал травинку. Девочка стояла, оцепенев, и не мигая смотрела на солнце, плывущее вверх из-за корпуса. Повсюду вокруг — в траве, в кустах за спиной — вразнобой скрипели кузнечики, а на их фоне расплывался ритмичный тикающий звук. Капитан прислушался и понял, что всё это время в ельнике, не замолкая, продолжает чеканить годы кукушка.

Раздался взрыв. Сначала в лицо ударил пыльный воздух, потом из окон первого этажа рванулось пламя вперемежку со щебнем, и только потом обрушился звук. Девочка что-то крикнула, бросилась на корточки и испуганно закрыла голову руками.

— Не бойся, главное — не бойся! — прокричал Капитан, но его слова потонули в шуме.

Ельник ритмично повторил эхо несколько раз — словно пытаюсь продолжить работу заткнувшейся кукушки. Наконец звук превратился в тихий гудок. Капитан дернулся и снял с пояса трансивер.

— Центр? — ответил он негромко.

— Кэп!!! — тут же рявкнул генерал из трансивера. — Кэп!!! Докладывай!!!

— Всё нормально, товарищ генерал. Задание выполнено. Преступники уничтожены. Погибли все бойцы группы.

— Все?!

— Артамонов, Касаев, Заболодин, Ким, Петеренко...

Генерал молчал долго, словно не ожидал ничего подобного, словно не здесь исчез Тарасов.

— Как это случилось? — спросил он наконец.

— На объекте сидели религиозные фанатики, — отчеканил Капитан. — Прятались в подвале, убивали людей. Мы окружили их и обезвредили. Но они успели взорвать и себя, и подвал, и моих бойцов...

— Черт побери! — заорал генерал. — Что за бред? Как взорвали?! Как такое могло произойти?!

— Я во всем виноват, товарищ генерал, — жестко ответил Капитан. — Неправильно спланировал операцию.

— Где ты? Когда оборвалась связь, я поднял дивизию ОПР, они...

— Всю ОПР?! Ой, мать...

— Они уже шесть часов не могут найти это проклятое место в лесу!!!

— Плохо ищут, — сухо сказал Капитан. — Место как место. Координаты известны. Думаю, как раз сейчас они найдут...

Он не успел закончить и не успел понять, что случилось — сработали рефлексy. И лишь спустя долю секунды осознал, что, сгруппировавшись, катится в кусты, а прямо над головой оглушительно грохочут вертолеты, появившиеся ниоткуда посреди чистого неба. Капитан обернулся — как девочка? Не испугалась ли вертолетов?

Девочки не было. Капитан стрельнул глазами по сторонам — девочки не было нигде. Тогда он глянул в траву, где она стояла только что. В траве лежала грубая кукла из бамбука — с раскосыми глазами и паклей вместо волос.

— Вот и всё, — сказал Капитан, поднял куклу и бережно спрятал ее за бронник.

Вертолеты садились. По поляне гулял ураган, и от него пламя в окнах «Кукушки» билось и разгоралось всё сильнее.

— Вот и всё, — повторил Капитан, запрокинул голову, долго-долго глядел в далекое летнее небо над вертолетами, а потом вдруг вспомнил ту странную поговорку, которую тихо, как молитву, произносил Ким после удачных операций: — Небо высоко, и конь откормлен.

Иван Наумов

Слово автора:

Тем, кто никогда не пробовал писать прозу, сложно представить, какая это радость — услышать собственный рассказ в чужом исполнении. Радость вдвойне — если чтец угадывает интонации и ритм, дает мелодике текста раскрыться именно так, как предполагал автор. И тройне радостно, когда глубокий, бархатный, гипнотический голос Влада Коппа сопровождается интересной и необычной музыкой.

«Модель для сборки» многие годы дарит нам эти радости во множестве — и авторам не менее, чем слушателям. Хочется поблагодарить за большую работу всю дружную команду эмдээсовцев! Проект кочевал по радиостанциям и подкастам, и в каждом новом месте притягивал к себе всё более и более широкую аудиторию. Audi — значит «слышать». Но сегодня слушателям-слышателям «Модели» предстоит сделать шаг вперед — и озвучить избранные рассказы самостоятельно. Приятного чтения!

ЭМОДОМ

(выложен 09.07.2009)

Обычно фортуна наносила визиты Коровину по понедельникам.

В этот раз перстом судьбы оказался замухрышистого вида «белый воротничок». Он нарисовался на пороге коровинской квартиры в неприлично раннее допервокофейное время. Из белого, стало быть, воротника торчала костлявая шея, из манжет — маленькие кулачки, а в выпученных глазах искрились нешуточные намерения.

— Ведь это вы программировали пуделя Шпультку? — спросил гость. — Ведь это вы — тот самый Коровин?

Гордость и стыд сложным букетом смешались в душе Коровина, когда он вспомнил о работе над пуделем. Прекрасно выполненный проект был омрачен некоторыми побочными эффектами, обнаружившимися уже после сдачи.

Однако Коровин инстинктивно приосанился и вежливо поправил гостя:

— Ну как — программировал? Вообще-то, я занимался эргономикой. Эргономикой интерфейса. Вопрос взаимодействия пользователя с эволюционирующим программным кодом псевдоинтеллектуальной системы выходит на первый план при превышении условного порога в один терабайт компилированного ресурса...

— Ой-ой! — замахал руками гость. — Не давите меня псевдоинтеллектом! У меня от ваших терабайт аллергия начинается. Я коммерсант, барыга, со мной попроще надо, почеловечнее! Будем знакомы! Нил Зерович!

Гость сразу расположил Коровина цифровым именем и осознанием лежащей между ними социальной пропасти. На одном креативщике мог кормиться целый выводок

офисных крыс. И все в подобных симбиотических образованиях понимали, кто кому более нужен.

— Коровин! — буркнул Коровин в ответ, аккуратно подержав в ладони цыплячью коммерсантскую лапку.

Ритуал знакомства гость завершил вручением медиа-визитки с перекатывающимся логотипом известнейшего строительного концерна.

— Собственно, к делу! — Нил Зерович как-то сам собой перемещался по квартире на запах еды.

Встроенный в стену кухонный робот бешено завращал окулярами, не понимая, требуется ли гостю отдельная чашка кофе.

— Дайте две! — отдал команду Коровин.

— Около года назад, — гость уже разместился на любимой табуретке хозяина, — отдел маркетинга нашей компании настоял на расширении линейки особняков «Мега-Терем» — вы наверняка слышали об этом бренде? — в сторону наиболее обеспеченных слоев населения.

Язык Нила Зеровича тоже казался Коровину абракадаброй, но для человека цифрового мира это не считалось проблемой, достойной упоминания.

— Вот так, — гость развел в стороны тощие ладошки, — зародился проект «Мега-Терем-VIP», в завершающей фазе которого мы сейчас и находимся.

Коровин лично был уверен, что уж он-то точно находится у себя на кухне, но перечить снова не стал.

— Псевдоинтеллектуальный... эволюционирующий... — Нил Зерович досадливо отмахнулся от чуждой ему терминологии. — Короче, всё, что вы назвали, открывая мне дверь, мы заказали у вашего товарища Ефима Бобриса. Он и порекомендовал привлечь вас в качестве внештатного специалиста для устранения... для устранения небольшой проблемы, которая возникла в финальной стадии нашей разработки...

Робот мелодично звякнул и выдвинул на центр стола поднос с двумя чашками.

— Пейте кофе, — ласково сказал Коровин и быстро вышел из кухни.

Из спальни выйдя на балкон, он отдал команду карманному коммутатору:

— Негодяя в студию!

На другом конце линии заиграла бодренькая мелодия, а затем хорошо поставленный баритон произнес с легким механическим придыханием:

— «Алгоритмы Бобриса!» Сейчас никто не может ответить на ваш звонок. Оставьте...

— Фима, первое апреля случилось два месяца назад.

— С добрым утром, Коровин, — вяло ответил Бобрис вполне человеческим голосом. — Ты меня на рассвете разбудишь...

— Фима, во что ты собираешься меня втянуть?

Бобрис был невозмутим.

— Ничего такого! — сказал он. — Если ты про «Теремок», так там всё тип-топ, Коровин, ты даже не думай! Пара багов по твоей части, чистая эргономика!

Жизненный опыт подсказывал Коровину обратное. Но в субпространстве творческих людей Цифры, будь то программисты, бета-тестеры или дизайнеры, змея, подобного Фиме, надо было еще поискать! Коровин, сам того не замечая, постепенно начал кивать в такт успокаивающей ритмичной речи Бобриса:

— Всё тупо и дорого, сменные интерьеры одним щелчком пальцев. Сто дизайнеров накреативили, а я подложил цифровую базу. Уже практически закончили отладку...

— Так что же тогда? — Сердце Коровина сжалось от тоскливого предчувствия.

Бобрис чуть-чуть помолчал.

— Знаешь, — неуверенно сказал он, — че-то не прет.

— То есть?

— Ну, всё красиво, всё работает, дом-трансформер, то ты в замке, то во дворце. Электрика, механика, сантехника — сложно, адски дорого и архинадежно. Сбоев на уровне харда нет вообще.

Бобрис снова замолк, а потом грустно подытожил:

— А кайфа нету!

Коровин даже не нашелся, что на это ответить.

— Вытряси их, Коровин! — воскликнул Фима, по-своему трактуя возникшую паузу. — Они такие тугрики в свой «Супер-пупер-мега-VIP» засандалили, что отступить давно уже некуда. Они на тебя молиться будут, пыль с флэшек сдувать, проси чего хочешь! Будет как со Шпульткой, даже круче! Я ж твой друг, плохого не предложу!

Коровин обвел взглядом панораму унылого дворика, полные спама мусорные бачки, белый снег простыней на чьем-то балконе, дрожащие пиксели листвы на голых культиках обкорнанных тополей... Ведь он же ничего не теряет? Это просто подработка!

Коровин скрестил пальцы и прошептал:

— Только бы не как со Шпульткой!

Трехтомное пособие по общению с Теремом Коровин оптимистично похоронил на дне чемодана. Он был уверен: всё не настолько плохо, чтобы с ходу зарываться в рабочие материалы.

Пели птицы, неподалеку шумело шоссе. На небольшом пригорке за витым чугунным забором возвышался особняк. Ничего сверхъестественного — три этажа, колонны и портик по фасаду, красная крыша из условной черепицы.

После знакомства с разработкой Бобриса Коровин знал, что снаружи вид дома почти неизменен. Максимум, вместо колонн может появиться каменная или бетонная стена. Но двери и окна останутся на прежних местах, и крыша не съедет набок. Что уже не могло не радовать.

Коровин остановился у калитки и дотронулся до кнопки звонка.

— Здравствуйте, — отозвался безукоризненно интонированный механический голос. — Дом пока не заселен. Если вы уверены, что прибыли по адресу, то представьтесь, пожалуйста.

— Оставь надежду всяк сюда входящий, — произнес Коровин как мог отчетливо слова мастер-кода. Маленький привет от Бобриса.

— И еще раз здравствуйте, новый хозяин! — в голосе дома прорезались радушие и почтительность. — Добро пожаловать в Терем!

Коровин взобрался в горку и вошел в дом. Всё было именно так плохо, как он и предполагал. От роскоши резало глаза. Лейблы и логотипы с каждого предмета со всей ненавязчивостью впивались в мозг. Каждая комната была нафарширована новейшей техникой, расставленной по-дизайнерски — красиво и бестолково.

Начав общение с домом, Коровин быстро сполз на недоязык, состоящий из простейших команд. Терем старался как мог, но под глянцевой коркой псевдоинтеллектуальной системы скрывался несовершенный ржавый механизм обработки информации, устаревший лет на пятнадцать.

Коровин поиграл интерьерами. Было забавно смотреть, как тонут в полу диваны и тумбочки, ползают по стенам картины и плазменные панели, как из бездонных недр Терема выплывают на свет ранее спрятанные предметы. Действительно, любой конечный пользователь мог подобрать обстановку на свой вкус — раз уж даже строптивому Коровину удалось найти вариант интерьера, в котором со временем почувствовал бы себя уютно.

Но бобрисовское «не прет» наиболее четко отражало суть проблемы.

Терем закупал продукты с доставкой, стирал и гладил белье, следил за чистотой в самом себе, но оставался устройством, сложным устройством, не способным даже на долю секунды показаться живым.

Программирование любого уровня — это всегда немножко шаманство. Без умения красиво раздувать щеки Коровин никогда не оказался бы там, куда его занесло сейчас. В широких креслах замерли как кролики перед питоном незадачливые вип-строители, возглавляемые Нилом Зеровичем, и пожирали Коровина взглядом.

По левую руку от главного барыги теремной индустрии сидел по стойке смирно хмурый тип в допотопном твидовом

костюме, отвечавший за смету и обоснованно ожидавший тяжелых испытаний. По правую — морщил переносицу круглолобый конструктор. Его редкие волосы были так прилизаны, будто он только что снял каску.

Ефим Бобрис, упакованный в чуждый его вольной натуре костюм с удавкой, скромно сидел в сторонке, поглядывая на Коровина невинным взглядом шестимесячного младенца.

С другого края разместился харизматичный разгильдяй, явно из дизайнеров — Коровин сразу признал своего. В темном мире эргономики и дизайна интерфейсов выжидали только те, кому хватало твердости неустанно делать вид, будто ситуация находится под их непосредственным контролем.

Доклад Коровина был по-медицински жесток.

— Давайте без экивоков. Я вижу две проблемы! — сурово сказал Коровин, сложив из пальцев «козу» и предъявив ее Нилу Зеровичу.

Тот забился в угол кресла.

— Первая — при разработке концепта вы изначально ограничили свою фантазию рамками имеющихся представлений о комфорте. Дорогой дизайн и эксклюзивные бренды — это прекрасно! Вы запрятали в шкатулку Терема столько замечательных сюрпризов... Но потенциальные возможности потеряны — ведь вы мыслите старыми категориями!

Коровин понемногу входил в раж.

— Возьмем, к примеру, шкаф. Шкаф — это унижительно!!! Вы вбухали в этот проект невероятные ресурсы, привлекли лучшие умы во всех областях, включая смежные, использовали самые передовые разработки — и что? Зачем всё это? Кому нужен полуфабрикат? Строили цифровой дом — дайте же ему до конца стать таковым! Кликая по ссылке в Интернете, вы не интересуетесь реальным местонахождением странички с голый девкой! Так почему же, проектируя дом, вы заранее заставляете его будущего хозяина замораживаться такими вопросами, как «где», «куда», «откуда»? Что за радость жить в доме, где нет ни одного

постоянного предмета мебели, если нужно запоминать, где лежит свитер, а где — альпеншток!

Почувствовав, что вокруг сгущается недоуменная тишина, Коровин поправился:

— Или, скажем, ключи от вертолета... Но это половина беды! Вторая проблема — вы даже не попытались одушевить Терем! У него мозгов чуть больше, чем у пылесоса. Ну, кто-нибудь из вас хотел бы жить в пылесосе?

— Вы считаете такое сравнение уместным? — Нил Зерович сморщился как от боли.

— Куда уж!.. — констатировал Коровин. — Знаете, на что похож Терем сейчас? На бездушную машину, которая тырит ваши бюстгальтеры!..

Человек без каски сделал протестующий жест.

— ...Без вашего ведома двигает стены, меняет мебель, покупает продукты! Сальери техногенного мира! «Боченок амонтильядо» на цифровой лад! Здесь не станет жить ни один вмменяемый человек!

— Что же делать? — Человек в твиде совсем спал с лица. — Разработка обошлась нам в астрономические суммы, и ничто не предвещало...

— Менять интерфейс, — скромно сказал Коровин. — Такой дом должен стать заботливой нянькой, дворецким, секретарем, но для этого он должен хоть немного понимать вас. Не ваши дурацкие команды «Курицу разморозить!» или «Затенить окно в спальне» — а вас, вас самих. Я не скажу «почувствовать», но проявить эмоциональный резонанс. Эмодом — вот сущность, которая будет адекватна величию вашего замысла!

Нил Зерович скукожился в своем кресле, как муха в гостях у паука.

— А для этого нужно, чтобы Терем едва заметно сопротивлялся командам — немножко, самую малость! — Коровин добрался до главного. — Те, чье состояние... кто в состоянии купить подобное жилье, как правило, глубоко внутренне одиноки. Дайте дому поговорить с ними, стать собеседником, советчиком, другом и наперсницей!

И обвел взглядом застывшую публику.

— А ведь он не дурак! — звонко воскликнул дизайнер, взмахнув руками.

Но восторженная реплика утонула без следа в гнетущем молчании остальных.

— Вы что же, хотите, чтобы программа перестала исполнять команды пользователя? — ошалело спросил человек в твиде.

— Ну как — перестала? — пожал плечами Коровин. — Нужно, чтобы имело место небольшое принуждение. Что такое диалог? Противостояние двух личностей! Раз нельзя превратить программу в личность, надо хотя бы симитировать это.

— Программа, не подчиняющаяся пользователю, — это страшно! — трагически произнес Нил Зерович.

Коровин обвел взглядом публику — с кем он вообще сейчас разговаривал? Неужели его вдохновенная речь прошла мимо ушей маленького заскорузлого неуча, без кивка которого ничто не может сдвинуться с места в этом проекте?

Другой бы отступил на пару доводов назад и попробовал заново штурмовать эту непробиваемую человекокрепость, но Коровин был не из таких.

Он подошел к креслу коммерсанта, опустил на подлокотники тяжелые кулаки, и сказал:

— Я вижу, моему мнению здесь не доверяют...

Нил Зерович снизу вверх захопал глазами на затмевающего солнце Коровина.

— Верю вам, как себе, — наконец промямлил он. — Иначе не дал бы карт-бланш!

— А я без карт-бланша вообще не работаю! — отрезал Коровин. — Как стоматолог. Все сначала терпят до последнего, а потом бегут ко мне. Сколько у нас времени?

Пять с половиной суток — срок долгий, только если маяться бездельем.

Коровин дымился. Провести «оживляж» менее чем за неделю — в такой цейтнот он себя еще не загонял.

На чердаке, этом клочке суши в море мигрирующих стен, гнущихся потолков и перестилающихся полов, Коровин оборудовал рабочее место. Как паук из центра паутины, с помощью панорамных экранов он наблюдал за домом изнутри, снаружи и совсем изнутри на уровне программного кода.

Первым делом Коровин отключил Интернет. Затем куцую системку, состоящую из двенадцати независимых компьютеров, под стенания человека в твиде проапгрейдили до ста двадцати.

«Просто добавьте процессоров», как когда-то учил юного Коровина один почетный профессор университета, работавший авторитет много раньше под ником «Червяк-убийца-2011».

Свободное дисковое пространство и расчетные мощности Терем учуял быстро. Коровин, как новорожденного, вскармливал его особыми смесями, крутым миксом из отборных словарных статей, не забывая проверять, чтобы у малыша не было отрыжки.

Информационный голод, проявляющийся прежде всего в попытках Терема взломать коровинский брандмауэр и выбраться в Интернет, свидетельствовал о проснувшемся у дома интересе к жизни. В электронном мозгу выстраивались устойчивые цепочки, логические взаимосвязи, постепенно твердел каркас условного компьютерного эго. Коровин мониторил личностный рост Терема по нескольким тысячам параметров, с удовлетворением отмечая, что всё проходит в штатном режиме и программа Бобриса, вопреки опасениям, работает безупречно.

Терем начал со всё возрастающей скоростью генерировать массивы данных, укладывая в них незамутненную сомнением, непротиворечивую картину мира. Он осознал свою роль верного и сообразительного слуги, проникся уважением к будущему хозяину в частности и всему человечеству в целом, переосмыслил свои возможности, провел инвентаризацию собственного нутра и остался доволен результатом.

К этому времени эго-каркас выглядел окончательно затвердевшим, и Коровин понемногу выпустил дом в Интернет. Преисполненный значимости этого события, Терем замучил тысячу сетевых магазинов расспросами об их ассортименте, из тысячи отобрал два десятка наиболее респектабельных, и уже из тех выбил наилучшие условия доставки. Дальше дом собирался взяться за коммунальщиков, но Коровин уже направил его пыл в другое русло.

Два полных дня ушло на разработку навыков общения с хозяином. Сначала Терем разговаривал как иностранец — он интуитивно строил фразы из каких попало слов, пытаясь высказываться максимально прямолинейно. Коровин продолжил кормление словарным материалом и своим ноу-хау — интонационными и контекстными базами данных.

Потом Коровин влил в электронный мозг порцию информации о человеческой психологии и физиологии. Терем научился считывать с лица хозяина температурную карту и определять его настроение.

К субботе Коровину стало казаться, что конец работы близок. Он уже не спеша подчищал мелкие огрехи, придумывал всякие приятные бонусы, болтал с Теремом, подправляя его там, где ощущались какие-то шероховатости.

А вечером Коровина навестила дама.

Терем устроил прием на высшем уровне. Подобрал интерьеры в тон одежде гостя, накрыл великолепный низкокалорийный стол, предложил напитки, настраивающие на романтический, чтобы не сказать игривый, лад.

Коровину оставалось лишь плыть по течению и принять восторженные отзывы о своей работе в самой приятной форме.

— Коровин, ты такой эргономичный! — возбужденно шептала дама, прижимаясь к нему в темноте.

Коровин польщенно кивал и тоже старался сделать гостю приятно.

Среди ночи даму сморил сон, да и Коровин начал клевать носом. Высокий балдахин эпохи Тюдоров покачивал

тяжелыми кистями бахромы. Открытое окно под управлением пакета «Виндоуз Виндоуз» регулировало ток прохладного воздуха.

— Вам хорошо, — заунывным голосом произнес Терем, вырывая Коровина из бета-версии сна. — Вы, люди, можете продолжить свой род...

— Типун тебе на язык! — возмутился окончательно проснувшийся Коровин.

— И передать потомкам накопленную мудрость... Воплотить в них свои несбывшиеся фантазии... Гигабайт за гигабайтом...

— Что это тебя на философию потянуло? Дай глоточек чего-нибудь!

Терем по лицу Коровина безошибочно определил рецепт «чего-нибудь», и на тумбочке в изголовье кровати появился запотевший стакан джин-тоники с долькой лайма.

— Мне, — тихо и печально продолжил дом, — приоткрылась тайна мироздания. Удивительно, но она лежала на поверхности — в открытом доступе, на ничем не примечательном форуме... Жестокий мир! В нем нет места для таких, как я!

Коровин торопливо поднялся, набросил подогретый Теремом халат и поспешил к себе на чердак.

— Дома, между прочим, живут куда дольше людей! Тебе ли жаловаться?

— Что время? — плыл за Коровиным из динамика в динамик голос дома. — Я мог бы простоять тысячи лет, но, боюсь, гораздо раньше мои руины перечеркнет развязка автострады или погребет под собой безликий супермаркет...

Коровин вывел на монитор обзор активных процедур, выполняющихся в стадвадцатимерном мозге Терема. Вместо привычного зелено-серого фона экран рябил розовым и черным.

Стараясь не поддаваться панике, Коровин проследил, откуда распространялась злокачественная напасть. Как ни странно, угроза шла не снаружи. Не было и речи о вирусах или хакерской атаке.

Коровин перепроверил все запущенные надстройки и генераторы кодов, после чего обратился к коммуникатору:

— Негодяя в студию!

Но Бобрис отсутствовал как класс — не отзывался даже его коммуникатор.

— А сколько недочетов могут привести к трагедии? — бубнили колонки у Коровина над ухом. — Один надлом газового шланга — и вот, невидимая струйка пропитывает всё вокруг. Взрывоопасная смесь растекается по дому, пока не чиркнет спичка... не заискрит контакт...

— Бобрис, немедленно отзовись! — кричал в трубку Коровин.

— И тогда — бдыщ!!! И с виду — благопристойный дом, а внутри — пепелище! Обгоревшие стены, рухнувшие перекрытия...

— Бдыщ, — машинально зацепился Коровин. — Исключить из лексикона. Предложить синонимы.

— Тыдыщ, — охотно отозвался Терем. — Фигак! Бэмц! Ба-бам!..

Фима будто испарился из реальности, в которой через какие-то тридцать часов предстояло впаривать заказчику депрессивную программу управления домом. Коровин крошил в труху вышедшие из-под контроля ветки эволюционирующего кода, но каждый обрубок расцветал новыми траурными розами.

— Так стоит ли жить? — завывал Терем. — Зачем длить эту муку, нестерпимое ожидание конца?! «Ка-зэ» манит меня искрящей пустотой... Что может быть правильнее, чем самому расстаться с брэнной оболочкой...

Коровин в аварийном режиме выключил все процессы Терема, и в пустой коробке дома зависла зловещая тишина. Осторожно, в защищенном режиме, Коровин восстановил систему из бэк-апа двенадцатичасовой давности и окончательно снес все куски кода, выработанные домом с тех пор.

Терем проснулся в отличном настроении. Извинился, что не может подать на чердак ранний завтрак, пробежался

по новостям, предложил Коровину перебраться в более удобное хозяйское кресло этажом ниже.

Но случившееся раз рано или поздно происходит снова. Коровин самостоятельно и не без грубости взломал программную оболочку, созданную Бобрисом, и погрузился в ее изучение.

Солнце взошло, перекатилось через верхнюю точку своего маршрута и снова устремилось к горизонту. Коровин, поминая всеу всех столпов цифрового мира, ковырялся в чужом коде.

Терем опять начал хандрить, и по краю монитора поползли розовые и черные побег.

— Открыть бы воду, — мечтательно рассказывал дом, — да и перекрыть бы пробочки во всех раковинах-то! Так и вижу: вода через край плещет на пол, сочится сквозь микрофибру перекрытий и наконец достигает блоков точной механики... Я полагаю, это похоже на паралич — замирают в ржавом экстазе натруженные шестеренки, фейерверком смыкаются фазы...

Коровин снова перезагрузил дом, и тут проснулся коммуникатор:

— Негодяй на линии!

Коровин повернулся к Бобрису, нарисовавшемуся на экране.

— Фима, тебя где носит?

— Отдыхал, — расслабленно ответил тот. — Ты же вчера сказал, чтоб я тебя не беспокоил, — вот я и...

Коровин перебил его:

— Посмотри-ка, дружок, вот сюда. Узнаешь программку?

Бобрис уставился на входящую картинку, следя за мышкой, которой Коровин бешено тыкал туда и сюда.

— Нет, Фима, ты смотри, не отворачивайся! Что за китайская лапша вместо дерева реакций? А эти вислые ссылки в блоке самооценки? И вот такая структура сортировки входящей информации — это чтоб врагов запутать?

Бобрис неуверенно развел руками:

— Не, ну давай заново перезапустим... или перепишем... Я бы предложил готовый патч, но ты так нервничаешь, когда заходит речь о Шпульке...

— Фима, — сжал губы Коровин. — Ты уже совсем-совсем забыл, что экспериментальный экземпляр маленькой железной собачки сгрыз уникальную библиотеку в семь тысяч томов, предварительно прочтя ее в отсутствие хозяина до последней страницы? Это произошло после того, как твой патч подлатал твой же трухлявый код! Страшно подумать, что под такой программой сотворит трехэтажный домина!

— Со Шпулькой всё случилось уже после сдачи! — возмутился Бобрис. — Это даже в протоколе о прекращении дела написано! А патч был отличный! Тем более что я его потом еще два раза перепатчил. Посмотри, как было и как стало!

Он кидался в Коровина структурными схемами, таблицами и диаграммами. Исправлять исправления — это было очень в стиле Фимы. Кто же в здравом уме будет вручную переделывать неудачные куски программы? Бобрис любил, чтобы сам процесс выглядел красиво, не говоря о результате... А точнее, иногда не говоря о результате.

Коровин бегло просматривал падающую на экран цветную мишуру, уже понимая, что другого выхода у него всё равно нет. Кто кроме Фимы мог разобраться в Фимином творчестве? Результаты тестирования выглядели утешающе — патч действительно подправлял нестыковки, породившие эмоциональный перекося в псевдоинтеллекте Терема.

Коровин сплюнул через плечо и инсталлировал бобрисовскую заплатку.

— Видишь? Всё в ажуре! — бодро сказал Фима. — До завтра, старик!

Коровин снова запустил процессоры Терема и несколько часов пялился в монитор, проверяя, сработал ли патч. Потом вызвал дизайнера.

Разгильдяй вопреки опасениям оказался на связи и даже обрадовался вопросу о том, кто возглавит комиссию:

— Улавливаю ход твоей мысли, коллега! И настраиваюсь на волну твоего креатива!

Забрасывая Коровина видеофайлами, он комментировал:

— Наша «заказесса» — бывшая модель, с десяти лет на подиуме. Человеческое лицо подростковой парфюмерии и пластиковых электропедов. Сейчас, конечно, это настоящая синьора, образцово-показательная жена владельца дружественной корпорации. Но по-прежнему следит за каждым пикселем своего внешнего вида.

Коровин тяжело вздохнул... и принялся вместо доводки Терема до ума изучать биографию незнакомой тетки.

Коровин застыл на крыльце мрачной сутулой глыбой, по-мефистофелевски положив руку на притороченный к поясу коммуникатор.

Первым заявился бесстрашный Бобрис.

— Улыбайся, Коровин! — Фима ткнул товарища в ребра. — У тебя красивые зубы, пользуйся этим! От твоей улыбки сейчас всем станет теплее и экономически выгоднее!

Один за другим к особняку подползали пафосные черные катафалки приемной комиссии.

— Порви шаблон, — накачивал Коровина Бобрис. — Покажи им Терем так, чтобы у них шерсть облезла!

— Я тебя, Фима, потом убью, — предупредил Коровин. — А пока — не учи ученого.

Подошел со своей гвардией Нил Зерович, пахнувший валидолом.

— Прошу любить и жаловать... — он подтолкнул Коровина в спину, навстречу бесстрастной снежной королеве, поднимающейся по ступенькам.

Заказесса и сама умела ломать шаблоны. Стоило Нилу Зеровичу заикнуться насчет «посмотрим домик», как ему было предложено вместе со всеми остальными подождать на кухне, «чтобы не мешать восприятию концепта».

Коровин настроил Терем на голос будущей хозяйки, и заказесса углубилась в дом.

Коровин снял с пояса коммуникатор и через камеры Терема наблюдал, как идет осмотр объекта. Нил Зерович сотоварищи сгрудились вокруг, пытаясь сразу впятером заглянуть в маленькое окошко монитора.

Сначала заказесса вдоволь позабавилась с интерьерами гостиной. Терем, сама любезность, предлагал ей «обои, чтобы с полосочками» и «какую-нибудь мебель посветлее». По первому же намеку он цинично корректировал разработки ведущих мировых дизайнеров, подстраиваясь под вкус хозяйки. Под конец они так спелись, что заказесса принялась рассказывать Терему о приеме в каком-то посольстве, и какие безвкусовые там стояли диваны... пока не опомнилась и не прервала себя на полуслове.

В спальне она первым делом спросила про шкафы.

— Я подам вам всё, что пожелаете, — вежливо ответил Терем.

Перед заказессой закружилось разноцветье платьев, юбок, костюмов, блузок... Разгильдяй-дизайнер не столько по просьбе Коровина, сколько по собственному почину просидел всю ночь, чтобы настроить именно дресс-блок наилучшим образом.

Перед заказессой возникла она сама... ее чуть-чуть усовершенствованная, словно хороший портрет, трехмерная копия.

— Вы хотели бы одеться для деловой встречи? Или в театр? — мягко спросил Терем.

Полтора часа как корова языком слизнула — ребенок, в детстве не наигравшийся в куклы, весьма серьезно подошел к процессу.

Наконец, завершив обход дома, заказесса вышла на кухню.

— А что же здесь так пустынько? — капризно спросила она.

Поскольку вопрос адресовался людям, Терем смолчал.

— Ну как — пустынько? — Коровин взял инициативу на себя. — Тот же принцип, что и везде — дом предложит

всё, что нужно. Двести пятьдесят ресторанов, лучшие повара, сверхбыстрая доставка...

Заказесса поджала губы:

— Вообще-то, я сама люблю готовить... порой.

Терем среагировал сам, и мгновенно. Кухонная стена вспучилась и лопнула, открывая ряды полок, заполненных радужным калейдоскопом баночек с пряностями и крупами, зарослями свежей зелени, разноцветными горками овощей и фруктов. Пол вздыбился кольцом разделочных столов, мойкой, двенадцатиконфорочной плитой, прозрачным холодильником, в котором угадывались корзинки грибов, ломти мяса, рыбные тушки. Из ниоткуда выросли миксеры, шейкеры, блендеры, грили, фритюрницы, мармиты, мясорубки, пароварки...

— Эта опция всегда останется при вас, сударыня, — галантно развел руками Коровин.

С этой минуты, хотя сдача продолжалась еще пять часов, сомнения в успехе уже не было.

— Знаете... — заказесса чуть задержалась на пороге, полуобернувшись к Коровину, протянула в его сторону безупречную длань. — Вы молодец!

И не менее эффектно покинула Терем.

— Как вы это делаете, Коровин? — негромко поинтересовался Нил Зерович, вытирая испарину со лба.

Коровин пожал плечами:

— У нас, эргономистов, свои подходы...

Обычно фортуна навещала Коровина по понедельникам. Когда в акте приемки работ появилась последняя подпись, он окончательно поверил, что в этот раз обошлось.

Коровину разрешили остаться в особняке до вечера — собрать вещи, то да сё.

Стадо черных лимузинов, шурша гравием, неспешно побрело за ворота имения.

— Ничче так потусились, а, браза? — прокомментировал отъезд комиссии Терем.

— Браза, — машинально повторил Коровин. — Исключить из лексикона. Предложить синонимы.

— Да ладно, браза, выдыхай! — дружелюбно посоветовал Терем. — Работа сдана, мир прекрасен, пренебреги мелочами. Заходи, я сделал красиво! Пойдем, оттопырмся — как-никак прощальный вечер!

Коровин медленно обернулся.

Холл преобразился. Коровин готов был отдать параллельный кабель на отсечение: сто лучших дизайнеров и не предполагали, что атрибуты их изысканных интерьеров можно смешать столь кардинально.

Аскетичный квадратный стол времен покорения Америки лишился ножек и превратился в дастархан, заполненный фруктами, шипящими горшочками, частоколом островерхих бутылок. Разноцветные шифоновые занавеси украсили окна, воссоздав цветовую гамму ямайского флага. Подушки, расшитые лилиями и львами в стиле эпохи Луи Тринадцатого, были небрежно разбросаны по устлавшему пол персидскому ковру. Из глубины дома донеслись первые аккорды расхлябанной карибской гитары. С огромного, в полстены, постера загадочно улыбался Боб Марли.

— Настраиваюсь на волну твоего креатива! — нараспев произнес Терем. — Сразу за стол — или дунешь сначала?

Коровин непонимающе уставился на самокрутку и зажигалку, возникшие на перилах крыльца:

— Ты где это взял?!

— Да твой непутевый брат-дизайнер... Нашел, короче, где нычки устраивать! Чё ты напрягся? Джа разрешает и даже одобряет!

Коровин приложил ладонь ко лбу. Температуры не было.

— Да не парься, браза, — сказал дом, и Коровину показалось, что невидимая рука снисходительно похлопала его по плечу. — Ведь главное же, это чтобы войны не было.

«А ведь и правда, — подумал Коровин, — главное — это чтобы не было войны!»

Курить он все-таки отказался.

Терем во все камеры уставился на запад. Коровин сел на крылечко. В миролюбивом молчании они вместе смотрели, как неотцифрованное солнце садится за далекий аналоговый горизонт.

Олег Дивов

Слово автора:

Очень рад, что довелось увидеть, как «Модель для сборки» работает вживую. На публике волшебство МДС раскрывается полностью, — и становится ясно, что это именно оно: скромное, доброе волшебство. Когда голос Влада Коппа наполняет затемненный зал и сотни замороженных слушателей дышат в унисон, следуя за чтецом и музыкой, впечатление сильнейшее. Для автора это еще и серьезный вызов: сколько ни вычитывай свой текст вслух, ты всё равно слишком «внутри» рассказа, и только профессиональный чтец поможет уловить, где на самом деле ты сбился с ритма, где всадил ненужную аллитерацию, где потерял темп. Влад — состоявшийся мастер и умеет сгладить практически любую ошибку писателя. Но всё равно писать надо лучше, это я благодаря МДС лишний раз уяснил. Спасибо.

СТОЯНИЕ НА РЕКЕ МОСКВЕ

(выложен 02.09.2009)

На рассвете танки русских подошли к Москве.

В головной машине открылся башенный люк. Высунулась рука с мегафоном. За ней — лейтенант Иванов.

— Сдавайтесь, чурки! — заорал Иванов в мегафон. — Сдавайтесь, а то хуже будет! Русские пришли!

Из-за баррикады, устроенной на въезде под Московскую Кольцевую дорогу, выглянул бригадный генерал Хухуев.

— Я твоя мама имел, морда жидовская! — крикнул он. — Моджахеды не сдаются!

Показал лейтенанту Иванову «фак» и на всякий случай тут же спрятался.

К танку подошел тяжелым командирским шагом подполковник Криворучко.

— Лейтенант! — рявкнул он. — Что за самодеятельность?! Мегафон сюда. А сам убрал хлебало нерусское в люк, быстро. А то противник хрен знает что о нас подумает.

Иванов отдал мегафон и сказал обиженно:

— Сами понабрали в армию хрен знает кого, а теперь ругаетесь.

После чего, как и было приказано, убрал нерусское хлебало в люк.

Подполковник Криворучко поднял мегафон и крикнул:

— Сдавайтесь, чурки! А то хуже будет!

— Я твоя мама имел, русская свинья! — отозвался бригадный генерал Хухуев.

Из люка снова высунулся Иванов.

— Охренеть конструктивная беседа, — заметил он.

— Ну и вали в свой Израиль, если такой умный, — надулся подполковник. — Как я должен с чурками говорить, по-твоему?

— Сейчас нам объяснят, — сказал Иванов. — Вон пиндос нарисовался.

К переговорщикам короткими перебежками, то выскакивая из-за танков, то скрываясь за ними, двигался военный советник капитан Моргенштерн.

— Дурак дураком, а чурок боится, — прокомментировал Криворучко. — Умный, значит. Или все-таки дурак?

— Вы бы сами ушли за броню, — посоветовал Иванов.

— Я стою на своей земле, — веско сказал подполковник.

Подбежал Моргенштерн, присел за кормой танка.

— Ну? — спросил он на ломаном русском.

— Чего? — не понял Криворучко.

— What the hell is going on?

— Слушай, говори по-нашему, пиндос несчастный, а? — взъерился подполковник. — Чему тебя в твоём драном Вест-Пойнте учили?

— Я буду жаловаться, — четко выговорил Моргенштерн.

— Ага! — обрадовался Криворучко. — Слышу голос не мальчика, но мужа.

Моргенштерн достал из кармана переводчик и принялся нажимать кнопки.

— Покиньте открытое пространство! — железным голосом потребовала электронная машинка.

— Понял, — Криворучко кивнул и поднял мегафон.

— Покиньте открытое пространство! — крикнул он в сторону баррикады.

— Сам ты покиньте открытое пространство! Я твоя мама имел! — раздалось в ответ.

Иванов грустно поглядел на командира и сказал:

— Вы бедного пиндоса доведете рано или поздно. Он свихнется, и у нас будут неприятности.

— А не хрена тут! — гордо ответил Криворучко.

Моргенштерн продолжал давить на кнопки.

— Сообщите противнику, что вы действуете согласно мандату НАТО! — сказал переводчик.

— Манда ты! — крикнул Криворучко в мегафон.

— Сам дурак!

— За дурака ответишь, козел!

— А ты за козла ответишь!

— Детский сад, — резюмировал Иванов и закурил.

Моргенштерн высунул из-за танка руку и дернул подполковника за штанину.

— Кто?! Фамилия?! — удивился подполковник. — А, это ты...

— Сообщите противнику, что согласно Вашингтонскому договору 2013 года занимаемая им территория должна быть возвращена под юрисдикцию Республики Москва!

Криворучко почесал в затылке.

— Вам перевести, товарищ подполковник? — спросил Иванов.

Криворучко показал ему кулак. Поднял мегафон.

— Значит так, чурки! — крикнул он. — С вами говорит командующий танковыми войсками Республики Москва подполковник Криворучко! Тут советник от пиндосов уверяет, что вы обязаны убраться с моей земли добровольно. А вы об этом знаете?!

— Скажи пиндосу — я его мама имел! — попросили из-за баррикады.

— Лейтенант! Переведи!

— Answer is negative.

— Сдается мне, ты не всё перевел, — заметил Криворучко.

— Answer is negative and fuck you, — поправился лейтенант.

— Так-то лучше, — согласился подполковник.

Моргенштерн, сидя на корточках, хлопал глазами и качал головой. Потом склонился над переводчиком.

— Сообщите противнику, что согласно Вашингтонскому договору 2013 года, в случае отказа освободить незаконно удерживаемую территорию, войска НАТО оставляют за собой право расценить отказ как недружественное действие.

— Наконец-то, — Криворучко удовлетворенно крикнул и проорал: — Ну, теперь вешайтесь, чурки!

— Хорош врать! Чего пиндос говорит? — раздалось из-за баррикады.

— Вот это самое и говорит!

— Не может быть!

— Очень даже может! Всем чуркам вешаться согласно Вашингтонскому договору 2013 года!

— Пиндосские свиньи! — взвизгнул бригадный генерал Хухуев.

— Моджахеды не сдаются! — подсказал ему Криворучко.

— Сам дурак!

— Повторяется, — Криворучко улыбнулся. — Занервничал, чучмек.

Иванов скрылся в люке, потом выбрался обратно с пластиковым стаканчиком. Перегнулся вниз, протянул стаканчик подполковнику.

— Кофе.

— А мне? — железным голосом спросил переводчик.

Криворучко от неожиданности подпрыгнул.

— Тьфу, черт, — сказал он, принимая стаканчик. — Сделай пиндосу тоже. Только послабее.

Моргенштерн отстегнул от пояса рацию и что-то в нее забормотал.

— Жалуется, падла, что ему первому кофе не дают, — объяснил Криворучко лейтенанту.

— Может, ему еще туалетной бумаги отмотать? — бросил Иванов презрительно.

— Даже не вздумай.

— И в мыслях не было, товарищ подполковник.

Криворучко допил кофе, вернул стаканчик лейтенанту, дождался, когда снова нальют и передал мутную жидкость Моргенштерну.

— Ну, что делать-то будем? — спросил он советника. — А? Чего молчишь, пиндосина? Давай, жри наш русский кофеек. Авось подавишься и сдохнешь.

Моргенштерн подавился, облил себя кофе и принялся мучительно кашлять. Подполковник зашел за танк и от души треснул советника кулаком по спине.

— Не сдох, — констатировал он, возвращаясь на открытое место.

Из-за баррикады показалась бритая голова.

— Русские! Скажите пиндосу — договор неправильный!

— Какая разница?! Нам по хрену ваши договоры с пиндосами! Вешайтесь, чурки!

— Вы же войска НАТО!

— А нам по хрену!

— Вы же русские...

— И поэтому нам по хрену!!!

Голова исчезла. Иванов снова курил, разглядывая баррикаду.

— А то стрельнуть разок? — спросил он. — Для остратки.

— Тогда пиндос точно сдохнет. В Вашингтонском договоре про стрельбу ни слова. Там написано, что как только приходят войска НАТО, все негодяи сами разбегаются.

Моргенштерн за танком чихал и плевался. Иванов курил. Криворучко ждал.

— Эй, русские! — позвали из-за баррикады. — Слушай, ехали бы вы домой, а?

Иванов выматерился и полез в башню.

— Лейтенант! — прикрикнул Криворучко.

Иванов высунулся обратно.

— Ты мне брось эти еврейские штучки, — посоветовал Криворучко миролюбиво.

— Вы бы потом сказали, что я случайно задел спуск.

— Ага, сапогом... Отставить, лейтенант. Спокойнее.

Моргенштерн снова бубнил в рацию.

— Теперь жалуется, что я его ударил, — предположил Криворучко. — Чмо.

Из хвоста колонны прибежал вестовой.

— Товарищ подполковник, идите завтракать.

— Принеси сюда. Мне и лейтенанту.

— Есть.

Моргенштерн закончил общение с рацией и взялся за переводчик.

— Сообщили ли вы противнику, что войска НАТО оставляют за собой право...

— Уже два раза, — перебил Криворучко.

— Twice, — перевел лейтенант.

— And fuck you, — добавил подполковник. — Ой, блин. Само вырвалось. Я этого не говорил.

Моргенштерн впал в задумчивость.

Пришли бойцы в поварских халатах и шапочках. Через пару минут посреди дороги красовался стол, накрытый белоснежной скатертью и уставленный посудой. Принесли два стула. Иванов слез с брони.

— Что у нас сегодня? — спросил Криворучко, усаживаясь. — Опять яичница? Ладно, ладно. Лейтенант, присоединяйся.

— Русские! — крикнули из-за баррикады. — Водки хотите?

— Точно нервничает, чурка, — подполковник усмехнулся. — Ишь, заигрывает.

Некоторое время ничего не происходило. Офицеры завтракали, Моргенштерн тупо глядел на свой переводчик.

— Русские, а русские!

— Чего надо? — невнятно спросил Криворучко, жуя.

— Вы сколько тут еще будете?

— А у тебя что, намаз? Иди, мажься! Мы тут надолго. Навсегда.

— Вот же свиньи... — раздалось из-за баррикады.

Подполковник запил яичницу огромной кружкой кофе, откинулся на спинку стула и задумчиво оглядел свой живот.

— Кончится война, — сказал он, — займусь спортом. Бегать буду. Каждое утро. Ну, не каждое, но по выходным точно. По воскресеньям.

Моргенштерн вышел из прострации и снова взялся за радиопереговоры.

— А я в деревню уеду, — сообщил Иванов, доставая сигареты.

— Уволишься, что ли? Брось. Между нами, тебе следующая звездочка вот-вот капнет.

— Спасибо, конечно, но... Надоело пиндосам служить. Заведу лучше пасеку, медовуху буду гнать. Вы в гости приедете.

— Ты не пиндосам, а Родине служишь! — заявил подполковник твердо. — Как говаривал товарищ Сталин, Гитлеры приходят и уходят, а русские остаются.

— М-да... — сказал Иванов. И больше ничего не сказал.

Стояло ясное утро. Солнце всё выше поднималось над Москвой. Иванов курил, пуская дым в небо. Криворучко неодобрительно щурился на торчащую из-за Кольцевой дороги бетонную иглу Останкинского минарета.

Моргенштерн издал неясный звук, пытаясь привлечь внимание.

— Что тебе? — спросил Криворучко. — Жрать охота? Увы, совсем ничего не осталось.

— В связи со сложившейся кризисной ситуацией командование дает приказ отступить для проведения консультаций и перегруппировки сил! — объявил переводчик.

— Ну и отступай, — добродушно согласился Криворучко.

Советник прицепил на пояс рацию, убрал переводчик в карман и короткими перебежками ускакал в хвост колонны, к своему «Хаммеру».

— Пиндос, — совершенно без выражения сказал подполковник.

Подумал и добавил:

— Вот ведь послал нам бог дурака. Уж и кормить его перестали, вторую неделю сухпаем давится, а всё никак не поумнеет.

Подошли бойцы, начали собирать со стола.

— Слушай приказ, — сообщил подполковник, ни на кого не глядя. — С этой минуты пиндосу кофе ни грамма. Довести всему личному составу.

— Есть.

Бойцы забрали посуду, подхватили стол и удалились.

— Эй! — крикнул подполковник вдогонку. — А узнаю, что кто-то дал пиндосу туалетной бумаги — разжалую и посажу!

Иванов встал, потянулся, забрался на танк и сказал в люк:

— Завтракать идите.

Из машины полезли заспанные танкисты.

Иванов оглянулся на Москву, посмотрел на Криворучко.
— Ну так что? — спросил он. — Развернем лагерь прямо здесь?

Криворучко закинул ногу на ногу, почесал серую щетину на подбородке и произнес:

— ...И назовут это позже «Стояние на реке Москве». Ты готов войти в историю, лейтенант?

— Вляпаться в историю не готов, — быстро ответил Иванов. — А войти — всегда пожалуйста.

Подполковник встал и принялся расхаживать туда-сюда поперек шоссе.

— Русские! — позвали из-за баррикады. — Ну чего вы тут застряли? Почему не отступаете?

Криворучко покосился на лейтенанта.

— Пиндос наступал, — сказал тот. — Зуб даю.

Подполковник заложил руки за спину и хмуро уставился на баррикаду.

— Водки подарим ящик! — крикнули оттуда. — На пошок!

Подполковник щелкнул пальцами. Лейтенант быстро протянул ему мегафон.

— Ну два ящика! — надрывались за баррикадой. — Больше нету, мамой клянусь!

Криворучко задумчиво покачивал мегафоном.

— Два с половиной ящика! Больше точно нету! Только уезжайте уже, Христа ради!

Иванов на башне обидно захохотал.

— Чего-то не нравится мне «Стояние на реке Москве», — сказал подполковник. — Не звучит. И скучно будет смотреться в учебниках. Детям неинтересно такое читать.

— Московская Битва? — предположил Иванов.

Криворучко поднял мегафон, направил раструб к баррикаде и рявкнул:

— Эй, чурка! Фамилия!!!

— Два с половиной ящика!.. Бригадный генерал Хухуев!

Криворучко опустил мегафон.

— Спасибо, чурка, — сказал он тихонько. Вернул мегафон Иванову и, в ответ на его недоуменный взгляд, объяснил:

— Не бывает таких исторических сражений, чтобы полководец не знал имени своего врага.

Иванов согласно кивнул и сунул мегафон в башенный люк. Подбежал вестовой.

— Товарищ подполковник! Там пиндос волнуется. Спрашивает, когда поедем.

— Не поедем, — отрезал Криворучко. — Иди скажи начальнику штаба, что после завтрака я назначил войну с чурками. Пусть готовит приказ. Да, особо отметь — пиндосу об этом знать не обязательно.

— Есть! — Вестовой просиял лицом и умчался с такой скоростью, что над асфальтом взлетела пыль.

— Гляди, лейтенант, — сказал Криворучко, — как солдат войне радуется. А ты увольняться хочешь.

Иванов опять закурил, смял в кулаке пустую сигаретную пачку и швырнул ее на обочину.

— Может, я передумал.

Из-за баррикады кто-то махал белой тряпкой.

— Московская Битва... — мечтательно протянул лейтенант.

— Водки! Два с половиной ящика! — орали за баррикадой. — И бабу! Хотите бабу, русские?! Баба хорошая, не пожалеете!

Криворучко недобро рассмеялся.

— Нет, лейтенант, не битва.

Иванов ждал продолжения. И подполковник сказал:

— Московское Побоище.

Солнце поднималось всё выше в безоблачное небо над древним русским городом.

Дмитрий Градинар

Слово автора:

Вначале мне всё показалось каким-то смелым экспериментом, не более. Но, зная Сергея Чекмаева, я понимал, что плохое дело он точно не предложит. И, конечно же, согласился на участие в Модели вот этого моего скромного опуса, который вы теперь можете прочесть. По секрету скажу, от рассказа отказались все известные мне на тот момент издатели. Но когда я услышал это чудо, этот мини-спектакль... Знаете, я почувствовал себя едва ли не Шекспиром, ну, или в крайнем случае, Островским. Не тем, что как закалялась сталь, а другим, драматургом. И мне показалось, будто по моей пьесе поставлен спектакль. Потому что другому кудеснику — Владу Коппу, удалось разыграть эту драму так, как если бы на сцене играла сразу дюжина актеров.

А потом я понял — как это замечательно, что кто-то умеет вот так вот, мастерски, талантливо, волшебным образом, сделать с рассказом писателя чудо перерождения. Я слушал свой рассказ в дальней дороге, я видел, как эмоции проступают у других слушателей.

Музыкальные инсталляции в «Модели для Сборки» на высоте. Заменяют собой антураж живой сцены и декорации живого театра. Ну а Влад Копп... Словами тут не скажешь, это нужно слушать. В общем, эксперимент обернулся настоящей удачей для тех, кто попал в число счастливых, приглянувшихся этой замечательной команде!

Всем — хорошей фантастики и солнечного настроения!

ПЕРВЫЙ ДЕНЬ ВЕСНЫ

(выложен 03.03.2010)

Огромная собака искала весну, удивленно раздвигая носом слипшиеся комья снега, но не находила ее.

Ллойд Маккалкин не менее удивленно смотрел на свою гордость — суку мастино по кличке Лузи, и ни черта не мог понять, дрожа от холода после ночной попойки в компании с Мэтьюзом, Кони и Николсоном. Обычно псы, содержащиеся в квартирах, с огромным удовольствием выбегают утром, а также по вечерам и вообще в любое время суток на улицу, чтобы порезвиться. К тому же для больших собак это просто жизненная необходимость, иначе они рискуют заполучить кучу болячек. Лузи никогда не составляла исключения. Разве что сегодня...

Быстро справив собачью нужду, псина прижалась к ногам Ллойда, настороженно озираясь по сторонам.

«Похоже, она определила источник своего беспокойства», — решил недоумевающий хозяин в тот момент, когда собака, запрокинув голову, завывала...

После этого воя, продолжавшегося чуть меньше минуты, Ллойд вынужден был признать, что ничего подобного в жизни своей не слышал, разве что в сериалах про оборотней.

Больше всего звук напоминал обреченный гудок ржавого паровоза, отправляющегося на переплавку. Но Лузи исполнился только год и перед выходом на прогулку ей достались все объедки с кухонного стола, — колбаски, сыр, огрызки ветчины, полуобглоданные кости, чипсы и куча всего того, что остается обычно после затяжных мужских разговоров. Поэтому смело можно было надеяться, что поводов отправляться в собачий рай у Лузи было не так уж

много. Примерно столько же, как у рыбы, живущей в полноводной реке, пострадать от жажды.

Ллойд всё это совсем перестало нравиться, когда после затяжной песни Лузи сперва глухо зарычала, оскалив внушительные белые клыки, а после залаяла прямо в зенит. Не укрылся от взгляда Ллойда и тот факт, что хвост собака поджала под себя.

«Может быть, именно сейчас с неба падает какой-нибудь Монстро или заходит на посадку эскадра инопланетных вампиров?»

Но на землю медленно опускались лишь хлопья серого снега. Такие обычные и миролюбивые, какими они и должны быть на окраине города.

Улица была пустынна и напоминала продрогшие пейзажи натуралистов. Те обитатели дома, которые, возможно, были разбужены лаем мастино, должно быть, не менее обыденно проклинали предков Маккалкина, даровавших своему отпрыску любовь к чудовищам.

Электронные «Сейко» на руке Ллойда показывали 1 марта, 6.00 утра. После того, как он уронил их в гараже пару недель назад, часы перестали показывать год и день недели.

Оторванный лист календаря валялся возле подъезда, примерзнув к куску бетона, а в сером неподвижном воздухе повис тонкий запах приближающегося утра.

Противоречивое время прозрений, похмелья и неопределенности... Время, когда спят любовь и гангстеры... Шесть утра. Первый день весны!

Вокруг не было ничего такого, что указывало бы на опасность, — только непроснувшаяся улица и падающий снег. Но, тем не менее, Лузи ведь что-то же чувствовала!

На всякий случай Ллойд подобрал валявшуюся на тротуаре палку, но вскоре отбросил ее, так как собака, продолжая поджимать хвост, затрусила к лестнице, порывая то и дело на съезжившееся небо.

Ллойд посмотрел вверх. Крупинки редкого снега упали ему на лицо — стало еще холоднее.

Но никакого страха он не испытывал. И, войдя в квартиру, установил будильник на десять часов: ведь к приезду

супруги нужно было прибраться на кухне и обязательно — в гостиной, где всё еще валялась разбросанная по дивану карточная колода, немой укор и свидетельство покерной баталии.

Перед тем как уснуть, он выпил стакан теплого пива. Мэтьюз и Николсон обычно пользовались этим методом облегчения похмелья. А потом пригрозил Лузи, сказав, что если она поведет себя еще хоть раз подобным трусливым образом, то он отведет ее к собачьему психиатру. Естественно, Лузи поверила, увидев в руке хозяина старые подтяжки, которыми ее пугали в щенячьем возрасте.

Хотя, если честно, Ллойд не был до конца уверен в существовании собачьих психиатров. Собачьи няньки, собачьи парикмахеры, собачьи тренеры, воспитатели, массажисты... Все есть, а в собачьей психиатрии пока присутствовал огромный пробел, не заполненный еще ни одним предприимчивым умником.

— Эй, псина! Чао! Я ложусь спать, советую тебе сделать то же самое.

Лузи не последовала его совету.

Термометр за окном показывал минус пять градусов по Цельсию... В общем-то, ничего странного. Правда?

8.30 утра

Телефон на полке в прихожей поднял Ллойда на ноги первым же звонком.

Звонила Тина, которая находилась у своей матери в соседнем поселке, за тридцать миль от супруга.

— Ллойд! Не находишь это странным? — Она любила задавать вопросы с середины, чем часто заставляла мужа врасплох. И ничего уже с этим не поделаты. Очень многим знакомо такое состояние, которое можно обозначить фразой «Так уж сложилось».

— Что ты имеешь в виду, дорогая?

Нужно ли уточнять, что в слове «дорогая» было столько же нежности, сколько ее может быть в стакане с микстурой!

— Как?! Ты ничего не замечаешь вокруг себя, дорогой? Ну и хорош же ты! — В этом случае обращение «дорогой» вполне могла бы заменить чашка уксуса. — Ты опять хочешь ссоры? Вчера в вечерней информационной программе шлюшка из метеорологического центра бесстыже говорила об ощутимом потеплении на первое марта. А какая сейчас погода на улице?

Ллойд знал, что шлюшками-дрянью-вертихвостками жена обычно называла всех женщин, которые посмели быть хоть чуть-чуть красивее ее самой. Из всех слов Тины он понял только одно, — она чем-то опять недовольна. Однако на всякий случай взглянул в окно, где всё, впрочем, было в порядке.

— Да вроде бы погода нормальная. Снег почти прекратился... — неуверенно протянул он.

— Кончай надо мной издеваться! Ты отлично знаешь, о чем я говорю! — телефонная трубка на мгновение приняла образ Перста Указующего. — Посмотри на термометр, неужели ты ничего не чувствуешь?

— Минутку, Тина! — Ллойду пришлось медленно сосчитать до пяти, чтоб хоть что-нибудь ответить. — Во-первых, я даже не догадываюсь, о чем ты. Во-вторых, я не бегаю каждую минуту на кухню, чтоб узнавать температуру, мне это просто не интересно. В-третьих, я еще элементарно сплю, а под одеялом мне довольно тепло и уютно. Ну а в-четвертых...

— А в-четвертых, ты немедленно пройдешь к термометру и посмотришь, что он показывает. И вовсе незачем делать из меня дурачку! Я просто звоню по телефону, просто задаю тебе вопрос, а ты начинаешь...

Ллойд аккуратно опустил трубку на пол, и, пока паркет выслушивал дальнейшую речь Тины, направился на кухню.

За окном термометр показывал минус пятнадцать. Ллойд ощутил, что замерзли ноги.

— ...ты неисправим. Последние пять лет от тебя только и...

— Минус пятнадцать! — сказал он резко, словно поставил точку.

Жена сразу же сменила тему, перейдя от зачтения обвинительного текста к судебному следствию.

— И какие выводы ты для себя делаешь?

Ллойд оторопел, так как никаких выводов из мелочей делать не собирался. К сожалению, это случилось между ними всё чаще и чаще. Помните: «Так уж случилось». Но жизнь сделала из него отличного адвоката для единственного клиента — себя самого.

— Я не делаю никаких выводов. В январе температура опускалась в нашем штате ниже двадцати. И, что весьма прискорбно, явления природы пока не подвластны никому. Даже тебе, дорогая! — естественно, он не смог удержаться от того, чтобы вставить шпильку в ответ.

— И этот человек продолжает утверждать, что он меня любит! — воскликнула Тина и положила трубку.

После сумбурного диалога с женой Ллойд выкурил сигарету, прикрыл плотнее окно, а также балконную дверь, а затем лег спать дальше...

9.20

Вначале ему снилось, что он летит на каком-то огромном самолете над ночной Европой, и через иллюминаторы виднелись огни больших городов. Затем оказалось, что это не самолет, а океанский лайнер, плывущий по черной водной глади, в которой мерцают, отражаясь, звезды.

Неожиданно раздался удар, отчего корабль качнулся, и Ллойд вылетел на палубу, а затем — после второго удара — кувыркнулся через борт.

Обычно люди просыпаются от ощущения падения во сне. Но Маккалкину повезло просуществовать в ирреальном ночном мире несколько дольше...

Слетев с палубы, откуда уже доносились звуки паники, он ударился о жесткий, будто бы мраморный, лед. И уже оттуда, снизу, наблюдал, как лайнер, четыре дымящиеся трубы которого придавали ему сходство с «Титаником», погружается в пучину.

Тысяча криков утонули вместе с кораблем, и во сне Ллойда посетило ощущение, будто под воду ушла вся земная суша. И только он один, чудом уцелевший, остался

на льдине. Потом он почувствовал жуткий холод и щемящее одиночество.

И лишь тогда Ллойд проснулся...

Первым делом он побежал на кухню. И сразу же посмотрел на термометр.

На улице было минус двадцать пять, отчего у Ллойда заныли зубы.

Теперь уже ему пришлось набирать номер Тины и недоумевать по поводу погоды. Ведь он отчетливо вспомнил, как во вчерашних новостях миловидная темнокожая девушка с ослепительной улыбкой обещала потепление. А в мыслях ему пришлось согласиться, что Тина была права. Возможно потому, что обладала женской интуицией.

— Алло! Алло! Тина? Миссис Рэйчел? Здравствуйте... Что? Сейчас подойдет? Хорошо, я подожду... Алло, Тина? Я не вполне понимаю, что происходит, но только хочу сказать... Да, да, конечно, я был не прав... Нет. Да. Ну, послушай же!

Но сначала слушать пришлось ему, и только потом, после чистосердечного раскаяния и повинной речи он обрел право задавать вопросы.

— Тина! Как же ты поедешь с Джимми в такой холод?

— Как-как... Он еще спрашивает! А для чего мы купили мне машину?

«Мы» — это было громко сказано. Ллойд пришлось ограничивать себя во всем почти полтора года, чтобы выплатить кредит за второй «Опель».

— Тина! В твоей машине плохо работает отопление. Вы же замерзнете! — Через пять минут Ллойд понял, что зря вспомнил об этом — по рассуждениям жены, только он один и был виноват во всех автомобильных неисправностях.

— До дома не более получаса езды. Думаю, мы не успеем превратиться в ледышки.

— Тина, может быть, вам стоит дождаться солнца? И к обеду, когда потеплеет...

— СОЛНЦА?! — Ллойд чуть не выронил трубку от ее выкрика. — Да ты посмотри на...

— Я уже смотрел на термометр.

— Не перебивай! Я хотела сказать: посмотри на небо!

Ллойд, ощущая всё более возрастающее недоумение, отправился на балкон. Но на полпути пришлось вернуться и, чертыхаясь, поискать под диваном теплые тапки.

То, что он увидел, оказалось для него полной неожиданностью. На небе — ни тучки, но всё вокруг было серым-серым и немножко сиреневым, как при пасмурном вечере. Кроме этого, само небо показалось на секунду Ллойдю перевернутым колодцем, в который можно было падать, падать, падать... Бесконечно!

От внезапного приступа агорафобии закружилась голова, и он был вынужден ретироваться в коридор. А солнце попросту отсутствовало там, где ему полагалось быть...

— Ну, как тебе всё это нравится? — торжествующе спросила жена.

— Никак. Вернее, так же, как и тебе — совсем не нравится. Может быть, затмение?

— Не будь дураком, Ллойд! О предстоящем солнечном затмении в новостях начинают трубить за пару-тройку месяцев до того, как оно случается.

Тина опять оказалась права. При этом Ллойд почувствовал раздражение.

— Ну и черт с ним!

— С чем?

— Да со всем этим! Я забочусь только о том, чтоб вы с Джимми благополучно добрались до дома, — Ллойд дошел с телефоном в руках до кухни, где красный столбик сполз вниз еще на три деления. — Тина! Продолжает холодать! Если ты решила поехать, то выезжай прямо сейчас.

— Я выеду, когда закончу все свои дела. И потом: мне нужно привести себя в порядок.

«Привести себя в порядок» — это не меньше часа, проведенного перед зеркалом с косметичкой.

— Какие еще дела? И зачем тебе прихорашиваться, если ты едешь домой, а не на банкет к подружкам? — увидев, что стало холоднее еще на один градус, Ллойд почти кричал.

Однако Тина была непошибаема, словно линкор «Айова».

— Я жарю гренки! И только после того, как закончу это делать и накрашусь, мы сразу же выезжаем.

— Тина! Ты в своем уме? Какие гренки? И, черт побери, зачем тебе все-таки нужно краситься и возиться с бижутерией?

— Ты не женщина, дорогой, и тебе этого не понять никогда.

— Тина...

— Всё. Я бегу на кухню — кажется, там что-то пригорает.

На этом разговор был закончен. Ллойд, поражаясь женскому упрямству, сел на пол...

Но через пять секунд вскочил, потому что пол оказался слишком холодным.

10.00

Закутавшись в одеяло, Ллойд сидел на кровати и смотрел телевизор. Лузи так же перебралась на кровать, что обычно категорически запрещалось.

Показывали очередную версию истории о крестных отцах мафии, но Ллойда абсолютно не интересовал сюжет — он ждал блока информационных передач, который начинался в десять часов. Сегодня новости почему-то задерживались.

Температура за окном упала до минус тридцати пяти, да и в погоде произошли кое-какие изменения. Теперь над городом проплывали жирные тучи, снизу казавшиеся фиолетовыми и ужасно твердыми, как глыбы. Голые ветви деревьев пришли в движение, безветрие сменилось порывистым дыханием холодного воздуха. Ллойд пробовал связаться с Мэтьюзом и Николсоном, но никто не поднимал трубку. Была суббота, и, по-видимому, из соседей никто не высовывал носа на улицу. Даже шума машин — и того Ллойд не слышал.

Наконец начались новости. Начались прямо с информации о погоде.

— Доброе утро! — обратился к телезрителям комментатор в черном костюме.

— К чертям с-собачьим оно доброе! — отстучав зубами, машинально ответил Ллойд.

— Вероятно, мало кто из нас мог ожидать такого каприза природы, как резкое похолодание в первый день весны...

Улыбка диктора казалась такой естественной и теплой, что Ллойд даже расслабился, ожидая исчерпывающей информации и скорого наступления тепла.

Но тут вдруг совсем неожиданно на экране мелькнули пальцы диктора. Ллойд напрягся, потому что эти пальцы дрожали (может быть, от холода в студии?), а ожидаемых фраз вроде «арктический циклон, внезапно прорвавшийся на территорию континента, быстро-быстро направляется к эскимосам» — не последовало. Были лишь какие-то странненькие суждения, из которых Ллойд понял три вещи.

Во-первых, похолодание было глобальным и охватывало все материки. Во-вторых, науке ни черта не известно о подобных катаклизмах. А в-третьих... Диктор ни словом не обмолвился об отсутствии солнца на небе.

10.45

Звонила Тина. Сказала, что у матери в доме ужасно холодно, а также что мать сильно напугана и боится оставаться одна. Как и диктор, она тоже кое о чем решила умолчать. О том, что ей самой очень страшно. Но это было понятным и без слов.

На улице было минус пятьдесят, а в комнате около нуля.

«Долго ли это может продолжаться?» — думал Ллойд. Он надел теплый спортивный костюм для бега прямо на пижаму и натянул две пары шерстяных носков.

11.00

Опять звонила Тина. По всему было видно, что ей сейчас не до маникюра и губной помады «Мэри Кей», потому что на улице завывал ветер, а с неба посыпалась ледяная крупа.

— Ллойд! Так мы выезжаем? — Тина не утверждала, а спрашивала. Даже не так. Она молила об ответе!

Но что он мог посоветовать? Ведь при таком развитии событий через полчаса уже будет около минус шестидесяти,

и двигатель мог элементарно не завестись, а то и заглохнуть по дороге...

— Тина, — наконец-то решился Маккалкин. — Послушай меня. Мы все сейчас почти что в западне. И ты не можешь так рисковать. Я знаю, в доме у твоей матери есть камин. Разожгите огонь и постарайтесь натаскать побольше поленьев, которые лежат в сарае. Я вырубил прошлой осенью целую рощу, должно же было что-нибудь остаться.

— Ллойд... — Тина начала плакать. — Неужели мы будем сидеть вот так — две женщины и один ребенок — перед камином и ждать неизвестно чего. А что будет дальше — когда закончатся поленья?

Ллойд бессильно прислонил голову к стене и закрыл глаза.

— Дальше... Дальше — нам должны помочь.

— Помочь?! Кто? Неужели ты не понимаешь, что происходит?! Это же... это же конец света! Последний Ледниковый Период! Мы вымерем как динозавры!! Помнишь, мы смотрели передачу... И там говорили, что никому не понятно, отчего так сразу всё вымерло? Кажется, теперь мы получим ответ. Никто не поможет, нет!

— Тина, не рыдай. Мне сейчас не легче. Но должно же государство позаботиться о своих гражданах? У них есть полиция, служба чрезвычайных ситуаций, армия наконец! — Ллойд сам с трудом верил в то, что говорил. Но большего ничего не мог сказать, и, видимо, Тина это поняла, потому что бросила трубку.

Тем временем по телевизору губернатор штата давал полезные советы.

Их было много, и все они выглядели бестолковыми: о том, что всем гражданам необходимо надеть теплые вещи и находиться группами в небольших помещениях. О том, что тот, кто располагает каминами или печным отоплением, должен принять соседей, так как подача электроэнергии скоро может прекратиться. Также он сказал, что федеральные службы занимаются расконсервацией бомбоубежищ. Ллойд был уверен на триста процентов, что бомбоубежища давно уже превратились в склады чьего-нибудь барахла, или в цеха

по подпольному изготовлению спиртного, сигарет и наркотиков, или в китайские швейные мастерские, где для всего мира делают одежду от Валентино, Ламбретта и Дольче Габанна.

Но к вечеру губернатор обещал организовать эвакуацию населения.

Затем картинка вдруг исчезла с экрана, и сквозь сполохи помех раздался истеричный голос: «Говорит студия Свободных Истинно Верующих Христиан! У вас есть последний шанс — покайтесь Господу перед судным днем, ибо он настал и гнев Божий...»

Всё как и положено в плохом кино о конце света. Разве что в фильмах конец света всегда отменяется.

Ллойд выключил телевизор и стал искать в шкафу теплые вещи, машинально откладывая три стопки — для себя, Тины и для Джимми. На балконе, высоко тренькнув, лопнуло оконное стекло, не приспособленное для такой температуры.

«Боже, что же с нами будет? Возьми мою душу, но сохрани Джимми!» — Насчет Тины Ллойд еще не решил. Возможно, и, скорее всего, она сама делала сейчас то же самое, пытаясь выпросить у Господа жизнь своего сына ценой собственной...

11.45

Ожидание неизвестного было страшнее всего. Ллойд давно уже оделся во всё теплое, словно для пешей прогулки по Гренландии, но всё равно ощущал мороз незащищенным лицом. То, что убежища смогут принять людей только к вечеру, — совсем не утешало, наоборот.

А еще давило небо — ужасно низкое, словно пасть склонившегося чудовища. Оно теперь не казалось перевернутым колодцем. Теперь Ллойд ощущал себя сидящим на дне бездоннейшей из пропастей. И горизонт, который отодвинулся на огромное расстояние, стал ее неприступными стенами.

По улице проехал автомобиль медицинской службы. Кому-то уже понадобилась неотложная помощь.

В ту же секунду Ллойд встрепенулся.

«Автомобиль! Он движется!» — Сразу же после этой мысли его застывшие даже в перчатках руки стали лихорадочно шарить по полкам. Он искал ключи от гаража.

11.45 (в другом месте)

Тина обгрызла себе все ногти на пальцах, прежде чем приняла решение.

— Мама! Нам нужно ехать к Ллойдю. Твой поселок настолько мал, что его даже нет на карте, а в нашем Кинг-Сити имеется муниципальный совет и наверняка убежища с запасом тепла и продовольствия на случай ядерной зимы. Это, похоже, единственный выход.

Миссис Рэйчел — семидесятипятилетняя вдова, мать Тины, ничего не захотела ответить, беззвучно повторяя слова молитвы.

Беспокоиться о своей судьбе она не могла. Но у нее были дочь и внук, а за окном, словно немой страж Армагеддона, стоял холод. И ей казалось, что он жадно ест сейчас снаружи дым из каминной трубы, терпеливо заглатывая его и подбираясь понемногу к самому пламени. А когда погаснет огонь, он съест и ее, и Тину, и Джимми. И всех-всех-всех.

— Мама, очнись! У нас мало времени. Возьми с собой ценности и деньги, мы сейчас выезжаем.

Оцепенение у пожилой женщины прошло, и она грустно улыбнулась...

— Не стоит брать с собой того, что уже никогда не пригодится. Я не поеду. Лучше уж возьми побольше одеял и сухого горючего.

Тина чуть не упала в обморок от таких слов. Но в это время снаружи постучали в дверь.

— Миссис Рэйчел! Откройте, это Джоуи...

Через порог в дом вошел сосед, глаза которого слезились от мороза, а на усах застыли ледышки.

— Здравствуйте. Я пришел к вам потому, что не хочу замерзать в одиночестве. Моя жена с детьми сейчас отдыхает

на лыжном курорте, и я даже не могу позвонить ей, а мой камин абсолютно не дает тепла. Я так и не успел прочистить дымоход...

— Отлично, мистер Джоуи! Вы поможете мне вывести машину.

— Что? Неужели вы собираетесь куда-то ехать?

— Да. И я думаю, что сделать это нам нужно как можно скорее, — Тина помялась секунду, а затем устало добавила: — Уверяю вас, сейчас это единственный выход...

12.00

Ллойд яростно чертыхался во весь голос. Следом за ним по коридору ходила, как приبلудная, Лузи. Сука выла тоскливо и безнадежно.

— Заткнись, дура!! — заорал он, даже не пытаясь взять себя в руки.

Ключ от гаража определенно остался у Кони или у Николсона. И тот и другой жили на противоположной стороне города. А проникнуть в гараж без ключа невозможно — фирма «Статис Сервис», чьей эмблемой являлся пояс целомудрия на талии средневековой девственницы, гарантировала неприступность своих замков и хитрых запоров.

Зазвонил телефон. Ллойд сначала быстро двинулся к нему, но затем передумал. «Если это Тина, что я смогу ей сказать?»

В конце концов, он всё же поднял трубку.

Звонил Мэтьюз:

— Ллойд! Похоже дела дрянь, приятель! Ты как?

— Пока жив. Но вот Тина...

— Что с ней случилось?

— Пока, я надеюсь, ничего, но она находится у матери, и я ничем не могу ей помочь.

— А чем бы ты смог ей помочь, если бы она оказалась рядом? — Мэтьюз был холостяком. И никакого сострадания в его голосе не чувствовалось. Одна лишь безнадежность.

— Я не знаю, Мэт. Но должен же быть, черт возьми, какой-нибудь выход. Авиарейс в Африку, например.

— В Африку? Ты что, новостей не слышал? Да там уже всем крышка, замерзли негры, пальмы и даже мухи цеце. А у местных жителей не оказалось на такой случай теплой одежды! Смешно, правда?

— Очень. Но мой сын — не муха цеце, да и мы не в джунглях, а в цивилизованном мире...

— Похоже, этому миру приходит конец.

— Но это невозможно! И я не могу просто так сидеть и ждать, пока не превращусь в мороженую треску!

— И что же ты собираешься делать?

— А ты?

На какое-то время Мэтьюз умолк, а затем Ллойд услышал его смех.

— Ллойд, дружище! Я выпил полторы бутылки виски. Хотя при этом совсем не опьянел, всё равно чувствую себя отлично! Присоединяйся, а?

Мэтьюз вновь засмеялся. Ллойд повесил трубку, думая о друге уже как о трупце.

Термометр показывал минус шестьдесят пять, и столбик не опускался ниже потому, что дальше заканчивалась шкала.

13.00

Он позвонил Тине, но трубку никто не поднял.

На какое-то время Ллойд успокоился. «Если они выехали, то скоро он их увидит. Но если они не появятся через полчаса...»

О дальнейшем думать не хотелось. Ужасно разболелась голова.

Лузи зарылась в одеяло и наконец-то перестала скулить. На балконе лопнуло еще одно стекло, и комната стала быстро остывать. Газ уже отключили, а по телевизору мелькали старые-престарые хроники про искусство выживания в условиях Севера.

«Бред!» — решил про себя Ллойд.

13.30

Разлетелись стекла на кухне.

Ллойд постоянно мерил шагами квартиру и даже попытался зайти к кому-нибудь из соседей по этажу, но ему никто не открывал. Почему — Ллойд было безразлично.

На улице ветер превратился в ураган и швырял через балкон и зияющую раму на кухне ледяные семечки.

Совсем замерзнув, Ллойд отодрал кусок паркета и поджег его. Сразу же завоняло горелым лаком. Но всё же это было тепло, и Маккалкин был готов взять огонь в руки — лишь бы согреть их.

14.00

Вновь зазвонил телефон.

На этот раз в трубке прозвучал незнакомый мужской голос:

— Мистер Маккалкин? Федеральная служба самообороны. Оставайтесь на месте и никуда не выходите из дома.

«Что вы, я только-только собрался совершить небольшую пешую прогулку — поискать в сквере подснежники...» — мысленно пробурчал Ллойд.

— К вашему кварталу через час подъедет колонна спецтранспорта. Услышав сигнал, спускайтесь вниз, если вы, конечно, способны передвигаться.

— А если не способен? — из сизых губ исходил один хриплый шепот.

— Тогда спасательный отряд взломает двери и вынесет вас на носилках.

— Мистер! Моя жена и сын находятся у тещи, это в...

— В каком квартале?

— В соседнем поселке. Нельзя ли узнать, поможет ли им кто-нибудь?

— Сожалею, но у меня предписание организовывать эвакуацию только вашего квартала. Имеется ли аналогичная служба в другом месте, мне неизвестно.

— Но, мистер... как же я могу уйти в убежище без них?! — голос Ллойда обрел неожиданную силу.

Федеральный служащий немного помолчал, а потом устало ответил:

— Я не могу вам лгать... Эвакуации подлежат население более или менее крупных городов. Жителям провинции останется полагаться лишь на себя и Господа Бога.

— Но как же так? Они замерзнут!!

— Никто не мог предполагать такую катастрофу. У нас едва хватает людей и средств, чтоб помочь городскому населению.

— И что же мне теперь делать? — Ллойд готов был заплакать, почувствовав, как безвозвратно исчезает всё, чем он жил. Его семья, Тина, которой он готов был простить сейчас абсолютно всё, и малыш Джимми... Для человечества это мелочь, но для человека — пусть рушится мир, но сохранится всё, рядом с чем он был счастлив. И несчастлив тоже.

— Решайте сами. А сейчас извините меня — мне надо сделать еще не меньше тысячи звонков.

Тут уже Ллойд не выдержал и зарыдал. Его слезы тут же превращались в гучий лед на лице.

«Какая глупость! Позволить им ехать в такую круговерть! Если бы я сразу понял тревогу Тины и выехал за ними на чем угодно, мы бы вместе переждали этот час и вместе отправились в убежище, — думал он. — А потом жили бы долго и счастливо, когда холод уйдет».

— ...Уйдет ли? — заботливо переспросил внутренний голос.

Головная боль стала просто нестерпимой.

Атмосферное давление — рука об руку с температурой шли к общему финишу.

14.40

— Трень. Трень. Бум-м!! — Ллойд открыл глаза и понял, что умудрился заснуть.

В квартире не осталось ни единого стекла. Горло обжигал сухой мороз, рук Маккалкин почти не чувствовал, а в зале

валялся толстый обрубок дерева. За треснувшими рамами свирепствовал ураган, которому вторил разноголосый хор замерзающих кошек и собак. Снаружи было темно. А вперемешку с воздушной свистопляской начал падать крупный град.

Казалось, небо замерзло и лопнуло. И теперь осколки небесного свода барабанят по пропащей земле.

«Сон — это смерть!» — такая мысль заставила его встать на негнущиеся ноги и сделать несколько неуверенных шагов.

Часы на руке, скрытые толстым рукавом, как ни странно всё еще тикали. Сквозь заиндевшее стекло Ллойд увидел, что до прибытия спасателей осталось полчаса.

«Тина не приехала. И уже, скорее всего, не придет...» — Остатки паркета горели жиденьким сиреневым пламенем.

Ллойд заставил работать свое воображение на полную катушку, но видения не радовали. Наоборот. Он понимал, что если не выйдет через двадцать минут на улицу — всё. Он встретится со своей семьей уже в раю, а если доберется до эвакуационной колонны, то попадет поближе к аду, в подземное убежище, где сможет выжить.

Но если ему всё же доведется спуститься в убежище, а потом вновь подняться на отогретую солнцем поверхность, то он просто не сможет жить, зная, что где-то на полпути к городу медленно оттаивают трупы его жены и ребенка.

Телевизор не работал — в городе прекратилась подача энергии. Но чем отличается неоновый саван от безликого, темного покрывала вечного небытия?

Лузи медленно описывала круги под ногами, догадываясь, что если про нее забудут, то это уже навсегда. При этом она дрожала крупной дрожью. И, глядя на нее, Ллойд тоже задрожал всем телом, целуя собаку в ее вечно холодный нос.

14.55

Если бы Ллойд вышел из квартиры на секунду раньше, для него всё сложилось бы по-другому. Он просто не услышал бы телефонного звонка — такого громкого и неуместного среди безумного веселья распоясавшейся стихии.

Но на телефонной станции имелся свой резервный генератор, и Ллойд всё еще находился у порога, натягивая на собаку уже третий свитер. А поэтому он услышал... А затем поднял трубку, ожидая услышать несущиеся по телефонному кабелю голоса мертвецов.

«Мист...р Мак...ин! Вы сл... м...ня?» — звонил мужчина, и Ллойд почувствовал облегчение. Позвони сейчас Тина и скажи одну-единственную фразу: «Я умираю», — Ллойд бы сдался. И, возможно, последовал бы совету Мэтьюза выпить в стельку и отойти в мир иной с песней «Хэй, Джуд».

— Я слышу вас! Кто это? Кто со мной говорит? — Ему пришлось перекрикивать барабанную дробь ледяных капель и шум урагана.

— С вам... говор... Дж...уи .

Судя по выговору, человек на том конце провода выдавливал из себя слова, не разжимая губ.

— В...ша ...пруга с сын... на м...шине.

Сердце Ллойда забилося с новой силой. Звонивший сообщил, что Тина выехала с ним, Джимми и своей матерью к городу. Но когда до города оставалось не более двух миль, появились сильные заносы, мотор заглох, и они не могут дальше двигаться.

Ллойд понял также, что мужчина по имени Джоуи нашел у края дороги телефон сервисной службы и таким образом сумел дозвониться.

Через минуту голос его пропал...

Но Ллойд было плевать. Сейчас он думал только о замерзающей семье, замурованной стихией в остывающем «Опеле» посреди безжизненной трассы.

Они были еще живы! И в какой-то мере это было хуже всего, потому что он уже похоронил их, а теперь должен был совершить в собственном сознании чудо воскрешения.

«Лузи!» — хотел позвать он, но не смог. Однако собака стала воспринимать его желания телепатически. И вскоре Ллойд вместе с мастино вышел на улицу. Где царил настоящий ледяной ад!

Там, на центральном бульваре, он увидел бродившие тени — замотанные во всевозможное тряпье с ног до головы жители ожидали прибытие машин федеральной службы.

Если бы Ллойд продолжал оставаться в неведении и продолжал думать, что Тина и малыш обречены, он стал бы одной из этих теней. Но безумная надежда гнала его к стоянке строительной техники, о которой он подумал именно в тот момент, когда в последний раз шагнул за порог своего жилища.

15.20

Он выбрал карьерный грейдер «Катерпиллер», кабина которого не гарантировала защиты от холода, но была достаточно просторной, а бензобаки имели автоматический подогрев. Об этом Ллойд знал еще с той поры своей жизни, которую именовал гордо «большой депрессией» — она включала в себя такие интереснейшие занятия, как переноску пианино, доставку газет... Также Ллойду пришлось побыть собачьей нянькой, продавцом в супермаркете и даже механиком гаража дорожных машин.

«Почему я не подумал об этом сразу?» — грызла Ллойда навязчивая мысль в то время, когда он, прогрев дизель, рывками поднимал нож грейдера на пять дюймов, чтоб расчищать себе путь.

Спустя пять минут «Катерпиллер», набирая скорость до доступных ему пятнадцати миль в час, пополз к выезду из города. Ллойд дергал рычаги обмороженными руками.

15.50

Он добрался до места через полчаса.

За придорожным кюветом, доверху засыпанным льдом, в свете прожекторов грейдера виднелся столбик телефона сервисной службы. В пяти шагах от него находился смерзшийся серый холмик, в который превратился мужчина по имени Джоуи.

«Опель» был забросан льдом по самую крышу. Когда Ллойд пробрался в салон, то смог лишь потрогать смерзшиеся

ледяные глыбы — жену, тещу и сына... Осознав, наконец, свою потерю, Ллойд апатично сел на мраморные ноги Тины и погладил лицо Джимми, который в последний момент своей жизни почему-то улыбался.

Пока он вставал, прошло целых десять минут, каждая из которых показалась ему вечностью. С трудом доковыляв до грейдера, Маккалкин увидел, что глаза Лузи превратились в два жемчужных кристаллика, которые обязательно бы смогли сверкать в солнечном свете.

Но солнца не было. Ведь оно тоже замерзло и исчезло. Свод неба продолжал крошиться темными кусками льда, а за тысячи миль от этого места космическое дыхание навеки стирало город за городом — всю цивилизацию теплокровной планеты.

Язык Лузи, палкой торчащий из раскрытой пасти, был похож на кусок мороженой говядины в супермаркете. При любых других обстоятельствах Ллойда обязательно бы стошнило. Но не сейчас.

Сейчас у него имелись проблемы посерьезней...

16.10

Руки не повиновались, а ноги едва смогли затащить тело Ллойда в кабину. Но сил завести мотор уже не было...

16.10 (в другом месте)

Обещанная эвакуационная колонна так и не вышла подбирать людей, которые теперь быстро-быстро превращались в мертвецов на улицах Кинг-Сити под абсолютно черным уже сводом неба, погребаящим тела разбитой на осколки атмосферой.

16.15

Уже засыпая, Ллойд почувствовал тепло.

Оно росло... Ширилось. Обжигало лицо и грудь. Неожиданно появившиеся мягкие речные волны качали и убаюкивали сознание.

Вот только меховую куртку почему-то было очень тяжело снять...

А река уносила его всё дальше и дальше, на ее берегах стояли миллионы людей, а среди них, конечно же, Тина, миссис Рэйчел и Джимми, который улыбался совсем как в том кошмарном сне, который когда-то снился Ллойд. Жуткий ужас про то, что все замерзли...

«Плыви, папа!» — услышал он голос сына. И все, стоящие на берегу реки, заулыбались, заметив Ллойда.

16.20

Всё дальше и дальше. От холода и непогоды. К покою и вечности...

В теплой бесцветной и невесомой воде отражалась луна, а контуры берегов были раскрашены игривыми радугами...

Сзади слышалось тихое повизгивание, — Лузи плыла, неуклюже перебирая лапами под прозрачными волнами. А догнав Ллойда, она стала облизывать его руки, отчего стало еще теплее...

«Плыви, папа!» — Взмах. Еще взмах. И еще... и еще... и еще...

Максим Дубровин

Слово автора:

Больше десяти лет назад я впервые услышал свой рассказ. Это была запись «Модели для сборки» на радио «Энергия» — не «Смерть Птицы», но тоже хороший рассказ. Ощущения непередаваемые и волнующие для любого автора, но тогда я еще не понимал, как мне повезло. С тех пор я прослушал много аудиокниг, в том числе и своих, и давно убедился: единицы чтецов способны состязаться с Владом Коппом в артистизме и выразительности исполнения.

Дай бог здоровья проекту и его бессменному чтецу. Дашь еще больше Модели для Сборки!

СМЕРТЬ ПТИЦЫ

(выложен 22.11.2010)

Под землей тихо и спокойно. Тепло, сыро и темно. Под землей черви, медведки, сороконожки, мокрицы, муравьиная королева, жабы норы и кроты. Узловатые, как будто искривленные артритом корни с тонкими бледными кончиками, природные камни там и сям, человечьи скелеты в обнимку со смертельными тайнами и зарочнымикладами. Ниже — черный горячий камень и бурая жирная нефть, почитаемая темными народами за кровь Земли; реки, текущие с ленивой медлительностью неизбежной смерти, — у них нет берегов, нет начала и конца, и они полны черного песка; подземные горы, растущие к поверхности, словно новые зубы на смену отжившим и стертым о тучи и небо. Под ними — могилы старых богов, имен которых не помнят даже они сами, и пространства, принадлежащие сущностям, вовсе не имеющим имен. Еще ниже беззвучно бурлит сферическое море жидкого огня. У этого моря нет дна, но есть центр. Там, в раскаленной пульпе планеты, неизменная миллиарды лет, безразличная к жизни, смерти и времени, пребывает, не ведая снов и не зная горя, крупица космической пыли. Соринка, вокруг которой выросла жемчужина Земли.

Так — под землей.

На земле убивали Птицу.

У красноармейца Алексея Птицы в деревне под Рязанью осталась мать. И вдовья сестра Мотря с малышом. И брат, и дядькина семья, и дед с бабкой. Лютая смерть попыталась обойти Птицу и прорваться к его родным, чтобы навсегда разлучить их. Но красноармеец не хотел разлуки.

Поэтому Алексей Птица бросился к амбразуре дота и закрыл ее своим молодым телом. Немецкие пули с яростью били его в грудь, и ему казалось, что это не пули, а тяжелый железный молот вступил с ним в борьбу. Первым же ударом молота его едва не отбросило от амбразуры, и Птица схватился крепкими руками за случайные арматурины по бокам от дыры. Держась за них, он прижался еще крепче со всей отчаянной силой, проснувшейся сегодня в нем. Снова и снова крушил невидимый немецкий пулеметчик своим молотом тело Птицы, но уже не сдвинуть было солдата с его нового поста. Птица не боялся этих ударов, он улыбался серому шершавому бетону перед лицом, потому что чувствовал — удары становятся слабей, видно, выдохлась злая фашистская сила в войне с русским солдатом. Он не знал, что вражеский молот проделал в его крестьянском теле большую красную дыру, и оттого он не ощущает прежней силы ударов. Кровь текла по груди, по животу и по ногам, и лилась прямо на лицо вражескому молотобойцу, заставляя взор. Боли совсем не было, это чувство Птица потерял где-то в войне. Ум Птицы оставался сейчас живым, хотя крови в его голове было уже совсем мало, и Птица радовался, что может помочь товарищам своим ловким поступком. Он представлял молотобойца внизу, его жестокое лицо, иступленные глаза, ищущие наших солдат и не могущие разглядеть их за телом находчивого красноармейца. От радости Птица заплакал, прижавшись щекой к бетону. Левым глазом он видел кусок бело-серого неба с маленькими черными облачками разрывов, а ниже — бегущих по полю бойцов из своего батальона. А правый глаз был так близко к бетону, что ничего не видел, кроме маленькой щербинки от неметкой русской пули. От слез Птица слабел, но слабел и молотобоец — удары его стали совсем легкими. Слабость Птицы была нежной и теплой, а слабость врага — испуганной и жалкой. Руки бойца всё еще держались за арматуру, но в этом уже не было нужды: пули пролетали сквозь него, не встречая препоны. Наконец тело Птицы разучилось жить, и он умер.

Страх смерти много сильнее самой смерти. Птица незаметно, в пылу войны, одолел страх, и теперь смерть ему была неопасна и безразлична.

Первым делом он проверил дот. Заглянул в отверстие, из которого торчал ствол пулеметной машины и увидел мертвого фашиста. Враг лежал на земляном полу, раскинув руки. Осколком мины ему порвало лицо, из кровавой мешанины торчал клоч усов. На правой руке у фашиста было золотое кольцо. Птица не захотел тратить свою жалость на врага и стал смотреть дальше. Патронов к пулемету не осталось, а ничего из оружия Птица больше не нашел. Он обыскал фашиста, забрал зажигалку и флягу с водой. Больше делать тут было нечего, и красноармеец пошел к своим.

Дыру в груди он попытался запахнуть гимнастеркой, но не вышло, она тоже прохудилась от пуль. Кровь запеклась и почернела. Ветер дул сквозь бойца, превращаясь в его теле в тихий печальный свист. Птица шел вслед за солнцем, и ему было грустно. Он думал, как же теперь он будет воевать, выдадут ли оружие взамен утерянного, определят ли паяк? Еще он думал, что рано умер и теперь не сможет вернуться к родным, не сможет жениться, родить детей, построить своими руками будущее своей страны. Все-таки смерть обманула его и разлучила с теми, кто был дорог его простой душе.

Постовой Платонов увидел в сумерках фигуру, бредущую из тыла.

— Стой! — потребовал он.

Птица узнал Платонова.

— Это я, Птица, — сказал он.

— Струсил? Отлежался? — спросил бдительный Платонов.

— Убили меня, Платонов.

— Беда, — посочувствовал постовой. Он достал кيسет, листочки отрывного календаря, добытого в бою у фашистов. Скрутил папиросу.

Птица подошел и сел на землю. От самокрутки отказался. Представил, как дым пойдет из дыры, и не захотел курить.

— Как мне быть, товарищ? — спросил Птица.

— Надо к комиссару идти, он разберется, — рассудил Платонов.

— Думаешь, в тыл не сошлют?

— Небось оставят.

— Зачем же я Родине нужен мертвый?

— А чтобы живых не растрчивать. В атаку можно вперед послать, в разведку тоже. — Платонов пригляделся к ране. — Питание можно не отпускать, и сто грамм на тебе сэкономить. Много пользы, — уверенно заключил он.

У Платонова выходило складно. Птица почувствовал надежду и бодрость. Даже про сэкономленные сто грамм было не обидно, ведь достанутся они не кому придется, а красноармейскому бойцу. Они еще немного поговорили, Платонов обещал непременно разыскать после войны родню Птицы и помогать им, чем сможет. Скоро Платонова сменили, и он ушел спать, а Птица отправился к комиссару.

Батальонный комиссар Кольцов природой не был приспособлен к политико-воспитательной работе. Его тяготили обязанности, возложенные долгом, он любил романтические стихи и мечтал о далеких путешествиях. Еще он мечтал самолично подбить немецкий танк. Но в тяжелое для всего народа военное время было не до грез и приверженностей. Потому сейчас он не спал, как того просил измученный организм, а писал речь, которая завтра воодушевит на подвиг солдат. Голова его была полна порохового дыма, горячего железа и слез по убитым товарищам. Он вспоминал и Птицу, поэтому, когда Птица зашел в блиндаж, он радостно вскрикнул:

— Живой!

— Убитый, — сказал боец и показал на дырявую грудь, где больше не билось сердце.

Комиссар был молодой человек и материалист, поэтому не верил в хождение мертвых. Его военный опыт и литературный багаж подсказывали, что мертвым положено лежать на земле и смотреть стеклянным взором в хмурое небо под печальный клекот улетающих журавлей. Но и отрицать, что

человек с изуродованным телом — Птица, тоже было против правды. И Кольцов стал бороться с замешательством административным способом.

— Документы сохранил? — спросил он.

Птица похлопал себя по карманам, достал красноармейскую книжку.

Комиссар полистал ее, подумал и спрятал в планшет. Птица промолчал, только крепко сомкнул потоптанные каблуки и вытянулся прямее. Тогда Кольцов, вопреки принятому минуте назад решению, достал документы и вернул их красноармейцу. «Ну и черт с ним! Был бы сволочью — давно б показался!» — решительно сказал он сам себе.

— Будешь воевать! — отрубил он.

Птица отдал честь и развернулся, чтобы уйти, но комиссар окликнул его:

— Погоди, еще одно. Похоронку, раз уж ты... — он заппнулся, но закончил решительно: — Похоронку всё равно придется слать.

Красноармеец совсем не думал об этом, а теперь, подумав, ощутил с отчетливой ясностью, что старая мама похоронки не переживет.

— Нельзя похоронку, товарищ капитан! — Он прижал руки к груди и тут же одернул — было неприятно.

— Раз убитый — делать нечего.

— А я ей напишу, что живой!

Выходило нехорошо. Кольцов задумался.

— Подам как пропавшего без вести. Но и писем чтоб не писал. Договор?

— Договор, товарищ батальонный комиссар!

Оставшись один, Кольцов вновь склонился над бумагой с завтрашними словами. Теперь у него получалось легко и стройно, теперь он точно знал, что будет завтра говорить бойцам. Единственная заминка вышла, когда он решал, как назвать новое явление. Сначала он написал «боевое советское привидение», потом сообразил, что от такой формулировки за версту несет поповством, зачеркнул и написал — Одухотворенный Человек.

Нового обмундирования не дали. Поставить одухотворенного, да еще и пропавшего без вести на довольствие не получилось. Сбрасывались батальоном. В новой форме никто из несведущих не отличил бы мертвого красноармейца от еще живых его товарищей. Только снеговая бледность пугала слабодушных. Но бледность службе помехой не была. Мешала дырка. В нее, даже прикрытую гимнастеркой и шинелью, задувал ветер, и Птица, хоть не чувствовал хода, но постоянно ощущал раздражающе-бесконтрольное движение воздуха внутри себя.

На третий день Кольцов сам свозил его в полевой госпиталь. Главный хирург, подполковник Гульба долго рассматривал черную дырку, тянул носом, отщипывал кусочки и изучал их под микроскопом. Он приставлял к мертвому телу стетоскоп, стучал по холодным коленям мозолистой костяшкой пальца, светил в глаза, дважды измерял температуру разными градусниками. Птица с волнением наблюдал за действиями врача. Ему опять стало страшно за свое будущее, он опасался, что ему запретят военную работу. Наконец хирург вытер руки, аккуратно убрал микроскоп, сжег в лотке отщипнутые фрагменты, достал из железного шкафа градуированный флакон, налил полный стакан, залпом выпил и разрешил воевать.

Птица счастливый вышел, а Кольцов задержался. Видя, что комиссар не уходит, подполковник налил полстакана и ему.

— Он ведь мертвый? — прямо спросил Кольцов.

Военный хирург Гульба был мудрым человеком, поэтому ответил осторожно:

— Он находится в термодинамическом равновесии со средой. Он не разлагается, и химические процессы в нем не происходят.

Комиссар правильно понял подполковника.

— Что же с ним делать?

Но Гульба ничего не ответил, в это время привезли сгоревшего в фашистском огне танкиста, и стало не до разговоров.

Вернувшись в батальон, комиссар внес имя Птицы в список погибших. А потом вписал его еще в один список. А на следующий день отвез оба списка в штаб дивизии и долго-долго доказывал что-то дивизионному комиссару.

Похоронное письмо мама Птицы так и не получила.

— За проявленный героизм санинструктор второй роты сержант Кац Федор Семенович награждается медалью «За боевые заслуги». Поздравляю!

— Служу Советскому Союзу!

— Наводчик ручного пулемета третьей стрелковой роты, рядовой Птица Алексей!

— Я! — Птица сделал два шага и замер.

— За проявленную беспримерную храбрость в бою за населенный пункт Буденовка рядовой Птица награждается медалью «За отвагу». Посмертно. Поздравляю!

— Служу Советскому Союзу!

Если бы Птица мог дышать, он бы задохнулся от восторга. Он стоял перед строем товарищей и испытывал чувство гордости за свою страну, которая рождает таких славных героев. Размышляя о себе в героическом смысле, он в то же время думал не о своем подвиге, а о бесповоротной готовности к подвигу любого советского солдата; он видел эту готовность в обстоятельном Платонове, пылком Кольцове, хмуром Гульбе, и в то мгновение, когда матовое зимнее солнце полировало тонкими лучами его новенькую медаль, Птица понял окончательно и точно, что фашистам не победить, и с какой бы яростью, каким неистовством ни терзали они Страну Героев, победа останется нашей. И поняв это, Птица закричал:

— Ура-а-а!!!

И крик подхватила рота, подхватил батальон, подхватил полк, подхватила дивизия, подхватил фронт, подхватила страна. И услышало небо.

Месяц за месяцем воевал одухотворенный боец Птица.

Служба мертвого ничем не отличалась от службы живых. Птица ходил в долгие ночные караулы и быстротечные

отчаянные атаки, рыл окопы для живых и могилы для мертвых, стрелял по фашистам, травил байки у вечернего костра.

Он проявил смекалку и приспособился курить, не вдыхая дым глубоко, а пережевывая его во рту, и пить водку не глотая ее, а удерживая под языком маленькими порциями, покуда она не впитывалась куда-то в его мертвом организме. От пищи Птица отказался и голода больше не испытывал, чему многие завидовали. Он больше не спал, потому что заснувшему смертельным сном, поддельный сон живых не нужен.

По утрам на лицо Птицы выпадала роса.

Многие в батальоне и раньше слышали о мертвом бойце, а после награждения узнали и все. Пытливые домогались правды: откуда в обычном человеке взялись силы жить после смерти? Птица не мог объяснить, но желающим разрешал смотреть дырку.

Однажды вечером к костерку, у которого грелся Платонов и сидел для компании Птица, подсел бывший политический штрафник, кандидат философии Гольдштейн и попросил показать смертельную рану. Птица снял гимнастерку, стал ближе к огню. Через дырку Гольдштейн увидел языки пламени, стреляющие искрами в небо, кусок палатки и лес вдалеке.

— Надежно убили, — сказал он со знанием дела.

— Уж да, — ответил Птица, застегиваясь.

— Что же в тебе такого особенного, что остался небо коптить?

Птица хотел пожать плечами, но из темноты раздался голос:

— Грешный он, вот и нет ходу на небо.

К огню вышел неприятный и завистливый человек Кузин. Он давно держался Птицы, веря в его удачливость и надеясь на ее долю для себя. Он сел рядом с Платоновым и стал без спросу ковырять палкой в костре, выскивая картошку. Платонов ничего не сказал, чтобы не прослыть жадным, но отодвинулся от густомясого Кузина и прислонился плечом к холодному Птице.

— На небо — ладно, — сделал вид, что согласился, Гольдштейн, — а земля почему не принимает?

На это Кузину было нечего ответить, его представления о загробном мире ограничивались упованием на Рай после смерти, и иных исходов он не видел. Он промолчал, сделал вид, что занят картошкой, достал из кармана спичечный коробок с солью, посыпал, спрятал назад. Дым от костра беспрепятственно уплывал в небо, уверенный и спокойный в своей безгрешности.

— Почему же я грешный? — вступился Птица за себя. — Я Родину любил, жил по правде, воевал без обмана и умер по-честному. Где здесь грех?

— Ты в Бога не веришь!

— Так нет же его, чего в него верить? — удивился Птица.

— Вот в том и грех.

Платонов не выдержал.

— Ты, Кузин, прекращай агитацию! Скажу вот Кольцову, что каламутишь, разлагаешь общественное мнение, — только тебя и видели.

Кузин набычился. Резким движением ковырнул костер, выкатил еще одну картофелину. Ничего не сказал.

Гольдштейн скрутил козью ножку, протянул Птице.

— Что ты чувствуешь, Алексей, после смерти?

— Много чувствую разного. Чувствую правоту нашей войны, чувствую победу над фашистами — нескорую, но неминуемую, чувствую горе по друзьям убитым и радость по живым людям, ненависть к врагам. Силу правды своей чувствую. Все важные чувства со мною остались, а лишнего больше не чувствую.

— Какого же лишнего?

— Голода, усталости, страха. Отчаяния, слабости, боли. Сомнений.

— Легко тебе, стало быть?

— Совсем легко. Кажется, взлетел бы сейчас, только ногами оттолкнуться посильнее — и в небо. Да держит что-то, не пускает...

— Грехи... — вставил Кузин полушепотом.

— Не грехи, — сказал Гольдштейн. — Миссия.

— Какая такая миссия?

— Предназначение. В мировой литературе такие случаи неоднократно описывались. Но они с диалектическим материализмом плохо соотнобразуются, потому считаются антинаучными и вредными.

Про диалектический материализм в колхозе рассказывал партгруппорг, но Птица тогда ничего не понял и потому не понял и сейчас. Однако загадка собственной одухотворенности волновала его, поэтому он слушал Гольдштейна.

— Обычно, — продолжал между тем Гольдштейн, — дух человека умирает вместе с телом. Что происходит с телом известно всем, а куда девается дух — загадка...

Это не было загадкой. Гольдштейн говорил про Рай, но не хотел высказывать этого вслух, чтобы не совпасть в убеждениях с неприятным Кузиным.

— Но бывают случаи, когда от мертвого тела остается живой дух, называемый «привидением». Дух этот бесплотен и невидим. Он не покидает мир живых, пока не исполнит миссию.

— И в чем миссия? — спросили одновременно Птица и Платонов.

— У каждого духа миссия своя. Отомстить обидчикам за смерть, закончить важную работу, совершить что-нибудь значительное.

Птица задумался. Молотобоец-обидчик давно мертвехонек, поле недокошенное в деревне даже вспоминать смешно. Да и чего значительного может совершить простой русский солдат, к тому же убитый насмерть.

Платонов нашел еще одну закавыку:

— А где же «бесплотен», если его потрогать можно?

Для проверки он ткнул Птицу в твердый бок.

— Случай необычный, — согласился Гольдштейн. — Я думаю так: возложена на Алексея особая миссия, которую не может выполнить бестелесный дух, потому дух и одухотворил собою убитый организм. Кольцов это понял тоже и потому правильно назвал — Одухотворенный Человек.

С той поры стал искать Птица свою миссию. Шли месяцы. Погиб под гусеницами романтический Кольцов, так и не успев сжечь свой заветный танк. Погиб хирург Гульба — фугасная бомба попала в операционную, и останки подполковника похоронили купно с останками неизвестного бойца, которого он сшивал. Умирили навсегда и бесспоротно люди, которых знал и любил Птица, а его миссия оставалась неразъясненной.

В полковом листке красноармеец прочитал заметку о себе. Корреспондент, которого Птица никогда не видел, подробно и со знанием дела обсуждал «феномен Одухотворенности». Заметка была написана в хорошем смысле, но версия «одухотворенности» у корреспондента выходила иная, чем у Гольдштейна. По его мнению, в убитого красноармейца поселилась душа Родины, чтобы подмочь живым своим сыновьям. Рассказывал автор и об иных случаях одухотворенности. Например, о летчике, что разбился с самолетом, но и мертвым продолжал бить фашистов. Четыре раза мертвый летчик ходил на таран, многожды горел и уже совсем превратился в головешку, но продолжал воевать. Приводились истории и вовсе нелепые, в частности, о безголовом комиссаре, который, лишившись основного органа, не оставил общественно-политических обязанностей.

Птица радовался, что он не один такой на белом свете, и продолжал искать то, для чего он оставлен с живыми.

К Днепру вышли в сентябре сорок третьего. Фашисты укрепились на правом берегу и держались с такой силою, словно почувствовали под собой родную землю. Могучая река несла воды неторопливо и тихо, но больше ничем не могла помочь своему народу. Предстояла кровавая переправа.

Маленький отряд капитана Краюхи перебрался на вражеский берег ранним утром на плотках из бочек и рыбацких лодках. Захватить плацдарм, укрепиться, обеспечить переправу — такой был приказ. И советский офицер Краюха собирался приказ выполнить, хоть и сделать это было

невозможно. Он экономно рассадил бойцов по укромным позициям и приказал им беречь свои жизни на пользу стране и убивать врага помногу и надежно.

К полудню из всего отряда осталось четырнадцать человек, а к трем часам — шесть. Тогда Краюха приказал радисту вызывать подмогу. Ему было стыдно, но, оглядываясь на реку, он видел, что понтоны возведены только до середины, и не удержать ему этого кусочка берега. Это понимал и доброволец Платонов, который лежал в цепких малиновых кустах недалеко от Краюхи и одной рукой стрелял в немцев, а другой прижимал к раненому боку пилотку.

Птица вызвался добровольцем. В одухотворенном виде он еще не пытался плавать и немного опасался переправляться на плоту — вдруг случится утонуть и лежать на дне между жизнью и смертью до нового потопа? Но война шла на том берегу, и оставаться на этом было стыдно. Кузин вызвался тоже — боялся отпускать везучего. Еще набралось сорок человек.

Фашистская артиллерия без роздыха дубасила по реке. Широкий, наскоро сложенный неумельцами плот из свежего дерева сидел в воде низко и почти не слушался. Гребли чем придется, сильно, но не в такт. Медленно-медленно плот двигался к правому берегу. Сперва вдоль понтонов, потом — по открытой воде. Снаряды падали в воду справа и слева, с каждой минутой всё ближе.

— Пристрелялись, гады, — сказал Гольдштейн, вытирая воду с лица мокрым рукавом.

— Не убьют, не бойся! — весело сказал Птица. — Там же наши ждут, Платонов и Краюха.

— И оттого не убьют?

— Конечно.

— Врешь ты! — зло сказал Кузин. От страха у него раскрылись глаза, и он понял, что никакой удачи Птица ему не принесет, а ждет его, Кузина, скорая гибель.

— Не вру. Мы — подмога. Пока мы к ним плывем, они будут держать берег. Мы уже им помогаем. Не бойся, Кузин.

Но Кузин боялся, он был надтреснутый человек и с каждой минутой страх всё сильнее разъедал его душу.

Платонов давным-давно открыл надежный способ воевать и не быть убитым. Главное в бою — думать о другом. О чем угодно, только не о смерти и войне. Только так выживешь и победишь. Платонов пытался научить этому товарищей, но ни у кого не получалось так хорошо думать о другом, и многих убивали. Тогда Платонов решил, что у всякого солдата — свой способ выживать в бою, и учить перестал. Его же самого умение не думать о войне спасало не раз.

Когда убили Краюху и радиста, Платонов переполз к старой толстой березе, удобно выпроставшей корни из-под земли, и стал думать о том, как он после войны поедет в Москву. Как он обойдет весь Кремль вдоль стены, рассмотрит каждую башню, будет слушать куранты — бом-бом-бом, увидит Ленина, может быть, увидит Сталина. Как он спустится по электрической лестнице к подземным поездкам метро, как поднимется и выйдет на незнакомой улице и встретит незнакомую девушку, как они пойдут в парк есть эскимо и кататься на каруселях, и как ничто больше не сможет помешать его счастью...

Уже убили всех, только один Платонов держал плацдарм, от которого зависел в эти минуты исход всей войны.

Плот рассыпался от близкого взрыва, когда до берега было еще метров двести. Половину бойцов пришибло бревнами, а кто не умел плавать, утону сам. Кое-как сгрудили вместе что поймали и, навалившись, поплыли дальше.

Кузин совсем растерял остатки храбрости. Когда далекий фашистский пулеметчик начал стрелять по остаткам плота, он решил, что Родина не стоит его жизни. «Зачем мне умирать? — спросил себя Кузин. — Что изменится, если сейчас я выберусь на берег и брошусь навстречу безжалостным пулям? Ведь какая получится подмога из нас, — он пересчитал глазами оставшихся, — восьмерых? Плюнуть и растереть. На один зуб фашистам. Не хочу!»

Решив так, он отпустил бревно, за которое держался, и нырнул. Под водой Кузин бросил винтовку, документы, снял гимнастерку и сапоги. Плыть сразу стало легче, и Кузин позволил течению отнести себя подальше от опасного места. Он почти выбрался на берег, когда шальная пуля, выстреленная совсем в другого человека, попала ему в голову. Кузин пошел на дно и навсегда исчез из памяти живых и мертвых.

Птица помог выбраться Гольдштейну на берег. Философский кандидат был ранен в правую руку, из ладони струйкой била кровь. Больше никто не спасся. Впереди в близком пролеске были слышны выстрелы.

— Это Платонов держится, нас ждет! — бодро сказал Птица. — Пойдем, товарищ, поможем ему.

Они побежали по голому пляжу, Птица впереди, Гольдштейн — за ним. Невидимый враг стрелял по ним из леса и удивлялся, что никак не может попасть. А Птица чувствовал, что пули, одна за одной, вонзаются в его тело и толкают назад. Бежать от этого было неудобно, но останавливаться — еще хуже.

«Как хорошо, что в меня попадают, хитро мы с товарищем придумали спрятать живого за мертвым», — радовался Птица на бегу, хотя ничего они не придумывали и мертвый прикрывал живого лишь по случайности, точно так же живой мог сейчас прикрывать мертвого. А через мгновение это стало уже не важным. Пуля пронзила одежду Птицы, пролетела через дырку в теле и убила Гольдштейна в живот.

Платонов символично лежал под березовым деревом. Ему было рано умирать, надо было дождаться подмоги. Но Платонов так устал воевать, что уже не верил в подмогу. Ему стало казаться, что он один на белом свете ведет бой с фашистами и не дает им мордовать Родину. И вот теперь его человеческие силы на исходе, не помогает больше испытанный способ, и нужно умирать.

Его ранили еще дважды — в правое плечо и в левую ногу. В ногу было не страшно, Платонов знал, что она больше

не пригодится, а плеча было жалко — отнялась рука, и теперь он не сможет перезарядить пулемет. Это была последняя капля. Платонов зарыдал. Он плакал от обиды, размазывая по щекам слезы бессилия, он всхлипывал и рычал, подобно дикому зверю, и кусал корни березы, не зная, как еще выразить свое несогласие со смертью. Но, плача, Платонов не забывал и стрелять, чтобы не проиграть войну раньше времени.

Таким его и увидел Птица: лежащим почти на спине, некрасиво вывернутым в прицельной позе, рыдающим, окровавленным, но еще живым.

— Вот и подмога, Платонов, — сказал Птица, устраиваясь в корнях рядом с товарищем. — Повоюем!

Они еще долго стреляли по фашистам из своего надежного места. Птица помогал Платонову заряжать пулемет и прикрывал его с той стороны, где засел меткий вражеский снайпер. Потом Платонов перестал стрелять, и в следующий миг на берег хлынули наши войска.

Птица почувствовал, что сила, не дававшая ему взлететь в небо, отступила. Он взглянул в последний раз на мертвого Платонова, оттолкнулся ногами от мшистого корня и взмыл над землей. Над лесом плыли комковатые серые облака, а над ними, на высоте, недоступной даже орлам, начинались Небеса. Выше, за самым высоким и счастливым Седьмым Небом, светило яркое и честное Солнце. Дальше простирался бесконечный космос Вселенной, в самом сердце которого горел вечный огонь. К этому огню, неторопливо и уверенно, плавно взмахивая могучими крыльями, летела душа Птицы.

Так — над землей.

На земле Платонов открыл глаза.

Михаил Кликин

Слово автора:

Эфир «Модели для сборки» я не слышал, то ли потому, что радиостанции, где выходила эта программа, в Иванове не транслировались, то ли еще по каким-то причинам. Поэтому для меня «Модель для сборки» — это прежде всего интернет-проект.

И я каждый раз удивляюсь, как новый формат меняет мои рассказы: слова остаются те же самые, что были на бумаге, но, произнесенные, подпитанные музыкой, окрашенные голосом, они превращают знакомый до запятых текст в нечто новое, непривычное, удивительное. Получив свежий файл, ты нажимаешь «плей» просто для того, чтобы оценить, что на этот раз вышло у ребят, создающих «Модель», и втягиваешься — и вот уже сам с интересом слушаешь свой рассказ как незнакомый, будто читая его впервые.

МЕРТВЫЕ ПАШНИ

(выложен 25–27.10.2010)

— Может, их там прибили? — шепнул Димка Юреев и заржал на своей скрипучей койке, будто бы едомый клопами. Он был страшно напуган — это чувствовали все, и всех это раздражало.

— Говорил же — не надо туда ходить! — истерически запричитал Димка. — Вот всем вам говорил! Нет, не послушали! Пускай идут, блин! На разведку, блин! Ну и где они, ваши разведчики? Прибили их, точно говорю! Что делать теперь будем?!

— А ничего! — зло откликнулся из темноты Миха Приемышев. — Спать будем. Эй, Вольдемар, ты спишь?

— Уснешь тут с вами, — хмуро отозвался Вовка Демин. — И хватит меня Вольдемаром обзывать. У меня имя нормальное есть.

— Ты, Вольдемар, не ерпенься. Ты, Вольдемар, скажи лучше, сколько сейчас времени.

Все притихли, ожидая ответа. Но обиженный Вовка таился и молчал.

— Сколько времени, Володь? — спросил Иван Панин, приподнявшись на локте и тарашась в непроглядную, густую, словно мазут, темноту...

Была ночь — тяжелая, тихая, темная — жуткая. Здесь все ночи были такие. Ни тебе фонарей, ни машин. Еще двенадцати нет, а уж ни единого просвета, ни малейшего проблеска в округе. Приспичит ночью по нужде, выйдешь с остекленной веранды на крыльцо, встанешь нерешительно у перилец — до сортира бежать по тропинке метров двадцать: справа крапива в человеческий рост, слева кусты

одичавшей сирени — и там, и там черт-те что мерещится. А в самом сортире еще страшней: бездонная черная дыра, из которой словно бы смотрит кто, внизу затаившийся, а за дощатыми дырявыми стенами вроде бы дышит кто-то и ходит вокруг... Постоишь так у перилец, послушаешь холдную зловещую тишину, дыхание сдерживая, да прямо с крыльца нужду и справишь.

И что бы тут парочку фонарей не поставить? Траты-то копеечные!

Да хоть бы на веранде свет включить можно было — сразу бы веселей и проще стало. Но нет — бородатый доцент Борис Борисыч ровно в одиннадцать часов выкручивает из щитка пробки и уносит их в свою комнатушку. Это у него обязанность такая — за студентами следить, чтоб они водку с портвейном не пили, порнографическими картами не играли и прочих беспорядков не устраивали. Без света попробуй-ка, похулигань: только и остается, что песни под гитару попеть, радио послушать, да девчонок обсудить тихонько — чтоб они через тонкую стенку услышать не могли. Час-другой — и угомонилась компания. Скучно же в темноте.

Вот хорошо, что Вольдемар предусмотрительный — и фонарик у него есть, и батарейки запасные привез. Жмотистый только, никому свое богатство не доверяет. Даже до сортира добежать...

Щелкнула тугая кнопка; на потолке возникло световое пятно и тут же соскочило на стену; неясный луч obeжал комнату, отблескивая на никелированных дугах кроватей, уперся в стоящий на тумбочке будильник. Погас.

— Восемь минут четвертого.

— Спасибо, Вольдемар.

— Не называй меня так!

— Прибили их там... Прибили...

Серега Цаплин месил сапогами грязь и ухмылялся: славный получился марш-бросок, почти как в армии; и отдохнули славно, отвели душу — завтра, пожалуй, всё тело болеть будет, а ноги, наверное, и вовсе отвалятся. Всё

происходящее забавляло Серегу, хотя бегущий рядом приятель его безбашенного веселья не разделял. Коля Карнаухов шестнадцать лет прожил в небольшом селе, и он лучше Серегу понимал, во что они вляпались.

— Говорил я тебе, — пропыхтел выбивающийся из сил и стремительно трезвеющий Коля, — не лезь ты к ихним бабам! Предупреждал ведь!

Тракторный дизель взревел где-то совсем уже рядом. Замелькали за редкими деревьями отблески фар.

— Не отстают! — хохотнул Серега. — Помимо дороги через кусты поперли!

— Ты троим рожи разбил, — выдохнул Коля. — Они уже не отстанут.

— Не дрейфь, Колюня! Ты тоже молодец — заводиле нос сломал!

— Я нечаянно! Я пьяный был!

Трактор вымахнул из кустов, и был он похож на разъяренное чудовище: глаза горят, дым валит, земля клочьями в стороны разлетается, рык горло раздирает. Беглецы рванули вправо, уходя от света фар, надеясь укрыться в молодой березовой поросли, прежде чем их заметят. Поздно! Их увидели. Из болтающейся телеги-четырёхтонки такой вой понесся, что даже дизеля слышно не стало.

— Человек двадцать! — определил Коля, холодея от мысли, что жить им, возможно, осталось считанные минуты.

— Уйдем! — азартно рявкнул Серега, врываясь в заросли березок. — Не отставай!

Что-то большое и черное шевельнулось близко, раздвигая ветки, ломая тонкие белые стволы. Тяжелая вонь обожгла ноздри — Коля даже задохнулся. Свет фар ударил его в спину. Он кубарем полетел вперед, но успел заметить, что большое и черное, возящееся рядом, — это вспухшая трехногая корова с обломанными рогами и изодранной грязной шкурой. Он увидел один ее глаз — слепой комок слизи с червями. Он запнулся и упал, успев заслонить локтем лицо. Тут же вскочил, хватаясь за гнущиеся деревца. И побежал, покатился, понесся сквозь молодой лесок, слыша,

как наступающий трактор с хрустом подминает березки, как гремит скачущая телега, и как победно ревет пьяная деревенская шпана.

Кругом была вонь.

— Они утром вернутся, — уверенно заявил Иван Панин. — Светать начнет — и появятся.

— От Борисыча влетит, — сказал Димка Юреев, уже и сам уставший от своей истерики.

— Спи! — зло шепнул Миха Приемышев, пряча голову под подушкой. — На работу завтра!

— Сегодня, — поправил Вовка Демин и шумно завозился — его кровать была самой скрипучей.

Минут через пять в комнате наконец-то установилась расслабленная тишина, и кто-то даже засопел сонно, подхрапывая. Но вот негромко лязгнуло оконное стекло, плохо закрепленное в раме, и сопение тут же прекратилось.

— Слышали? — приподнялся Димка Юреев; голос его зазвенел от напряжения.

— Девчонки балуют, — зевнув, отозвался Иван Панин. — Они уже третий день грозятся отомстить за то, что мы их пастой измазали. Повесили, наверное, гайку на окно, и дергают сейчас за ниточку. Я сам так сделать хотел.

— Да что же это такое! — запричитал Миха Приемышев. — Дадите вы мне поспать сегодня или нет?!

В завешенное окошко стукнуло отчетливой.

— Ну точно — девчонки, — сказал Иван. — Пионерлагерь какой-то. Могли бы и поинтересней чего придумать.

— Это наши вернулись, — уверенно заявил Димка, садясь в кровати и глядя в сторону окна. — Вовка... Володь!.. Эй! Вольдемар!

— Ну чего вам?!

— Посвети фонариком. Кажется, Серж и Колюня вернулись.

Иван Панин, далеко свесившись с постели, сдвинул в сторону свой чемодан и дотянулся до свечного огарка, прячущегося в углу за кроватьной ножкой. Миха уже чиркал

отсыревшими от лежания на подоконнике спичками — три сломались, четвертая с шипением зажглась. Димка Юреев на огонь покосился неодобрительно, но напоминать о том, что доцент Борисыч свечками пользоваться настрого запретил, не стал — все это и так отлично помнили.

В комнате было зябко: щитовой барак выстывал быстро. Прежний руководитель, старенький Максим Юрьевич с кафедры теплотехники, холода не любил и потому следил, чтобы огонь в крохотной котельной, пристроенной к домику, не угасал всю ночь — либо назначал дежурного, но чаще сам перебирался в обшитую кровельным железом каморку и до самого рассвета чутко дремал на нарах возле чугунной печки, прижимался к горячим трубам, обмотанным рваными фуфайками, и похрапывал — будто большой домашний кот мурлыкал. Едва жар спадал, Максим Юрьевич переставал мурлыкать и просыпался. Тяжелой кочергой он ворошил в горячем горле печи, а потом кормил ее кусками антрацита, выковыривая их из жестяной мятой ванны.

Максим Юрьевич заболел первого октября. Заменивший его доцент Борисыч топить котел ночью запретил и выдал каждому по дополнительному одеялу. Проку от них, впрочем, было мало, так что все, кроме каратиста Ивана, быстро приучились спать в одежде.

— Ну чего там? — спросил Димка Юреев. Он единственный не вылез из койки. Остальные собрались у черного, будто кусок угля окошка и пытались разглядеть хоть что-то за холодным стеклом, но видели только свои призрачные отражения, отражающуюся свечку да лампу электрического фонарика, похожую на глядящий из тьмы светящийся глаз.

— Девчонки... — начал было Иван, отворачиваясь от окна, как вдруг на стекло со стороны улицы легла грязная исцарапанная ладонь. Вовка взвизгнул и выронил тут же погасший фонарик. Миха Приемышев отшатнулся и в голос выругался.

— Чего там? — встревожился Димка Юреев.

Иван хмыкнул, глянув на приятелей, поднял кружку со свечой повыше, прислонился щекой к потеющему стеклу.

— Это Серж.

— Один? — спросил Димка.

Иван, ладонью заслонив глаза от неудобного света, смотрел вниз; вглядывался напряженно в черноту, в которой скрывались заросли крапивы, конского щавеля, репейника и бог его знает чего еще.

— Колюня тоже там.

Иван смутно различал два мутных бледных пятна.

— Ну наконец-то, — выдохнул Димка.

Он был староста группы, примерный комсомолец с безукоризненным личным делом и четким пониманием этапов своей будущей карьеры. Лишние проблемы ему были не нужны.

Отпирать веранду пошли все скопом, только свечку погасили и спрятали на обычное место под кровать. Вовкин фонарик после падения барахлил; он то начинал моргать, то вообще выключался — видимо, удар нарушил какой-то контакт. Бережливый Вовка, понятное дело, только этим и был обеспокоен. Он сердито бубнил что-то себе под нос и встряхивал фонарь, и хлопал его по боку узкой, будто бы девчачьей ладошкой — словно за строптивость наказывал.

— А вдруг там не они? — неожиданно приостановившись, предположил Миха, когда Иван уже тянулся к кованой щеколде на двери.

Все замерли.

— Что значит «не они»? — медленно проговорил Димка.

Вовка постучал замигавшим фонариком об колено и направил луч в темное стекло веранды, поймав в конус электрического света две сутулые фигуры, мнущиеся у крыльца в ожидании момента, когда их пустят в дом.

— Они, — неуверенно сказал Вовка.

— Они, — подтвердил Иван и снял с шеи тяжелые нунчаки, сделанные из черенка лопаты и бельевой веревки.

— Они, — шепнул Димка и тревожно оглянулся на обитую клеенкой дверь, за которой сейчас спал бородатый доцент Борисыч. — Давайте уже скорей!

Откинута щеколда клацнула; дверь открылась сама — ее будто теплым воздухом выдавило наружу. Фонарик погас в ту самую секунду, когда Серж и Колюня — если это действительно были они — неловко и неуверенно, будто на негнущихся ногах, стали подниматься по ступенькам. Вовка неумело ругнулся, Миха насмешливо фыркнул, Димка торопливо загремел спичками, а Иван бесшумно отступил вправо и взял нунчаки в боевую позицию, но этого никто не увидел.

Две фигуры, покачиваясь, встали на крыльце перед дверью. От них ощутимо несло падалью.

— Серега? — осторожно позвал Димка. — Николай? — Он ухватил щепотью сразу три спички, чиркнул ими о коробок. Короткая вспышка осветила вставшие на пороге фигуры, очертила их грязные исцарапанные лица; желтый огонь отразился в тусклых глазах. Одна из фигур вытянула руку вперед и, открыв черный рот, захрипела что-то.

«Мозги», — послышалось Димке. Он попятился, не понимая, что случилось с ушедшими на танцы приятелями, почему они так переменялись, не зная, как нужно реагировать, что делать. Спички ожгли ему пальцы, он ойкнул, дернул рукой — и опять стало темно, опять стало тихо, лишь слышалось вокруг прерывистое дыхание.

— Мужики... — хрип повторился чуть отчетливей. — Мужики!..

Иван отбросил нунчаки, быстро шагнул к двери, подхватил и Серегу, и Колюню, поддержал их, пособил им перебраться через порог. Вовка наконец-то растряс фонарик, осветил возвратившихся приятелей и обмер, онемел.

— Что случилось? — прошептал Миха.

Вопрос, в общем-то, был лишний. Всем и так было примерно ясно, что произошло.

— Деревенских сначала пришло немного, — докладывал упившийся холодного сладкого чая, ополоснувшийся и немного обсохший Серж. — Топтались перед сценой, на нас даже не смотрели. Потом девчонки появились. Две там ничего так мочалки были — Оля и Наташа. — Он поцокал языком.

— Доярки? — нервно хохотнул Миха Приемьшев.

— Сам ты доярка! — скривился Серж. — Оля школьница еще, в этом году только закончит. Но девочка в соку! А Наташа в педсе на втором курсе учится, а на картошку не поехала, потому что в родном совхозе на это время устроилась работать.

— Быстро ты выведал, — уважительно сказал Иван, подкладывая капельки застывшего воска под фитиль догорающей свечи.

— Учись, салага, пока я жив!

— Не учи ученого, — улыбнувшись, ответил Иван.

— Не надо было к ним лезть, — буркнул из угла Коля Карнаухов. Он, скорчившись, сидел на кровати и смотрел в пол.

— А когда я с Наташей стал танцевать, — не обращая внимания на слова приятеля, продолжил Серега, — в клуб ввалились человек двадцать местных. У одного цепь велосипедная была — ему потом Колюня нос сломал.

— А прицепились-то почему? — спросил Димка.

— Потому что хотелось им, — ответил Серж. — Они ж все пьяные были. Явно не танцевать пришли, а за приключениями.

— Дураки вы, — сказал Вовка, выкладывая на одеяле части разобранного фонарика.

— Может, и дураки, но с Наташей я уже договорился, — хмыкнул Серж.

— Да ладно тебе врать! — отмахнулся Миха.

— Не веришь, не надо.

— А о чем договорился? — спросил, хмурясь, Димка.

— О чем надо.

— Ты про драку давай, — сказал Иван, почесывая набитые костяшки. — Сколько их всего-то было?

— Да весь клуб практически. Самого главного, того, что с цепью, Колюня с первого удара положил. Молоток, парень!

— Я пьяный был, — буркнул Коля.

— Ну и я троим неплохо так засветил, пока мы к выходу пробирались. Рванули в ночь со всех ног, думали, успеем

уйти. А у них, оказывается, трактор был. С телегой. Мы уж думали, что оторвались. А они нашли, догнали... Да, погоня была, как в кино.

— Убились они, — мрачно сказал вдруг Коля.

— Да ладно тебе, — отмахнулся от него Серж. — Такие не убиваются!

— Убились, я видел.

В комнате стало тихо.

— Вы это о чем? — приподнявшись, прохрипел Димка севшим голосом. — Вы про что это? А?!

— Да трактор у них перевернулся. Вместе с телегой, — неохотно сказал Серж. — Мы в кусты бросились, в березки, а деревенские на тракторе за нами. А там землю кто-то перепахал, пласты прямо такие поднялись, чуть ли не в мой рост. Вот они на этих пластах и кувыркнулись.

— А вы? — спросил Миха.

— А что мы? Убежали. Рванули что было мочи. Мы и не видели толком ничего.

— Я видел, — еще мрачней сказал Колюня.

— Не мог ты ничего видеть! — рассердился Серж. — Ночь, темно, кусты! Что там разглядишь?!

— Я всё видел, — сказал Колюня. — Скотомогильник это был. Там коровы были.

— Да, вонища там такая стояла, что не продохнуть, — признал Серж.

— И они живые были, — тихо сказал Колюня. — Как мертвые. Но живые.

— Кто? — не понял Миха.

— Коровы.

Утром был сильный дождь, так что на поле никто не пошел. Жестяная крыша гудела, водяные веретена со звоном бились об стоящие у фундамента ведра, сочно шуршали кусты и трава — под этот шум хорошо дремалось. Разоспавшиеся парни уже пропустили завтрак. Если бы не холод, они, наверное, проспали бы и обед, тем более что бородатый доцент Борисыч, заглянув в их комнату и убедившись, что

подопечные на месте, побудки объявлять не стал, а тихонько отступил, довольный, что может и сам пару часов провести в безответственном расслабленном спокойствии.

Несколько раз приходили девчонки, стучались долго, прежде чем заглянуть в темную комнату, морщились от мужского духа и просили то картошку почистить, то посуду помыть, то воды принести. Скромные просьбы их оставались без ответа, лишь храп и сопение парней делались чуть менее выразительными. Девчонки ждали на пороге, еще на что-то надеясь, вздыхали, поругивались, но будить сонь не решались — через тонкую стенку они слышали обрывки ночного разговора и теперь догадывались, что ребятам действительно нужно отдохнуть. Девушки возвращались на кухню и делали дела сами — как это обычно и было: скоблили овощи, шинковали капусту, варили суп и картошку на пюре, в большом противне готовили гуляш из совхозной баранины, кипятили в тазах свое девчоночье белье, закрывая его оцинкованными, похожими на боевые щиты, крышками, грели воду — много воды, — чтобы потом, запершись на хлипкий шпингалет, завесив окна простынями и раздевшись, быстро пугливо помыться, поливая друг дружку горячей водой из больших эмалированных кружек.

На кухне было тепло, хотя батареи отопления начали оживать лишь к полудню — это Миха Приемышев и Коля Карнаухов, не притерпевшись к холоду и не убоившись непогоды, перебежали по улице в пристройку котельной, нащепали огромным ножом-хлеботорезом лучины и развели в чугунной печи огонь. Они так и просидели в котельной до самого обеда — Коля прятал здесь остатки привезенного из района портвейна, так что скучно приятелям не было.

Столоваться вышли уже все. Стол был накрыт на холодной веранде: от кастрюль поднимался пар, стекла густо запотели, с потолка кое-где капало. Вовка Демин вытащил свой радиоприемник, включил «Маяк» — на «Маяке» играли «Самоцветы». Доцент Борисыч шуршал местной газетой «Звезда», строго поглядывал на молодежь — он видел, что Сергей будто побит, что Николай и Михаил чуть навеселе,

что Дмитрий неестественно напряжен, а Иван Панин взбудоражен, словно бы к драке готовится. Доцент немало поездил по совхозам, не единожды бывал в стройотрядах — и студентом, и аспирантом, и вот как сейчас — доцентом. Он хорошо знал подноготную жизнь таких маленьких студенческих сообществ; знал он и то, что подопечные о его осведомленности не догадываются, не берут ее в расчет. Доцент чувствовал — в прошедшую ночь что-то случилось. И потому, услышав гудение пробирающегося по грязи уазика, ничуть не удивился, приготовился к непростому разговору с людьми в милицейской форме. Но — обошлось. На совхозной машине приехал бригадир Петрович, седоватый крепкий мужик в засаленном картузе, армейских шароварах и тяжеленных кирзовых сапогах. Петрович вошел к веранде как хозяин, дверь открыл, не постучавшись, поздоровался кивком разом со всеми, на девчонок глянул озорно, прищурясь. Спросил:

— Кушаете?

Заслонявив в пальцах искуренную беломорину, выбросил ее через плечо, прикрыл дверь, ладонями стряхнул с плеч воду и сообщил:

— Я вам мяса привез, забирайте. Мешок под крыльцом.

Доцент Борисыч отодвинул миску со щами, встал со стула. Сказал, показывая на матовое от сырости окошко:

— Дождь.

— Ага, — согласился бригадир. — Техника в поле вязнет. Я еще вилы привез и голицы, завтра руками копать будете. Норму ставлю в тридцать ведер на человека. Наберете больше — хорошо. Наберете меньше — будет повод вас здесь еще задержать.

— А если завтра опять дождь? — спросил Иван Панин.

— Дождь не дубина, — фыркнул Петрович. — Да и вы не глина. Не размокнете... Поесть гостю предложите?

Не дожидаясь ответа, он сел на ближайший табурет, дотянулся до миски, взял горстью хлеб, сколько прихватилось, подвинул к себе кастрюлю с черпаком, нюхнул пар и улыбнулся широко, посверкивая золочеными коронками.

— Со вчерашнего дня ничего не жрал!

Ел бригадир быстро и некрасиво: хлюпал, чавкал, утирал запястьем ноздреватый, будто гриб-трутовик, нос. В мокрых усах его застревали хлебные крошки и капуста, смотреть на них было неприятно.

— Ничего чудного не видели? — спросил вдруг Петрович, принимаясь за второе блюдо.

— Нет вроде бы, — осторожно сказал доцент, замечая, как насторожились парни, особенно Дмитрий, Сергей и Николай — они даже есть перестали. — А должны?

— Не знаю, — сказал бригадир, игнорируя вилку и черпая картофельное пюре ложкой. — Росцыно деревенька странная. Так что, если что, не пугайтесь.

— А чего пугаться-то? — хмыкнув, спросил Иван Панин.

— А ничего не пугайтесь, — в тон ему ответил Петрович. — Я ведь и сам ничего не знаю. Меня предупредить просили. Вот я и предупреждаю.

— Кто просил?

— Да есть тут один... Деятель... — Бригадир разобрался с картошкой, куском хлеба вычистил тарелку, проглотил обжигающий чай, налитый в эмалированную кружку, и встал рывком, звонко хлопнув себя по коленям.

— Мне еще на ферму надо заглянуть. И на силосную яму. А вы, значит, сегодня отдыхайте, а завтра, с новыми силами, — пожалуйста на поле. Я проверю.

Он попрощался кивком разом со всеми, выдернул из кармана алюминиевый портсигар, открыл его щелчком пальца, размял беломорину, закусил ее желтыми зубами, подмигнул девчонкам. И проговорил неразборчиво, уходя в дождь:

— У соседей трактор с телегой пропал. И человек двадцать молодняка.

Дождь с небольшими перерывами лил целый день. Было скучно и тоскливо, не спасали ни шахматы, ни шашки, и даже домино всем быстро надоело. Вовка Демин, развалившись на кровати, зевал, смотрел в потолок и тихо брэнчал на гитаре, игнорируя просьбы приятелей что-нибудь

спеть. Миха Приемышев ковырял эковской финкой стену, пытаясь забавы ради проделать отверстие в девчоночью комнату. Время от времени Миха оставлял нож и брал с тумбочки кружку. Он прикладывал ее к выцарапанному уже углублению и, припав к донышку ухом, напряженно вслушивался в невнятные звуки, идущие с той стороны. Все замолкали, и даже Вовка прекращал перебирать струны.

— Чего там? — спрашивал кто-нибудь.

Миха не отвечал, только хмыкал многозначительно и опять брался за финку. Стена была на удивление крепкая.

Коля Карнаухов, за свое пристрастие к рисованию давно уже получивший кличку «Худо», взялся доделывать неделю назад брошенную картину: в циклопическом масштабе он воспроизводил на стене картинку с пачки сигарет «Шипка».

— Не туда ты, Коля, пошел учиться, — пропыхтел Иван Панин, отжимаясь на кулаках в узком проходе меж кроватей.

— Ты, кажется, тоже, — сказал Коля, увлеченно штрихуя выцветшие обои шариковой ручкой.

Димка Юреев, с первого курса прозванный Пионером, читал «Малую землю». Он карандашом делал в книге какие-то пометки и досадливо поглядывал то в залитое дождем окно, то на тусклую лампочку, окруженную липкими спиралями мухоловок, — света было слишком мало, а у него и без того были проблемы со зрением.

— А я Маринке мышь подложил, — громко сказал Серега Цаплин. Все посмотрели на него, не понимая, о чем он говорит.

— Под крыльцом мышь дохлая валялась, — пояснил Серега. — А Маринка сапоги на веранде оставила. Ну я туда и бросил. — Он ухмыльнулся.

— Ты как ребенок, — сказал Иван Панин и захрустел пальцами — будто хворост ломал.

— Она же мышей боится, — одобрительно сказал Миха Приемышев.

— Ну да, — кивнул довольный Серега.

В трехлитровой банке, стоящей на подоконнике, бурно закипела вода. Коля Карнаухов оставил рисование,

выдернул из розетки провода, вытащил из банки кипятильник, сделанный из половинок бритвенных лезвий, спичек и ниток, спрятал его под матрас. Зубами надорвав пачку грузинского чая, щедро сыпанул в кипяток заварку.

— На ужин что будет? — оторвавшись от книжки, спросил Димка. — Опять картошка?

— Девчонки макароны по-флотски обещали, — сказал Коля.

— Макароны по-скотски, — попытался пошутить Серега. Никто не засмеялся.

— Надоело всё, — сказал Миха. — Домой хочу. Мне Юрай Хип обещали достать.

— Чего? — спросил Коля, мешая чай прикрученной к ивовому прутку ложкой. — Это джинсы, что ли, такие?

— Э-э! — махнул рукой Миха. — Дяревня!

— А на танцах Аббу включали, — как бы между прочим сказал Серега. — И Бони Эм. Вот тебе и дяревня. А девчонки — м-м-м!.. Кровь с молоком, не то что наши.

— Наши тоже ничего, — возразил Иван и сел на угол кровати.

Они уже были готовы завести обычный вечерний разговор, обсуждая одноклассниц, как вдруг за дверью кто-то истошно завизжал.

Все вскочили.

— Маринка, — опознал Иван.

— Мышь! — радостно догадался Серега.

Марина Хадасевич стояла на столе, едва не упираясь головой в потолок веранды, крепко держала в правой руке левый сапог, будто душила его, и, закатив глаза, долго и непрерывно визжала — удивительно, но воздух в ее легких никак не кончался.

— Во дура, — сказал Серега.

Вообще-то Марина Хадасевич была умницей. Красоты ей тоже было не занимать. Спортсменка и комсомолка, она была племянницей какой-то невеликой шишки из горкома — вот только за это Серега ее и невзлюбил.

— Это ты! — воскликнула забравшаяся на лавку Света Горина. Она, вообще-то, мышей почти не боялась, но очень уж страшно визжала Маринка.

— Что — «я»? — изобразил недоумение Серега.

— Ты сунул! — Света спрыгнула с лавки, шагнула к улыбающимся и немного растерянными парням, подпирая бока руками. Светка на расправу была скорая, подруг в обиду она не давала, а удар у нее был крепкий — это многие уже на себе испытали. — Ты сунул! Я знаю! — Она была вне себя. — Это ты дурак! А если бы она ее укусила?! Может, она бешеная?! Или чумная!

— Мертвые не кусаются, — скрипучим голосом проговорил ухмыляющийся Серега.

Визг прекратился — у побледневшей лицом Марины Хадасевич наконец-то кончилось дыхание. Она булькнула горлом, широко замахнулась и швырнула сапог в Серегу, но попала в стоящего рядом Димку.

— Она точно бешеная! — выкрикнула Света Горина. — Она на полтора метра выпрыгнула! Маринке в лицо почти!

— Погоди, Свет... — Вперед выступил нахмурившийся Иван. В руке он держал нунчаки. — Кто выпрыгнул? Мышь?

— Да! Мышь ваша вонючая!

— Она же дохлая была. — Иван повернулся к лыбящемуся Сереге. — Ты говорил вроде, что она дохлая.

— Ну! — кивнул тот. — Дохлая. Под крыльцом валялась.

— Да вон же она! — воскликнула Светка, чуть присев и тыча пальцем в угол, где стоял сноп привезенных Петровичем вил. — Вон! Прямо на вас смотрит!

Марина Хадасевич опять взвизгнула, завопила, размахивая руками:

— Уберите, уберите ее!

Мышь действительно смотрела на скучившихся парней и даже не думала прятаться. Выглядела она жутковато: встрепанная, полинявшая, с мутными бусинками выпученных глаз — неудивительно, что Серега принял ее за мертвую.

— Она дохлая была, — еще раз сказал Серега. — Я ее за хвост брал, она не шевелилась.

— Маринкин сапог ее оживил, — хихикнув, сказал Вовка. — В наших потниках живая мышь сдохнет, а в Маринкиных дохлая — оживает!

— Дураки, — сказала Светка. — Уберите ее отсюда.

— Пускай Серега убирает, — сказал Миха Приемышев, опасливо глядя на крохотного грызуна, будто бы к прыжку изготовившегося, — а ну как эта мышь в самом деле бешеная?

— Дверь откройте, сама убежит, — посоветовал Серега.

Среди парней возникла небольшая заминка. Пошумев и потолкавшись, они всё же выпихнули вперед Димку Юреева. Тот, прикрываясь «Малой землей» и не сводя глаз с места, где затаился подозрительный грызун, бочком прокрался к двери и приоткрыл ее.

— Кыш! — крикнул Вовка.

Света Горина хлопнула в ладоши.

Коля Карнаухов топнул ногой.

И мышь кинулась. Но не к уличной двери, как все ждали, а к ватаге парней. Расстояние в три метра она преодолела за полсекунды. И скакнула — метра на полтора в высоту, явно метя в Серегины пальцы. Она точно вцепилась бы в них зубами, если бы не реакция Ивана: нунчаки, сработанные из черенка лопаты, с гудением рассекли воздух и смачно сшибли взбесившуюся мышь, вышвырнув ее точно в приоткрытую дверь.

Иван потом целых два дня гордился этим точным ударом, не признаваясь, что всё, в общем-то, у него получилось случайно.

А Димка Юреев, мимо которого пролетела мышь, потом весь вечер клялся, что нунчаки ее не убили, что она была живая и в полете крутила хвостом, башкой и дергала лапами.

Ему, конечно же, не верили.

Целых два дня.

Дожди не прекращались; небо лишь изредка прояснялось, но даже тогда по нему, источая морось, ползли обрывки низких серых туч, похожие на пласты разбухшей гнилой мешковины. Работа на поле превратилась в сущее мучение.

Копать картошку вилами умели немногие, так что к концу первого дня практически у всех ладони были стерты до кровавых мозолей. Бородатый доцент Борисыч, глядя на муки подопечных, сам предложил сократить рабочий день до пяти часов, а обеденное время увеличить на два часа. Установленные бригадиром нормы, конечно же, никто не выполнял. Да он, судя по всему, на это и не рассчитывал — техника в поле не шла, так что Петрович был благодарен студентам и за ту малость, что они успевали сделать. Впрочем, все благодарности суровый бригадир держал при себе и, заглядывая в стоящую на краю поля полупустую телегу, каждый раз журил доцента Борисыча и Димку Юреву за срыв всех возможных сроков и обязательств.

В четверг утром бригадир на поле не появился, и потому, когда вечером на тропке, идущей от деревни к полю, замаячила сутуловатая фигура, все решили, что это идет к ним изменивший своим обычным привычкам Петрович. Дождь как раз стих, и собравшиеся у телеги парни пытались развести небольшой костерок, чтобы у огня высморкать по сигаретке, чуть обсушиться, набрать картошки на завтрашний обед и наконец-то отправиться в барак. Неожиданное появление бригадира могло порушить все их планы; неудивительно, что они напряглись, когда заметили направляющегося к ним человека. И немного расслабились, разглядев, что это не Петрович, а кто-то другой.

— Доброго здоровьица, — издалека приветствовал их гость.

Ему ответили нестройно, осторожно.

Бородатый доцент Борисыч выбрался из-под телеги, отряхивая с колен и бедер соломенную труху. На всякий случай развернул тетрадку, в которой вел учет собранной картошки.

— Здравствуйте.

— Зябко нынче, — сказал гость и присел на корточки перед сложенным костерком, от которого кроме едкого дыма проку пока не было. — В такую погоду добрый хозяин пса из дома не выгонит... — Он аккуратно разворошил

прутья, чуть приподнял их, сунул в уголки свернутый кулком обрывок газеты, откинул в сторону мокрые сучки, поправил локон бересты, прикрыл заскорузлыми ладонями поднимающийся огонек. Сказал задумчиво, важно:

— А с другой стороны, урожай тоже как-то убирать нужно.

— Вы, извините, кто? — спросил, немного смущаясь, доцент Борисыч.

— Степан Михайлович я. Живу тут.

— «Тут» — это в Росцыно?

— Ну да... На краю...

Костер разгорелся, и Степан Михайлович, улыбнувшись, выпрямился и убрал из огня ладони.

— Я к вам, ребята, по делу зашел, — сказал он, присаживаясь на перевернутое ведро и подобранной щепкой скovyривая с сапог налипшую грязь. — Я тут, как бы, за порядком слежу. И у меня тут, как бы, пара вопросов к вам есть...

На студентов он не смотрел, а вот они во все глаза на него пялились, очень уж колоритен был гость. Седой, морщинистый лицом, неопрятной сизой щетиной заросший — на вид ему можно было дать лет семьдесят, но держался он как пятидесятилетний здоровый мужик — не сутулился, по-стариковски мелко не суетился, губами не шамкал; чувствовалось, что и в руках у него сила есть, и с головой всё в порядке. Возможно, был он когда-то военным — слышалось нечто такое в его манере говорить, да и кутался он не в фуфайку какую-нибудь, а в потертый армейский плащ.

— Вы, ребята, небось, по грибы ходите, — продолжал Степан Михайлович, будто бы сам с собой разговаривая. — Девчонок, чай, по округе гуляете. В деревни соседние короткими дорогами бегае. Может, на рыбалку кто, было дело, надумал, у нас тут речки небольшие, но все с рыбой.

Он не спрашивал, он утверждал. Спорить с ним никто не собирался, так что все молчали, ждали, что будет дальше.

— И хочу я у вас поинтересоваться вот чего... — Степан Михайлович дочистил сапоги, бросил щепку в огонь и только теперь внимательно заглянул в лица собравшихся

полукругом студентов. — Не видали ли вы где скотины дохлой? Тут случай такой: один дурачок из соседнего совхоза приворотил к нам прицеп со скотом и вывалил, сам уже не помнит где. Пьяный же, да и ночью дело было — кто б ему днем-то разрешил? А? Не встречали?

— Нет, — сказал доцент Борисыч. — Скотины не видали.

— Не видали, — торопливо подтвердил Димка Юреев.

— Жаль, — помолчав минуту, сказал Степан Михайлович. — А я уже с ног сбился, разыскивая.

— А зачем вам скотина эта? — как бы не очень-то и интересуясь, спросил Серега Цаплин.

— То-то и оно, что мне она совершенно ни к чему, — ответил Степан Михайлович и легко поднялся на ноги. От резкого движения полы армейского плаща разошлись, и кое-кто успел заметить блеск тяжелого длинного клинка, висящего у старика на поясе.

— Если вдруг что-то встретите, — сказал Степан Михайлович, поправляя одежду, — сейчас же сообщите мне. Я в крайней избе живу, что на въезде в деревню. Мой дом тут, как бы, один такой — ну знаете, небось.

— Сообщим обязательно, — сказал Иван Панин и украдкой показал кулак открывшему было рот Михе Приемышеву.

Парни давно уже договорились меж собой, что про скотоогильник и про случившуюся там аварию они и слова никому не скажут, и намека не сделают. Ну а если объявится милиция, тогда, понятное дело, всем надо будет держаться одной версии: да, была драка, и от трактора бежали, но что кто-то где-то перевернулся — вот только сейчас услышали, честное комсомольское, истинный крест!

Степан Михайлович ушел, и опять начался дождь. Костер погас почти сразу, но на это никто не обратил внимания. Все торопились домой, выбирали картошку на еду — чтоб была поровней и почище.

— Вы ничего не хотите мне рассказать? — спросил бородатый доцент Борисыч, химическим карандашом помечая в своей тетради, сколько ведер совхозной картошки будет унесено с поля.

— Нет, Борис Борисович, — почему-то вздохнув, сказал Коля Карнаухов. — Нечего рассказывать. Всё нормально.

— Всё нормально, — подтвердил Димка Юреев и вспомнил, как мимо его лица пролетела пережившая удар нунчаков мышь.

Она не выглядела нормальной.

Ну вот совсем.

В тот вечер, возвращаясь с поля, ребята видели нечто странное. На краю деревни за огородами какая-то рослая хмурая старуха, одетая во всё черное, жгла связанных пучком куриц. Бедные птицы бились в мокрой траве, охваченные огнем, а бабка брызгала на них керосином и что-то приговаривала, будто каркала.

Коля Карнаухов проснулся посреди ночи. Точного времени он не знал, но чувствовал, что сейчас самая глухая пора — часа два или три. В брюхе крутило и постреливало — видимо, выпитое в ужин молоко действительно было кислое. Коля обхватил живот руками и перевернулся на другой бок, надеясь опять заснуть, но резь лишь усилилась, а бурление в кишках сделалось совсем уж неприличным. Коля негромко застонал и сел в постели, хлопая глазами и пытаясь хоть что-нибудь разобрать в темноте.

— Вольдемар, — тихонько позвал он соседа.

Хозяин фонарика и батареек спал.

— Серж, — чуть слышно окликнул Коля приятеля.

Сергея дрых, как убитый.

В окна мягко постукивал дождь. Справа кто-то громко посапывал — кажется, Димка. В дальнем углу натужно храпел и булькал Миха Приемышев — опять, небось, башку неудобно запрокинул, вот и давится.

Коля, зажавшись, перетерпел приступ рези и спустил ноги на пол. Нашарил спички на тумбочке. Ощупью отыскал под койкой холодные и влажные внутри сапоги. Обулся, содрогаясь. Накинул на плечи ватник с инвентарным номером на спине. Чиркнул спичкой, поднял огонек повыше,

проверяя, свободен ли путь к двери. Поежился, представив, как побежит темной улицей к дощатому сортиру — слева мокрые кусты стенной, справа жухлая крапива в человеческий рост.

Держась за больной живот, он прокрался на веранду, отпер уличную дверь и встал на крыльце, собираясь с духом для последнего рывка.

Вода мелко сеялась с карниза, легкий ветер чуть шевелил кусты. Темнота укрыла деревню, спрятала избы, схоронила дворы, заборы и колодцы. Один щитовой барак от всего человеческого мира и остался, но сойди с крыльца, шагни поглубже во тьму — и он тоже исчезнет, растворится, будто кислотой без остатка съеденный.

— Бр-р! — сказал Коля и прыгнул под дождь.

В будку сортира он буквально ворвался, едва ее не опрокинув. Стащил трусы, задвинул шпингалет, раскорячился над круглой, дышащей холодом дырой. Полегчало!

Переведя дыхание, он проверил, на месте ли мятые газеты, нащупал их за балкой и успокоился окончательно. Вспомнил, что где-то тут припрятан и свечной огарок в стеклянной банке. Отыскал его, зажег, зря исчеркав три дефицитные красноголовые спички. Вытащил из-под газет потертый журнал «Крокодил», устроился поудобней — насколько это было возможно.

Теперь он никуда не торопился, решив, что уж лучше он как следует отсидится за один присест, чем потом побежит сюда еще раз.

По доскам будки вдруг что-то несильно шлепнуло, и Коля насторожился. Он, наверное, минуту сидел не дыша и вслушивался в шелест дождя и равномерный шорох листвы. Вокруг туалета словно бы кто-то бродил: Коля явственно различал звук шагов и даже вроде бы слышал негромкое ворчание. Умом он, конечно же, понимал, что в действительности никого там нет, не может там никого сейчас быть; он говорил себе, что это обострившиеся ночью чувства подводят его, и пошаливает разыгравшееся воображение; он убеждал себя, что странные звуки производит какая-нибудь ветка,

скребущая по стене будки, что это дождь шлепает по лужам, и ветер треплет на крыше задравшийся кусок рубероида...

В стену ударило что-то, и Коля подскочил.

Мышь?!

Да-да! Мышь. Здоровенная. Крыса. Или кошка. Или собака. Тут в деревне полно собак. Какая-нибудь сорвалась с цепи, убежала и сейчас бродит вокруг будки сортира и ворчит, чуя близость чужого человека. Собака! Конечно, это собака!

Сердце бухало в груди тяжело и редко — будто остановиться собиралось. Во рту скопилась густая горькая слюна. Коля дотянулся до свечки, дрожащими пальцами погасил фитиль. Он знал, что свет виден снаружи, — в тонких, грубо сколоченных стенах будки было предостаточно щелей.

И тут запертая дверь дернулась, клацнув задвижкой в скобу щеколдой. Кто-то пробовал открыть туалет снаружи. Собака?!

Ха!

Накатил такой страх, что Коля понял: либо он немедленно умрет от разрыва сердца, либо сойдет с ума через несколько минут. Рассуждать логически он почти уже не мог. Теперь он слышал и негромкое урчание с той стороны хлипкой двери, и близкое неуклюжее топтание чьих-то ног, и хруст ломаемых веток, и шуршание лопухов. Кто-то пальцами скреб липкие от смолы горбыли-доски. Кто-то постукивал по стенам. Кто-то испытывал дверь на прочность. Совсем рядом, совсем близко.

Коля натянул трусы и приготовился бежать.

Но прежде...

Прежде...

Он трясущимися руками выдергал из-за балок все газеты и побросал их горкой на пол. Стянул с потолка отвисший кусок рубероида. Смял журнал «Крокодил». Рассыпая спички и не замечая этого, с пятой попытки зажег свечу и положил ее в грудку бумаг под ногами.

Он закрыл глаза, взялся правой рукой за щеколду и заставил себя считать до пятидесяти, не обращая внимания на поднимающийся жар и лезущий в горло дым.

Чтобы бежать, ему нужен был свет.
Как можно больше света.

Вовке Демину приснился кошмар — будто бы он вышел с гитарой исполнять номер самодеятельности и заметил вдруг, что стоит на сцене актового зала без штанов, в одной рваной и грязной майке. От такого позора он проснулся и обнаружил, что лежит раскутанный, а оба одеяла горкой валяются в проходе. Засветив фонарик и положив его на подушку, Вовка взялся поправлять сбившуюся постель, но дело до конца не довёл, поскольку разглядел, что дверь их комнаты приоткрыта. По ногам ощутимо тянуло холодом, и Вовка заподозрил, что открыта и уличная дверь. Терпеть такое безобразие он не собирался. И, закутавшись в одеяло, направился к выходу.

До веранды он не добрался. Какая-то стремительная тень, мелькнув в луче фонаря, налетела на Вовку и отбросила его к стене.

Вовкин крик переполошил всех. Даже девчонки проснулись, заколотили в стену кулачишками.

— Тихо, тихо! — пытаюсь зажать Вовке рот, упрашивал Коля Карнаухов. — Там кто-то есть! Кто-то пришел! Да тихо же ты! Смотри! Туда смотри, дурачина!

В стеклах веранды трепетало нечто розовое, нежное — будто заря в воде отражалась.

— Пожар, — вслух удивился появившийся на пороге комнаты Димка Юреев.

— Сортир горит, — сказал Иван Панин, по стенке продвигаясь к веранде.

— Это я его поджег, — сказал Коля Карнаухов. Он задышался, голос его дрожал. — Я поджег... Чтобы светло было...

В крохотном тамбуре, отделяющем мужскую комнату от прочих помещений барака, на несколько секунд сделалось тесно. Парни толкались, торопясь вместе пролезть на веранду через узкий проем. Вовка уже не кричал, понимая, насколько смешно выглядит со стороны его испуг; он

пытался подняться на ноги, но не мог в общей суете — его пихали, об него запинались, под его рукой каталось ведро, его ноги запутались в одеяле.

— Мне кажется, это они... — сказал, откашливаясь, Коля Карнаухов. — Те парни из трактора... Я едва мимо них проскочил.

— Там действительно кто-то есть, — сообщил Иван Панин, первым встав у окна веранды. — Вольдемар, дай сюда фонарь!

— Дверь! — забеспокоился Коля. — Дверь надежней заприте! Я только крючок накинуть успел!

Луч фонаря скользнул за мокрое стекло, ткнулся в заросли сирени. Разглядеть что-либо сквозь дождь было не просто.

— Вон! Вон! — завопил Серега Цаплин, напряженно всматривающийся в ночную мглу, лишь чуть разбавленную пожаром. — На тропинку трое вышли!

— Вижу, — подтвердил Иван.

— Справа от крыльца один. За кустом, — сообщил Миха Приемышев.

— У кочегарки вроде бы двое, — сказал из дальнего угла веранды Димка Юреев.

— И у туалета они наверняка есть! — почти закричал Коля Карнаухов. — Я слышал, они там кругами ходили!

— Человек десять, — прикинул Иван.

— Может, уйдут? — предположил перепуганный Димка.

— Конечно, уйдут! — хмыкнул Серега. — Только прежде пару челюстей сломают.

— Силы примерно равны, — заметил Иван.

— У них цепи наверняка при себе, — сказал Серега. — И ремни солдатские со свинцом в пряжках. Кастеты. А у нас что?

— У меня — вот! — сказал Миха Приемышев, показывая на ладони свою финку.

— Нож убери, — посоветовал Коля.

Миха спрятал финку в голенище сапога — и вовремя. На веранде, держа в одной руке зажженную керосиновую

лампу, появился заспанный Борис Борисыч в черном трико с вытянутыми коленями и длинной мятой рубахе. Из-за спины доцента выглядывали девчонки — Света и Марина.

— Что тут происходит?! — рявкнул Борис Борисыч, забавно шевеля бровями.

На короткое время в бараке установилась полная тишина — только дождь шумел, и было слышно, как тихонько потрескивает коптящий фитиль керосиновой лампы.

— Там местные, — нарушил общее молчание Иван Панин.

— Деревенские пришли, — тут же добавил Серега Цаплин.

И все загалдели наперебой, задвигались.

— Тихо! — крикнул доцент Борисыч, вешая керосиновую лампу на крючок над столом. — Тихо, ребята! — Он поднял руки, искоса глянул в запотевающее окно и ничего, кроме размытых всполохов пламени, за темным стеклом не разглядел. — Вы уверены, что там кто-то есть? Почему там огонь?

— Есть! — крикнул Коля Карнаухов. — Это я... — Он запнулся. — Это они туалет подожгли!

— Они на улице, — спокойно сказал Иван. — Человек десять. Что нам делать, Борис Борисович?

— Только не драться! — Доцент подошел к окну, ладонью стер со стекла испарину. — Дмитрий!

— Что, Борис Борисович? — Все заметили, как сильно вздрогнул Димка Юреев.

— Вы зайдите в мою комнату, найдите на столике пробки и верните их в щиток.

— Хорошо.

— Девочки, немедленно вернитесь к себе и запируйтесь.

— Да, Борис Борисович, — кивнула Марина Хадасевич и, ухватив Светку под локоть, потянула ее за собой.

— Дайте мне фонарик и откройте дверь.

— Зачем, Борис Борисович?

— Я с ними поговорю. Не переживайте, всё будет нормально. Мне не впервые приходится общаться с такими компаниями.

— Может, мы с вами выйдем?

— Нет. Будет лучше, если вы все вернетесь в свою комнату.

— Но если?..

— Никаких «если»!

Борис Борисович подтянул трико, почти вырвал фонарик из рук Вовки Демина и широким твердым шагом направился к двери.

— Там же дождь! — крикнул ему в спину Миха Приемышев.

— Дождь не дубина, — сказал доцент и, откинув кованый крючок запора, выдернув ножку стула из скобы дверной ручки, вышел на улицу.

Иван Панин придерживал рукой дверь, не позволяя ей закрыться, и смотрел, как в ночном дожде тонет их руководитель. Пять, семь, десять шагов — и светлая рубашка доцента, промокнув, потемнела, слилась с ночью, и вот уже только мутный световой круг пляшет на тропинке, ведущей к полыхающему туалету, и кажется, что фонарь несет человек-невидимка из романа Уэллса.

— Закрывай, — сказал Серега Цаплин, встав рядом с Иваном, как и он взявшись за дверь.

— Нет.

— Закрывай, говорю.

— Нет.

Они исподлобья посмотрели друг на друга, не то улыбаясь, не то хищно скалясь.

— Деревенские его не тронут. Но и уйти не уйдут, — сказал Серега. — Они за нами пришли. Закрывай!

— Почему они мокнут? — спросил вдруг Иван. — Почему стоят под дождем? Тебе не кажется это странным?

Не так уж и много освещал пожар, но три темные фигуры, топчущиеся на тропе, отчетливо вырисовывались на фоне плоского ярко-рыжего огня. К ним и направлялся Борис Борисович.

— Надо было всем вместе пойти, — сказал Иван.

— Тогда без драки не обошлось бы.

— Пускай!

Они замолчали, увидев, что черные фигуры двинулись навстречу прыгающему пятну электрического света. Наверное, Борис Борисыч уже что-то им говорил, увещевал их какими-то словами. Вот он остановился на тропе — фонарик больше не движется. Три фигуры совсем уже рядом. И еще одна выбирается из кустов сирени. А другая подходит сзади. И не просто подходит — подкрадывается!

Иван одной ногой ступил на крыльцо, пытаясь лучше разглядеть происходящее.

— Закрой дверь! — зашипел на него Серега. — Закрывай!

Далекий фонарик погас — то ли опять сломался, то ли его заслонили. Черные силуэты сдвинулись тесно, плотно, и Ивану послышался крик.

— Не запирайтесь! — велел он и спрыгнул с крыльца на раскисшую землю, посыпанную угольной крошкой. Три секунды стоял он неподвижно, таращась в шевелящуюся мглу, пронизанную острыми тенями, подсвеченную заревом. Он никак не мог разобрать, что происходит на тропе. Ему казалось, что там творится нечто страшное — страшное настолько, что он не мог в это поверить, и думал, что зрение обманывает его. А потом у него за спиной вспыхнул яркий электрический свет — это Димка наконец-то ввернул в распределительный щиток пробки. Иван подался вперед, всего-то три шага сделал и увидел, разглядел...

— Да они же пьяные вусмерть! — истошно заорал Серега. — Они же не соображают ничего! — Он заругался матом, застучал кулаком в дверь. — Назад! Назад давай! Скорее! К тебе идут!

Мокрая темная фигура медленно и неуклюже выбиралась на четвереньках из-под крыльца. Другой недобрый гость, подволакивая левую ногу, выступил на освещенное место из-за угла барака. А за ним еще один — однорукый, хромой, страшный, под два метра ростом. Сдвинулась с места и парочка, что топталась у кочегарки.

Иван, стараясь сохранить самообладание, повернулся лицом к свету. И почти наткнулся на невысокого крепыша, вывалившегося на тропу из самой середины рябинового куста. Крепыш был практически голый; лицо его походило на каравай хлеба: плоское, черное, запекшееся до корки — ни губ, ни носа, ни щек. Иван не успел ничего понять, а его тело уже действовало — цуки в корпус, уход в сторону, маваши с проносом — точно, как учил в подвальном спортзале сэнсэй Ермек по прозвищу Червонец. Удары получились могучие, пришлись точно, куда нужно, — противник даже не пытался защищаться, стоял, как макивара. Обычный человек после таких плюх не поднялся бы. Но крепыш даже не упал; его повело в сторону, но на ногах он каким-то чудом удержался, и Иван невольно вспомнил байки про загадочный китайский «стиль пьяницы».

Проскочив мимо дезориентированного крепыша, Иван походя пнул его приятеля, вылезшего из-под крыльца, и, перескочив разом через все ступени, буквально влетел в дверь — Серега еле успел увернуться.

— Они там Борисыча жрут! — выкрикнул Иван, и его затрясло.

Дальше всё было как в кошмарном сне: дергалась запертая и заблокированная массивным столом дверь, со звоном бились мокрые стекла, черные от грязи и крови руки лезли в окна, скрюченные пальцы царапали некрашенные рамы, срывая ногти, оставляя на торчащих осколках куски кожи и мяса. Время потеряло определенность — минуты могли пролететь как мгновения, а могли, истончившись, растянуться и сделаться длинней часа. Черные фигуры бродили у стен барака, задирали вверх жуткие опухшие лица, тщились залезть в окна и хрипели, и сопели, и скрежетали зубами.

— Они не пьяные, — бормотал забившийся в угол Вовка Демин. — Они не похожи на пьяных. Это что-то другое.

— Они его жрали, я видел, — раз за разом повторял Иван Панин. — Рвали его, словно собаки. Он шевелился еще, а они его грызли.

— Это те самые, — бездумно твердил Серега. — Те, с танцев. Это они за нами на тракторе гнались. Я их узнал.

Дождь хлестал в разбитые окна, заливая пол. Холодный ветер свободно гулял по комнатам. Перепуганные девчонки не отходили от парней, но парни и сами страшно боялись одиночества, а потому держались вместе. Им нужно было сейчас обойти все помещения барака, проверить, не забрался ли кто в дом; им надо было разделиться, чтобы контролировать все окна во всех комнатах. Но они метались между кухней и верандой только лишь потому, что здесь ярко горел свет.

Неудивительно, что они не заметили, как в доме появился еще один человек. Он тихо вполз через окно девчоночьей комнаты, пустой, стылой и темной. Прокрался к двери и долго стоял возле нее, то ли обдумывая что-то, то ли к чему-то прислушиваясь. Он вышел из тени, когда никто не смотрел в его сторону. И когда его заметили, он уже находился в двух шагах от тесной компании. Никто ничего не мог сделать. И даже пытаться не стоило — у человека было при себе ружье.

— Они все мертвые, — громко объявил он. И, сунув вороненый ствол в разбитое окно, выстрелил в цепляющегося за подоконник голого крепыша.

Иван Панин видел, как кулак свинцовой картечи разmozжил круглое, похожее на каравай лицо.

Да, это было мерзкое, отвратительное зрелище. Но Ивану оно доставило удовольствие.

Отложив двустволку, гость скинул с плеч мокрый армейский плащ, сдернул с головы отсыревший картуз и ладонью вытер морщинистое лицо.

— Ну что, студентики? — сказал он, ехидно улыбаясь. — Ничего странного не видели?

Теперь парни узнали его — этот старик приходил вчера на поле, спрашивал что-то про дохлую скотину. Но имя его вспомнил один Димка Юреев.

— Степан Михайлович! Там! Эти! — Димка задыхался. — Они Борисыча нашего убили!

— Точно убили? — посерьезнев, спокойно спросил старик. — Значит, и он скоро встанет.

— Да что происходит?! — вскричал Иван Панин. — Что тут у вас творится?!

— А ты разве не видишь? — Степан Михайлович прищурился. — У нас тут мертвые ходят. — Он встряхнул плащ, отжал картуз. Из подвязанной к поясу кожаной петли вытащил здоровенный нож и положил его на стол. Не торопясь, перезарядил двустволку.

Оторопевшие студенты молча следили за каждым его движением.

— Вы шутите, да? — не выдержал Димка Юреев. — Они просто пьяные? Не соображают ничего?

— Это не смешно, дед! — возмутился Серега Цаплин.

— А и не смейтесь, — разрешил старик и сел на табурет, широко расставив ноги и устроив ружье на коленях. — Вы слушайте сюда, ребятки, хотя времени для разговоров у нас, как бы, уже нет. — Он покряхтел, покашлял, цепко оглядывая собирающихся вокруг парней и девочек, перепуганных, иззябших.

Где-то в темных глубинах барака со звоном разлетелось оконное стекло — возможно, последнее во всем доме. Запертая дверь ходила ходуном, лязгал кованый крюк, гремели расшатанные петли, а в щели прихлопа застряли чьи-то толстые серые пальцы, похожие на жирных червей.

— Это покойнички, — спокойно и почти даже ласково сказал дед Степан Михайлович. — Они где-то тут рядом померли, а потом встали и пошли. Ума теперь у них не больше, чем у какого-нибудь зверя. А правильной сказать, что нет совсем. Но вот сила у них, как бы, звериная, и не смотри, что они такие неповоротливые. Если доберутся, навалятся, да вцепятся — не вырвешься.

— Так не бывает, — шепнула бледными губами Марина Хадасевич.

— Не бывает, — согласно кивнул Степан Михайлович. — Но у нас случается. Земля тут, как бы, особенная. Картошку-то видели нашу? Дюжина штук — и ведро с горкой.

А ведь мы ни удобрений, ни торфу, ни навозу не завозим — земля сама так родит. У нас, бывает, воткнешь в землю прут сухой, а через три дня глядишь — он корешки пустил и веточки выбросил. Чудо? Ан нет — не чудо, а земли особенное научное свойство. Его изучать даже пытались, но не поняли ничего. Не доросла еще наука.

— Чертовщина, — буркнул Коля Карнаухов.

— Может, и так, — кивнул Степан Михайлович. — Жил у нас поп один, вот он тоже всё про бесовщину говорил. Мол, капище у нас тут прежде было, кровью сильно политое. Только думается мне, что капище здесь не просто так появилось. Земля всегда тут такой была, и в незапамятные времена, вот ее и задабривали кровью. И кладбищ в округе нашей сроду не было, своих покойничков мы за пятнадцать километров возим хоронить. Ну а кур там, или кошек, или собак жжем, чтоб они уже не встали.

— Это что же получается? — пробормотал Коля Карнаухов, вспоминая и страшный коровий глаз, и ожившую в Маринкином сапоге мышь. — Выходит, от вашей земли любая дохлятина оживает?

— Ну, не любая, — пожал плечами Степан Михайлович, — а только та, что в хорошей, как бы, сохранности. Да и не всегда это случается. Тут то ли звезды как складываются, то ли погода как влияет, то ли воды грунтовые — за тыщи лет никто не разобрал, ну и мы разобраться не надемся. Бывает, весь год получается спокойный. А бывает, что через месяц то лиса дохлая собаку загрызет, то мертвый лось из леса выйдет, то околевшая овца старуху покусает. Ну мыши там, лягушки — это всё мелочи, они сами друг дружку подъедают.

— Да как же вы тут живете? — ужаснулась Света Горина.

— А неплохо живем, — хмыкнул Степан Михайлович, озабоченно поглядывая то на дверь, то на окошки. — Картоху-то нашу видела? То-то и оно!

Старик встал, накинул плащ, расправил картуз.

— Заболтали вы меня. А ведь я не разговоры говорить шел, а по делу.

Он вдруг ловким быстрым движением подхватил ружье и широко шагнул вперед — почти прыгнул. Никто понять ничего не успел, а Степан Михайлович уже взвел курки, скинул двустволку к плечу.

Из кухни на веранду вывалилась черная фигура, заурчала утробно, мутными глазами вперившись в тесную компанию живых людей. Марина Хадасевич взвизгнула, подскочила и, потеряв сознание, опрокинулась навзничь — Вовка Демин едва успел ее подхватить.

Двустволка плюнула огнем — и половина головы ходячего покойника выплеснулась на стену веранды. Мертвец упал; его левая нога дергалась еще секунд сорок — все только на нее и смотрели. А потом Димку Юреева вырвало прямо на «Малую землю».

— Я вам жизни спас, — сказал Степан Михайлович, переламывая ружье и длинным желтым ногтем выковыривая из стволов горячие гильзы. — А долг, как бы, платежом красен. — Он перезарядил двустволку, заглянул на кухню — там всё вроде бы пока было тихо, только в разбитых окнах ворочались от ветра отяжелевшие мокрые занавески.

— Деревню надо вычистить, — сказал Степан Михайлович, возвращаясь на веранду. — А одному мне управиться будет непросто. И рассвета ждать нельзя — за ночь покойничков может прибавиться. — Он подобрал с пола брошенное одеяло, накрыл им подстреленного мертвяка. — Так что, ребята, беру вас сегодня в подмогу. Многого не прошу, но хотя бы свет мне подержите да молодыми глазами вокруг поглядите — и то, как бы, большая польза получится... Ну? Что скажете?..

— Я помогу, — решил Иван Панин. — Вы только говорите, что делать.

— Служил? — спросил старик, придирчиво оглядывая первого добровольца.

— Нет. Не успел.

— А это у тебя что? — Степан Михайлович пальцем показал на нунчаки, висящие у Ивана на шее.

— Оружие, — ответил Иван и, отойдя в сторону, продемонстрировал свое умение.

— Молодец, — сказал старик, чему-то улыбаясь. — Только это не оружие. Оружие вот. — Он тряхнул дустволкой. — А это палки на веревочке.

Были видно, что Ивана такие слова задели и обидели. Но спорить он не стал, смолчал, только брови сильнее нахмурил и отвернулся.

— Я служил, — угрюмо сказал Коля Карнаухов. Коле не давала покоя мысль, что это он во всем виноват. Он и приятель его Серега. Если бы они тогда не пошли на танцы, если бы не познакомились там с девчонками, если бы не подрались с местными и не стали бы от них убегать. Ну или хотя бы выбрали другой путь для бегства...

— Сержант? — поинтересовался Степан Михайлович.

— Ефрейтор, — сконфузился Коля.

— Это я сержант, — вклинился в разговор Серега Цаплин. — Внутренние войска, краснопогонник. По людям стрелять обучен.

— По людям стрелять не надо, — мягко поправил его старик. — Те, что на улице сейчас, они уже, как бы, не люди.

— Это я знаю, — сказал Серега. — Это я еще на танцах заметил.

— Как вас звать-то, ребята? — спросил Степан Михайлович.

— Николай.

— Иван.

— Серж. Серега то есть.

— Ну, вот вчетвером, как бы, и пойдем. Нормально. А остальные... — Степан Михайлович закинул ружье за спину, убрал тесак в петлю на поясе, снял с крючка зажженную керосиновую лампу. — Остальные будут дом охранять. Совхозное, как бы, имущество.

К выходу готовились недолго и суетливо — переоделись, переобулись, глотнули для храбрости местной превонючей самогонки, запас которой всегда имелся у Михи Приемышева. Вооружились кое-как тем, что в доме нашлось: Иван нунчаки заткнул за ремень, а в руки взял штыковую лопату,

наскоро отточенную здоровенным напильником; Николай забрал у Миши финку, но главное свое орудие соорудил сам — на полутораметровый березовый черенок насадил две тракторные шестеренки; рукоять получившейся палыцы он обмотал тряпичной изолянтной и даже подобие темляка сделал из распущенных обрывков веревки, чтобы кровь из проломленных голов не брызгала сильно и не текла на руки. Серега Цаплин к оснащению отнесся еще основательней: надел две фуфайки, оторвав у нижней рукава, обвился шпагатом; из гитарной струны и пуговиц смастерил удавку, забрал с кухни все ножи и распихал их по карманам, из трехметрового шеста, что лежал на подстропилинах веранды, алюминиевой проволоки и выдранной из стены скобы изготовил пику, потом вспомнил вдруг про ржавый туристический топорик, от прежних поколений студентов оставшийся, отыскал его в кладовке и подвязал к поясу, — Серега то ли игрался, то ли просто тянул время.

— Сначала постреляем тех, что у дома трутся, — пятый уже раз рассказывал Степан Михайлович, терпеливо дожидаясь помощников. — Для этого нам даже выходить не надо — из окон, как бы, постреляем. Потом пойдем на вашего старшего поглядим, заберем фонарик — он нам пригодится. В кустах пошерудим как следует — если кто и прячется там, на шум обязательно выберется или как-то даст о себе знать. А когда вокруг осмотримся, тогда уже пойдем по деревне, по домам. Покойнички всегда к живому тянутся. Вот рядом с живыми их и надо искать...

Поучал старик и остающихся в бараке:

— Мы выйдем, а вы сразу дверь закройте, заложите и уходите в комнатку, где окон нет. Начальник ваш там жил? Вот к нему и идите, он теперь слова против не скажет. Водички прихватите с собой попить. Гвоздей надергали уже, как я велел? Вот их возьмите, чтобы вход изнутри заколотить. И потом сразу же пробуйте потихоньку потолок разбирать: и руки делом займете, чтоб в голову дурь не лезла, и выход на крайний случай для себя подготовите. Если мы до рассвета не вернемся, поднимайтесь наверх, ждите,

пока совсем светло не станет, и с оглядкой через чердак выйдите на улицу. В наши дома не заходите, бегите сразу в Жирово, ищите по проводам избу с телефоном и звоните Хромову Василию Степановичу, он в милиции работает и знает, что тут к чему. Ну а если, не дай бог, доведется... — Степан Михайлович перекрестился. — Бейте покойников в голову, да посильней, да чем попадя. Только так их и проймешь. Без головы они уже не ходят, а лежат тихо, как им и положено... Слышите, ребята?! В голову их бейте! В самую, как бы, черепушку!..

Истребление мертвяков началось довольно буднично. Сначала Степан Михайлович в сопровождении притихших ребят обошел все комнаты барака и в каждой зажег свет. Потом он принялся неспешно и методично — будто в тире на ответственных соревнованиях — стрелять бродящих под окнами покойников. Он разнес головы семерым; двоих, причем, пришлось выманывать из темноты. Делал это Степан Михайлович довольно своеобразно: он открывал раму, ложился животом на подоконник и, высунувшись на улицу по пояс, ласково покрикивал и слюняво причмокивал губами:

— А ну-ко, иди-ко сюда, милоч! Отведай свежатинки! Хочешь мяса-то? Во! Кушай, родимый! Попробуй! Вкуснотища! — Он даже глаза закатывал. — От себя, как бы, отрываю! Да ты не бойся, ближе, ближе давай!

Мертвец выбирался на открытое освещенное место, тянул руки за обещанным угощением, скалился. Степан Михайлович душевно ему улыбался, медленно уползал назад в дом, принимал, не глядя, поданное ружье, прикладывался и стрелял покойнику точно в лоб.

Без неожиданностей, впрочем, не обошлось — последний мертвяк оказался необычайно резвым. Он, увидев направленный в лицо ствол, схватился за него и потянул к себе. Если бы не подскочивший Серега, поймавший ремень двустволки, да не Иван, который тут же сообразил заточенной лопатой рубить покойнику руки, неизвестно, чем бы дело закончилось. Но — справились и с этим.

А вот дальше было сложнее. В отдалении бродили еще фигуры, но подманить их не удавалось, а стрелять наугад Степан Михайлович не соглашался — не то патроны берег, не то боялся зацепить кого-нибудь живого.

— Выходим, — объявил старик и, опустив ствол ружья, взял со стола керосиновую лампу.

Под дождь он вышел первый, не оглядываясь на остальных, не дожидаясь их, и зашагал по направлению к небольшой группе мертвецов, расположившихся возле убитого и истерзанного доцента. Сколько там собралось покойников, понять было трудно: сортир догорал, а падающий из окон электрический свет мешался с плотной, сыплющейся с неба моросью и кроме нее ничего не освещал.

— Давайте быстрее! — крикнул Иван, спрыгивая с крыльца и глядя, как старик широко и быстро шагает, держа ружье в одной руке и лампу в другой. Он, кажется, что-то задумал, но почему он так небрежно держит двустволку? Что он станет делать, если все покойники разом встанут и двинутся на него? — ну, выстрелит он дважды, но перезарядить ружье вряд ли уже успеет, разве только убежит в безопасное место. Но куда? На веранду не вернешься — Вовка и Димка уже готовятся запереть дверь, а через окно старику туда не так просто будет забраться — слишком высоко.

— Что он делает? — спросил Коля Карнаухов, поравнявшись с Иваном. Но ответа не получил. Из кустов слева, хрипя разорванным горлом, вывалилась рослая фигура. Коля сразу опознал предводителя всей этой банды — нос покойника был свернут набок, а вокруг опухших глаз, будто кляксы на промокашке, расплылись неровные круги.

— Вот и свиделись, — сказал старому знакомому Коля и со всей дури саданул по голове мертвяка самодельной палицей.

Тракторные шестерни смяли череп, словно он из папье-маше был сделан. Ноги покойника подломились, и он повалился вперед, загребая воздух скрюченными руками. Коля ударил еще раз, уже не так сильно, подскочивший Иван

добавил похжей на секиру лопатой, а тут и Серега с туристическим топориком подоспел.

В этот самый момент Степан Михайлович разглядел, где лежит, поблескивая в траве, электрический фонарик, и решил, что дальше идти не стоит. Скрутив пробку с керосиновой лампы, он плавно размахнулся и швырнул ее в собравшихся на тропе покойников. Стеклянная колба разбилась, горячая жидкость плеснула на спины тесно сплотившихся мертвецов, на их одежду, растеклась по земле. Огонь занялся лениво, но Степан Михайлович вытянул из кармана плаща еще дома приготовленную резиновую клизму, зубами сдернул с ее носика самодельный колпачок и, отвернув лицо, пустил на поднимающихся, поворачивающихся мертвяков тонкую мощную струю бензина.

— Фонарик подберите! — крикнул он, не оглядываясь.

Бросив резиновую грушу словно гранату, он вскинул ружье и саданул крупной дробью в приближающегося покойника, ноги и живот которого были охвачены огнем. Вот теперь Степан Михайлович хорошо видел, в кого и куда он стреляет. Теперь света было достаточно.

Он разнес голову еще одному покойнику и, пятась, стал перезаряжать двустволку. Подоспевшие Серега и Коля прикрывали его, пикой и палицей отпихивая горящих мертвецов. Иван, как самый ловкий и подготовленный, обжегал неповоротливых противников и подхватил фонарик — тот почему-то оказался выключен, видимо, кнопка отщелкнулась при ударе о землю.

Грянули очередные выстрелы — два тела свалились на землю, задергались в конвульсиях. Последнего оставшегося на тропе мертвяка забили осмелевшие Коля и Серега — они буквально вместили его в грязь. Иван в расправу не вмешивался; он, убедившись, что фонарик исправен, теперь пытался его отчистить. Оттирая стекло мокрой ладонью, он не обратил внимания на шевеление в огненной луже. Опасность он почуял, только когда страшная обожженная фигура, лишь отдаленно напоминающая человека, на четвереньках выбралась из огня. Иван шарахнулся в сторону,

повернулся быстро и остолбенел — на него полз изуродованный Борис Борисович, доцент кафедры промышленной автоматизации, руководитель группы. Его пропитавшаяся грязью и керосином борода продолжала гореть; обваренная кожа на лице вспухала волдырями. У него не было одного уха, правый глаз заплыл кровью, а изжеванная левая щека висела, будто лоскут гнилой мешковины. Борис Борисыч был обезображен, искалечен, обожжен. Но, возможно, он был еще жив.

Иван попятился, выставив перед собой отточенную лопату и не решаясь пустить ее в ход.

Он должен был убедиться, что имеет дело с мертвецом.

Но как?

Как?!

Борис Борисыч потянулся к нему скрюченной рукой без двух пальцев, захрипел жутко. И Ивана вдруг осенило.

Он воткнул лопату в землю и выдернул из-за пояса нунчаки. Он несильно ударил ползущего доцента по макушке, но тот никак на это не отреагировал, и тогда Иван закрутил нунчаки во всю силу. Три увесистых хлестких шлепка вырубали бы самого крепкого человека, но на Бориса Борисовича они не произвели никакого эффекта. И тогда Иван решился на окончательную проверку: он ногой подсек руку доцента, из-за чего тот ткнулся лицом в землю, прыгнул ему на спину и, накинув перевязь нунчаков на горло, взял противника на удушение. От этого приема спасения не было. Но доцент не обмяк и не лишился сознания. Напротив, он завозился активней, норовя сбросить Ивана с горба, пытаясь привстать. Сомнений не оставалось — Борис Борисыч был мертв.

Иван слетел с его спины, перекатился через голову и, подхватив лопату, широко ею размахнулся...

Ему не верилось, что это безумие происходит на самом деле.

Они несколько раз обошли барак по кругу, вытаптывая траву и ломая кусты. Они успокоили еще трех мертвяков — с двумя проблем не возникло, но вот последний, затаившись, кинулся с земли на Серегу, сбил его с ног

и навалился сверху, разрывая зубами фуфайку. Стрелять в него было рискованно, да и палицей можно было попасть совсем не туда, куда требовалось. Пришлось хватать мертвеца за остатки одежды и в шесть рук оттащить его от орущего Сереги. Когда и с этим покойником было покончено, Степан Михайлович вытер со лба пот, вздохнул тяжело, в очередной раз удивился вслух:

— Откуда их тут столько?

И мучимый чувством вины Коля наконец-то решился рассказать правду. Его короткий рассказ старик выслушал спокойно, никак не прокомментировал. Поинтересовался только:

— Скотомогильник тот сумеете найти?

— Наверное, — пожал плечами Коля. — Рядом с тем местом геодезический знак стоял. Пирамидка такая, на холме перед лесом. Мы мимо него пробежали, я еще остановился рядом с ним, обернулся. Смотрел, не появится ли кто из кустов.

— Ага, — кивнул Степан Михайлович. — Кажется, теперь я понимаю, где это.

Они быстро свернули разговор и вновь занялись делом: с фонарем и факелом облазили терновые кусты на берегу пруда, заглянули в небольшой сад, где помимо старых яблонь росли черемуха, ирга и смородина, потоптались по чьим-то огородам. Они всё дальше уходили от барака. И всё сильнее торопились, понимая, что ночь заканчивается, и времени у них остается не так много.

В самой деревне они нашли лишь одного мертвяка: он сидел на дороге и, не обращая внимания на приближающихся людей, увлеченно дожилал чью-то собаку. Степан Михайлович даже патрон на него не стал тратить — повесил ружье за плечо, взял у Коли палицу и размозжил покойнику голову.

По домам они пошли, когда уже стало немного светать, а на дворах завозилась скотина. Хозяева на осторожный стук реагировали сразу — зажигали свет, открывали окно или на крыльцо выходили — то ли они не спали уже, то ли ждали проверку. Недовольства никто не выказывал,

но и радостью особой заспанные лица не светились. Каждый разговор начинался с приветствия Степана Михайловича. Ему сдержанно, на его спутников косясь, отвечали.

— Ну, что у вас? — спрашивал старик. — Всё ли закрыто? Чужих никого нет? Чудного ничего не видели, не слышали?

Нет, никто ничего не слышал, не видел; запоры целы, закрыты надежно, чужих и близко вроде бы никого не было.

— Днем убраться надо будет, — предупреждал, понизив голос, Степан Михайлович. — После второй дойки приходите к моей избе. Берите вилы. Тачку прихватите. — Он подавался вперед, совался в приоткрытую дверь, в окна заглядывал, привставая на цыпочки. Спрашивал тихонечко:

— А ваши поднялись? Женья? Серафима Ивановна? — Он каждый раз называл новые имена.

Хозяева сдержанно кивали, недобро глядели на переминающихся с ноги на ногу, прислушивающихся к разговору студентов.

— Вы, как бы, осторожней, — предостерегал Степан Михайлович.

— Иди уже, — ворчали на него хозяева. — Без тебя всё знаем...

То ли в шестой, то ли в седьмой избе на стук никто не отошел. Степан Михайлович уж и по дребезжащим окнам ладонью хлопал, и запертую дверь пинал, и кричал во весь голос — внутри всё было тихо. Разволнованный Степан Михайлович подозвал парней ближе, показал им, как нужно отжимать дверь, сунул в образовавшуюся щель лезвие тесака, приподнял им накидной крючок. Оставался второй запор, щеколда — ее выворотили с треском, со скрежетом, дружно дергая дверь на себя. Ввалились в дом, в сени — и тут из темного угла к ним бросился горбатый уродец, востроносый, седой, всклокоченный, в отрепье обряженный. Коля Карнаухов размахнулся уже, чтоб прихлопнуть его, но Степан Михайлович схватился за обляпанные кровью шестерни, заслонил собой страшилище, крикнул:

— Этого не трогать!

Уродец заплясал в луче фонаря, задергался, закорчился, пытаясь черными пальцами дотянуться до вставших перед ним людей. Беззубый рот немо открывался и закрывался, будто у вынутого из воды карпа. Гремела и лязгала тяжелая цепь; плетенный из кожи ошейник пережимал сухую шею до самого, наверное, позвоночника.

— Кто это? — прижавшись к стенке, шепотом спросил Коля Карнаухов.

— Порфирий это, — сердито сказал Степан Михайлович. — Порфирий Зимин. Отчества, извиняйте, не помню.

— Он тоже мертвый? — спросил Иван, хотя ответ был очевиден.

— Давным-давно, — неохотно признал Степан Михайлович. — Он тут самый старый. Я мальчишкой в его сад лазал, и он, если там оказывался, встречал нас вот так же. Сколько уж лет прошло, а он, старый хрыч, почти не изменился.

— Самый старый? — переспросил Иван, почуввав что-то невообразимо жуткое в этих простых вроде бы словах, угадав верный их смысл. — Самый старый?.. То есть... Значит...

Степан Михайлович смотрел на него, молчал и кивал.

— Он не один? Их много?.. — Иван задрожал. — И те, про кого ты спрашивал?.. Женья?.. Серафима Ивановна?.. Они... Все... Тоже?..

— Да, — сказал старик. — Почти у всех. Почти в каждом дворе.

— Но зачем? Почему? Как это вообще возможно?!

Они не успели договорить. На улице что-то загремело, кто-то заохал громко, заругался. Покоренная дверь хлопнула, тяжелые сапоги забухали по стонущим половицам. Секунду спустя под потолком вспыхнула опутанная пыльными тенетами лампочка, и в сени, заслонив сразу весь проем, ввалилась здоровенная краснолицая бабища. Увидав гостей, она подоткнула бока руками и заголосила:

— Что же вы наделали, ироды! Креста на вас нет! Чисто нетопыри, всю дверь разворотили! Или, думаете, управу на вас не найду?!

Мертвый Порфирий, щурясь от яркого света, боязливо убрался в угол, сжался там в комочек, лелея у груди тяжелую цепь.

— Не шуми, Ольга, — строго выговорил Степан Михайлович, не зная, куда деть ружье. — Не ерпенься, слышь! Тебя же, дуру, спасали! Думали, случилось чего.

— Случилось?! — Баба всплеснула руками, встала перед ним. — Ты, дурак, случился! Уж и отойти нельзя, господи! Всю дверь мне раскурочили! В момент!

— Да почию я твою дверь, — хмурясь, пообещал старик. — Угомонись ты уже. Скажи лучше, где была.

— У соседей я была, ирод ты старый! Они в район уехали, просили в отсутствие козу доить и курей выпускать. На десять минут вышла — и на тебе! Сюрприз, ети тебя за ногу!

— Пойдем, ребята, — сказал Степан Михайлович, по стенке пробираясь к выходу. Кажется, визгливую тетку он боялся больше, чем мертвого страшного Порфирия. — С бабой ругаться, что порося стричь — толку мало, один визг.

— Зачем она его держит? — спросил Серега на улице, в изнеможении сев на мокрую скамью и пытаясь унять дрожь в руках. — Зачем они вам? Для чего?!

Степан Михайлович вздохнул, глядя в туманную дымку за огородами.

— Так, чай, не чужие... — Он умылся падающей с карниза водой, пофыркал, растирая горящее лицо. — Родня всё же. А сладить с ними можно. Вон, в цирке тигров ручных показывают и других зверей. А тут, как бы, люди, хоть и покойнички. Видели, как Порфирий правнучку шугается? Вымуштровала! У нее и муж вот так же по струнке ходил. Сбежал потом в город, правда. Живого-то мужика на цепь не посадишь. — Он хихикнул.

— А они все вот так же на цепи? — спросил Иван.

— Зачем? Нет, конечно. Кто-то в клетки живет, а кого даже в избе держат. Женья, к примеру, смирный, безобидный. Лежит себе на печке, кашку кушает и сухари сосет.

Потом на месяц уснет — и будто нет его до следующего раза. А Серафима в горнице барствует. Много ли ей надо? В неделю мясца кинул — и ладно. А у нее, между тем, пенсия аж сорок рублей. Нешто в землю такой достаток закапывать?.. — Степан Михайлович посмотрел на хмурых парней и махнул рукой:

— И чего я тут разболтался? Забудьте всё, выбросьте из головы. Вам, ребята, наших порядков не понять. Вы лучше ступайте сейчас в барак свой, приберитесь там хорошо, окна пленкой забейте. На улицу до завтра не суйтесь, разве только сильная нужда будет. А за помощь большое вам спасибо. От нас от всех — спасибо.

— А дальше-то что? — спросил Иван.

— Дальше? Ничего особенного. — Степан Михайлович пожал плечами. — Сейчас я к Митьке Куренному зайду, похмелю его и поедем мы на его тракторе коров в землю закатывать. А вернемся, так сразу же за уборку примемся. Есть у нас амбар старый, вот мы покойничков в него и снесем, рассадим чинно. Телегу, на которой они за вами гнались, перетащим поближе, трактор их перегоним сюда же. Ну и подпустим на амбар огоньку с углов. Дело-то ведь какое было? Подрались вы, значит, на танцах, а они на вас, как бы, злобу затаили. Приехали ночью, увидали, что руководитель ваш в туалет зашел, да и заперли его в будке. Шутки ради подожгли — сильней поугаать решили. А не рассчитали немного с огнем — сгорел заживо ваш начальник. Они этого не заметили, они в это время стекла колотили. А как натешились, поехали к амбару отдыхать. Ну и под утро нечаянно пожар учинили, а выбратся, как бы, не успели — пьяные же были.

— Ловко, — помолчав, сказал Серега Цаплин. — Но сейчас в милиции такие знатоки работают — у-у! Их не обманешь.

— Это в вашей милиции знатоки работают, — отмахнулся Степан Михайлович. — А в нашей милиции мой сын служит. Так что всё было именно так, как я вам рассказал. Сомневаетесь? А вы кого угодно спросите, здесь это любой

подтвердит. — Старик широко улыбнулся, повернулся резко и, не обращая уже внимания на растерявшихся студентов, быстро и уверенно зашагал по заросшей лопухами и подорожником тропке.

Дождь, кажется, понемногу кончался.

И, кажется, наконец-то наступало утро.

Из Росцыно студенты уезжали тринадцатого октября.

Миха и Вольдемар, Иван и Димка, Серж и Колюня, Марина и Светка — они уже забрались в желтый пазик, по самую крышу заляпанный грязью, и расселись на местах, обложившись вещами, хотя до объявленного отъезда оставалось еще минут сорок. Новый руководитель, час назад прибывший на этом самом автобусе только лишь для того, чтобы подписать все подsunутые ему бумаги, мерил шагами глубокую колею, пощипывая редкую бороденку. Он был забавный — долговязый нескладный аспирант, отчества которого никто так и не запомнил. Чувствовалось, что он стесняется своего статуса и боится незнакомых студентов, которые всего-то на четыре года были его моложе. Он смущался до заикания и никак не мог заговорить с ребятами, с которыми даже познакомиться не успел, не сумел; ему проще было начать разговор с бригадиром Петровичем, жующим беломорину, или с чумазым улыбчивым водителем, или с собравшимися у совхозного автобуса местными жителями. Впрочем, и они его тоже смущали. Ему казалось, что они все посмеиваются над ним, обсуждают его молодость. Он заискивающе улыбался, встречаясь с кем-нибудь взглядом. Издалека здоровался с бабушками, подходил к дедушкам и пожимал им руки, стараясь не допустить в рукопожатии слабины. И тут же отступал, отходил в сторону, смотрел вдоль дороги, напуская на себя задумчивый и важный, как ему казалось, вид.

— Он с нашей кафедры, — сказала Марина, глядя на неуклюжего аспиранта и пальцем рисуя на пыльном стекле цветочки и сердечки. — Возможно, на следующий год поедет сюда с новой группой.

— Картошка здесь хорошая, — невпопад сказал Иван, через мутное окно заметив вставшего в отдалении Степана Михайловича. — Дюжина штук — и ведро с горкой.

— Что? — не поняла Светка.

Вовка включил приемник. На «Маяке» играли «Самоцветы».

— Может, в картишки пока перекинемся? — предложил Серега.

— А, давай, — согласился Иван...

Они отвлеклись от игры, когда автобус, натужно рыча мотором, наконец-то тронулся с места. Иван отложил карты, посмотрел в окно. Отыскал взглядом Степана Михайловича, помахал ему рукой. Старик в ответ козырнул по-военному и почему-то погрозил пальцем.

А Ивану представилось вдруг, что провожать их у дороги собрались не живые люди, не благообразные старики и старухи, мужики и бабы, а ходячие мертвяки. Подумалось, что во всей деревне, возможно, давно не осталось ни единого настоящего человека; что каждый тут — мертвец, по привычке, по инерции притворяющийся живым, не знающий о случившейся собственной смерти. Даже бригадир Петрович с беломориной, даже улыбающийся Степан Михайлович — они все тут ходячие покойнички с давним долгим прошлым, но без всякого будущего. И даже черные от старости избы представились Ивану безнадежно мертвыми — в их погасших серых окнах ничего не отражалось, только пустота и унылая безнадежность.

Он отвернулся, испугавшись.

— Послезавтра на учебу, — напомнил всем Димка.

Автобус взревел на крутом повороте, по глубокой размякшей колее выбираясь из тихой деревни.

Содрагаясь железным телом и заметно рыская из стороны в сторону, перемешивая колесами плодородную грязь, он упрямо тащил своих пассажиров в шумный уютный город.

Дарья Булатникова

Слово автора:

Я уже сбилась со счета, сколько моих рассказов озвучено в «Модели для сборки». И зачем это нужно? — каждый раз думаю я, отправляя очередной. А потом слышу озвучку Влада Коппа, и появляется ощущение, что это не я, а кто-то другой написал то, что он читает. Есть выражение «увидеть чужими глазами». «Услышать чужими ушами» — куда более замысловато, но так и есть — звучащий текст позволяет отстраниться от него, услышать его иначе. И даже почувствовать иначе. Потому что он уже не только твой, но и тех, кто дал ему новое воплощение.

РАСПЫЛИТЕЛЬ ПУХОЛЬСКОГО

(выложен 12–15.04.2011)

Сон, приснившийся под утро, был мутным и страшным. В нем Игнат просыпался, ворочаясь на чем-то жестком и влажном, никак не мог разлепить век, пытался кого-то звать, но в ответ слышал только тающее в камнях эхо. «Откуда камни?» — думал он и уже боялся открыть глаза, чтобы не увидеть страшное. Похлопал рядом с собой ладонью и почувствовал под нею отвратительно мокрое и липкое — кровь! В ужасе он вскочил, бросился вперед, натыкаясь на стены. Сзади гнался кто-то, громко дышал в затылок, то настигал, то отставал. Игнат чувствовал, как колотящееся сердце разрывает грудь, и знал, что его ожидает впереди — яма, провал, куда он будет долго падать, бессмысленно крича и ожидая последнего удара. Но вместо этого за очередным поворотом его ждал взгляд. Он так и не понял, чей — проснулся в поту и еще долго лежал, вытирая краем простыни сползающие по вискам капли. Потом встал и впотьмах нашел на столе жестяную кружку с водой. Выпил залпом, во рту остался металлический привкус, но сразу же полегчало. Это был сон, всего лишь ночной кошмар.

Больше он не ложился, зажег керосиновую лампу и читал какую-то книжонку, найденную среди вещей ТЕХ. Книжка была про убийство, но не страшное — буржуйское убийство какого-то богатого паразита. Про сыщиков Игнат читать любил, жаль, что такие книжки редко ему попадались, всё больше стишки про любовь-морковь.

Утро наступило тусклое, в воздухе висела липкая морось, оседающая влагой на одежде и холодящая лицо. Путь до «барака», как он называл место своей службы, Игнат преодолел в два приема: вначале спустился по Большой Дмитровке, миновал тихое, замершее здание театра с тачанкой на крыше, потом зашел в служебную столовую, поел пшенной каши, запил морковным чаем. Выйдя, обнаружил, что морось превратилась в холодный редкий дождик. Ругнулся про себя, остановил извозчика. «Ваньки» в последнее время стали осторожны, завидев фигуры в кожаных куртках и фуражках, придерживали лошадей, пропускали. Но этот вывернул из-за угла и тут же попался. Помрачнел, зная, что от «комиссара» платы не дождешься, но смирился и молча стегнул вожжами гнедого, лоснящегося чистыми боками меринка. Игнату отчего-то стало стыдно. Вот уже и их начали считать какими-то лихоимцами, а не защитниками трудового пролетариата. Эх...

Доехав до места, он похлопал возницу по плечу, и когда тот обернулся, сунул в руки завернутую в кусок газеты четвертинку хлебной буханки — паек, выданный в столовой. Еще успел заметить изумление на бородатой физиономии.

Барак стоял тихо, особняком, в тупиковом переулке, затерявшемся между Кремлем и Покровским бульваром. Два соседних дома покинуты жильцами, и никто в них не селится, вот что удивительно. Игнату нравилось, что тут совершенно не чувствуется Москва, словно попадаешь в уголок какого-нибудь захолустного городишки, а столицей и не пахнет. Во дворе под навесом сидели красноармейцы, шлепали засаленными картами, гоготали. Завидев Игната, притихли, карты спрятали, посуrowели.

— Богоробов здесь? — коротко спросил Игнат на ходу.

— Не появлялся, — ответил конопатый Свиридов, командир охраны.

Игнат удивился. Его начальник Богоробов обычно приходил раньше него, потому что жил неподалеку, у пышнотелой булочницы Натальи. И стол, и дом, и пуховая постель —

не то что Игнат в своем Камергерском. Ну да ладно, и без Богорова известно, что делать.

Войдя в длинный мрачный коридор, освещаемый единственным окошком да едва тлеющей лампочкой на голом проводе, Игнат повел носом. Пахло привычно — ружейной смазкой, химическими чернилами, плесенью. И страхом.

В который раз стало обидно, что другие сейчас седлают коней, проверяют пулеметы, готовятся к битве за революционное дело, а он тут — в затхлости, среди бумажек. И пусть уверен, что правое дело вершит, всё равно противно.

Машбарышня Зина подняла от «Ундервуда» бледное личико, отвела глаза. Ишь, буржуйское отродье, давно бы быть тебе в подвале, да больше никто с этим проклятушим аппаратом обращаться не умеет. Ладно, живи пока, ненавидь, бойся... Игнат подошел, нарочно стал близко, чувствуя, как задрожала барышня, не зная, куда девать взгляд. Быстро просмотрел напечатанные списки, хмыкнул, сунул один листок в карман штанов. Заметил, как дернулись тонкие пальцы над клавиатурой, еще раз хмыкнул и вышел.

В небольшой комнатушке, которую Игнат важно называл кабинетом, было влажно — надуло из открытой форточки. Он скинул куртку, посидел за старым конторским столом, пощелкал выключателем настольной лампы. Потом полез в стол Богорова и из верхнего ящика достал запасной ключ с фанерной биркой, на которой фиолетовыми чернилами была выведена косая буква «Р».

В последний момент что-то насторожило Игната, показалось странным. Но революционный долг прежде всего. Вот вернется и посмотрит, что тут так и не так. Пора.

В подвале всё было, как всегда: равнодушные каменные стены, толстые, уже изъеденные кое-где дровоточцем двери. Поворачивая от лестницы, Игнат прислушался. Сегодня должно быть восемь, это немного. Раньше приходилось тяжело, иногда к утру свозили до полусотни. Сейчас уже не вспомнить, сколько их было, они и не считали. Разве что если списки взять, да заставить машбарышню на счетах пощелкать. Но зачем? Да и списки те давно подшиты

в толстые папки и уложены в сейф, для сохранности. Игнату нравилось думать, что когда-нибудь их дети и внуки скажут им спасибо за то, что они делают сейчас. Морщатся, но делают. Во имя светлого будущего.

Дремавший на табуретке у стены красноармеец Харитоненко вскочил, едва не уронив трехлинейку, отрапортовал:

— Всё спокойно, товарищ Пирогов!

— Ну, давай, минут через пять, по одному, как всегда, — ответил Игнат и, поправив ремни и кобуру, отворил дальнюю дверь.

Блеснули металлические щитки, два полукруглых, вертикальных и один — сверху, куполом, словно шапочка. А под ним — черная площадка. Распылитель.

Игнат хорошо помнил тот ясный сентябрьский день, когда председатель районной ЧК Кривцов привел к ним художочного лохматого парня.

— Пухольский, — представился тот, поправляя сползающие набок очки. — Сигизмунд Янович Пухольский, бывший студент, а ныне — изобретатель.

— Ну, вы тут, товарищ, всё сами объясните, — буркнул ему Кривцов. И добавил для Богоробова: — Потом доложишь, что да как. И это... учти, патронов у нас мало осталось.

Игнат усмехнулся, вспомнив эту фразу. У них не только патронов было мало, у них тогда буквально руки гудели от работы: стреляли, возили, копали, опять возили, опять копали. И ведь возчиков не мобилизуешь — неизвестно чего от них ждать, так что самим всё делать приходилось. Поначалу гоняли пешим ходом на пустырь за кладбищем, к специально откопанному рву, и там уже... Пока однажды не сбежали двое — мужик и баба, кинулись из колонны в сторону и словно пропали в ночи, несмотря на стрельбу и поиски. Из ВЦИК тогда проверяльщик был, ругался, грозился. После этого стали самых сильных мужчин оставлять на принудработы, на несколько дней — для рытья. В общем, крутились. Кто, если не они?

Зато сейчас — красота, не обманул изобретатель.

Скрипнула дверь. Пять установленных минут прошло, и Харитоненко привел первого. Игнат обернулся и встретился взглядом с пожилым мужчиной в бархатном, довольно истертом пиджаке.

— Фамилия?

— Иртенев Борис Карлович, — не отводя глаз, медленно проговорил вошедший. Харитоненко кивнул и вышел, громыхнув запором.

Игнат вытащил список, развернул, сверился — есть такой. Проживает... проживал неподалеку, на Мясницкой.

— Проходи! — указал на черную площадку.

— Что это? — удивился Иртенев, рассматривая непонятный агрегат.

— Допрос снимать с тебя буду, — почти ласково произнес Игнат. — Это такая машина, которая заставляет правду говорить. Вот и расскажешь мне, куда ты спрятал награбленные у трудового народа капиталы.

— Да я... Я профессор математики. Какие капиталы, откуда?

— Проходи, проходи, не бойся, больно не будет!

Игнат почти дословно повторял то, что велел им говорить Сигизмунд Пухольский. Дескать, ваша задача лишь уничтожить контрреволюционный элемент. Вот и не нужно орать и пугать приговорами, пусть элемент сам не понимает, что его сейчас уничтожат. Поэтому и говорите, что... Богорогов то, что нужно сказать, даже карандашиком на листочке записал, а потом ходил и заучивал, шевеля губами и дергая бровью. Смешно, конечно, что такое приходилось повторять и буржуйским деткам, ну какие капиталы они успели награбить и спрятать? Хотя кто их знает — буржуи есть буржуи, хоть и малолетние — может, и успели. И про машину, которая заставляет правду говорить, смешно придумано. Все, кто слышит, буквально рот раскрывают. Так с открытым ртом и встают в распылитель. А там — чпок!

— И что дальше? — в голосе Иртенева звучало нетерпение.

Игнат спохватился, что так и сидит за столом, положив руку на черную коробочку с красной пипочкой на крышке. А буржуй топчется в распылителе и ждет, что будет дальше. А ничего не будет — для тебя. Игнат нажал на пипочку, и не стало Бориса как-там-его-по-батюшке. Был — и нету.

Игнат не удержался и подошел к аппарату. Никаких следов буржуя, ни пылинки на черном пупырчатом круге. Как и обещал очкастый изобретатель Пухольский, приговоренный распался на эти... на молекулы. Игнат очень смутно представлял себе, что такое молекулы, хотя слушал бывшего студента старательно. Но в то, что весь мир состоит из таких крошечных штучек, что глазом не различишь, так и не смог поверить. И Богоропов, кажется, не поверил, всё пытался что-то рассмотреть на собственных ладонях, подносил к глазам, ногтем ковырял. Но факт вот он — разлетелся контрреволюционный элемент на эти самые молекулы, стал воздухом, а значит — ничем. А кто был ничем, тот стал всем.

— Харитоненко, давай следующего!

Спустя час всё было кончено. Игнат пригладил волосы, посидел, уперев локти в колени, еще некоторое время. Хоть и легкое это дело — на пипочку нажимать, однако устал отчего-то. Всё же восемь душ на тот свет отправил. Потом обошел вокруг распылителя, провел рукой по блестящему щитку. Гладкий. Гладкий и холодный. Захотелось сдвинуть аппарат и посмотреть, что под ним. Хотя видел, как устанавливали, ничего там нет, только каменный пол. Но куда-то же все деваются. Молекулы... А Пухольский больше не появлялся, может, другие машины мастерит, может, и самого давно в распыл пустили. Раз студентом был, значит, не из наших, рабоче-крестьянских, а тоже — из буржуев.

Вообще-то, Игнату в последнее время редко приходилось ликвидацией заниматься, разве что когда Богоропова с утра в районную ЧК на доклад вызывали. Да и что тут вдвоем делать? На пипочку нажимать и одного человека хватит, тем более что Богоропову нравилось это делать,

а Игнату... Не то что не нравилось, дело-то чистое и нетрудное, только потом нет-нет да и вспомнятся чьи-нибудь глаза. Не их ли взгляд он почувствовал сегодня во сне и в ужас пришел?

Тут Игнат спохватился, что Богоробов так и не объявился. Интересно, куда это он подевался? Заболел? Ногу сломал? Ну, так прибежала бы Наталья, сообщила. Не такой человек комендант пункта номер пять, как в отчетах именовался их барак, чтобы не сообщить, почему на службу не вышел. Пора с этим разобраться.

В кабинете было всё так же неуютно, даже свет включенной и забытой лампы казался каким-то чахоточным, нездоровым. Игнат постоял, морща лоб, обошел стол и понял, что его насторожило утром — из-за ободранной ножки выглядывал угол металлического предмета. Портсигар. Серебряная изящная вещица, с которой Богоробов никогда не расставался. Говорил, что получил в награду от товарища Буденного, но Игнат не верил. Богоробов никогда ничего толком не рассказывал о своей военной жизни, скорее всего, он со своей хромой ногой таскался где-нибудь в обозе. А портсигар... В конце концов, и сам Игнат не без греха, то книжку утащит из конфискованного у контрреволюционеров имущества, то жестянку с лакричными леденцами. Уж больно он их любил. А на что революции леденцы, какой с них прок?

Портсигар красивый, с рельефным изображением скачущего на коне охотника, трубящего в рог. Рядом — борзые, по краям — дубовые листочки с желудями. Игнат щелкнул замочком и внимательно осмотрел три папироски «Лакме», вложенные в специальные гнездышки. Сам он не курил, но знал, что такие папиросы на Сухаревке продаются из-под полы, поштучно. Странно, что Богоробов забыл портсигар. Он всегда, отправляясь домой, останавливался на крыльце и картинно закуривал на зависть Свиридову, вынужденному смолить вонючую махру. А вчера?

Игнат вышел во двор.

— Где товарищ Свиридов? — спросил у коренастого уса-ча в выгоревшей гимнастерке.

— Та дэсь був, — неторопливо ответил тот и почесал шею.

— Так найди срочно. Скажи, Пирогов ищет.

— Зараз! — козырнул усатый.

Свиридов прибежал, вытирая губы и источая запах чеснока. Вчерашний вечер он помнил хорошо, помнил, как Богоробов подходил к нему, чтобы дать перед уходом последние указания. Потом начальник достал портсигар и с шиком закурил, пуская кольцами ароматный дым. Свиридов, вспоминая, повел носом, вздохнул. Уточнил, что ночь прошла спокойно, контору привезли под утро, всех разом, на подводе. А до этого Свиридов хоть и спал, но уверен, что товарищ Богоробов не приходил. Так что не было его, не было, и точка.

Игнат пожал плечами. Откуда же портсигар появился в кабинете? И где сам Богоробов? Выхода нет, придется идти к Наталье.

Дом булочницы был опрятен и ухожен. В первом этаже — булочная или, как говорят москвичи: «булошная», во втором — квартирка из трех комнат. Игнат и раньше сюда заезжал вместе с Богоробовым, на именины хозяйки, к примеру. Вспомнился штоф синего стекла с брусничной настойкой, жареный гусь и пирожки с ливером. Игнат облизнулся.

Наталья сидела в лавке, хотя торговать особо было нечем — тощие каравайчики из плохой муки и те к концу подходили. Две тетки, завидев Игната, шарахнулись от прилавка, а Наталья, сдобная вдовушка, удивленно подняла бровь.

— Революционный привет! — буркнул Игнат, косясь на присыпанные мучицей коричневые хлебные бока. — Товарищ Богоробов дома?

— Нету, — Наталья подперла щеку кулачком, — чуть свет ушел, спешил. А что, на службе его разве нет?

Игнат покосился на теток, те боком-боком да на улицу.

— В том-то и дело, Наташ, что нет. А если Кривцов с проверкой явится, что я ему скажу?

Наталья поджала губы и задумалась. Думала долго.

— Ума не приложу. Ну не к Нюрке же он спозаранок побежал!

— К какой Нюрке? — насторожился Игнат.

— Бабенка тут неподалеку живет. Нюрка Маслова. Давно на Павлушу глазками косит, да только муж у ей, здоровенный такой бугай, каменщиком работает. Я уж и так ей собиралась волосья повывидирать...

— Говори, где Нюрка живет, да побыстрее, — перебил ее Игнат, представив, что мог сделать с тщедушным Богоробовым Нюркин муж-каменщик.

— Да тут, в двух кварталах, — Наталья торопливо махнула рукой, показывая направление. — Дом приметный, около церкви. Зеленый. Масловы на третьем этаже проживают, вход с улицы.

— Ладно, схожу туда. А ты скажи, товарищ Богоробов с вечера курил?

— А как же, не то два раза, не то три... После ужина.

— И портсигар при нем был? — Игнат вытащил из кармана серебряную коробочку.

Наталья, глянув на портсигар, побледнела, зажала рот ладонью. Потом кивнула.

— В общем, ты молчи обо всем, — приказал ей Игнат. — Я попозже зайду, расскажу, что узнал. Или сам он вернется.

Нехорошие предчувствия одолевали его всю дорогу до зеленого дома у церкви. Игнат не мог представить себе никаких причин для такого легкомысленного поведения Богоробова, кроме самых нехороших. Ведь тот служил рьяно, наслаждался властью над людьми, и кроме этой власти, да еще баб, не было у него других страстей. Так что его исчезновение, а особенно находка портсигара, взволновали Игната. Он был заместителем коменданта, и если что — отвечать ему. А в Москве, несмотря на жесткие порядки объявленного в начале осени красного террора, всё же было беспокойно.

Одноглавую церквушку Игнат хорошо знал, каждый день ходил мимо на службу да обратно. Так что дом, где жили Масловы, располагался тоже неподалеку от барака, ближе к бульвару. На стук в дверь квартиры ответа пришлось ждать долго. Игнат грянул кулаком еще пару раз.

— Кто там? Иду, иду! — пропищал женский голосок.

Открыла ему томная брюнетка в шелковом длинном халате. «Стерва», — сразу решил Игнат. Рассмотрев его кожаную куртку и портупею, женщина слегка побледнела. Пуганый народ нынче пошел.

— Гражданка Маслова? — грозно свел брови Игнат.

— Я... А что? — прошептала дамочка.

— Где Богорохов? — рывкнул он, наступая и тесня Маслову в глубь квартиры. Там царило душное тепло и пахло жареной рыбой и кошками.

— К-какой Б-богорохов?! Знать не знаю...

— Не ври! — Игнат сделал вид, что нашаривает кобуру, и тут же испугался, что женщина упадет в обморок, так она затряслась. — Павел Андреевич Богорохов, жилец булочницы Натальи. Не ты ли под него клинья подбивала?

— Не подбивала я! — взвизгнула Нюрка. — Он сам меня обхаживал! А у меня муж, и вообще, я женщина честная, и вашего Богорохова не привечала!

— Муж, говоришь? И где сейчас твой муж?

— На работе Василий, — неожиданно успокоилась Маслова. — Только я и правда не знаю, с чего это вы прибежали у меня своего Богорохова искать. Я его утром видела, на службу он шел.

— Ну-ка, говори!

Из поспешного рассказа Нюрки Игнат узнал, что сегодня она поднялась чуть свет, чтобы накормить мужа перед работой. И пока разогревала на кухне вчерашние котлеты, заметила в окно, как Богорохов деловито шел в направлении их барака. Она хорошо рассмотрела, хоть и дождь моросил — шедший прихрамывал, да и кожаная куртка издали приметная.

— А куда зашел, видела?

— Так туда же и зашел, где служит, в... — Маслова смешалась, боясь повторить, как в народе называли их барак. Душегубкой его называли. — Калитку вроде ключом открыл и вошел.

Игнат задумался. Точно, был у Богорохова ключ от обитой железом воротины. Значит, наврал Свиридов, принял

доставленных буржуев, а сам снова спать завалился и проспал приход Богоробова. И подчиненные у него такие же растяпы.

— Так, говоришь, во сколько это было?

— Рано совсем. Васеньке к семи нужно было, значит, не позже полседьмого, а то и четверть... Я ж специально на ходики не глядела.

Игнат в задумчивости почесал затылок. Значит, если Нюрка ничего не придумала, Богоробов появился сегодня на службу спозаранок. Но зачем? Обычно он приходил около половины девятого, а тут — на два часа раньше. Поэтому охрана его и просмотрела. Особенно, если он калитку сам открыл, а не стал дергать ручку звонка, которым обычно сигналил о своем появлении. Проморгали, сволочи! А если бы это был не Богоробов, а коварный враг?! Нет, сегодня же нужно показать этой страже кузькину мать!

— А зачем вы этого... Богоробова ищете? — вывел Игната из задумчивости робкий вопрос.

— А затем, — отрезал он. — Не твоего ума дело! Но если наврала ты мне, гражданка Маслова, то я вернусь и этими самыми руками...

— Нет, ей-богу, правду сказала! И даже странно мне такое...

Игнат, не дослушав, отстранил женщину, протопал прямо в грязных сапогах на кухню, отдернув вышитую занавеску, выглянул в окошко. Точно — видно и переулок, и ворота. Да и двор немного просматривается. Ишь, шпионка! Он развернулся и направился к выходу, на ходу ругнув рыжего котяру, шарахнувшегося с мявом из-под ног.

Мостовые подсыхали после дождя. Солнце из-за туч так и не показалось, но было заметно, что полдень уже миновал. Середина октября, но промозглого холода всё еще не было, и зимой пока не пахло. Просеменила старушка в черном платке. «Эх, писем от матери давно не было, неизвестно, как она там», — подумал Игнат и размечтался о поездке хоть на пару деньков в маленький городишко в Рязанской губернии. Там на улицах пасутся козы, по весне ребятя

разводит у речки огромный костер и до ночи рассказывает вокруг него страшные истории. Всё кануло в прошлое... Как в четырнадцатом году забрили его в солдаты, так и покатилась скитальческая жизнь: вначале германский фронт, потом Красная Армия да бои с белополяками. А уж после ранения оставили тут, в каменном чреве столицы, как испытанного бойца, преданного идеям пролетарской революции. Комнату вот дали, непривычно большую, пахнущую чужой жизнью. А своей у Игната ведь до сей поры, считай, и не было. Из своего вспоминается разве что покосившийся домик в два окна, где ждет его мать. Если ждет, если жива еще...

Он спохватился, что уже дошел до барака и стоит перед воротами, подумал, не дернуть ли изогнутую проволоку, к которой был приделан звонок — медный колокольчик. Передумал и достал ключ. Замок открылся почти бесшумно. Стараясь ступать потише, Игнат прокрался к дому, поднялся на крыльцо. Никто не заметил его прихода, красноармейцы куда-то подевались, наверное, опять в караулке в карты режутся. Вояки, ядрена кочерыжка! Ладно, с ними он разберется потом.

Игнат тихо прошел по коридору. Было слышно лишь вялое щелканье печатной машинки, это Зина, изображая служебное рвение, всё наводила порядок в их с Богоробовым безграмотной писанине. Он отомкнул замок на двери кабинета и остолбенел — за своим столом, скособочившись на стуле и уставившись стеклянным взглядом в потолок, сидел его начальник товарищ Богоробов. Из аккуратной круглой дырочки в виске медленно вытекала кажущаяся в тусклом свете черной струйка крови.

— Господи, пресвятой Иисусе... Господи пресвятой... — Игнат застыл в дверях, не осознавая, что шепотом взывает к тому, кого давным-давно отринул и забыл. — Да что же это? Да как же?

Где-то раздались звуки шагов, и он мгновенно шмыгнул в кабинет, притворив за собой дверь. Не дай бог увидят, не приведи господи... Никто не должен ничего знать, никто... пока. Пока он сам не поймет, что произошло, что тут случилось.

Игнат шумно выдохнул и заставил себя подойти к Богоробову. Проверять, жив он или нет, смысла не было — Игнат на своем веку успел всяких ран повидать и знал, что после такого выстрела в живых не остаются. Он едва не наступил на маузер, валявшийся на полу под свешивающейся рукой мертвеца. Если бы Игнату еще вчера сказали, что Павел Богоробов может пустить себе пулю в висок, он бы долго хохотал над идиотской шуткой. Не мог, никак не мог товарищ комендант добровольно расстаться с этим миром, где он из никого стал почти всем, где у него было светлое будущее и хорошо устроенное под боком у сдобной вдовушки Натальи настоящее.

Но факт вот он, налицо: закрытый изнутри кабинет, труп с дырой в голове, выпавшее из мертвых пальцев оружие. Стоп, а почему Игнат так уверен, что дверь была заперта именно изнутри?

Усевшись за свой стол и опустив голову, чтобы не видеть застывшее лицо Богоробова, Игнат сосредоточился и представил возможные варианты произошедшего. Пока без объяснений, просто ход событий. Первый — Богоробов запирает дверь, садится на стул, достает из кобуры маузер, приставляет его к виску... выстрел. Второй — кто-то разговаривает с Богоробовым, рассматривает его маузер и внезапно стреляет в него. Нет, не так, начальник пункта номер пять никогда бы никому не доверил свое оружие. Значит, кто-то неожиданно достает свой револьвер, стреляет в голову Богоробова, потом достает из его кобуры маузер, бросает на пол. И уходит, заперев за собой дверь.

Игнат осторожно поднял маузер и понюхал ствол. Запах пороха явно чувствовался, стреляли недавно. Хотя это мало что значит: Богоробов пострелять любил, палил при любой возможности — практиковался.

Узнать, какой из вариантов верный, довольно просто — нужно найти ключ. Их было всего два: один у Игната, второй — у Богоробова. Больше никто в кабинет входить не смел.

Обыскивать мертвеца было неприятно. Тело было еще теплым, и казалось, что Игнат собрался обворовать спящего

коменданта. В кармане галифе обнаружилась тяжелая связка из полудюжины ключей: от ворот, от подвала, от оружейной... А вот и от кабинета — длинный, с затейливой бородкой. Игнат сравнил со своим, точно — он. Получается, что Богоробов все-таки сам...

Из форточки потянуло сквозняком. А ведь утром он ее закрыл... Окно! Игнат подошел и толкнул раму. Разбухшая от влаги, она подалась с трудом. Черт побери, окно-то не заперто! Он машинально захлопнул створку, повернул защелку и уселся на подоконник, прижавшись лбом к холодному стеклу. Теперь ключ не имел значения, Богоробова кто-то мог убить и после этого выбраться в окно. Конечно, убийца рисковал быть замеченным, но красноармейцев в это время во дворе не было, Игнат сам в этом убедился. Конечно, окно могло оставаться открытым и со вчерашнего дня, утром он его не проверял, просто закрыл форточку.

Интересно, сколько времени прошло с момента выстрела? Когда Игнат заглянул в кабинет, кровь еще текла... Скорее всего, несколько минут, не больше.

Звука выстрела он не слышал. А если кто-то и слышал, то внимания наверняка не обратил, мало ли вокруг шума и стука, да и стреляют иногда. Тот же Богоробов из окна по надоедливо орущим воронам.

Но что теперь делать? Одно дело, если комендант не явился утром на службу и пропал, просто пропал, исчез. И совсем другое — убийство или самоубийство. Это может закончиться очень плохо... Время сейчас суровое, особо разбираться не станут. Утрата революционной бдительности, скрытый враг в рядах, измена. И никакие сыщики не станут распутывать произошедшее, да и где они, эти сыщики? Господи... Игнат криво усмехнулся, опять поймав себя на поминании несуществующего бога. Нет его, а всё равно в мысли лезет, сказка поповская. Наверное, оттого, что он не знает, как ему быть дальше. И спросить не у кого.

Но ведь нужно что-то предпринять, не будет же мертвый Богоробов сидеть тут до бесконечности. Игнату вдруг

захотелось с силой стукнуться головой обо что-нибудь твердое и холодное, чтобы мысли встали на место. Но он только с силой потряс головой и приказал себе прекратить панику.

Итак, если решат, что это самоубийство, то Богоробова объявят предателем, оставившим пост в самое тяжелое время. А в такое время нужно стиснуть зубы и служить святому делу революции, а не стреляться, словно истеричный гимназист.

Если же сочтут убийством, то... домысливать весь кошмар, который начнется вслед за этим, Игнату совершенно не хотелось. Тут одним разносом от Кривцова и разбирательством в районной ЧК не обойдется, тут уже приговора тройки не миновать, будь ты трижды невиновен.

А ведь если бы тело Богоробова не нашли... Игнат окончательно запутался в собственных мыслях. Если бы было время на то, чтобы узнать правду, он бы постарался, он бы все силы приложил. Но времени не будет, потому что мертвый комендант — вот он. И нужно или сообщать руководству, или... или сделать так, чтобы трупа не стало.

Игнат соскочил с подоконника, вышел и запер за собой дверь на ключ.

Если он уничтожит мертвое тело, то получит пусть небольшой, но шанс. А способ уничтожить есть...

Цок-цок-цок, мерно издаваемое «Ундервудом», оборвалось, когда он вошел в закуток машбарышни.

— Зина, немедленно собери всех, кто сейчас тут. Охранников, конвой, всех!

— Где собрать, у вас в кабинете? — Она привычно вздрогнула и поднялась, тощенькая, блеклая, словно речная стрекоза.

— Нет! — Игнат спохватился, что голос его прозвучал слишком громко. — Прямо тут, и побыстрее. Харитоненко в подвале, не забудь.

— Хорошо, — она не посмела пожать плечами, вышла.

Собрались довольно скоро, всё же армейская выправка еще сохранялась. Когда последним вошел Свиридов

и зорко оглядел едва разместившихся в крохотном помещении красноармейцев, Игнат спросил:

— Все?

— Так точно, все! Десять человек.

— Товарищ Богоробов так и не появлялся? — Игнат постарался, чтобы вопрос прозвучал почти равнодушно.

— Никак нет! — Конопатый демонстрировал подозрительное чинопочитание и полное неведение.

Остальные же кто молча пожал плечами, кто отрицательно помотал головой. И так, Богоробова никто сегодня не видел. Что, вообще-то странно, если учитывать, что он появлялся не только рано утром, но и днем. Но это и хорошо, план может сработать.

— Ну ладно. — Игнат помолчал. — А скажи-ка мне, товарищ Свиридов, политагитацию и чтение газеты «Правда» ты регулярно проводишь?

— Как положено, два раза в неделю, товарищ Пировов, — конопатый смотрел преданно и пытался сообразить, к чему Игнат клонит.

— Так почему же у тебя бойцы про то, что вошь — разносчик тифа, не знают? А если знают, то почему ты к тем, кто на посту стоит и от этих самых вшей чешется, мер не принимаешь? — Игнат хмуро посмотрел на усача, которого днем посылал на розыски Свиридова. Тот втянул голову в плечи и отвел глаза.

Командир охраны побагровел и не нашелся, что сказать.

— В общем, — продолжал Игнат, — весь наличный состав сегодня же отвести в баню на помывку и выведение вшей. Немедленно! А до вашего возвращения я тут подежурю.

— Так вроде с прошлой бани недели не прошло, товарищ Пировов... — удивился Харитоненко.

— Отставить разговоры и исполнять приказ! — оборвал его Игнат. — Мы, бойцы революции, не должны плодить зловредных насекомых! Вшивый красноармеец-чекист — это позор! Свиридов, лично отвечаешь за то, чтобы все сегодня же прошли санитарную обработку. И машбарышня тоже. Талоны на помывку имеются?

— Так точно, имеются!

— Отправляйтесь!

Вот так с ними и надо. Полчаса до бани, полчаса из бани. Не меньше двух часов он пробудет в бараке один. Этого вполне хватит.

Когда затихли последние шаги и грохнули ворота, он подождал для верности несколько минут и вернулся в кабинет. Повертел еще раз в руках маузер, сунул его в кобуру коменданта. Застегнул.

— Извини, товарищ Богоробов, но иначе нельзя, — зачем-то бормотал он, выволакивая в коридор тело начальника.

Тащить было тяжело, мертвые всегда кажутся тяжелее живых. К тому же Игнат привык носить трупы с кем-нибудь вдвоем — один за ноги, второй за руки. А тут помочь некому.

На лестнице пришлось взвалить мертвеца на плечо. Ничего, вниз — не вверх. Вот и спустились. Он аккуратно, стараясь не запачкаться в крови, опустил ношу на пол и открыл дверь.

В распылитель мертвого Богоробова пришлось усаживать, подбирая то ногу, то руку. А Игнату нужно было, чтобы он уместился весь. Пухольский специально предупреждал, чтобы ничего не торчало за пределы черного круга.

Наконец получилось.

Мертвец теперь сидел, прислоненный к металлическому щитку. Голова опущена на согнутые колени, словно устал человек и уснул. Выходная пулевая рана на затылке почти не заметна, хотя она больше, чем на виске. Но густые темные волосы слиплись от крови и засохли, так что если не присматриваться...

— Еще раз прости, товарищ Богоробов, — снова забормотал Игнат. — Но тебе уже всё равно, а нам дальше жить. И не дело, если узнают, что ты проявил такую несознательность и слабодушие. Я, конечно, не знаю, не в курсе, что и как было, но если ты и не сам, то всё равно проявил легкомыслие, позволив убить себя. — Тут Игнат окончательно смешался. — В общем, прощай, боевой друг Паша, Павел Андреевич! Покойся с миром.

С этими словами он шагнул к столу, тиснул пальцем красную пипочку и на мгновение закрыл глаза.

Потом открыл и уставился на опустевший распылитель. Никаких следов мертвеца!

Игнат перевел дух и вытер со лба испарину. Может быть, он поступил как трус, даже наверняка так и есть. Теперь, когда никто не может увидеть Богоробова с простреленным виском и стеклянными глазами, он мог себе в этом признаться. Он ведь испугался, очень испугался, маленький винтик революции Игнат Пирогов. Почти бессознательный винтик, который в любой момент могут выкинуть из огромной железной машины и заменить другим. Никому не интересны ни мысли, ни чувства крохотной детальки, она должна быть полезной и не вызывать сомнений, больше ничего. Почему-то вспомнился ночной кошмар, и стало зябко. Да еще где-то тут носятся в воздухе молекулы, невидимые частички, бывшие когда-то Павлом Богоробовым, хромоногим комендантом пункта номер пять... От этой мысли Игнат невольно задержал дыхание. Стало совсем мутно.

Так, хватит маяться дурью и проявлять слабость, нужно действовать!

Внимательно глядяваясь в пол, Игнат прошел путем, которым недавно тащил труп. В одном месте обнаружил капли крови и сбегал за тряпкой, вытер. Дошел до кабинета, где тоже пришлось оттирать с пола и металлического шкафа бурые пятна и потеки. Вот он, сон в руку, чтоб его...

Прихватив испачканную кровью тряпицу, Игнат вышел во двор, прополоскал ее у водоразборной колонки. Посомневавшись, спрятал от греха подальше под грудой полусгнивших досок, громоздившуюся за домом. Потом бесцельно слонялся, то присаживаясь на какой-нибудь чурбачок, то проверяя запоры на воротах, то выдирая засохшую лебеду у крыльца. Время тянулось, словно резиновое, и постоянно казалось, что откуда-то за ним наблюдают чужие настороженные глаза.

Красноармейцы вернулись из бани уже в глубоких сумерках. Свиридов доложил, что машбарышня тоже помылась и отправилась домой. Как будто это кого-то интересовало!

К тому времени Игнат настолько истомился, что хотел только одного: поесть и завалиться спать. Можно и не есть, просто уткнуться носом в подушку, закрыть глаза и мысленно отрезать минувший день от будущего.

Но кроме его желаний была еще и необходимость — Игнат ясно понимал, что этой ночью он не должен оставлять барак без присмотра. Нехорошее подозрение, которое вызвал у него Свиридов, странные появления-исчезновения Богоробова и его смерть, — всё сплелось в слишком опасный клубок. И даже если всё обстоит не так плохо, как ему кажется, всё равно уйти — значит потерять контроль над событиями. Он решил остаться и подежурить, тем более что раньше они с Богоробовым делали это довольно часто, это уже потом, когда появился распылитель, перестали.

Но сегодня предстояло еще навестить Наталью — обещал.

Наталья, скорбно поджав губы, выслушала сообщение о том, что Богоробов исчез и Нюрка Маслова к этому непричастна. Недоверчиво покачала головой. Но ужином Игната накормила и даже рюмочку имбирной предложила. От рюмочки он отказался, с водки он всегда засыпал совершенно беспробудно, что сегодня было бы некстати. Тогда хозяйка выпила сама и приготовилась плакать. Слез Игнат вытерпеть не мог и сбежал, едва дожевывая расстегав с рыбой.

Темнота, запах отбросов и кошачье мяуканье провожали его до самого барака. Свиридов удивился возвращению Игната, но спрашивать ничего не стал, впустил. Продавленный диван в конце коридора, где уже приходилось проводить ночи, вернее, часть ночи до того, как позовут к воротам встречать привезенных буржуев, горбился и вздыхал. Игнат принес из каптерки подушку и одеяло, бросил на него и уставился на жестяной колпак, прикрывающий лампу. Погасить свет не решился.

Снял ремни с кобурой, подумав, вытащил наган и сунул под подушку. Лег. Почему-то казалось, что если он притворится спящим, то невидимый враг вылезет из своего логова, обнаружит себя и можно будет сразиться с ним в открытую. От спинки дивана пахло чужим потом, в глазах плыли

серые тени, и ощущение сиротства и собственной незначительности было почти осязаемым. Игнат натянул колючее одеяло на лицо и затаился.

По коридору прогрохотали кованые сапоги, это Харитоненко покинул свой подвал, отправился подремать. И как он может столько времени проводить в подземелье? А ведь вроде и нравится ему... Гулко бухнула дверь. Больше никто не ходил — в помещения, где спали конвойные и красноармейцы, со двора вела отдельная дверь. И почему до сих пор их зовут конвойными, если их работа — всего лишь довести контрреволюционный элемент, привезенный ребятами из районки, со двора в подвал? Хотя и это — тоже конвоирование. Особенно тяжело бывает с нервными дамочками, которые так и норовят в обморок упасть. Игнат вспомнил одну такую, жену бывшего банкира, вот уж пришлось помучиться, никак вниз спустаться не желала, выла, царапалась. Игнат перевернулся на другой бок и постарался забыть о нервной банкирше, потому что уже если начнешь всё вспоминать, то непременно какая-нибудь гадость приснится.

Свет лампы, даже такой тусклой, мешал, лез под веки. Барак питался электричеством не от городских электросетей, которые оживали всего на несколько часов в день, да и то, казалось, по чистой случайности, а от «динами», установленной в одном из закутков подвала. Как работает «динама», Игнат представлял смутно, за ней присматривал один из красноармейцев, обученный хитрым электрическим делам и еженедельно напоминавший Богоробову, что пора добывать у начальства мазут для прожорливого агрегата. Так что без света «пункт номер пять» не оставался никогда.

Если бы не этот свет, сколько бы теней вылезло из углов, чтобы протянуть свои призрачные серые руки к горлу Игната, сколько шуршащих слов лезло бы в уши, напоминающая о тех, кто навсегда сгинул тут. Они бы его не пощадили, дышали бы в затылок, обжигая ледяным смертельным холодом. И не стали бы слушать его оправданий, жалких слов о том, что революция в опасности и так нужно... так нужно, так приказали, так должно быть.

Но пока горит лампа под жестяным колпаком, он защищен, он недосыгаем, и завтра нужно непременно проверить, достаточен ли запас мазута, и вообще, нужно проверить всё, ведь теперь ему тут отвечать. Пока. Пока что? Пока не изменится ситуация, пока не придет новый комендант и не снимет с Игната эти заботы. Снова мелькнула тень, раздался скрип половиц. Сквозь ресницы он увидел темную фигуру, знакомой хромающей походкой приблизившуюся к двери кабинета. Фигура подергала дверь, пошарила по карманам, пожалала плечами и, повернув назад, исчезла из виду. Игнат несколько минут ошалело глядел вслед, затем вскочил и бросился к двери, за которой скрылся призрак, запутался в одеяле и едва не упал. И тут раздался негромкий хлопок.

Когда он вбежал в оставленную открытой дверь, Богоробов сидел за столом машбарышни и, склонив голову набок, казалось, рассматривал сверкающий черными боками «Ундервуд». Из простреленного виска медленно капала ему на плечо кровь. Игнат тихо взвыл и впился зубами в собственную ладонь.

Всё остальное превратилось в череду быстрых, почти молниеносных действий. Он выдернул кусок синего сукна, подложенный под пишущую машинку, обмотал им голову коменданта, чтобы не напачкать кровью, поднял и сунул ему в кобуру злополучный маузер. Потом взвалил мертвеца на плечо и почти бегом потащил в подвал. Как он не свалился с лестницы, когда неся с такой ношей вниз, непонятно.

На этот раз он нажал на красную кнопку распылителя молча. Всё уже было сказано, и если Богоробову захотелось вернуться, чтобы снова напугать Игната, значит, он этих слов не совсем достоин. А ведь были почти друзьями...

Распылитель опустел как всегда — мгновенно и беззвучно.

Пошатавываясь и шепча ругательства, Игнат прикрыл дверь и вернулся на диван. Долго сидел, обхватив голову руками и пытаясь понять, что же произошло. Но мыслей, которые не казались бы чудовищными и нелепыми, просто не находилось. Господи, за что ему всё это? За что? И ведь

понятно было, если бы вернулись убиенные, которым есть за что мстить. Но Богоробов... Какого черта?!

Внезапно в голову пришло простое понимание: он сейчас спит! Спит и видит сон. И вовсе не сидит на диване, а лежит и, утратив бдительность, участвует в очередном кошмаре. Не было никакого возвращения Богоробова, не могло быть! Игнат тряхнул головой и ущипнул себя за руку. Больно! Или боль тоже может сниться? Пока он размышлял над этим, из-за угла подвальной лестницы появился комендант.

Шел он медленно и устало. Бледное лицо, сжатые губы, в руках — синяя тряпка, словно знамя поверженной армии. Игнат, оцепенев, смотрел на приближающегося Богоробова и точно знал — это сон. И то, что волосы на затылке начинают шевелиться — тоже сон.

Когда комендант, приволакивая ногу, подошел и молча уселся рядом, Игнат почувствовал, как просели под ним пружины дивана. Хотелось вскочить и бежать, неважно куда, только подальше, чтобы не было рядом того, что было когда-то чекистом Богоробовым, комендантом пункта номер пять.

— Ты дурак, Пирогов, — тусклым голосом произнес призрак. — Ты зачем меня дважды туда отправлял?

— Куда? — машинально переспросил Игнат, думая совершенно о другом.

— А туда! — внезапно взревел сидящий рядом и, ухватив Игната за гимнастерку на груди, развернул его к себе и затряс. — Туда, где все они теперь! Туда, где нам с тобой места нет и не будет никогда! Я умереть хочу, слышишь, ты, паскуда! Потому что никому там не нужны ни мы, ни наша с тобой революция, и то, чему мы жизни отдаем, для них там — пшик!!! Понял?!

— Не понял, — растерялся Игнат и только тут сообразил, что разговаривает с привидением, словно с живым человеком. Да и разве может призрачная нежить так вытряхивать душу, орать и пахнуть ваксой и потом? — Там, это где? В раю? — всё же решил он уточнить.

— В раю, мать твою так! — Богоробов так же внезапно отпустил его и энергично закивал. — Это ты правильно сказал,

Пирогов, — в рай. И в этот рай всю эту контрреволюционную сволочь я отправлял своими руками! Вот этими! — Он сунул Игнату под нос довольно грязные ладони с облезавшей на месте старых мозолей кожей. — Понял теперь?!

Игнат с тоской посмотрел на руки Богорова, перевел взгляд на его правый висок. Никаких следов выстрелов, никаких ран. Щипать себя он больше не стал — даже если ему всё это снится, даже если ничего этого на самом деле нет, всё равно нужно хотя бы попробовать разобраться. Говорят, что иногда мертвые приходят во сне и сообщают, кто их убил. Игнат поморщился и попросил:

— Богоров, ты можешь рассказать, что произошло, а потом уже требовать, чтобы я тебя понял?

Комендант глянул сумрачно и вздохнул. Потом пожал плечами и принялся свистеть. Свистел фальшиво и неприятно, но Игнат его не трогал, было видно, что начальник размышляет.

— Эх, Пирогов, — наконец произнес он, — лучше бы тебе этого не знать. Свою большевистскую жизнь я, считай, сам по дурусти загубил, а тебе бы еще пожить. Хоть так. Ты ж молодой еще.

— Да и ты вроде не старый, — возразил Игнат. — Ну, сколько тебе? Тридцать пять? Сорок?

— Сорок два, — комендант отвернулся. — Я ж за эти годы ничего светлого и не видел, кроме революции, я ж за ее идеалы готов был и жилы рвать, и кровь проливать. Нужно было убивать — убивал, сказали бы: сам умри — умер бы, только чтобы... Да что теперь говорить! Всё зря оказалось, всё не так, а значит, жить мне теперь незачем, Пирогов. Ты пойми!

Богоров опять тоскливо замолчал и уставился в дощатый облупленный пол. Игнат озадаченно соображал, как относиться к откровениям явившегося ему мертвого коменданта. Выходит, кроме власти и баб, был в жизни Богорова высокий и суровый смысл, которому он и служил, как мог. В этом Игнат его понимал очень хорошо. Хотя сам не был уверен, что, потеряв этот смысл, с такой же отчаянной решительностью приставил бы дуло к виску. Вот так

вот, живешь, трудишься бок о бок с человеком, а понять его пытаешься только когда помрет.

— Ты чего молчишь? — буркнул наконец комендант.

Где-то за забором забрехала собака, слышно было, как со двора прикрикнул на нее часовой. Время было самое глухое, около полуночи.

— Думаю я, — пожал плечами Игнат. — Ты прости меня, товарищ Богоробов, но с покойниками мне разговаривать раньше не приходилось, вот и теряюсь.

— А ты думаешь, я — покойник? — нехорошо ухмыльнулся начальник. — Ошибаешься, Пирогов. Я уже дважды помер, и оба раза твоими стараниями воскрес, аки птица Феникс. Неужто еще не дошло до тебя? Ну, не веришь, так пощупай, похож я на мертвеца или нет.

Игнат нерешительно прикоснулся к предплечью Богоробова. Сквозь грубую ткань гимнастерки чувствовалось тепло живого тела, бугрились мышцы. Но тогда как же, ведь он сам дважды волок в подвал остывающий труп? Или второй раз был сон, и сейчас сон? Игнат снова пожал плечами.

— Не веришь? Тогда слушай.

Комендант вздохнул, потянулся, хрустнув суставами, и уронил руки на колени, ссутулившись, словно старик.

Из его рассказа выходило следующее. Уже некоторое время Богоробов положил глаз на тощую и бледную машбарышню. Поднадоели ему пышные и жаркие формы булочницы, вот и потянуло на худобу, разнообразия захотелось. Но Зина оказалась твердым орешком — как ни обхаживал ее комендант, машбарышня избегала его с буржуйской увертливостью. Особо распускать руки и действовать напролом днем мешало присутствие Игната, частые приезды Кривцова и хождение туда-сюда красноармейцев из охраны — Богоробову не хотелось, чтобы слухи о его намерениях дошли до ревнивой Натальи. Вот он и сообразил, что самое удобное для соблазнения машбарышни время — раннее утро. Как ни странно, Зина особо не удивилась и не возражала, когда накануне начальник велел ей прийти на службу пораньше якобы для печатания каких-то важных бумаг.

Когда Богоробов пришел, она уже сидела за своим «Ундервудом» и проверяла на свет копировальную бумагу. Потоптавшись за ее спиной, комендант сбегал в кабинет, где в укромном уголке шкафа лежали припасенный для таких целей шелковый платочек и флакон духов. Увидев презенты и поняв намерения коменданта, Зина очень правдоподобно застеснялась и сама предложила ему получше укрыться от чужих глаз. А единственным местом для этого мог служить подвал, а в подвале — помещение, где стоял распылитель, остальные два занимали арестованный контрреволюционный элемент и воняющая мазутом «динама». Утративший от радости бдительность, начальник немедленно согласился.

— А как же вы смогли мимо Харитоненко пройти? — удивился Игнат.

— Так со двора в подвал еще один вход есть, — пояснил Богоробов. — Который всегда заперт. Но ключ-то у меня имелся. Так что никто нас не видел.

Точно, были со двора ступени к подвальной двери, Игнат и забыл о ней. Когда распылитель привезли, втаскивали через нее. К чему-то этот вход был нужен прежним хозяевам барака, видимо, дрова и уголь через него носили.

Спустившись вниз и увидев распылитель, Зина принялась расспрашивать Богоробова о его назначении. Жаждавший любовных утех, тот отвечал скороговоркой, одной рукой уже обнимая девушку за талию. Зиночка же пожимала плечиками и изображала полное непонимание. И тогда для наглядности комендант решил показать, как именно глупые буржуи встают на черный кружок. И показал!

Только когда комендант обернулся и увидел, как тоненький пальчик с быстротой молнии лег на красную пипочку, только тут Богоробов спохватился, перед кем перья распускал. Зина ведь была одной из них, тех, кого тоже надо было! И кого-то там у нее совсем недавно в расход пустили! Кого и где, комендант вспомнить уже не успел, дернулось было, но тут потемнело, зашуршало, и разом исчезли и Зина, и подвал. На мгновение мелькнули серебряные искры и сменились теплым солнечным светом.

Игнат слушал озадаченно. Подобного легкомыслия от Богоробова он никак не ожидал. Чтобы из-за какой-то тощей поганки... И почему-то он уже не сомневался что Зина не просто так уговорила Богоробова спуститься в подвал, и прикинулась непонимающей тоже не просто так. Всё ради того, чтобы заставить коменданта встать в распылитель. Вот она, буржуйская сущность. Подлая коварная тварь!

— В общем, подвал исчез. И Зинка исчезла. И знаешь, кого я увидел вместо нее? — после паузы медленно произнес Богоробов.

— Кого? — рассеянно переспросил Игнат, отвлекшийся на размышления о гнусной ловушке, организованной товарищу Богоробову контрреволюционной машбарышней.

— Да Пухольского же! Того самого, черт его раздери! Я вдруг вместо подвала оказался на какой-то поляне с цветочками. Вроде парка, между деревьев люди гуляют, ребята бегают.

Но людей Богоробов разглядел позже, потому что прямо перед собой увидел сидящего на травке бывшего студента Сигизмунда Яновича Пухольского. Одет тот был странно — в перламутрово-серый костюм с круглой синей картинкой на груди. Увидев Богоробова, появившегося прямо перед ним, Пухольский переменялся в лице и вроде даже чем-то подавился. Комендант тоже растерялся, но скорее оттого, что не мог понять, где это он оказался, вместо того, чтобы разлететься на мелкие частицы и стать пустым местом. Потом в голову ему пришла самая подходящая мысль, и он тихо, почти шепотом спросил Пухольского:

— Слышь, товарищ, это ад или рай?

Бывший студент прокашлялся и неопределенно пожал плечами.

— Тут чистилище?! — дошло до коменданта.

— Можно сказать и так, — вздохнул Пухольский и помахал кому-то.

Двое спешивших к нему парней в таких же серых, как у него, одеждах остановились и принялись наблюдать.

— Срочно переключите принимающую станцию на десятку! — подумав, крикнул им Пухольский, и те исчезли за деревьями.

— Так. А ты, стало быть, святой Петр? — Богоробов сообразил, что терять ему уже абсолютно нечего, и осмелел.

— Что-то вроде, — ничуть не смутился Пухольский. — Но вообще-то, я не понимаю, как ты тут оказался. По нашим данным ты должен дожить до семидесяти четырех лет и скончаться в собственной постели от пневмонии в одна тысяча девятьсот пятидесятом году. Так что произошло?

Пухольский озадаченно почесал в затылке и встал. Богоробов молчал, разинув рот.

— В каком... году?! — наконец выдавил он, с усилием сводя челюсти.

— В одна тысяча девятьсот пятидесятом, — повторил Пухольский и снова спросил: — Ну, так что произошло там у вас, что тебя в распыл отправили?

И Богоробову пришлось рассказать всё: и про свои поползновения в отношении машбарышни, и про Зинину коварную подлость. Пухольский слушал, не перебивая, а когда тот замолчал, достал из кармана синюю коробочку, моментально развернувшуюся у него в руках в довольно большую планшетку, типа штабной. Что уж он делал с этой планшеткой, Богоробов не видел, да и не смотрел особо, потому что внимание его привлекла парочка, продефилировавшая неподалеку. Девушка была ему незнакома, а вот молодой статный брюнет...

В памяти всплыла ночь, когда они только наладили распылитель и отправляли в него привезенных, не дожидаясь утра. А фамилия брюнета была... нет, не вспомнить. Но левый эсер — точно!

А это могло означать... Что это могло означать, Богоробов сформулировать не мог. Вернее, мог, но уж больно страшно звучали слова «контрреволюционный заговор».

— Эй, студент! — негромко окликнул комендант Пухольского. Тот отмахнулся, продолжая тыкать пальцем в планшетку и что-то рассматривать на ней. — Раз уж я тебе всё, как на духу, то, может, и ты мне объяснишь, что

происходит? Откуда ты знаешь, когда я должен помереть, зачем ты нам свою аппаратуру вместо верных трехлинейек подсунул, зачем бывшим студентом прикидывался?

— Ну, вообще-то, я бы лучше молча тебя обратно отправил, — задумчиво пробормотал Пухольский и поморщился. — Только ведь ты сдуру обратно в распылитель полезешь. Или к начальству с докладом побежишь. Так ведь?

Богоробов подумал и кивнул.

— Вот видишь. А это значит, что сектор пять-восемнадцать прикрыть придется. И возиться потом с корректировкой, утечку информации ликвидировать. Ужас! А нам нужно, чтобы до пятнадцатого мая следующего года всё на вашем пункте оставалось, как есть. Две с половиной тысячи человек нужно еще переправить.

— Так я и думал, — с удовлетворением произнес комендант. — Шпион ты! Контра недобитая! Смастерил машинку и рад-радехонек, что чекистов обманул и буржуев от революционного возмездия уберег.

— Не одних буржуев, — пожал плечами Пухольский. — Вон ребята с третьей станции прямо сейчас принимают людей, расстрелянных деникинцами.

— Но тогда зачем?

— Не зачем, а почему, — отрезал Пухольский. — Думаешь, светлое будущее, за которое вы так рьяно боролись, становилось светлее оттого, что сотни тысяч, миллионы людей в муках погибали? Вы истребляли друг друга во имя каких-то идеалов, а нам расхлебывать пришлось. Каждое убийство, каждая казнь, каждая сгубленная кем-то жизнь — черное пятно на ментальном поле планеты. Изувечили его, как могли. Хотя что ты понимаешь в ментальном поле... Короче, загнали вы нас в тупик.

— Кого это — вас? — злобно поинтересовался Богоробов, оглядываясь.

— Потомков! — одновременно с ним разозлился Пухольский. — Тех, кто вслед за вами приходил в мир, большой прошлой ненавистью и страданиями! А ведь еще после вашего красного террора сколько было...

— Чего было?

— Узнаешь. Позже. Изменить прошлое нельзя. Вернее, можно, но доказано — это еще больше навредит будущему. Но если нельзя избежать массовых убийств в прошлом, то тех, кто погибал, спасти можно.

— Всех? — Богоробов вспомнил порубленных белоказаками мальчишек из отряда Никольцева, расстрелянных рабочих в Самаре и задумался.

— Именно, что всех. Без классовых и идеологических различий, без разделения на жертв и палачей, всех. Так что наследство нам от вас досталось... Вы мечтали, что мы будем жить, как у Христа за пазухой, на Марсе яблони разводить и по выходным на машине времени путешествовать ко двору короля Артура. А нам пришлось практически все планетарные ресурсы употребить на спасение людей. Те же машины времени, — он махнул рукой в сторону торчащего посреди поляны распылителя. — Видел бы ты, какими наши миссионеры возвращаются из Бабьего Яра или Пёрл-Харбора... Но если мы можем это делать, то будем спасать.

Пухольский замолчал, мрачно уставившись на кустик одуванчиков у своих ног. Вдалеке звенел детский смех.

Богоробов тоже молчал. Потом глухо спросил:

— Какой тут у вас нынче год?

И услышал:

— Две тысячи четыреста шестьдесят третий.

— И коммунизма на Земле нет?

— Нет, и никогда не было. Ни на Земле, ни тут.

— А это — не Земля? — Богоробов поднял глаза к небу, в синеве которого плыли забавные барашки облаков и летала то ли большая птица, то ли аэроплан.

— Это — Альтер-Земля, — коротко ответил Пухольский. — Альтер-Земля с альтер-историей.

— Понятно, — ответил Богоробов, хотя мало что понял.

Но впервые в жизни он вдруг ощутил, что у него есть сердце. Оно вдруг заняло, словно сдавленное чужими холодными пальцами, и стало медленно падать вниз. К горлу подступила тошнота. Пухольский посмотрел на него встревоженно, но ничего не сказал. Помолчали.

— И что мне теперь делать? — наконец спросил Богоробов.

— Да то же, что и раньше. Вернешься в свое время, и всё пойдет по-прежнему.

— А если все-таки Кривцову доложу?

— А кто тебе поверит? Решат, что после контузии галлюцинациями страдаешь, — Пухольский криво улыбнулся. — Был у нас случай... Впрочем, неважно.

Раздалось тихое треньканье, наподобие телефонного звонка. Пухольский глянул на планшетку, что-то нажал на ней.

— Мне пора? — Комендант старался, чтобы его голос звучал спокойно, и не смотрел по сторонам.

— Да, пора уже. Переход уже свободен.

Богоробов, сутулясь и хромя больше обычного, пошел к распылителю, чувствуя, как внутри вместо сердца гулко бухает пустота.

— И не дури там, — в голосе Пухольского не чувствовалось уверенности. — Тебе жить положено, товарищ Богоробов!

Но когда комендант встал на черный кружок и закрыл глаза, то понял, что жить ему оказалось абсолютно незачем. Захотелось разлететься на эти самые молекулы, исчезнуть, только чтобы не знать того, что узнал.

Подвал встретил его гулкой тишиной. На столе белел лист с исчерканным карандашом списком, значит, уже отправили сегодня очередную партию контры... Богоробов равнодушно пожал плечами и прямо из подвала вышел во двор, дверь была только притворена. Посидел в кустах, тупо рассматривая осыпающиеся жухлые листья. Не хотелось, чтобы его нашли тут, как бездомную собаку. Поэтому прошел в кабинет и достал верный маузер.

— Больно было? — зачем-то спросил Игнат.

— Ударило сильно. — Богоробов подумал. — А боли почти не было. Но я сразу же опять там оказался. Не понял, как, но живой. Там, кроме Пухольского в этот раз еще двое было. Они мне долго объясняли, что машина сделана так, чтобы при переходе живых из мертвых восстанавливать. В течение трех дней это можно. И опять про эти молекулы,

про какую-то память ихнюю... Суетились, ругались. Я сказал, чтобы отстали, и — обратно. А тут снова ты, Пирогов. Умереть спокойно не дашь!

В третий раз у распылителя Богорова встретила уже почти толпа, человек шесть, все злые и усталые. Был поздний вечер, и разговаривать с ним долго не стали. Пухольский обозвал неврастеником и отобрал маузер. Комендант не знал, кто такой неврастеник, но обиделся. Навалилась жуткая усталость, и хотелось одного: чтобы его оставили в покое, и дали, если не умереть, то хотя бы поспать. Да еще он где-то потерял папиросы, а курить хотелось просто зверски.

— На, — Игнат достал из кармана портсигар. — Ты его в кабинете обронил.

— Ну и что мне теперь делать? — спустя несколько минут спросил Богоров.

Игнат ладонью разогнал клубы табачного дыма и пожал плечами.

— Шел бы ты домой, товарищ комендант. Наталья твоя изревелась вся, да и ты на ногах еле стоишь. Стреляться тебе всё равно стало не из чего, свой наган я тебе для этих целей не дам. Так что ступай, поспи. Утро вечера...

— Ладно, пойду я, пожалуй... — Богоров резко встал и, не глядя на Игната, зашагал по коридору.

Тот проводил его взглядом, откинулся на спинку дивана и пробормотал:

— Всё это был лишь сон, приснившийся нам обоим. И ты, товарищ Богоров, ошибаешься, если думаешь, что завтра я расскажу тебе свою половину. Мне сны вообще не снятся. Никогда.

Игнату показалось, что одна из теней в углу обрела острые черты лица Сигизмунда Яновича Пухольского и ехидно улыбнулась ему. Но вместо того, чтобы вглядываться в переменчивые игры света и темноты, Игнат поднял с пола испачканную кровью синюю тряпку и понес ее во двор, прятать под гнилые доски.

Наступало самое глухое ночное время.

До стука в ворота еще можно было поспать.

Дмитрий Володихин

Слово автора:

Ремесло писателя — не высокое искусство, а именно простая, приземленная, бытовая часть писательства — предполагает одно драгоценное право: ты можешь высказываться, и тебя будут слушать. Кого-то станут слушать пятьдесят человек, кого-то — пять тысяч человек, а кого-то — полмиллиона. Но во всех случаях писатель пребывает в диалоге с читателем. Так вот, «Модель для сборки» хороша прежде всего тем, что дает дополнительную возможность высказывания, притом в эфире звучит не твой корявый невнятный голос, а хорошо поставленный баритон профессионала. Такой, что у дам замирает от восторга что-то (запикано). Это же здорово!

ДЕСАНТНО- ШТУРМОВОЙ БЛЮЗ

(прочитан на радио «Пионер FM» 01.03.2012)

2128 год.

Европа, спутник Юпитера.

364-й день условного года, 202-й день солнечного года, 11-й день юпитерианского года.

Танк в условиях Внеземелья — это длинный список проблем, нерешаемых даже в теории, но тем не менее счастливо решенных сумасшедшими фанатиками-конструкторами. Например, танк на Плутоне — нечто в принципе невозможное. Следовательно, лет через двадцать его точно построят. Танк на Марсе отличается от земного собрата совсем чуть-чуть: процентов на двести. Танк на Европе представляет собой золотую середину между марсианской и плутонианской версиями. То есть он должен передвигаться по сплошному льду при температуре -100 градусов по Цельсию, стрелять, не отлетая при каждом выстреле на километр вперед или на два назад, не уноситься в результате близкослучившегося взрыва от поверхности со скоростью, обеспечивающей превращение в самостоятельное небесное тело. И это при силе тяжести, уступающей лунной...

Можно, конечно, подумать о летающем танке (его здесь называют «амфибией»). Но на Европе нет собственной атмосферы, поэтому всё хотя бы отдаленно напоминающее самолет или вертолет отпадает по определению. На антигравы у правительства просто нет денег. Остается нечто

летающее столь быстро, что способность долго и целенаправленно поддерживать огнем пехоту у него начисто атрофирована.

Значит, придется строить танк...

И это будет танк, способный устроить причудливым внешним видом даже собственный экипаж.

В гвардейской десантно-штурмовой бригаде полковника Шматова по штатному расписанию числилось 120 именно таких танков. И еще 300 единиц легкой бронетехники, 16 экспериментальных амфибий и 2288 человек личного состава. Бригада десятый час пребывала в состоянии полной боевой готовности. Над ее расположением в черном небе холодно сияло чудовищное пятнистое «солнышко» — Юпитер.

...На борту флагманского крейсера «Память Синопа» два консула Русской Европы решали уравнение с одной неизвестной величиной: объемом грядущих неприятностей. И как не крутили, объем этот, то увеличиваясь, то уменьшаясь, всё время выходил за рамки приемлемого.

Военный консул, адмирал Глеб Алексеев, настаивал на радикальном решении проблемы. Мол, драки однозначно не миновать. Второй, гражданский, консул, премьер Владислав Мартыгин, пытался найти дипломатическое решение, но тщетно. Заранее обреченная игра: какую фигуру не тронь, ход приведет лишь к ухудшению позиции.

— ...Слава, одной моей десантно-штурмовой бригады хватит, чтобы за один час — слышишь ты, за один час! — раскатать этот проклятый Центр до состояния ровного блина со сквозными отверстиями. Когда они начнут усиливаться, всё станет намного сложнее.

— Час, говоришь ты?

— Это максимум. Вероятнее всего, достаточно сорока пяти минут.

— Вот пройдет этот час, Глеб, мы порадуемся волю, а потом нас атакует весь флот Аравийской лиги. Что мы — против них? Я понимаю, у тебя отчаянные ребята, и мы продержимся несколько недель... или даже месяцев.

А потом? Глеб, ты же знаешь, у нас Рея и Европа, семьдесят четыре миллиона жителей на обоих планетоидах. Смех один. А у них — миллиард с копейками. Нас раздавят, Глеб.

— Патрон заступится.

— Допустим, Российская империя решится защищать нас всерьез. Только допустим, Глеб. Чисто теоретически. Потому что там могут решить, как им заблагорассудится. Конечно, Русская консульская республика — их детище. Но и марионетка.

— Ну-ну.

— Да, Глеб, как бы там ни было, а сейчас мы во всем зависим от патрона. Такой марионеткой, здраво рассуждая, в крайнем случае, можно и пожертвовать.

— Теоретик ты превосходный, Слава. Но я тебе как военный человек скажу, безо всяких тонкостей твоей этой космополитики: Россия — слишком сильный зверь, чтобы запросто отказаться от большого куска мяса, вроде нас. Да и не бросят нас, Слава. Против всех правил не бросят. Они же наши...

— Не перебивай ты меня. Я что сказал? Допустим, не бросят... Лига, конечно, подожмет хвост и попросит помощи у своего патрона — Женевской федерации. А это уже не зверь. Это чудовище. Истинный Левиафан.

— За нас встанут Латинский союз и Поднебесная... А китайцы женецам парку-то уже поддавали... Вчетвером сдюжим, Слава. Должны сдюжить.

Второй консул только руками развел. Никто не хочет воевать, но все к этому готовы. Полшага до бойни в масштабах всего Внеземелья, и жить хочется, как никогда. А тут третьестепенный для уровня Солнечной системы политик с восторгом излагает другому третьестепенному политику лучший способ, как запалить фитиль. Господи, до чего ж хорошо, что в Русской консульской республике военная и гражданская власть равны. Радикальные парни когда-то добивались другого. Мол, мы — горячая точка по определению...

— Глеб, ты точно хочешь положить столько народа?

— До этого дело не дойдет. Вот поугатать кое-кого стоит. Есть у нас достоинство или мы шавки с поджатыми хвостами?

— Дойдет, не дойдет... Ромашку, что ли, пытаешь? Если дойдет, тут через год будет ТНЖ в лучшем виде.

— Чего? Объясни толком.

— ТНЖ. Территория, непригодная для жизни. Уже бывало такое. У китайцев на Титане. И у женеvцев на Палладе. Вспоминаешь? А повторить — хочется?

— Ты не на предвыборном оральнике. Уймись. Что ты сам-то можешь предложить со своей космополитикой?

А предложить Мартыгин ничего не мог. Женевцы честь по чести провели в Международной Организации Фундаментальных Исследований решение строить на Европе Центр Юпитерологии. Разумеется, международный. Как удачно! Его как раз можно поставить на территории нейтрального государства... Во всяком случае, формально — нейтрального. Ведь Русская консульская республика не принадлежит к числу великих держав. А куратором Центра почему бы не назначить другое нейтральное государство. Во всяком случае, формально — нейтральное. Ведь Аравийская лига тоже не тянет на великую державу, прошли, как говорится, те времена... Патрон, конечно, сопротивлялся, как мог. Но в МОФИ у женеvцев большинство. Тут ничего не поделаешь.

Первый закон космополитики... нет, пожалуй, не первый, а нулевой, главнейший, прежде всех прочих: главная ценность во Вселенной — ТПЖ, территория, пригодная для жизни. Потому что демография вот уже целое столетие играет роль царицы наук, а космополитика при ней в роли доверенной служанки. И ослушаться обеих нельзя, дороже встанет... У ТПЖ — масса градаций. Тут освоение требует одних затрат, там — других, а во-он там никакие затраты не помогут, и территорию можно освоить лишь чисто теоретически. Такое тоже бывает. Есть разнообразные нюансы. Как выяснилось, «подогреть» планетоид гораздо дешевле, чем «охладить». С силой тяжести, превышающей земную, способны бороться лишь очень богатые инвесторы,

зато со слабой гравитацией не справится только нищий. Осваивать очень маленькое небесное тело — бросать деньги на ветер. Та же Леда или голые камушки Пояса Астероидов не нужны никому... Урезать собственное население с помощью небольшой войны, встанет, конечно, в копеечку, но не дороже получится, нет, не дороже. Рейс к Урану или к какому-нибудь, прости господи, Плутону и обратно существует как реальность только для тех, кто готов сорить средствами направо и налево. Разумные люди ограничивают свою активность максимум орбитой Сатурна...

Так вот, по всем космополитическим прикидкам, лучшей, «удобной» землицы во всей Солнечной системе, если не считать родную планету человечества, совсем немного. Луна. Марс. Спутники Юпитера. Всё занято! И на эту райскую территорию с вожделием поглядывают многие. Женевцы могут себе позволить некоторую неспешность. У них демографические законы — людоедские: весь сверхлицензионный приплод с рождения лишается надежды на гражданство. В государственной системе его нельзя ни лечить, ни учить, ни страховать, ни давать ему работу. Идентификационную карточку — и ту запрещено оформлять. А в частном секторе таких не обманывает только ленивый, потому что договор со «сверхприплодником» не признает действительным ни один суд... У Аравийской лиги положение хуже, гораздо хуже. Ребята смеют жить, как в XX веке, и скоро будут ходить по головам друг друга. Вот и суетятся.

— ...Глеб, а что у них там... на территории Центра... из военной амуниции?

— Пока — мелочь. Сто сорок единиц земной бронетехники. Слабо приспособленной, так сказать. Ракеты класса «поверхность-поверхность». Старье. Десяток шпионских спутников. И «экспериментальный полигон». Мои доклады: полигон этот похож на взлетно-посадочный терминал для больших десантных платформ, как, например, ты на свою голограмму.

— Чьи права-то мы не соблюдаем?

— Не так грубо, Слава. Из российского Генштаба сообщают следующее. По данным разведки, будет теракт. Если одного теракта не хватит, то их организуют пять, двадцать пять, сто, сколько понадобится. Статья «недружественное отношение местного населения к международному проекту»... В результате — зона отторжения радиусом триста пятьдесят километров.

— Ско-олько?

— Триста пятьдесят, Слава. Стандарт. Уже отработывалось.

— И там, конечно, в один день возникнут поселения рабочих, строителей разнообразных...

— Правильно понимаешь. А к рабочим придут жены, семьи. Почему жить рабочим без семей? Проект-то ведь долгоиграющий. Аж на девяносто девять лет. За такой срок и с таким плацдармом грех не прибрать к рукам весь планетоид. Думай, Слава. Неделя смертельного риска или век позора и самоограбления.

— Ты не на предвыборном оральнике, Глеб.

— В общем, думай. Войска в полной боевой готовности. Они там, на Земле, узнают о нашей работе, когда всё уже будет кончено.

— То есть?

— То и есть, Слава. Сигнал от нас до Земли в ближайшие дни идет около двух часов. Расстояние между планетоидами увеличивается. Сам же знаешь. Так что мои ребята даже подмести за собой успеют. Жаль, что мы с тобой никак не сговоримся. У Лиги перед многими долги имеются. Ударит кто-нибудь другой и оставит моих парней, можно сказать, без работы...

— Другой, говоришь? Другой... Было бы в самый раз. Только вот никто... эхм. Глеб... а может, другой и отыщется.

— Ты про что?

— Сейчас объясню. А пока ответь мне: есть у тебя боевой офицер, чтоб проверен был в семи огнях и семи водах?

— Комбриг Шматов. Комдив Птахин. Комдив Терещенко.

— Шматов ведь, кажется... из штурмовиков?

— Верно.

— Срочно вытаскивай его сюда. А парням своим дай приказ, пускай до времени рассупонятся. Объявляем перерыв.

— Перерыв или отбой, Слава?

— Перерыв. Это я тебе обещаю.

...У полковника Шматова по первости очи собрались в кучку.

— Это что же, Глеб Германович, к предательству подговариваете? И вы туда же, Владислав Александрович?

Однако через полчаса комбриг уже со вкусом обсуждал детали предстоящей операции.

— Как назовем мероприятие, господа консулы?

Премьер задумался.

— Знаете, полковник, есть один старинный полонез, навеянный щемящей тоской от прощания с родиной... Так, может быть, назовем всё это «Полонезом»?

— Иезуит ты, Слава. Нам требуется нечто простое, тихое и умиротворяющее. Пусть будет «Блюз», полковник.

Трое мужчин сдержанно заулыбались.

Шматов вернулся в бригаду. Ему предстояло крепко побеседовать с офицерами. Адмирал сообщил в Центр о плановых учениях в двух шагах от разделительной полосы. А премьер запросил «добро» у Москвы.

Десантно-штурмовая бригада заняла позиции в непосредственной близости от Центра. Шматов обратился к начальнику штаба:

— Господин майор, установите-ка мне связь со всем личным составом. Хочу сделать обращение.

— Мы готовы, господин полковник. Личный состав ждет.

Пребывание танка или уж тем более пехотинца в открытом поле ограничено крайне непродолжительным периодом времени. При -108 градусах (а именно столько и было снаружи) очень трудно обогреть машины и людей хотя бы сутки подряд. Да и металл начинает капризничать... Поэтому на Европе в военных людях ценили предельный лаконизм. Шматов не нарушил традиции.

Две с лишним тысячи штурмовиков, укрытых бортовой броней от вечерней прохлады по-европейски, услышали его голос:

— Боевые мои товарищи! Политика вседозволенности, проводимая нашим правительством, завела государство в... это самое. Назовем его словом «тупик». Нам нужно решительное и прямое действие. Объявляю землей свободы территорию на пятьдесят километров от моего танка во все стороны. Здесь я намерен основать суверенную Военно-Демократическую Республику Новая Европа. С пожизненным, значит, монархом во главе. Каждому из вас, если он полный осел и не согласен стать свободным человеком, я разрешаю отвалить в течение пяти минут. Позже его пристрелят. Есть желающие?

Шматов честно выждал обещанные пять минут. Желающих не нашлось.

— Теперь мы проведем выборы пожизненного монарха. В ваши бортовые компьютеры введены, значит, бланки избирательных бюллетеней по числу членов экипажа каждой машины. В каждом бюллетене три графы. Это, если вам неясно, столько у вас кандидатов. В первой графе я, полковник Шматов. Во второй — мой начштаба, майор Михайлович. Третья пустая, это будет независимый кандидат. Вставьте туда, если кому нейдет, кого хотите. Предвыборная агитация будет такая: голосуйте за меня. А сейчас майор Михайлович поагитирует.

Голос начштаба:

— Голосуйте за меня!

— Всё. Теперь, значит, давайте, голосуйте. На размышления даю пять минут. Если кто не понял, голосование тайное, под трибунал, в случае чего, никто не пойдет. Так. Слушай мою команду: время пошло!

Через полчаса в наушниках опять зазвучал поставленный командирский бас комбрига:

— Свободные люди! Значит, счетная комиссия в составе моего штаба всю работу уже проделала. Могу вас поздравить. Явка на выборы — стопроцентная. Победил я.

За меня проголосовало 2284 человека. Один человек проголосовал за майора Михайловича. Один предложил в мюнархи свою маму. Так. Сержант Лядов, хоть голосование и тайное, а после всего покажетесь дивизионному психоаналитику. Доложите ему о своем поведении. А ваш прямой начальник проверит. Один человек вставил в пустую графу словосочетание «Пошел ты!». И третьей ротой он больше командовать не будет. Вместо него комроты временно назначается лейтенант Малышко. Один человек успел за пять минут выйти во всеобщую информационную сеть, вырезать обнаженную женщину из порнографического журнала и вставить в бюллетень. Поздравляю вас, господин сержант Сам-Знаешь-Кто. Обеспечим отправку в офицерское училище. Экзамены сдавать не придется. Такие таланты не должны сохнуть без полива.

Полковник сделал паузу, откашлялся и продолжил:

— Свободные люди! Значит, теперь вот что. Я обещаю в течение сорока восьми часов дать вам новую конституцию. А пока взамен конституции будет действовать полевой устав бронетанковых и десантно-штурмовых войск. Второе, это я оповещу всё цивилизованное человечество об акте нашей независимости. Понятно, короче. Третье. Все граждане моей республики сейчас, значит, сидят в машинах своих, и если хоть один баран будет небоготов... то вы меня знаете.

Комбриг велел начштаба составить Декларацию Независимости строк на пятнадцать, чтоб посолиднее, и отправить ее правительству Русской Европы. А потом — всем правительствам великих держав. Благо для мощной армейской станции связи это была вполне решаемая задача.

Ответ пришел до странности быстро. Гражданский и военный консулы Русской Европы с негодованием осудили разнузданный космический сепаратизм. Имущество всех «сепаратистов» конфисковано правительством, банковские счета заблокированы. Бригада снята с денежного, вещевого и продуктового довольствия. Членам семей позволено выехать к мятежным родственникам на полное их

обеспечение. Конечно, никто не собирается раздувать пламя войны. Ради сохранения мира на планетоиде Русская Европа официально признает Военно-Демократическую Республику в заявленных ее монархом границах. Решать такие проблемы можно только путем переговоров... Россия и Поднебесная также признали ВДР. И тоже рекомендовали... «путем переговоров».

По международному праву согласие трех любых стран признать действительно существующей четвертую автоматически придавало ей статус государства-как-все...

— Отлично. Теперь, господин майор, выдвигайте танк... э-э-э... сержанта Лядова к самой разделительной полосе. Пускай он ездит туда-сюда в метре-двух от территории Центра. И приготовьте оператора! Чтоб снимал всё.

— Готов, господин полковник.

— Приступайте.

Это было тонкое место. Где тонко, там, глядишь, и порвется. Но комбриг хорошо изучил психологию условного противника. Горячие боевики Аравийской лиги, разумеется, не утерпели. Пули и снаряды малого калибра чуть ли не в первую же минуту обрушились на броню танка, беззвучно высекая снопы искр... Полетела во все стороны ледяная крошка.

— Снимаете?

— Сняли, господин полковник.

— Отлично! Связь с личным соста... с гражданами моей республики, немедленно! Есть? Включаем.

Теперь в голосе комбрига слышался справедливый гнев:

— Свободные люди! Против нас совершен беспрецедентный акт агрессии. Захватчик применил оружие по вашим боевым товарищам. Так ответим ударом на удар! Объявляю боевую тревогу во всем государстве. Готовность ноль!

Республике понадобилось не более четверти часа, чтобы изготавиться к тактической операции...

— Поднимите мне знамя!

— Так точно.

На мониторах во всех боевых машинах появился рисунок, двадцать минут назад созданный бригадным живописцем

Владимиром Станкунасом: двуглавый коронованный медведь с серпом и молотом в лапах. Ниже Станкунас расположил надпись: «Vivat Novaya Evropa».

— Так. Ну, поехали!

Взлетели бронеамфибии.

Вслед за ними, обгоняя транспортеры, пошли в атаку штурмовые танки. Танки русско-европейского производства...

За тяжелый танк типа «Водомерка» военный конструктор Константин Залесский получил государственную премию. Сразу после ходовых испытаний. В профиль «Водомерка» напоминает колоссальный чемодан на восьми длинных тонких лапках. Каждая такая «лапка» выбрасывает бур и закрепляется на льду наподобие штопора, который можно вытащить из бутылки только вместе с пробкой. В анфас танк фамильно похож на разъяренного богомола... только размером с дом. И он никогда не страдал от какого-либо типа отдачи. Потому что в момент открытия огня пневматика «Водомерки» выбрасывает строго вверх артиллерийский комплекс, состоящий одновременно из пускового механизма, электронного «наводчика» и зарядов. В условиях мизерной силы тяжести арткомплекс медленно-медленно добирается до верхней точки траектории полета, а потом ничуть не быстрее падает на поверхность. И всё это время арткомплекс может, не переставая, гвоздить по цели, время от времени корректируя наводку... Когда у Залесского спросили: «А как же борьба за живучесть? Ведь это — чудовищно большая цель!» — он ответил, ничуть не смутившись: «Для высокоточного оружия всё равно, что требуется поразить — письменный стол или проспект. Моя «Водомерка» борется за живучесть, уничтожая всех, кто может ей угрожать».

Действительно, танк несет около четырехсот арткомплексов.

...И сейчас по Международному Центру Юпитерологии проходил один вал огня за другим. Боевики вяло отстреливались, но куда большую надежду возлагали на убежища. Контракт — хорошо, а жизнь — лучше.

«Вот это и называется порядочная огневая поддержка, — заметил про себя Шматов, — в конце концов, что это за война такая, когда убивают твоих солдат!»

Комбриг велел прекратить бомбардировку Центра. Десант вышел из транспортеров, демонстрируя готовность к атаке. Центр нагло огрызнулся несколькими вспышками.

«Мало им».

Полковник велел повторить огневой удар.

И еще раз.

И еще.

И еще.

Больше, кажется, никто не шевелится?

Только после этого он приказал пехоте занять развалины Центра и подготовить их к уничтожению.

Пламя взрыва расцветило лед всеми цветами радуги. Необыкновенно красивое зрелище!

...Когда полковнику доложили о потерях в живой силе и технике, о пленных и трофеях, он удовлетворенно покачал головой.

— Ведь можем, когда припрет! Сорок три минуты на всё, и ни одного убитого. Глядишь, в учебники войдем... Господин майор, готовьте «отходной» текст, утвердите у меня и разошлите по тем же адресатам. Республика сворачивается.

Михайлович удовлетворенно заулыбался...

В последнем публичном выступлении перед согражданами пожизненный монарх заявил:

— Свободные люди! Наше отделение от Русской Европы оказалось исторической ошибкой. Теперь мы стремимся к мирному воссоединению. Конфронтация прошлого, значит, забыта. Если никто не против, я объявляю республику закрытой. Протесты принимаются в течение пяти минут. Время пошло.

Протестов не поступило.

— Благодарю всех за проявленную отвагу, сознательность и слаженность действий. Отменяю всё, кроме полевого устава. Правительство Русской Европы только что сообщило: сепаратизм нам прощается. Ради, значит, мира

на планетоиде, нам даже вернули гражданство, а также старые звания и должности. Бригада поставлена на довольствие. Если кто не понял, я разьясню: не-граждане государства не отвечают за деяния, совершенные ими, пока они были гражданами. Можете спать спокойно. Все, кроме сержанта Лядова...

Вручая полковнику Шматову Суворовский крест в неофициальной обстановке, премьер с некоторой иронией поинтересовался:

— Говорят, вы, комбриг, обещали выдать новую конституцию за сорок восемь часов... А если бы это действительно потребовалось?

— Не сомневайтесь, господин гражданский консул, не подвел бы.

— А... скажем, за двадцать четыре часа?

— Твердо обещать не могу. Вот если бы вы спросили меня об этом, когда я ходил еще в лейтенантах...

Татьяна Томах

Слово автора:

Можно сказать, что проект «Модель для сборки» открыл для меня аудиокниги. То есть я их пыталась слушать и раньше, — но мне не очень понравилось. Но МДС — это не просто чтение текста, а настоящий спектакль. С талантливо подобранной музыкой, с персонажами, которые говорят разными голосами: у замечательного Влада каким-то волшебным образом получается перевоплощаться из одной роли в другую буквально за секунду, не переводя дыхание.

Очень интересно и необычно слушать так свой рассказ — как будто получается совсем другая история, в чем-то знакомая, в чем-то — новая. Вообще метаморфозы текста от его задумки до воплощения — сначала в набросках; потом в черновиках, распечатках на принтере, исчерканных исправлениями; потом — в книге, журнале, аудиокниге, экранизации — это как превращение в бабочку из невзрачной и с виду мертвой куколки. Разница в том, что у текста может быть несколько превращений, несколько жизней. МДС — это еще одна жизнь, еще одна бабочка, очень яркая и красивая, и, мне кажется, долгоживущая. За эту новую жизнь огромное спасибо МДС!

ВРЕМЯ ЧЕЛОВЕКА

(выложен в подкасты SamsungApps в 2012)

Взметнулся огненно-алый фейерверк, заслонил небо и рухнул вниз. Ветер кинулся в ноги соскучившимся псом, толкнулся в колени, услужливо подровнял на аллее ковер из разноцветных листьев.

Инна медленно и осторожно шла по этому праздничному ковру, не отрывая взгляда от фигурки на дальней скамейке. Мокрые листья скользили под подошвами, расплзлась зыбкая дорога из цветных пятен. Призрачная тропа над черной пропастью. Один неверный шаг — и всё рассыплется, разлетится бумажными обрывками. Как пазл, небрежно собранный ветром: огненная дорога, Инна, небо, тонкие скелеты деревьев, скамейка в конце аллеи... И сломается фигурка на скамейке, теряя человеческие очертания...

Горло сжималось от страха, холод расплзался от кончиков пальцев по всему телу юркими змеями.

Инна шла.

— Привет, — сказал он.

Махнул рукой — быстро метнулись ловкие пальцы, ухватили из воздуха кленовый резной лист — ярко-желтый, с изумрудными прожилками.

— Привет, — ответила Инна, принимая подарок.

Рука снова взлетела навстречу ветру. Из кончиков пальцев вырвались на волю длинные черные когти, вонзились в добычу. Оранжевый лист с алыми кончиками, будто обмакнутый в кровь, возник перед Инной. Она замешкалась, коготь легонько царапнул по ее руке.

— Боишься?

— Я? Не... нет.

— Боишься.

В голосе, привычном и родном, ей почудилось удовольствие. Странного, незнакомого оттенка. Как рычание зверя над обглоданной костью. Не голодное, яростное, а сытое, хозяйское.

Инна разозлилась.

— Не боюсь.

Глубоко и спокойно вздохнула — почему-то казалось, он прислушивается обострившимся звериным слухом. Ловит ритм ее дыхания, биение пульса. Выслеживает ее страх.

Глупости. Зачем ему?.. Инна вспомнила, как он ждал ее возле дома. Робко, не поднимая глаз, дарил цветы. Маленькие букетики, нарванные с клумб, изредка — покупные розы с нежными тугими лепестками... Стебли были теплыми от его рук, в волнении сжимавших цветы; иногда жар ожидания оказывался так горяч и долог, что цветы не выдерживали, гнулись в пальцах восковыми свечами...

— Почему мне тебя бояться, Сережа?

Она заставила себя посмотреть ему в лицо. И подумала — хорошо, что он не встретил меня в облике. Так бы я не разглядела сразу, что он изменился.

И когда его уши потянулись вверх, вывернулись остроконечными мохнатыми раковинами, и дрогнули ладони, меняя очертания, Инна уже почти не удивилась. Только спросила:

— Волк?

— Лисица, — почему-то обиженно ответил он.

— Тоже хорошо.

— Что значит — тоже? — Его лицо тоже начало меняться, в глазах замерцал желтый текучий огонь.

— Просто хорошо, — торопливо поправилась Инна.

Он, должно быть, увидел что-то в ее взгляде, остановил изменение. Лицо напряглось, в глазах мигнуло чернотой — будто кто-то опустил шторку, закрыл дверцей печное огненное окошко. Надел прежний человеческий взгляд.

— Иди сюда! — Сергей потянул Инну за руку, усадил рядом с собой. Обнял за плечи. Инна напряглась. Потом заставила себя расслабиться, прижаться к нему — как раньше.

— Я боялся, — тихо прошептал он прямо в ухо. И это был уже почти совсем его прежний голос: — Я боялся, что ты...

— И я, — призналась Инна. — Очень боялась, что ты станешь вампиром.

— А разве плохо? — удивился он. — Я бы хотел... У них такие возможности. Хоть и говорят про равноправие... Но ты знаешь, что только вампиры могут...

— Я очень рада, что ты им не стал, — перебила Инна.

— Ну и хорошо, — невнятно пробормотал он, скользя губами по ее щеке...

— Отпусти, — сказала Инна.

Он не услышал. Пальцы — или уже когти — рвали пуговицы на блузке.

— Пусти!

Глаза затекали желтым тягучим пламенем.

— Сережа!

Инна подумала, что если сейчас испугается по-настоящему, позволит панике захватить себя, если будет кричать, визжать и отбиваться, сама превращаясь в перепуганного, ничего не соображающего зверька, — он не остановится. Выход был один — обуздать свой страх, как дикого зверя. Остаться человеком. И надеяться, что Сережа еще сумеет вспомнить свое имя и вспомнить, что он тоже когда-то был человеком.

Он вспомнил. Остановился, тяжело дыша. Отшвырнул Инну в сторону, скорчившись, цепляясь за скамейку, отошел на несколько шагов. Обернулся. Огненная муть медленно таяла в его глазах.

— Извини, — хрипло сказал он. — Понимаешь, мне сейчас...

— Да.

— Со временем я научусь как-то лучше этим управлять.

— Да.

— Я тебя не поцарапал?

— Нет, ничего. Немного. Ты тоже меня извини. Поздно. Мне пора. Мама, наверное, волнуется. Я пойду.

Инна отступала, стараясь подавить свой страх. Стараясь не думать, что Сережа может кинуться на нее, когда она повернется к нему спиной.

— Инна!

Она вздрогнула и остановилась.

— Не бойся меня, а? — тихо попросил он.

И в эту минуту он был очень похож на того прежнего, робкого мальчика, часами ожидавшего Инну с маленьким увядающим букетиком в горячих пальцах...

Инне захотелось расплакаться от жалости.

Она так и не поняла — жалость к себе или к нему... Или к той яркой картинке осеннего счастливого вечера, которую так и не сумел сложить ветер...

Мама вышла из спальни, покачиваясь от слабости.

— Какой мерзавец, — глухо сказала Инна, глядя на бледное мамино лицо и дрожащие руки, поправляющие пояс халата.

— Инна...

— Он мне не отец, я не обязана его любить!

— Конечно, — устало согласилась мама, опустилась на табурет, уронила руки на стол.

— Я тебе сейчас чаю...

Инна метнулась к плите, загрохотала чашками, украдкой вытирая слезы, чтобы не видела мама.

Терпкий аромат бергамота и мяты, тягучая сладость гречишного меда... Мама грела тонкие пальцы о горячую кружку. Потом глотнула, прикрыв от удовольствия глаза. И спросила так — с закрытыми глазами:

— Иннушка, что случилось?

— Ничего, — та уткнулась в свою чашку. Еще не хватало маме сейчас Инниных проблем.

— Сережа?

— Да.

Мама протянула руку, обхватила Иннино запястье, потянула легонько к себе. Инна опустилась возле ее ног, уткнулась лицом в живот и расплакалась.

— Всё пройдет, всё, — тихо бормотала мама, глядя дочь по волосам.

Будто та была маленькой девочкой, разбившей коленку. А может, мама уже знала, что это утешение одинаково мудро и верно не только для физической боли, но и для душевной... Разница только во времени...

— Mam, я хотела тебя попросить...

— Да?

— Подпиши мне разрешение на инициацию. Сейчас до двадцати одного нельзя без согласия родителей. Но ведь, может, скоро всё изменится. Если примут этот закон об инициации без ограничения...

— Это будет преступление! — неожиданно резко сказала мама. Отстранилась, строго посмотрела в глаза Инны. — Ты не понимаешь? Человек должен сам выбирать, кем он хочет стать. Только когда он повзрослел и понял. Не раньше.

«Поэтому ты решила вообще не проходить инициацию? — захотела спросить Инна. — Не могла решить, кем хочешь стать? А может, боялась, что не сможешь стать, кем хочешь?»

Но не спросила.

— Ты понимаешь? — уже тише спросила мама, требовательно глядя на Инну.

— Да, — неуверенно ответила та.

— Иннушка, видишь ли... В отношениях с Сережей это мало что изменит. Возможно, сделает только хуже. Поэтому тебе надо решать это только для себя самой.

— Почему?

— Понимаешь, инициация только усугубляет то, что в тебе уже есть. Ваши различия могут оказаться слишком серьезными. Олень, например, не сможет жить с лисицей. Только человек... В определенных обстоятельствах, но тем не менее. Только человек сможет жить рядом с любым существом. Со зверем, с оборотнем, с вампиром. Понимаешь?

«Как ты?» — подумала Инна. Но опять — промолчала...

— Инициация детей, воспитанных вампирами? — Глаз-ред оторвал взгляд от распечатки и посмотрел на Инну.

Усмехнулся — клыки на мгновение ослепительно блеснули из-под вздернувшейся верхней губы. Инна дрогнула.

— Деточка, — голос главреда стал сладок, как патока. — Я понимаю, что тема вам близка. И знакома. Ваш отчим — вампир, вы — не инициированы..

— Это неважно, — смутилась Инна.

— Еще как важно. Еще как..

Он улыбнулся. В глубине его глаз вспыхнули алые волчьих огни.

— Владлен Борисович, — пробормотала Инна, отступая.

Свет в кабинете мигнул, в лицо плеснуло ледяным ветром. Инна ахнула, прижавшись к стене, — бледное лицо главреда с мерцающими глазами нависло над ней.

— О чем я велел вам вчера написать, деточка?

— О..

— О чем?

— Об усыновлении еще одного ребенка поп-рысью Анжеликой Витт, и..

— И где эта статья? — ласково спросил он, наклоняясь к самому уху и обжигая дыханием щеку девушки.

— Я подумала..

— Да?

Его ледяное дыхание пахло жасмином. В глубине глаз плавали звезды и тлело алое марево. Небо на закате. Ночной ветер, который вдруг выскальзывает из теплых фиолетовых сумерек и трогает холодными пальцами кожу, гладит лицо, ласкает голую шею; потом, смелая, рвет нетерпеливо тонкое платье..

«Не подпускай их близко, — говорила мама и сжимала до боли Иннины руки. — Слышишь меня? Никогда не подпускай. Очень трудно удержать. И удержаться..»

Инна дрогнула, испуганно дернулась в сторону, уперлась лопатками в твердую стену. Попросила, с усилием отводя глаза:

— Отпустите..

— Эти неинициированные девственницы, — усмехнулся главред.

— Я не...

— Что? Не ври мне. Думаешь, я тебя не чувствую? Особенно сейчас, так близко... — Его глаза полыхнули огнем, как драгоценные камни, — и несколько мгновений в них не было ничего, кроме стеклянного алого блеска. Ни звезд, ни ветра, ни улыбки.

Инна задохнулась от страха.

— Знала бы ты, какое искушение... — пробормотал Владлен Борисович.

Инне почудилось прикосновение холодных клыков к ее ще.

— Вы не имеете права!

— Да?

— Я плачу налоги!

Шеф рассмеялся, выпустил Инну, отступил назад.

— И спишь спокойно? Ох уж эта реклама.

Он хмыкнул, сбил щелчком с рукава невидимую соринку и в следующее мгновение очутился в кресле в углу кабинета. Откинулся на спинку и улыбнулся Инне.

Жасминовая горечь и прохлада растворились в воздухе.

Инна перевела дыхание, натянуто улыбнулась в ответ. Реклама и вправду была дурацкой. Хотя и жутковатой. Пара людей в возрасте, но до сих пор, видимо, неинициированных, пытается уснуть, прижимаясь друг к другу на слишком большой кровати. Темнота вокруг них сжимается, шелестит, набухает черными тенями. Женщина всё время вскакивает, встревоженно озирается, цепляется за мужчину дрожащими руками. Потом тени подходят совсем близко, превращаются в высокие крылатые фигуры; люди испуганно кричат, тени смыкают над ними крылья черным шатром. «Заплати налоги и спи спокойно!» — жизнерадостно советует диктор под бравурную музыку...

Инна всегда платила налоги вовремя. Всё равно от этого никуда не денешься, только штрафы и пени заработаешь. В налоговой-то — вампир на вампире, и каждому из тебя побольше вытянуть хочется. А еще и присудят срок для выплаты, чтобы не смог вовремя заплатить. Тогда могут

признать неплатежеспособной, продадут твои долги с аукциона частному лицу. А там уж — как повезет. Кто купит. Можешь и в живых не остаться...

— О чем мечтаете, деточка?

Инна вздрогнула.

— Статья нужна в следующий номер. Тема вам известна. У Алисы возьмите фотографии поп-рысы этой... — Владлен Борисович сморщился чуть уловимо. — Вы ее песни хотя бы слышали?

— Я? Ну, немного...

— И что?

— Ну, так. — Инна пожалала плечами. — Обыкновенно. Визгу много. Мяуканья. А слов — не очень. Музыка вообще нет. И смысла.

— А, — шеф кивнул. — У меня племянница от нее... как это... Фанатеет. Говорит, хочу вырасти и тоже стать поп-рысью. Накладные уши и когти купила для тренировки. Каково? Родители в ужасе. Единственная наследница... М-да. Ну, идите, деточка.

— Владлен Борисович...

— Да?

— Я напишу про эту... поп-рысь. Раз надо. Но нельзя ли добавить несколько абзацев на тему воспитанных вампирами и... ну... оборотнями... Сейчас ведь как раз обсуждается закон о возможности ранней инициации... Ведь тогда получится, что родители будут решать за детей, кем им быть... Это ведь очень важно! Потому что тогда дети сами не смогут выбирать... Вы понимаете это, да? — спохватилась Инна, почувствовав тяжелый взгляд собеседника.

— Деточка, — в глазах главреда опять метнулись и пропали алые холодные огни. Инна почувствовала мурашки, ледяными каплями стекающие по позвоночнику. — Деточка, те, кому надо, всё понимают. А кому не надо...

— Наш журнал ведь должен освещать...

— Читателей, деточка, надо развлекать, а не учить жить. Это вам добрый совет. Запомните его. В следующий раз

я не стану это объяснять, я просто не буду вас печатать. И никто не будет. Ясно? Идите.

А когда Инна уже осторожно прикрывала за собой дверь, крикнул весело:

— Привет Генриху!

— Передам, — еле слышно пролепетала Инна, опустив глаза.

— Вот эта вроде ничего. И эта. Какая шляпка, а? — Алиса отложила фотографию и покосилась на свое отражение в дверце стеклянного шкафа, будто мысленно примеряя себе головной убор поп-рыси. — И ушки так миленько открыты...

— Ужас, — вздохнула Инна.

— Ты чего-то не в себе, подруга. И бледная. Что, нашу всю кровь высосал? — усмехнулась Алиса.

Шефа в редакции боялись. Шуточки насчет его вампирской сущности передавались от сотрудника к сотруднику дрожащим шепотом. Больше всего доставалось Инне — как единственной неиницированной.

Если бы не рекомендация Генриха, Инну бы сюда, конечно, не взяли. Неиницированная, да еще без опыта работы... Независимо от журналистских способностей дорога у нее была одна. В малотиражную оппозиционную газетку, из тех, что бесплатно раздавали у метро. Впрочем, как раз там статью о новом законе опубликовали бы с радостью...

...В первый же день работы Инна узнала о личном баре шефа, заполненном марочными бутылками с охлажденной кровью девственниц; о прикованных цепями живых жертвах в подвальных изолированных комнатах — на случай, если главреду захочется глотнуть свеженького и горячего напитка.

— Глупости, — рассмеялся Генрих, когда Инна поведала ему о редакторских сплетнях. — Неужели ты думаешь, Владлен такой дурак, что станет так по-идиотски нарушать закон? И зачем?

— Но ведь так... э... вкуснее?

— Вкуснее, — согласился Генрих, и Инне почудилось, что он смотрит на ее шею...

В гостиной мертвенно-синим светом мерцал телевизор. Мама сидела в кресле, поджав ноги, кутаясь в толстый пуховой платок. Наверное, мерзла — как всегда, когда Генрих был дома. Отчим Инны развалился в соседнем кресле, забросив ноги на стул. Его рука лежала на подлокотнике мамино кресла.

Инна как-то спросила:

— Мам, зачем ты вышла замуж за вампира?

— Ну, знаешь, — мама отвернулась от пытливого взгляда дочери. — Он меня любит..

Инна замерла у двери, наблюдая, как сильные пальцы отчима по-хозяйски поглаживают тонкую и безвольную мамину ладонь. «Любит, — подумала Инна, сжимая зубы. — Как же я его ненавижу...»

— Переключи, — тихо попросила мама.

— Не хочешь слушать, что скажет наш президент?

— Ваш президент. К тому же понятно, что он скажет...

И понятно, для кого этот закон.

— Оля...

— Что Оля? Тебе ли не знать, кто пишет эти законы! — Мама вырвала у Генриха руку, спрятала ее под платок. Съежилась еще больше.

— У нас демократия, Оля. Выборы. Десятки партий...

— Да уж. А рассмотришь их внимательнее — всё одно и то же. Вот, объединенная партия оборотней, вроде разные морды — и лисы, и рыси, и гиены. А в главарях кто? Ваши. Вампиры. Разве что с двумя инициированными ипостасями: своей и звериной...

— Не в главарях, а руководителях. Ты ведь не про банды говоришь.

— Какая разница? А вон, в партии дриад вампир юрист-консультантом. Главари... Ну, лидеры в транс-медитациях ветками сплетаются, общий дух за советом к мировому древу отправляют, а этот юрист быстренько черновики

предложений кропает. И ловко получается — формулировки возвышенные, о спасении мира во всем мире, о помощи нуждающимся слоям населения... А суть всё та же. Ваша.

— Ну а что же тогда дриадский лидер подмахивает это всё одной левой веткой?

— Может, он этой медитацией просветлен, коварство распознавать не умеет?

— А может, умеет, да не хочет? Может, он боится, не хочет проблем на свою крону, а?

— Ну, может. Откуда я знаю, что растениям нужно...

— Растениям, Оля, нужно то же, что всем. Воздух, вода, пища. И чтоб топор к шее не подносили. Но когда желания и стремления ограничиваются только этим, нужно быть готовым к тому, что для прочего найдется лесник. И он будет устанавливать свои законы.

— Ты хочешь сказать, что это такая мировая справедливость?

— Да. Потому что сейчас так есть. Более того — потому что так было всегда. И пока ты живешь в этом мире и в этой стране — это твоя справедливость тоже. И твои законы. И твой президент.

— И ты всегда будешь прав, — вздохнула мама. — И такие, как ты.

— Да, — ответил Генрих.

Отыскал мамину руку, спрятавшуюся в теплой норке платка, — как маленького зверька, и снова крепко и по-хозяйски сжал в своих пальцах. И по быстрому взгляду отчима, брошенному назад, Инна поняла, что он ее чувствует. И что всё это было сказано не только для мамы, но и для нее.

Инна отступила на цыпочках в коридор дрожа, но теперь уже не от ненависти, а от страха. И отчаяния...

Инна допоздна засиделась на работе. Статья не получалась.

Поп-рысь Анжелика Витт насмешливо скалилась с рекламных фотографий острозубой улыбкой. Усыновленный мальчик доверчиво прижимался к ней, заглядывал в лицо, едва тронутое изменением — острые ушки с пушистыми

кисточками, профессиональный макияж, подчеркивающий раскосые желтые глаза. Почти человеческое лицо. Почти.

Интересно, кем он станет, подумала Инна. И что почувствует, когда узнает о причине смерти родителей, разорванных по дороге домой оборотнями. Такими же, как его приемная мать. Разорванными — просто потому, что оказались на улице позже запрещенного часа. Как он будет после этого относиться к Анжелике Витт? Сможет по-прежнему называть ее мамой? Или к тому времени сам станет таким же? Ведь по последним исследованиям, на результат инициации влияет не столько наследственность, сколько воспитание... А если примут закон об отмене ограничений, это произойдет значительно быстрее, и тогда на улицах может совсем не остаться человеческих детей... Потому что дети не боятся инициации. Они весело играют на улицах в вампиров и оборотней, оставляя неудачникам и слабакам скучные роли людей. Копируют большой мир взрослых. Разрешив им инициацию — они так же весело и играючи побегут туда наперегонки...

Страх инициации приходит позже. Когда взрослеешь. Тогда начинаешь бояться... Чего? Что неверно выберешь облик? Или что не сумеешь пройти инициацию и получить тот облик, о котором мечтаешь?..

«Я не боюсь, — подумала Инна. — Я просто не знаю, чего хочу...»

Сережа ждал возле редакции. Вертел в руках бордовую розу на длинном стебле. Напряженно улыбнулся при виде Инны, протянул цветок, коснулся на секунду Инниной ладони горячими пальцами.

На этот раз Инна старательно избегала безлюдных мест.

Они с Сережей съели по мороженому в своем любимом кафе; побродили по пешеходной улице, останавливаясь послушать музыкантов, посмотреть переливы воды в фонтане и гибкие танцы бродячих артистов. Инна чувствовала тепло Сережиной руки, лежащей на плече, — и ни разу не ощутила прикосновения ногтей. Его взгляд, который Инна тоже чувствовала почти всё время, был

прежним — внимательным и нежным, без звериной огненной поволоки... Как будто примерещился тот осенний вечер в парке... Как будто всё по-прежнему... Инне очень хотелось в это поверить, и она поверила.

А потом спохватилась, что уже очень поздно.

— Я тебя провожу, — сказал Сережа.

«А как ты сейчас сможешь?..» — хотела спросить Инна, но осеклась. Послушно согласилась: — Хорошо.

— Через три квартала, за поворотом, горячий яблочный пирог с корицей. Ты ведь любишь? И свежий кофе. Зайдем?

— Откуда ты знаешь? — удивилась Инна.

— Чую, — усмехнулся он.

Тонкие крылья носа чутко дрогнули, Инне почудилось, что и сам нос удлиняется, вытягиваются скулы, обрастая рыжей шерстью. Инна торопливо отвела взгляд.

— Ты бы знала, как это здорово, — неожиданно возбужденно сказал Сережа. Легонько сжал Иннино плечо. — Так чуют запахи. И вкус. Тысячи новых оттенков. Как будто ты видел мир черно-белым, как в старинных фильмах, а потом вдруг прозрел. Это так красиво. Так восхитительно вкусно. Как свежее испеченный яблочный пирог по сравнению с засохшей коркой хлеба. Понимаешь?

— Наверное, — осторожно ответила Инна.

Когти впились в ее плечо, но она еще надеялась на возвращение руки.

— И бежать. Так здорово — бежать. Ветер и небо. И кажется, что твои ноги вертят землю, а потом она начинает вертеться под тобой сама. И понимаешь, что в этом смысл — и другого не надо...

— Мама напишет мне разрешение на досрочную инициацию, — неожиданно для самой себя сказала Инна.

— Здорово! — Когти еще сильнее впились ей в плечо. Посмотреть на Сережино лицо Инна уже не решалась. — Здорово! У тебя всё получится. Это просто. И мы сможем по-настоящему быть вместе.

— А разве мы не...

— Все эти слухи о наследственности — брехня. Ты сможешь стать, кем захочешь. Тем более что у твоих родителей смешанный брак. Это облегчает возможность свободного выбора.

— Мой папа был человеком, — сказала Инна. — Генрих — просто отчим.

— Да?

— Разве ты забыл?

— Неважно. Не очень важно. Полно случаев, когда люди в инициации уходили за любимыми, а не родителями.

«А ты? Почему ты тогда не подождал меня?» — хотела спросить Инна, но не успела.

На соседней улице раздался короткий вой — трепещущий хриловатый призыв. Инна дрогнула. Мурашки показались по позвоночнику. И почувствовала, как задрожала, тяжелея, уже совсем не рука, а лапа на ее плече.

— Извини, — хрипло сказал Сережа. — Я сейчас. Я вернусь. Подожди меня.

Инна выждала минуту, прежде чем обернуться. Улица за ее спиной была пуста.

Через несколько мгновений вой повторился, и второй голос — более низкий и нетерпеливый, ответил ему. Голос, рожденный уже нечеловеческой глоткой.

Начиналось время оборотней. Когда неинициированным людям запрещалось находиться на улицах.

Инна испугалась. Она никогда не оказывалась в это время так далеко от дома.

Он вернется. Он обещал...

Инна опасливо оглядела пустынную гулкую улицу, заметила приоткрытую дверь кондитерской, куда они с Сережей так и не дошли, и нырнула туда.

Наверное, яблочный пирог был прекрасен, но Инна сейчас не различала вкуса. Она рассеянно ковыряла ложечкой остывшие яблоки, щедро посыпанные корицей. Первый глоток кофе показался слишком горьким, второй — водянистым.

— Извините, мы закрываемся, — круглолицая официантка склонилась к Инне.

Между кружевных оборок чепчика нетерпеливо подергивались треугольные кошачьи ушки. Официантке хотелось на волю — рабочий день закончился, начиналось ее время.

— Конечно, простите, — смутилась Инна.

Стеклянная дверь со щелчком захлопнулась за Инной, быстрая серая лапка припечатала изнутри табличку «закрыто».

Улица по-прежнему была пуста, но тишина теперь наполнилась эхом шагов, невнятных голосов, похожих больше на рычание и тьяквань...

Инна торопливо зашагала по направлению к дому. Прозвительная трель телефона заставила ее вздрогнуть, она даже не сразу поняла, что звенит в ее сумочке.

— Инна! — Мамин голос дрожал от волнения и гнева, то приближаясь, то удаляясь — в противофазе с уличными звериными голосами. — Где ты, Инна?

— Мам, привет, я...

— Ты на улице?

— Да, я...

— Ты с ума сошла?! Где, где — на какой улице?

— Сейчас, — Инна огляделась, щурясь в сумерках. — Вот, улица Красных гиен.

— Ты совсем с ума сошла! Инна, слушай меня — немедленно лови такси и домой! Поняла? Ты поняла?!

— Да, мам, сейчас.

Инна ускорила шаг. Ей передалась мамина тревога.

Она шла очень быстро, так быстро, как только могла, жадно глотая холодный вечерний воздух. Хотелось побежать, но Инна знала, что этого делать точно нельзя. И бояться — нельзя. Они чувят страх. Эхо гулко перекаtywало звук шагов, было не разобрать — вплетаются ли в него другие звуки или нет... В подворотнях мелькали серые сгорбленные тени. Когда одна из них метнулась наперерез, Инна прынула в сторону — и тогда услышала мягкий топот шагов за своей спиной, цоканье когтей по асфальту и увидела, что позади крадется несколько таких же гибких и бесцветных теней.

Инна закричала и бросилась бежать, не разбирая дороги.

Она бежала, задыхаясь и не чувствуя ног — как будто кто-то другой быстро колотил ее подошвами об асфальт. В глазах метались алые пятна.

Позади раздался низкий вибрирующий вой. Захотелось упасть лицом вниз, зажать ладонями уши — всё равно, что будет дальше, только бы не слышать этого жуткого воя..

А потом когтистая лапа сгребла Инну за шиворот, как беспомощного котенка и поволокла в черный зев подворотни. Инна отчаянно забилась и заорала из последних сил. Если чудовище сможет затащить ее вовнутрь — шансов нет.

— Тише, дура! — рявкнули ей в ухо.

Она уже собиралась вцепиться зубами во вторую лапу, зажавшую рот, но вдруг поняла, что это не лапы, а руки. Инна всхлипнула и обмякла, повиснув в этих чудесных, сильных, человеческих руках.

— Еще чего, — неприветливо буркнул спаситель. — Сама давай иди.

Поставил ее на ноги, поддержал, потом потянул за собой.

— Давай, давай, быстрее. Они твой след уже взяли, поняла? Шевелись!

Хлопнула дверь парадной, метнулась под ноги черная лестница с невидимыми ступенями.

— Ой, дура, — охнул спаситель, ловко подхватывая Инну, когда та споткнулась и чуть не упала.

На последнем этаже он толкнул девушку на пол, в угол под железной чердачной лестницей. Тяжело дыша, уселся рядом. Прошипел зло:

— Что тебя сюда понесло ночью?

— Я ждала... Сначала в кафе, потом... Он сказал, что вернется.

— Кто — он? Оборотень? — насмешливо фыркнул спаситель. — Завел и бросил?

— Нет! — возмутилась Инна. — Мой парень. Он никогда раньше...

— Цыть. Не ори. Всё как всегда, — вздохнул собеседник. — Ты откуда, с луны?

— Я никогда раньше не оставалась на улице поздно. Моя мама... Я не знала, что здесь — так...

— Самый ихний квартал. Ловят дурачков и дур, заводят сюда вечером погулять, а потом...

— Он бы никогда...

— Цыть! Еще раз заорешь — уйду и дожидайся их тут сама.

— А они придут? — испуганно прошептала Инна.

— А то. Подъезд-то не закрывается. Сейчас всё разнохают и придут. У них самое то развлечение — охота стаей.

— А мы?

— Попробуем уйти через крыши. Если кошек не будет.

— А если попробовать... Ну, позвонить в двери... в квартиры... Если тут есть люди, то...

— То что? Я говорю — самый ихний квартал. А кто есть из людей — не откроют. Ты бы открыла, если бы тебе обротни по ночам в дверь трезвонили?

— Я...

— Цыть.

Внизу гулко хлопнула дверь.

Они спустились в переулок по шаткой пожарной лестнице. В свете луны, высунувшейся на секунду из-за туч, Инна наконец увидела своего спасителя. Щуплый и маленький, смешные встрепанные волосы. Как он смог меня тащить, удивилась она. Лица Инна разглядеть не успела.

— Слушай меня, — быстро зашептал он, щекоча дыханием ухо. — Ты пройдешь здесь, а я их отвлеку.

— Ты говорил — уйдем по крышам.

— Я говорил — если не будет кошек. А вон они, слышишь? Ну, времени мало. Считаю до сорока, потом иди по этой улице. Поняла?

— Я не пойду без тебя.

— Дура. Ты мне как гиря на шее, поняла? Без тебя я от них убегу.

Инна подумала, что он, наверное, врет, но сил сопротивляться и возражать у нее не было.

— Зачем...

— Что?

— Зачем ты меня спас?

— Ну, знаешь, — по голосу Инна услышала, что он улыбается. — Если уж мы не будем друг другу помогать, чем мы лучше них...

Они все-таки догнали Инну — почти возле самого дома. Сил бежать больше не было. Возможно, это ее и спасло. Она просто шла, сосредоточившись на том, чтобы не упасть, и слушала шелестящие шаги за своей спиной. Шаги то приближались, то удалялись — кто-то играл с ней, и, наверное, ему было скучно, что жертва никак не реагирует...

Всё зря, подумала Инна. Вспомнила, как выли и кричали на соседней улице, куда ушел ее безымянный спаситель. И как она сидела, вцепившись в ржавую перекладину лестницы, и считала до сорока, как он велел. И заставляла себя не думать о том, что происходит на улице за этими домами. О том, что это всё из-за нее. И что это она сейчас должна быть там...

А потом Инна споткнулась и, падая, поняла, что теперь они точно кинутся на нее...

— Вставай, — сказал Генрих, протягивая Инне крепкую длиннопалую ладонь.

Его пальцы были прохладными и сухими. Как змеиная кожа. Глаза смотрели насмешливо.

«Он это специально, — поняла Инна. — Мог ведь и не дожидаться, пока я упаду. С его-то реакцией».

Она вспомнила, как заботливо подхватил ее на лестнице маленький безымянный спаситель...

Инна поднялась, высвободила ладонь из руки Генриха, машинально вытерла ее о платье. Отчим усмехнулся.

Обернулся к оборотням, которые неуверенно топтались в нескольких шагах. Бросил коротко и презрительно:

— Кыш.

Оборотни попятились. Один заворчал было, но потом замолк, и они ушли в темноту, один за другим, горбясь

и прихрамывая. Похожие больше не на зверей, а увечных, искалеченных людей...

— Они могли меня убить?

— Глупости, — презрительно поморщился Генрих. — Это просто игра. Нужно им так по-идиотски нарушать закон.

Инна вспомнила вой и крики на той улице, куда увел оборотней безымянный спаситель, и, кажется, впервые в жизни усомнилась в том, что Генрих знает всё...

— Возьми, — мама положила перед Инной листок бумаги.

— Что? Разрешение на инициацию? — удивилась Инна. — Ты ведь не хотела...

Мама покачала головой. Села напротив, устало прислонилась виском к стене. Измученное лицо, покрасневшие глаза, седая прядка, выпавшая из косы.

«Это из-за меня, — с раскаянием подумала Инна. — Я ненавидела Генриха за то, что он... А вчера сама сделала это с ней. Необязательно быть вампиром, чтобы...»

— Ты выросла, — сказала мама. — Мне бы хотелось, чтоб ты всегда оставалась маленькой девочкой. Но это невозможно.

— Mam, прости...

— Будет лучше, если ты сама разберешься, что к чему. Если сама выберешь... Пообещай мне только одно.

— Да?

— Я буду ждать, когда ты выйдешь... оттуда. Если тебе будет казаться, что-то непонятно или неправильно, ты подойдешь и спросишь у меня. Они будут предлагать тебе штатного психолога, но сначала ты подойдешь ко мне.

— Хорошо.

— Пообещай.

— Я обещаю. Mam...

Мама с усилием поднялась. Выпрямила узкие плечи. Обернулась возле двери.

— Еще кое-что. Думаю, надо, чтобы ты знала. Ты как-то спросила — зачем я вышла замуж за Генриха.

— И ты ответила...

— Однажды мы втроем оказались на улице, когда наступило время оборотней. Я, ты и твой папа. Твой настоящий папа. Они чуть не убили нас. А Генрих — спас. Меня и тебя. Твой папа погиб.

Мамино лицо было застывшим. Как гипсовая маска.

Инна помолчала. Спросила тихо:

— Ты вышла за него из благодарности?

— Нет.

— Тогда почему...

— Я подумала, что никто так не сможет защитить тебя, как Генрих. Я очень боялась за тебя. Особенно после того случая. Очень...

— Мам, послушай... А Генрих, он мог бы тогда спасти нас троих? И моего папу тоже. Мог бы?

Мама не ответила. Вышла и тихонько прикрыла дверь за собой...

...Мокрые листья скользили под подошвами, расплзалась зыбкая дорога из цветных пятен. Призрачная тропа над черной пропастью. Один неверный шаг — и всё рассыплется, разлетится бумажными обрывками...

— Глупости, — сказал Генрих, протягивая Инне руку. — Я проведу. Знаешь, Инна, хоть и говорят про равноправие, но только вампиры могут... И пока мы живем в этом мире и в этой стране, мы всегда будем правы.

Его пальцы были прохладными и сухими. Как змеиная кожа.

— Я могу, как ты? — спросила Инна.

— Да, — ответил он.

Кожа, похожая на змеиную. Взгляд с кровавым отблеском. Власть. Какая угодно. Небрежное «кыш» — и стая оборотней пятится, скуля по-щенячьи. Несколько слов — и новый закон уже принимают в парламенте, и миллионы следят за движением твоих губ на телеэкране. Не зыбкая тропа из цветных листьев над пропастью — сама пропасть, гулкая и черная, в которую восходишь бесконечно,

поднимаясь выше и выше над жалкими фигурками остальных... И единственная плата — кровь. Чужая, не твоя. Плата за каждый твой шаг. Кровь, дыхание и жизнь — случайных прохожих, знакомых, друзей и любимых... Тех, кто мог бы стать твоими друзьями и любимыми, если бы ты не забыл, что такое любовь...

Инна попятилась. Вытерла ладонь, касавшуюся руки Генриха, о платье...

...Огненно-алый фейерверк взметнулся, заслонил Генриха и рухнул вниз. Ветер кинулся в ноги соскучившимся псом, толкнулся в колени; услужливо подровнял на аллее ковер из разноцветных листьев.

— Привет, — сказал Сережа.

Махнул рукой — быстро метнулись ловкие пальцы, ухватили из воздуха кленовый резной лист — ярко-желтый, с изумрудными прожилками.

— Привет, — ответила Инна, принимая подарок.

— Ты бы знала, как это здорово! — Сережа обнял Инну, заглянул в лицо. Его улыбка была милой и веселой. — Чувать запахи, вкус. И бежать. Так здорово — бежать. Ветер и небо... Побежали?

Они побежали, рядом, держась за руки и смеясь. Не по призрачной тропе над пропастью — по яркому веселому ковру из цветных листьев. Тысячи новых оттенков. Как будто мир был черно-белым, как в старинных фильмах, а потом стал цветным. Так красиво. Восхитительно вкусно. Как свежеиспеченный яблочный пирог по сравнению с сохшей коркой хлеба...

Инна запнулась. «Ты оставил меня там, на этой улице. Бросил на забаву оборотням», — она хотела сказать это Сереже, но не смогла отличить его от остальных. Потому что вдруг оказалось, что они бегут в стае — сотни веселых ярко-рыжих лисиц. А впереди — добыча. Уродливые, спотыкающиеся двуногие, сладко пахнущие страхом. И так весело смеяться и глотать этот страх, крики, слезы...

Инна остановилась. Рыжая пушистая шкурка таяла клочьями тумана. Инна поежилась, чувствуя себя голой

и замерзшей. Те двое, за которыми бежала стая, медленно поднимались с земли. Девушка, очень похожая на Инну, и маленький щуплый мужчина со смешными растрепанными волосами.

Инна шагнула к ним. Оглянулась. Стая смотрела на нее требовательно и недоуменно. Мол, ну что же ты? Наша? Или нет? Они еще улыбались — острозубыми ласковыми улыбками, готовыми в любой момент превратиться в хищные оскалы... Где-то там среди них, наверное, был Сережа. Но сейчас его было не узнать... Инна попятилась.

— Идите! — крикнул мужчина. — Я их отвлеку.

Девушка вцепилась в руку Инны, почти повисла на ней. Пожаловалась тихо:

— А я ведь даже не знаю его имени...

Лисицы взвыли, кидаясь на людей. Девушка, которая только поднялась с земли, закричала от страха.

— Не бойся, — сказала ей Инна. — Сейчас уже не их время.

И спокойно пошла навстречу зверям. Лисицы летели мимо — пушистые хвосты, белые лапки, веселые глаза; струились огненная река, утекала по своей разноцветной дороге...

Девушки пошли, поддерживая друг друга.

Над пропастью, по призрачной тропе, сложенной из осенних листьев...

«Какая она слабая, — удивилась Инна, обнимая своего дрожащего от страха двойника. — Как она раньше была без меня?..»

Мама поднялась Инне навстречу. Напряженно взгляделась в лицо. Потом улыбнулась. Подхватила дочь за локоть, когда та покачнулась.

— Я не понимаю, — пробормотала Инна.

— Пойдем, — мама повела ее к выходу.

Ветра сегодня не было. Парк, наполненный тишиной и солнцем, сиял как драгоценная золотая чаша искусной чеканки. Кленовые листья рисовали причудливый узор на нежно-голубом небе.

— Что, у меня не получилось? — спросила Инна. — Я не прошла инициацию?

— Получилось, — улыбнулась мама. — Ты осталась человеком.

— Так бывает?

— Иногда.

Время от времени с дерева слетал лист — сам по себе, а не сорванный жадной рукой ветра, неторопливо скользил по воздуху, будто выбирая, куда приземлиться — на руку, плечо или под ноги... Разноцветный ковер сегодня не расползлся, а весело пружинил. Звал идти дальше и дальше...

— А ты?

— И я, — ответила мама.

Инна сжала плотнее ее локоть, опустила глаза. Ей было стыдно. Всю жизнь она считала маму трусихой, которая так и не решилась на инициацию. На то, чтобы заглянуть в глаза самой себе, понять свою суть и воплотить ее в верном облике. Трусихой, которая живет с вампиром, продавая себя в обмен на спокойную, сытую, защищенную жизнь.

Сколько надо мужества, чтобы остаться человеком рядом с вампиром? Чтобы снова выбрать слабую, уязвимую человеческую жизнь, когда тебе предлагают сотни других жизней — бессмертных, веселых, беззаботных, весильных...

— Почему ты не говорила? — спросила Инна.

— Хотела, чтобы ты выбрала сама то, что тебе надо. Сама выбрала себя. Понимаешь?

— Да. А почему вообще об этом не говорят?

— Понимаешь... многие считают, что это стыдно. Оставаться человеком. Стыдно и глупо. Говорят, сейчас другое время. Люди не в цене. Они никому не нужны. Они ничего не могут добиться. Самый жалкий вампир или оборотень всегда окажется успешнее.

— Но ведь так и есть?

— С точки зрения вампиров и оборотней — да. И, знаешь, именно они и стараются внушить всем эту мысль. Заставить нас стыдиться самих себя.

— Зачем?

— Думаю, они нас боятся.

— Они — нас? — недоверчиво улыбнулась Инна.

— Да. Они не понимают, зачем оставаться людьми, — ведь это сейчас так опасно, невыгодно и неудобно. Не понимают и поэтому боятся.

Тропинка повернула и вынесла Инну с мамой на широкую аллею.

На одной из скамеек расположилась молодежная компания. Высокий рыжий лис с частичными признаками облика, дозволенными в дневное время — пушистыми остроконечными ушами, роскошным огненным хвостом, чуть вытянутым лицом-мордой, — наигрывал на гитаре. Когти цепляли струны, мелодия не получалась, но лис держался самоуверенно и спокойно. Позировал, вальяжно раскинувшись на скамейке. Гитара была не инструментом для создания музыки, а просто элементом имиджа. Темноволосая девушка с обожанием смотрела на лиса.

Раньше Инна прошла бы мимо — как можно быстрее, чтобы оборотни не стали цепляться; теперь остановилась понаблюдать. Невысокий щупленький юноша на краю скамейки вдруг подмигнул Инне. Она вздрогнула. Почудилось — вдруг этот тот самый ночной безымянный спаситель? Ведь может быть так, чтобы он остался жив?..

— Ну-ка, дай, — сказал вдруг щуплый парнишка.

Вырвал у лиса гитару, не обратив внимания на его быстрый, видимо, инстинктивный оскал. Оперся ногой о скамейку, ловко уложил гитару на колено. Пробежался по струнам, будто пробуя их на ощупь. Знакомясь. И вдруг затанцевал быстрыми гибкими пальцами, лаская гитару, как любимую женщину, вдохновенно и нежно. Музыка полилась, завибрировала в звонком солнечном воздухе, полетела в светлое небо.

Компания замолчала и замерла. И мама с Инной замерли напротив. Они стояли вперемешку — люди и звери; те, кто еще только собирался стать зверем, и те, кто хотел остаться человеком, — и слушали музыку. А когда песня

закончилась, рыжий лис уже был почти совсем как человек — с длинными пальцами без когтей и лицом вместо морды.

— Может, ему тоже захотелось так сыграть, а он понял, что зверям этого не дано...

— Знаешь, — сказала мама, когда компания осталась за поворотом дороги. — Я думаю, что до тех пор, пока останется хоть один из нас, оно не закончится. Независимо от времени суток.

— Что? — спросила Инна.

— Время человека.

И они пошли дальше, поддерживая друг друга.

Над пропастью еще ненаступившего времени, по призрачной тропе, сложенной из осенних листьев...

Майк Гелприн

Слово автора:

Совершенно уникальная студия с великолепным декламатором Владом Коппом и прекрасным музыкальным сопровождением. Многие тексты я прослушал после того, как читал их на бумаге. И должен сказать, что «Модель для сборки» дает им вторую жизнь.

Даже в собственных рассказах в исполнении Коппа находишь нечто, для себя новое, такой вот феномен. Когда герои вдруг начинают говорить, каждый своим, отличающимся от других голосом (Влад Копп владеет десятками тембров), и своими, отличающимися от других интонациями, текст внезапно оживает и предстает по-новому, глубже, полнее, объемнее, что ли, чем на бумаге.

Мне приходилось слушать многоголосые радиоспектакли и озвучку фантастики известнейшими актерами и чтецами. Но ни один ни в какое сравнение не идет с тем, что делают в «Модели». Более того, до первой прослушки «Модели» я попросту не любил аудио и воспринимал с трудом. Но стоило прослушать самый первый текст в исполнении Коппа... в общем, буквально перевернулось восприятие, без преувеличения. Ну, и отбор текстов, который делает для «Модели» Сергей Чекмаев, безусловно хорош и более чем.

Хм-м... чуть ли не рекламный отзыв получился, сплошные восхваления. Но ложки дегтя для этого проекта у меня нет.

СМЕРТЬ НА ШЕСТЕРЫХ

(выложен 05–12.12.2012)

Старый Пракоп Лабань остановился, приложил ладонь козырьком ко лбу. Вгляделся в отливающую жирной маслянистой латунью болотную хлябь. Поднял глаза, прищурился — солнце надвигалось на кромку чернеющего впереди леса. Лабань оглянулся через плечо, остальные пятеро подтягивались, след в след, упрямо расшибая щиколотками вязкую тягучую жижу.

— Еще чутка, — хрипло крикнул старик. — Поднажать надо, совсем малость осталась.

Жилистый, мосластый Докучаев кивнул. Смерил расстояние до опушки взглядом холодных бледно-песочного цвета глаз, сплюнул и двинулся дальше. Диверсионной группой командовал он, и он же, вдобавок к рюкзаку со снаряжением, тащил на себе еще пуд — ручной пулемет Дегтярева с тремя полными дисками. Докучаев считался в отряде человеком железным.

Лабань быстро оглядел остальных. Угрюмый, немногословный, крючконосый и чернявый Левка Каплан, смертник, бежавший из моголевского гетто. Ладный красавец, кровь с молоком, подрывник Миронов. Разбитной, бесшабашный, с хищным и дерзким лицом Алесь Бабич. И Янка...

Старик тяжело вздохнул. Женщинам на войне делать нечего. А девочкам семнадцати лет от роду — в особенности. Когда Янка напросилась в группу, Лабань был против и даже отказался было вести людей через болото. Но потом Докучаев его уломал.

— Медсестра нужна, — загибая пальцы, раз за разом басил Докучаев. — Перевяжет, если что. Вывих вправит. Подранят тебя — на себе вытащит.

— Меня на себе черти вытащат, — махнул рукой старый Лабань и сказал, что согласен.

Из болота выбрались, когда лес верхушками дальних сосен уже обрезал понизу апельсиновый диск солнца. Один за другим преодолели последние, самые трудные метры. И так же один за другим, избавившись от поклажи, без сил рухнули оземь.

— Пять минут на отдых, — пробасил Докучаев и перевернулся, раскинув руки, на спину. — Отставить, — поправился он секунду спустя, рывком уселся и принялся стаскивать сапоги. — Разуться всем, портянки сушить.

Пракоп Лабань поднялся на ноги первым. Ему шел уже седьмой десяток, но ходок из него и поныне был отменный — в могилевских лесах истоптал старик не одну тысячу километров. Вот и сейчас устал он, казалось, меньше других. Лабань аккуратно развесил на березовом суку отжатые портянки, нагнулся, голенищами вниз прислонил к стволу сапоги. Распрямился и увидел Смерть.

Что это именно Смерть, а не приبلудившаяся невесть откуда старуха, Лабань понял сразу. Она стояла шагах в десяти поодаль. Долговязая, под два метра ростом, в черном, достающем до земли складчатом балахоне с закрывающим пол-лица капюшоном. Из-под капюшона щерился на проводника редкозубый оскал.

Секунду они смотрели друг на друга — старик и Смерть. Затем Лабань на нетвердых ногах сделал шаг, другой. Встал, поклонился в пояс, потом выпрямился.

— За мной? — спросил он негромко.

Смерть качнулась, переступив с ноги на ногу, и не ответила. За спиной старика утробно ахнул подрывник Миронов. Скороговоркой заматерился Бабич, истошно взвизгнула Янка.

— Тихо! — не оборачиваясь, вскинул руку проводник. Мат и визг за спиной оборвались. — За кем пожаловала? — глядя под обрез капюшона, спокойно спросил Лабань.

Смерть вновь не ответила.

Докучаев, набычившись, медленно двинулся вперед. Поравнялся со стариком, встал, плечо к плечу, рядом. Кто такая,

настойчиво бил в виски грубый голос изнутри. Спроси, кто такая. Докучасев молчал, он не мог выдавить из себя вопрос. Кто такая, он понял — понял, несмотря на привитое с детства неверие, несмотря на членство в партии, несмотря ни на что.

— За кем пришла, падла?! — истерично заорал сзади Бабич. — За кем, твою мать, пришла, спрашиваю?

Смерть вновь переступила с ноги на ногу и на этот раз ответила. Бесцветным, неживым голосом, под стать ей самой.

— За вами.

— За нами, говоришь? — угрюмо переспросил Левка Каплан. — За всеми нами?

— За всеми, — подтвердила Смерть. — Так вышло.

— Так вышло, значит? — повторил Каплан. — Ну-ну.

Он внезапно метнулся вперед, оттолкнул Докучаева, пал на колено и рванул с плеча трехлинейку. Вскинул ее, пальнул, не целясь, Смерти в лицо. Передернул затвор и выстрелил вновь — в грудь.

Смерть даже не шелохнулась. Затем выпростала из рукава с обветшалым манжетом костистое скрюченное запястье, вскинула к лицу и приподняла капюшон. Черные пустые бойницы глазных провалов нацелились Левке в переносицу. Каплан ахнул, руки разжались, винтовка грянулась о землю. Смерть шагнула вперед, одновременно заноса за спину руку, но внезапно остановилась.

— Пустое, — сказала она Левке и хихикнула. — Тебе еще рано.

Повернулась спиной и враз растаяла в едва наступивших вечерних сумерках.

Костер запалили, когда уже стемнело. Вбили по обе стороны заточенные стволы срубленных Бабичем молодых осин. Набросили перекладину с нацепленным на нее котелком и расселись вокруг.

— Померещилось, дед Пракоп, да? — пыталась Лабаня Янка. — Скажи, померещилось?

Старик подоткнул палым еловым суком поленья в костре, промолчал.

— Померещилось, — уверенно ответил за проводника Докучаев. — Болото, — пояснил он. — На болотах бывает. Говорят, что...

Он осекся, напорвшись взглядом на плеснувшийся в Янкиных глазах испуг. Докучаев медленно повернул голову влево. Смерть сидела на березовом чурбаке в двух шагах — между ним и Мироновым. Ссутулившись, оперев скрытый под капюшоном череп в костяшки истлевших пальцев.

Янка судорожно зажала ладонями рот, чтобы не закричать. Алесь Бабич придвинулся, обхватил ее за плечи, привлек к себе. Янка дернулась, привычно собираясь вырваться, отшить нагловатого бесцеремонного приставалу, но внезапно обмякла, прильнула к Алесю. Сейчас Бабич казался ей единственным защитником и опорой. Дерзкий, нахрапистый, ни бога, ни черта не боявшийся, он явно не сильно испугался и теперь.

— Так ты что, мать, — цедя по-блатному слова, обратился к Смерти Бабич. — Так и будешь с нами?

Он замолчал, в ожидании ответа глядя на Смерть исподлобья, с прищуром. Молчали и остальные. Закаменел лицом Докучаев. Левку Каплана пробила испарина, ходуном заходили руки, то ли с испуга, то ли от ярости, не поймешь. С прищивом выдохнул воздух старый Пракоп Лабань. У Миронова клацнули от страха зубы, а затем и пошли стучать, разбавляя вязкую гнетущую тишину мелкой барабанной дробью.

— Я спросил тебя, — с прежней блатной гнусавинкой проговорил Бабич. — Ты теперь будешь с нами всё время? Ответь.

Смерть поежилась, опустила голову ниже, острый верх капюшона в сполохах костра казался завалившимся набок горелым церковным куполом.

— С вами буду, — подтвердила Смерть. — Но не всё время, недолго.

Алесь Бабич ухмыльнулся, по-приятельски подмигнул Смерти.

— Пока не заберешь, что ль? — уточнил он.

— Пока не заберу.

— Всех нас?

— Всех.

— Ну, ты и тварь, — едва не с восхищением протянул Бабич. — Ну, ты и сука, гадом буду. Ты...

— Заткнись, — резко прервал Докучаев и пружинисто поднялся. — Отойдем, — повернулся он к Смерти. — Поговорить надо.

Смерть поднялась вслед. Докучаев был ей по плечо. Отмахивая рукой, он решительно пошагал к лесу. Метрах в двадцати от костра остановился. Смерть обогнула Докучаева, развернулась к нему лицом.

— Дело сделать позволишь? — глухо спросил Докучаев.

Смерть помялась, переступила с ноги на ногу, балахон черной тенью мотнулся в мертвенном свете ущербной луны.

— Как получится, — тихо сказала Смерть. — Мне неведомо, как оно выйдет.

— Неведомо? — удивился Докучаев. — Даже тебе?

Смерть кивнула.

— По-разному бывает, — уклончиво ответила она.

— Позволь, а? — Твердый до сих пор голос Докучаева стал просительным, едва не умоляющим. — Подорвем рельсы, и всё, и сразу заберешь, а? Пожалуйста, прошу тебя. Договорились?

Смерть молчала. Вместе с ней молчал и Докучаев, ждал.

— Я постараюсь, — едва слышно сказала наконец Смерть. — Постараюсь потянуть.

У Докучаева, мужика жизнью битого, крученого, с младенчества не плакавшего, на глаза внезапно навернулись слезы.

— Спасибо, — выдохнул он и поклонился в пояс, как давеча Лабань. — Спасибо тебе.

К костру вернулся хмурый, сосредоточенный. Уселся на прежнее место, оглянулся — Смерти видно не было.

— О чем базар был, начальник? — Бабич по-прежнему прижимал к себе Янку.

— Командир, — механически поправил Докучаев. — Начальники в кабинетах сидят. Ты... — он осекся, закашлялся — одергивать бывшего уголовника в сложившейся

ситуации было, по крайней мере, нелепо. — Договорились мы, — обвел глазами группу Докучаев.

— О чем? — быстро спросил Миронов. — Она от нас отстанет?

Докучаев хмыкнул, потянулся к костру, выудил из золы картофелину.

— Отстанет, — сказал он угрюмо. — Как завтра дело сделаем, так и отстанет.

Расправились с нехитрыми припасами быстро, в полчаса. Ели молча, Докучаев цыкнул на Бабича, принявшегося было травить тюремную байку, и тот осекся, притих. Залили костер — тоже молча, без слов.

— Капкан — в охранение, — приказал Докучаев. — Остальным спать.

— Не надо в охранение, — произнес бесцветный мертвенный голос за спиной. — Спите все, я покараюлю.

— Ты? — Докучаев обернулся, Смерть стояла в пяти шагах, привычно переминалась с ноги на ногу. — Ах да, — Докучаев смахнул со лба пот. — Тебе же спать не надо. Неважно. Капкан, выдвинешься к лесу. Бабич тебя сменит, потом старик, за ним я.

Смерть отступила на шаг, другой, растворилась в темноте. Докучаев развязал рюкзак, извлек плащ-палатку, августовские ночи в могилевских лесах были холодные. Расстелил, стал укладываться.

Миронов неслышно подошел, присел на корточки.

— Командир, — шепнул он. — Давай-ка поговорим.

Был Миронов старшим сержантом, кадровым, служил до войны в НКВД. Подрывному делу учился у самого Старинова. К партизанам забросили его и еще четырех минеров месяц назад, в июле, они и принесли с собой новое понятие — «рельсовая война». Красная Армия готовилась к наступлению по всему фронту, и дезорганизация железнодорожного движения в тылу становилась задачей важнейшей, первоочередной. В деле Миронов еще не был, но из пяти подрывников Докучаев без колебаний выбрал его. Плечистый, с ладной фигурой

спортсмена и загорелым, волевым, откровенно красивым лицом, Миронов выглядел человеком надежным.

Миронов и место операции по карте выбрал — двухкилометровый спуск на участке пути Могилев — Жлобин. Спуск заканчивался железнодорожным мостом, который наверняка охранялся, так что мины следовало закладывать ночью и на расстоянии. Подорванный на уклоне и слетевший под откос поезд наверняка означал длительное прекращение движения на всем участке.

— Слушаю тебя, Павел, — по имени обратился Докучаев.

— Возвращаться надо.

— Что? — Докучаев опешил. — Ты чего, куда возвращаться?

— Обрато, в лагерь.

— Сдурел?

— Да нет, не сдурел, — сказал Миронов жестко. — Я в старушечьи байки не верю. Точнее, не верил до сегодняшнего дня. А оно вот как, оказывается. На верную смерть я не пойду.

Докучаев помолчал, приподнялся, опершись на локоть, затем сел.

— Не пойдешь, значит? — переспросил он спокойно.

— Не пойду. И вам не советую.

Докучаев вскинулся, ухватил подрывника за ворот, свободной рукой рванул из кобуры ТТ, с маху упер Миронову под кадык.

— Не пойдешь — шлепну, — пообещал он. — Понял, нет?

У Миронова вновь лязгнули зубы, как тогда, при виде ссутулившейся у костра Смерти. Он судорожно закивал.

— Понял, — выдохнул подрывник. — Прости, бес попутал.

Докучаев ослабил хватку, прибрал оружие в кобуру, затем отпустил Миронова.

— Хорошо, что понял, — сказал Докучаев миролюбиво. — Иди, спи. И это... не вздумай чего натворить, — миролюбие в голосе сменилось решительностью. — Я за тобой присмотрю. Чуть чего — шлепну на раз, не думая.

Левка Каплан сидел, привалившись спиной к сосновому стволу и выложив винтовочное цевье на колени. Смерть умостила напротив, полы черного балахона разметались по земле.

— Вопрос имею, — Каплан стиснул зубы, помедлил секунд пять и, наконец, решился. — Кто-нибудь из моих жив?

Смерть долго молчала. Затем откинула капюшон, луна подсветила пустые глазницы тусклым серебром.

— Зачем тебе? — спросила Смерть. — Завтра и так узнаешь.

— Ты завтра меня заберешь?

— Да. Завтра.

— Я хочу знать сейчас.

Смерть вздрогнула, повела плечами.

— Что ж, — сказала она. — Завтра ты их увидишь. Всех.

— Всех? — эхом простонал Левка. — Ты забрала всех? И маму? И Миррочку с детьми? И Мишеньку? И Броню?

— Да. Всех разом. Еще зимой, в феврале.

Левка Каплан, цепляясь за ствол, поднялся. Мясистое, грубое, заросшее щетиной лицо скривилось от боли. Смерть смотрела на него тускло-серебряными монетами провалившихся глазниц — снизу вверх.

— Йитгадаль ве йиткадаш Шме Раба, — нараспев затянул Каплан. Это был Кадиш, заупокойная молитва на древнем арамеит. Языка этого Левка не знал, а слова заучил наизусть — в детстве, как и все остальные еврейские мальчишки в местечке. — Ди вра хир'уте ве ямлих малхуте ваицмах пуркане ваикарев машихе.

Левка замолчал, просительно посмотрел на Смерть. Он не мог сказать заключительное слово молитвенной фразы, его надлежало произносить присутствующим при Кадише.

— Амен, — помогла Левке Смерть.

Янка, сжавшись в комочек, умостила на краю ветхой подстилки из прохудившегося брезента. Ее трясло, слезы набухали в глазах, текли по щекам. Янка глотала их беззвучно, даже не всхлипывая.

— Нецелованной умрешь, — уговаривал пристроившийся рядом Алесь. — Нехорошо это, не по-божески.

Бабич прижимал девушку к себе, стараясь руками унять дрожь. Тоскливо глядел поверх ее головы на путающиеся в верхушках деревьев звезды. Вел ладонями от затылка вдоль узкой девичьей спины, доставая до ягодиц.

— Не надо, Алесь, — едва слышно проговорила Янка. — Не надо, не хочу я так.

— А как надо? — Бабича передернуло, то ли от злости, то ли от жалости, он сам не знал, от чего. — Как надо-то? Завтра уже все подохнем.

— А может...

— Да не может! Она ясно сказала — за нами пришла, за всеми. От нее не уйдешь.

Девушка замолчала. С минуту лежали, не шевелясь, у Алеся вспотели застывшие на Янкиной пояснице ладони.

— Ладно, — прошептала вдруг Янка. — Ладно, пускай. Я не знаю, как это делается. Ты... ты pomoжешь мне?..

За мгновение до того, как проникнуть в нее, Алесь Бабич застыл. Склонился, поцеловал в пухлые, соленые от слез губы. Удивился, что он, лагерник, после восьми лет отсидки, после поножовщин, толковищ, после лесоповала, еще помнит, что такое нежность. Оторвался от губ, изготовился. Уперся взглядом в запрокинутое Янкино лицо с зажмуренными глазами. И с силой ворвался в нее. Янка коротко вскрикнула и враз замолчала. Алесь, изнемогая от смеси злости, жалости и возбуждения, не отрывая глаз от нежного девичьего личика с закушенной губой, от разметавшихся русых волос, вонзался, вколачивался, ввинчивался в нее. Не сдержав стоны, взорвался, выплеснул семя. Отвалился на бок, на ощупь нашел в темноте Янкины плечи. Притянул девушку к себе, запутался пальцами в русых шелковых прядях. С полчаса держал ее в руках, баюкал, успокаивал, шептал неразборчиво поверх волос. Потом осторожно отстранил. Едва касаясь губами, поцеловал в лоб. Выбрался из-под брезента. Нашарил в траве одежду, изо всех сил стараясь не шуметь, натянул на себя. Вбил ноги в сапоги и отправился на пост — менять Левку.

После того как Алесь ушел, Янка долго лежала без сна, пытаясь понять, что она чувствует. Наконец, понять удалось — ничего. Ни сожаления, ни брезгливости, ни страха почему-то не было. А было лишь безразличие — словно не ее только что сделал женщиной едва знакомый, по сути, мужик и не ей на завтра пора умирать.

Умереть Янке полагалось уже давно — когда на поезд с гродненскими беженцами упали авиабомбы. Они умертвили маму, младшую сестренку, обеих теток — маминых сестер и пятерых их детей. Янка до сих пор не могла понять, как получилось, что она в числе немногих спасшихся уцелела и получила два года отсрочки. Жуткие, голодные два года, пропитанные ежедневным страхом и безнадеей. Чужие, грубые люди вокруг. Нехорошие взгляды парней и мужиков. Раны, контузии, смерть. Отсрочка... А теперь и ей наступает конец.

В декабре ей исполнится восемнадцать. Исполнилось бы, поправилась Янка. Беспольные и бессмысленные восемнадцать лет, прожитые кое-как, в бедности, а после смерти отца и в нищете. Обноски с чужого плеча, ежедневная картошка и каша, молоко и масло по выходным, мясо по праздникам. Потом война, гибель родных, промозглые землянки в снегу, снова голод и кровь. Янка усмехнулась криво, и накотившая горечь опять сменилась безразличием. Жизнь не по справедливости обошлась с ней. И, по всему виду, устыдилась. А устыдившись, позвала на выручку Смерть.

Алесь Бабич опустил на корточки, достал из-за пазухи потрепанную, перетянутую аптечной резинкой колоду карт и взглянул на рассеявшуюся в метре напротив Смерть.

— Сыграем? — предложил он.

Смерть откинула капюшон, в пустых, высеребрянных луной глазницах Бабичу почудилось удивление.

— На что же? — спросила Смерть.

Бабич сглотнул слюну, сорвал с колоды резинку, отбросил в сторону.

— Я в жизни не верил попам, — сказал он. — Ни в рай, ни в ад, ни во что. Но получается, что раз есть ты, то и они тоже есть, так?

— Допустим, — усмехнулась Смерть. — И что с того?

Алесь с трудом подавил внезапное желание перекреститься.

— Ставлю душу, — выпалил он. — Если проиграю, гореть ей вечно в аду.

Смерть задумалась. С минуту молчала, затем сказала:

— У тебя и так немного шансов мимо него проскочить. Впрочем, такие вопросы решаю не я. Допустим, я соглашусь. Что же мне ставить?

— Девчонку ставь, — дерзко ответил Бабич. — Играю душу против девчонки. В очко, в один удар. Устраивает?

Смерть вновь усмехнулась.

— У меня редко выигрывают, — сказала она. — Мало кому это удавалось. Почти, считай, никому. Но, изволь, я подарю тебе шанс. Банкуй.

Бабич принялся тщательно тасовать колоду. Татуированные перстнями пальцы скользили вдоль торцов, врезая карты одна в одну, опробуя их, ощупывая. По неровности на рубашке Алесь подушками пальцев определил пикового туза, счесал вниз. За тузом последовал бубновый король.

— Срежь, — протянул Бабич колоду.

Смерть пожала плечами.

— Мне нечем. Срезай сам.

Алесь подрезал. Не отрывая от Смерти взгляда, вслепую провел фальш-съем — карты легли в руку в том же порядке, что и до срезки. Алесь стянул верхнюю, предъявил партнерше, рубашкой вверх опустил на траву. Стянул вторую, показал, уложил рядом с первой.

— Еще.

Третья карта упала на траву рядом с товарками.

— Себе.

Бабич заставил себя мобилизоваться. Сейчас от его ловкости зависело... спроси его, он не сумел бы сказать что. Но больше, неизмеримо больше, чем пять лет назад, в бараке, когда играли на охранника.

Алесь передернул, нижняя карта скользнула наверх. Бабич открыл ее, не глядя, сбросил на траву. Вновь передернул, открыл вторую, сбросил.

— Очко, — объявил он.

— Да? — удивилась Смерть. — Что ж, смотри мои.

Бабич рывком перевернул две черные семерки и шестерку червей.

— Двадцать, — осклабился он. — Ваша не пляшет.

Смерть не ответила, и Алесь опустил глаза. С минуту он с ужасом разглядывал свои карты. Гордо задравшего бороду бубнового короля. И притулившуюся рядом с ним пиковую двойку.

— Двенадцать очков, — объявила Смерть. — Ты проиграл, ступай.

— У тебя тоже есть вопросы ко мне, старик? Или, может быть, просьбы?

Пракоп Лабань почесал пятерней в затылке.

— Не по чину мне тебя спрашивать, — сказал он. — Тем паче просить.

— Как знаешь, старик.

Лабань потупился, помялся с минуту. Затем решил.

— Раз уж сама обратилась, — бормотнул он. — Василь, сынок мой, где он нынче?

Похоронка на Василя пришла на второй месяц от начала войны. А еще через три месяца не стало и Алевтины, не проснулась поутру. Лабань схоронил жену, на следующий день заколотил избу и ушел партизанить.

Василь был у них единственный. Поздний, тайком под образами у бога вымоленный. Хорошим парнем рос Василь, крепким, правильным. Школу закончил на одни пятерки, уехал в Ленинград, поступил там в политехнический. Большим человеком мог стать, инженером. Не случилось — в тридцать седьмом пришла бумага: осужден к десяти годам за шпионаж и измену Родине. Старый Лабань едва тогда не рехнулся на допросах в НКВД. Однако вновь образа чудодейственные помогли — амнистию Пракоп с Алевтиной Василю вымолили.

— Забрала я твоего сына, старик, — сказала Смерть. — Два года тому, под Кингисеппом. Или ты не знал?

— Как не знать. Я не то спрашиваю. Где он? Ну, там, наверху.

— Вот оно что, — протянула Смерть. — То мне неизвестно, те дела мне не ведомы. Да и зачем тебе, скоро узнаешь сам.

— Понимаешь, какое дело, — Лабань вновь почесал в затылке. — В тюрьме он сидел. Статья такая, что... — старик махнул рукой. — Вот я и думаю: что, если он туда угодил, к вашим? Мы с ним тогда и не увидимся боле. Мне-то у вас делать нечего, грехов на мне нет. Но если так случилось, что у вас Василек, я б тогда... — старик замялся.

— Что б ты тогда?

— Я б тогда... Завтрева, как меня заберешь, тоже к вам попросился.

Смерть поднялась. Пракоп Лабань встал на ноги вслед за ней.

— Не волнуйся, старик, — сказала Смерть, и голос ее на этот раз не был бесцветен, Лабаню почудилось в нем даже нечто сродни уважению. — Я позабочусь, чтобы вы не разминулись. Поклонюсь кому надо.

Миронов проснулся в четыре утра — ровно в то время, которое себе назначил. Привстал, огляделся, минут пять вслушивался в предутреннюю тишину. Затем бесшумно поднялся. Безошибочно нашел путь к гнутой березе, под которой было сложено снаряжение. Забрал рюкзак со съестным, закинул на спину. Прихватил флягу с водой, нацепил на пояс. Постоял с минуту и сторожкими шажками двинулся назад, к болоту. На востоке начинало светать, и Миронов ускорился. Добравшись до края топей, повернул на юг и двинул вдоль трясины, с каждым шагом всё быстрее и уверенней.

О скользкую, утопленную в мох корягу Миронов споткнулся, когда был уже в полукилометре от ночной стоянки. Не удержав равновесия, полетел на землю лицом вниз. Успел подставить локти, сгруппироваться и смягчить

падение. Предательски зазвенела, шлепнув о камень, фляга. Миронов припал к земле и замер. По шее хлестануло внезапно острой болью. Подрывник мотнул головой, стряхивая источник боли, наверняка острый обломок сука или ветку. Отползающую под лесной выворотень черно-зеленую болотную гадюку он так и не увидел.

— Командир, — Алесь Бабич тяжело дышал, утирал со лба пот. — Слышь, командир.

— Чего тебе? — Докучаев привстал навстречу.

— Красавчик свинтил.

— Как это свинтил? — Докучаев вскочил на ноги. — Когда свинтил? Куда?

Алесь не ответил. Развернулся и тяжело побежал от подвижного поста к стоянке. Докучаев, бранясь на ходу, помчался за ним.

На том месте, где укладывался вчера спать Миронов, сидела, ссутулившись, Смерть.

— Ушел! — ахнул Докучаев. — Ушел же!

— И жратву прихватил, гнида, — откликнулся Бабич.

— Никуда он не ушел, — тихо сказала Смерть. — От меня не уходят. Там он, — Смерть махнула костлявой рукой на юг. — Неподалеку.

Миронов лежал, раскинув руки, навзничь. Его некогда красивое, волевое лицо раздулось, превратившись в уродливую синюшно-багровую маску.

— Ну, что делать будем? — Докучаев разложил на брезенте мины, растерянно переводя взгляд с одной на другую. — Кто умеет с ними обращаться?

Партизаны молчали. Опыта железнодорожных диверсий ни у одного из них не было.

— Я видал, как надо устанавливать, — угрюмо сказал Каплан. — Этот показывал, — он кивнул на юг, туда, где нашел Смерть Миронов. — Только сам ни разу не делал.

— Значит, пойдешь на насыпь, — заключил Докучаев. — Остальные будут прикрывать. Сам-то не подорвешься?

— А если даже подорвусь, — Левка пожал плечами. — Беда небольшая, с учетом... — он быстро посмотрел на Смерть, отвел взгляд. — С учетом некоторых обстоятельств.

— Эти выбросьте, — велела неожиданно Смерть, выпростав из рукава костлявое запястье и ткнув им в сторону прямоугольных фанерных ящиков с маркировкой МЗД-2. — То замедленного действия мины, их без навыка не поставишь. А эти пакуйте, — кивнула она на невзрачные беледые кубики с прикрученными по бокам батарейками. — Как заряжать, я покажу, они простые. Провод, что из батарейки торчит, видите? Это замыкатель, его надо выложить на рельс и примотать к нему бечевкой. А саму мину прикопать снизу.

— А ты откуда знаешь? — изумился Докучаев.

— Да насмотрелась, — хмыкнула Смерть. — Когда всяких-разных забирала.

— Наших? — уточнил Докучаев.

— Всяких, — отмахнулась Смерть. — В основном, всё же ваших, — добавила она миг спустя.

К железной дороге вышли к трем пополудни. Последние километры преодолевали осторожно, след в след, а когда в просветы между ветвями стала видна насыпь, старый Лабань вскинул руку в предупредительном жесте. Дальше он двинулся один, короткими перебежками от ствола к стволу. Добрался до опушки, присел. Раздвинув кусты можжевельника, выглянул наружу. Затем осторожно попятился и поманил Докучаева.

Минут пять Докучаев водил окулярами бинокля вдоль уходящего вниз, к железнодорожному мосту затяжного пологого спуска. Задержал окуляры на сбитом у крайнего пролета приземистом сооружении с жестяной крышей. Перевел дальше, посчитал покуривающих на лавке солдат, приплюсовал часовых, отметил собачий вольер, затем подался назад и сунул бинокль в футляр.

— Взвода два будет, — прошептал он на ухо Лабаню. — И, похоже, кинологическое боевое подразделение в придачу.

— Одна разница, — пожал плечами старик. — Будь там хоть рота, хоть дивизия, конец нам один.

— Есть разница, — сказал Докучаев твердо. — Этих мы удержим, пока не подойдет поезд. Этих должны удержать. Пошли назад.

Ночи дожидались километрах в трех от насыпи. За пять неполных часов по железной дороге прошло два эшелона.

— Послушай, — Докучаев неожиданно дернулся, повернулся к Смерти. — А ты нас как забирать будешь, ко времени? Если ко времени, торопиться нам надо.

— Да нет, — Смерть ненадолго задумалась. — Не ко времени, заберу, как получится.

— Тогда ладно.

К десяти стемнело окончательно, и Докучаев приказал выдвигаться.

— Простимся, что ли? — протянул Алесь Бабич.

Шагнул к Янке, обнял за плечи, привлек к себе. Та всхлипнула, уткнулась лицом в грудь.

— Ты это... — Алесь шмыгнул носом. — Не сердчай, если что. Играл я вчера на тебя.

— Как это играл? — запрокинула лицо Янка.

— Обычно, в карты. Вон с ней, — Бабич кивнул на Смерть. — Думал, отобью тебя у нее. Не вышло, фраернулся с тузом, двойку вместо него дернул. Знал бы, руки бы себе оторвал. И тебя не вытащил, и себя, считай, приговорил.

— Как это приговорил?

— Да так. Неважно, пошли.

Докучаев установил ручник, приладил диск, оставшиеся два прикопал в землю. Поодаль устроился с самозарядкой Токарева Лабань. Приладил магазин к трофейному шмайссеру и залег в можжевельнике Бабич.

— Давай, — обернулся Докучаев к Каплану.

Ухватив мешок с минами, Левка протиснулся сквозь кусты. Отдышался и, волоча мешок за собой, полез на насыпь. Добрался до рельсов, зубами развязал стягивающую мешок тесьму, на ощупь выудил мину. Отложил в сторону, выдернул из чехла нож и принялся рыхлить щебенку. Грунт

не поддавался, был он жестким и твердым, свалывшимся, спекшимся от времени, утрамбованным тысячами пронесшихся поверху поездов.

Левка выругался, упрятал нож в чехол, отомкнул от трехлинейки штык. С ним дело пошло быстрее — лихорадочно работая штыком, как лопатой, и в кровь обдирая пальцы, Каплан наконец справился. Трясущимися руками нашарил мину, затолкал под рельс, освободил замыкатель. Теперь предстояло закрепить его на рельсе бечевкой, но проделать это Левка уже не мог — не слушались сбитые в кровь пальцы. Каплан, стиснув в отчаянии зубы, застонал вслух от бессилия.

Сидящая поодаль на шпалах Смерть встрепенулась. Поднялась, заскользила по насыпи вниз.

— Помоги ему, старик, — бросила Смерть Лабаню. — Один не справится.

Вдвоем им удалось закрепить мину, и Левка принялся делать подкоп для второй, десятью метрами выше по склону. Он уже почти закончил, когда донесся далекий и еще еле слышный звук приближающегося поезда.

Докучаев вымахнул из укрытия, взбежал по насыпи и приложил ухо к рельсу. Успеет, должны успеть, навязчиво думал Докучаев, нутром лоя исходящий из стали гул. В дюжине шагов от него старый Лабань лихорадочно крепил бечевой вторую мину. Успеваем, с радостью подумал Докучаев, и в этот момент снизу, от моста, полыхнуло светом и донесся лязг.

Вжавшись в насыпь, Докучаев приподнял голову и обмер. Вверх по рельсам бодро катила дрезина, фонарные лучи с нее, описывая полукруги, освещали склон.

Докучаева пробило холодным потом. Через пару минут дрезина будет здесь. Подорвется на mine, с опорного пункта у моста успеют дать сигнал, и машинист приближающегося поезда затормозит.

Докучаев вскочил на ноги и в ту же секунду увидел Смерть, неспешно скользящую, плывущую по шпалам навстречу дрезине. Докучаев замер, лязг дрезинных колес на рельсовых стыках казался ему грохотом, который

производило, расшибаясь о грудину, его сердце. А потом лязг вдруг стих. Обшаривающий рельсы фонарный луч взлетел в небо, а затем закувыркался, покатился по насыпи мигающим белым пятном. Второй ткнулся в землю и умер. Секунду спустя лязг возобновился, но теперь он был уже не тот, что раньше, увесистый и бодрый, а дребезжащий, слабеющий и частый. Докучаев понял — то дрезина, катясь по инерции, уносила обратно к мосту мертвый экипаж.

— Всё, — тихо сказала Докучаеву материализовавшаяся из темноты Смерть. — Больше я ничего для тебя сделать не могу.

— Спасибо.

Гул поезда нарастал, близился, и Докучаев уже знал, понимал уже, что дело сделано и затормозить теперь не успеют. И что рывкнувший команду мегафон у моста, и завершившая эту команду автоматная очередь значения уже не имеют.

— Назад! — выпалил Докучаев, скатившись с насыпи. — Отходим!

Подхватив ручник, рванул в глубь леса. Метров двести пробежал, уворачиваясь от вынырывающих навстречу из темноты сосновых стволов. На секунду остановился, шестым чувством поймал надвигающуюся из-за спины опасность, обернулся и принял вымахнувшего из кустов поджарого пса на грудь.

Ручник отлетел в сторону. Докучаев рухнул навзничь, перехватил собаку за морду, перевернулся, подмял под себя, свободной рукой рванул из кобуры ТТ. Он не успел — второй пес сиганул сбоку, с ходу ударил в плечо и, поднырнув снизу, вырвал Докучаеву горло.

Капкан застал его уже мертвым. Жахнул из трехлинейки в метнувшуюся к нему с земли оскаленную морду, передернул затвор, повторным выстрелом добил. Упал за вересковый куст, выпалил на звук треснувшей неподалеку автоматной очереди. Заметил выроненный Докучаевым ручник, бросил к нему, ухватив за ствол, потащил в укрытие.

От насыпи полыхнуло светом и оглушило грохотом. Лева вскинулся, замер на секунду. Удовлетворенно кивнул,

осознав, что свет и грохот — результаты крушения поезда. Перехватил ручник за приклад, вывалил на траву, встал за ним на колени. Он не успел пасть плашмя. Автоматная очередь прошла Каплану грудь, отбросила, швырнула на землю. Ни подоспевшего Бабича, ни склонившуюся над ним Смерть Левка уже не увидел.

— Девчонку уводи! — проорал Алесь Бабич Лабаню. — Ну же, твою мать!

Старик обернулся. Янка, вцепившись в сосновый ствол, стояла недвижно. Лабань ухватил ее за руку, старчески кряхтя, потащил за собой в лес.

Не уйдем, думал старик, одышливо хрипя на бегу. Резкие гортанные крики на чужом языке и треск автоматных очередей раздавались уже повсюду, со всех сторон. Не уйдем, не уйдем, не уйдем, отчаянно билось в висках. Пуля догнала Лабаня, ужалила в плечо, вторая вошла меж ребер и пробила легкое. Он выпустил Янкину руку, сунулся на колени, повалился лицом вниз. Горлом хлынула кровь.

Янка, вцепившись в тощие стариковские плечи, задыхаясь, рывками пыталась тащить. Рывок, еще рывок. Сил не было, ничего уже не было, но она тащила и тащила — упорно, метр за метром, вопреки безнадее, отчаянию, вопреки всему.

Бабич дал по лесу от живота очередь, отбросил шмайссер, метнулся к ручнику. Оторвал от приклада мертвые Левкины руки. Перебросил сошки, упер в грунт. Краем глаза поймал мелькнувшую между стволами фигуру. Срезал ее очередью на перебежке, уцепил взглядом вторую, зачеркнул пулями и ее.

Следующие несколько минут Бабич вел огонь. Стрелял и после того, как хлестнуло по бедру и скрутило от боли. И после того, как пуля прошила предплечье, обездвижив левую руку. И даже когда в пяти метрах разорвалась граната и осколок впился под ребра.

Еще одна граната рванула справа. Бабич зарылся лицом в землю, а когда вскинул голову, в двух шагах от себя

увидел Смерть. Она сидела, согнувшись, скорчившись, едва не свернувшись в клубок. Брошенный Бабицем шмайссер лежал на траве у ее ног.

— Стреляй, падла! — заорал на Смерть Алесь. — Что расселась, сука, стреляй!

Смерть резко выпрямилась, ее шатнуло из стороны в сторону.

— Я не умею, — прошептала Смерть горестно. — Мне нечем стрелять.

— Чтоб тебе сдохнуть, — Алесь вновь припал к ручнику.

— Я бы не прочь, — отозвалась Смерть. — Но не могу вот.

Смерть поднялась, новая граната разорвалась у ее ног, разворотив осколками шмайссер. Бабича взрывной волной опрокинуло на спину, острый шестимиллиметровый шмат металла вошел под сердце.

— Прости, — сказала Алесю Смерть. Забрала его и поспешила прочь.

Янка отпустила старика, повалилась с ним рядом. Силы закончились, и жизни осталось всего ничего. Янка улыбнулась склонившейся над ней Смерти.

— Вставай, — грустно сказала Смерть. — Пойдем.

Янка послушно поднялась на ноги. Стало вдруг легко, усталость ушла, и даже лес вокруг посветлел, перестал стрелять и переключаться чужими голосами.

— Пойдем, — повторила Смерть.

Янка ступила ей вслед, сделала шаг, другой, затем остановилась. Умереть оказалось совсем не страшно. Только почему же... Стало вдруг тревожно. Почему же она одна...

— А дед Пракоп? — требовательно спросила Янка, оглянувшись на лежащего ничком старика.

— Я забрала его. Пойдем.

Янка смутилась. Если Смерть забрала их обоих, то, очевидно, им и идти за ней следовало вместе. И потом, где же тогда остальные...

— Где они? — озвучила свой вопрос Янка. — Командир, Каплан... — она запнулась, — и Алесь?

— Я забрала их, — ответила Смерть спокойно. — Ступай за мной.

Янка, перестав что-либо понимать, бездумно побрела вслед за Смертью. Миновала застывшего в ужасе детину в каске и с автоматом в руках. Другого, вставшего, склонив голову, на колени. Припавшего к земле и поджавшего хвост пса.

Она не знала, сколько времени шли. Когда, наконец, остановились, уже светало.

— Всё, — сказала Смерть. — Ступай. Я теперь долго не приду за тобой.

— Долго? — эхом отозвалась Янка. — Не придешь?

— Лет сорок, — кивком подтвердила Смерть. — Может, больше, я не умею смотреть так далеко. Теперь ступай.

— Подожди! — вскрикнула Янка. — Почему ты меня не забрала?

— Я проиграла тебя.

— Как? — Янка ахнула. — Он же сказал, Алесь... Сказал, что проиграл он.

Смерть усмехнулась, пожала плечами и растворилась, как не бывало.

— Я передернула, — донеслось до Янки.

В десяти километрах к востоку, на примятой лесной траве лежали две черные семерки и шестерка червей. Рядом с ними — гордо задравший бороду бубновый король. И приткнувшийся к нему сбоку пиковый туз. В слабейших утренних сумерках совсем уже не похожий на двойку.

Павел Корнев

Слово автора:

Впервые я познакомился с проектом «Модель для сборки» в те далекие времена, когда озвучивание литературных произведений еще не приобрело массовый характер, и потому был очень и очень впечатлен. Впрочем, даже на сегодняшнем уровне работы МДС выделяются и качеством начитки и фоновым звуковым рядом. И пусть сам я предпочитаю книги читать, а не слушать, но за предложение озвучить мой собственный рассказ ухватился обеими руками. За первым рассказом последовал второй и третий, и я очень сильно рассчитываю, что на этом дело не ограничится и наше сотрудничество будет продолжено.

АУТОДАФЕ

(выложен 13.02.2013)

Зависший над самым горизонтом багровый шар вечернего солнца тонул в затянувших край неба облаках и через рваную прореху напоследок злорадно слепил глаза. Полозья саней весело хрустели свежавыпавшим снегом, разгулявшийся с приближением сумерек мороз кусал щеки и нос, а его беспутный братец-ветер колол лицо острыми снежинками.

Но холод и сумерки — ерунда; беспокоило совсем другое. Под сердцем с самого утра поселилось смутное беспокойство, и внизу груди то и дело противно посасывало. А с чего, почему — непонятно; пока всё складывалось очень даже неплохо...

Вот и домой мы уже точно успевали добраться до наступления темноты; не зря спозаранку из Форта выехали. Подсутились, сунули на лапу знакомому инспектору Гарнизона и не прогадали. Солнце только садится, а до села километров десять осталось, не больше.

Ну а погода... А что погода? Погода у нас всегда собачья, другой не держим. Холод — ерунда, главное — до темноты успеть. А дома отогреемся. По такому поводу и баньку затопить можно, и самогона замахнуть. Потом — отсыпаться. Благо мы теперь можем себе это позволить.

— Эй, да расслабься ты! — Яков спрыгнул с саней и побежал рядом, пытаясь хоть немного согреться. — Мы сделали это, брат, сделали!

— Не кажи гоп, до села еще ехать и ехать, — поморщился я и настороженно оглянулся, но узкая, укатанная полозьями саней дорога оставалась пустынной. Кругом

заметенное снегом поле — ни кустов, ни оврагов. Для засады место неподходящее. Вот дальше темнеет небольшой лесок, но точно такой уже остался позади, так что, даст бог, прорвемся.

— Да перестань ты скиметь, слушать тошно, — скривился мой слишком уж самоуверенный компаньон. — Неужели так сложно поверить, что у нас всё получилось?

— Оно всё так, только...

— Никаких «только»! — решительно рубанул Яков воздух рукой. — Тебя послушать, так надо было рыбу перекупщикам сдать. За бесценки!

— Почему за бесценки?.. — спросил я, прикинул наш навар и замолчал.

Выручить за воз мороженого окуня в Форте удалось столько, сколько наведывавшиеся в село скупщики давали за четыре. Да и обратно мы не порожняком возвращаемся, так-то...

— Да потому! Потому! — расхохотался парень. — Пока задницу от печи не оторвешь, никто тебе нормально платить не станет! Так и будешь всю жизнь с копейки на копейку перебиваться. А сейчас мы у Пастухова его улов выкупим — и вовсе денег не плохо поднимем!

— погоди! — оборвал я приятеля. — Ты опять, что ли, в Форт намылился?

— Ну да, — с безмятежным видом кивнул Яков. — А чего кота за хвост тянуть? К середине декабря успеем неплохой капиталец сколотить. До лета хватит!

— Может, не стоит судьбу искушать? — засомневался я. — Нечисть...

— Если всё по уму делать, везде засветло добираться будем.

— А на бандитов нарвемся?

— Да какие еще бандиты? Что им здесь делать? Ну не дураки же они в снегу задницы морозить? — фыркнул Яков. — Ты больше перекупщиков слушай. Они тебе не только про бандитов, но и про ледяных ходочков и туманников по ушам напинают. Лишь бы им товар сдал, а сам из села — ни ногой!

— И всё же?

— Да прорвемся! — И вытащив из болтавшихся на поясе ножен кавалерийскую шашку, парень несколько раз взмахнул ею в воздухе, а потом продекламировал: — Несмотря на рваный кед, мы ломаем им хребет!

— Твоими бы устами, — вздохнул я и проверил убранный под дерюгу обрез.

Особой уверенности в собственных силах, впрочем, от прикосновения к оружию не появилось: укороченная одностволка шестнадцатого калибра ИЖ-5 худо-бедно отгоняла оголодавших хищников, но против обнаглевших в последнее время бандитов ничем помочь не могла.

— Успокойся! — Яков спрятал шашку в ножны, запрыгнул в сани и самодовольно улыбнулся: — Всё ништяк!

— Да кто спорит? — пожал плечами я и уставился на вскочившего с лавки компаньона: — Ты чего?

— У, черт! Накаркал! — в голос взвыл тот и, ухватив вожжи, со всей мочи приложил хлыстом тащившую сани лошаденку. — Пошла, курва! Пошла!

Едва не вывалившись из саней, я оглянулся и остолбенел: по дороге неслись трое верховых. Всадники лошадей не жалели, расстояние меж нами стремительно сокращалось, и по всему выходило, что оторваться от них не получится. И даже до лесочка доехать не дадут...

— Пошла, пошла! — размахивая хлыстом, орал Яков и, обернувшись на миг, командовал: — Шмотки выкидывай!

Я перевалил через борт мешок с зерном, поспешил ухватить следующий и крикнул:

— Может, договоримся?

— Договорись, попробуй... — надсадно просипел мой компаньон, и тут вдруг сани дернулись, да так резко, что меня с тюком в руках отбросило на лавку.

Неужто в яму угодили?!

Я обернулся и самым натуральным образом обомлел: обрезавший постромки Яков нахлестывал лошадь, во весь опор несшуюся к спасительному лесу.

— Яша! — во всё горло завопил я. — Вернись! Вернись, сука!

Ничего эти крики, конечно же, не изменили. Яков даже не обернулся.

Кинул меня, сволочь!

Ну ничего, мы еще повоюем!

В запале я сунул руку под дерюгу и выругался, не обнаружив там обреза.

И его упер, гаденыш!

Ухватив топор, я выскочил из саней и бросился в чистое поле.

Но толку-то?

Ветер подчистую вымел с открытого пространства весь снег, и лишь у редких кустов возвышались небольшие сугробы. Не уйти...

Услыхав за спиной хруст наста под копытами, я обернулся и перехватил топор. Один из верховых промчался мимо брошенных саней вслед за Яковым, двое других нагоняли меня.

Не оставят свидетеля?! Никому ж...

Руки и ноги обмякли, поджилки тряслись, но я упрямо закусил губу и заставил себя покрепче стиснуть топором.

Ведь не может же всё закончиться вот так — посреди этого богом забытого поля. А жена, а дочь? Они-то как?!

Оскалившийся в жуткой ухмылке бородач замахнулся саблей и направил лошадь прямо на меня. Уж не знаю, на что он рассчитывал: то ли зарубить, то ли стоптать, но в последний миг я успел увернуться от копыт и в развороте шибанул обухом по колену враз взывшего от боли всадника.

За спиной громыхнул выстрел, что-то ударило в спину, сбilo с ног. Больно не было — будто под наркозом, — но враз ставшее ватным тело охватила странная слабость. Через силу я нашарил оброненный топор, попытался подняться...

Гул клинка, удар, тьма...

Да — тьма! Тьма распахнула гостеприимные объятия, укутала непроницаемо-черным плащом, прогнала прочь боль и страх. И лишь холод оказался ей неподвластен. Стужа впиалась зазубренными лезвиями прямо в душу, заморозила всё, до чего смогла дотянуться, и в конце концов именно ее жгучие касания вырвали меня из едва не перешедшего в вечный сон оцепенения.

Но и тьма никуда не делась. Темно...

Еще ничего не соображая, я уперся руками в снег, кое-как поднялся на колени и лишь тогда догадался сдвинуть с глаз, видимо, и спасшую мне жизнь ушанку. Светлее стало только чуть, но теперь, по крайней мере, удалось разглядеть затянутое тяжелыми тучами ночное небо и белую гладь заснеженного поля.

Живой!

Растянув в улыбке онемевшие губы, я попытался снять варежки, но непослушные пальцы едва шевелились, а правая ладонь так и вовсе стиснула мертвой хваткой топориче и никак не желала выпускать оружие.

Вот ведь! Как бы пальцы ампутировать не пришлось...

Ощупав свободной рукой ушанку, я нашарил длинный разрез; потом попытался завести руку за спину, но не смог. Тело было словно чужое, мышцы из-за долгого лежания в сугробе не слушались, и куда именно угодила пуля, понять так и не удалось.

Ерунда, главное, что живой.

Выбравшись на укатанную полозьями саней дорогу, я огляделся по сторонам и поплелся к лесочку, в который умчался стервец Яков. Судьба его сейчас интересовала меня меньше всего, но не напрямик же по заснеженному полю тащиться! И так сил нет...

Ноги сами собой несли вперед, и от бездумно-монотонных движений сознание вновь начало проваливаться в липкую яму забывтья.

Пытаясь хоть как-то сохранить ясность мыслей, я принялся считать шаги и невольно пожалел, что совершенно не чувствую боли.

Хотя, с другой стороны, может, оно и к лучшему? Это сейчас замороженное тело потеряло чувствительность, а вот немного отогреюсь и скрутит.

И значит, надо спешить. Спешить и считать шаги.

Первый. Второй. Третий...

Темное пятно на дороге показалось на триста сорок восьмом шаге. Раскинувший руки человек лежал на спине, снег вокруг был густо забрызган черными брызгами крови.

Остановился рядом, я посмотрел на изуродованное лицо Якова с запорошенными снежком пустыми глазницами, захотел было плюнуть, но как на грех пересох рот.

Не пошло Яше впрок предательство, значит. Не убеет. А вдвоем, кто знает, могли бы и отбиться...

И только тут я понял, что на самом деле подняло меня из сугроба и привело сюда.

Ненависть. Жуткое желание загнать этого подонка в угол и голыми руками вырвать глотку. Или хотя бы рубить, рубить, пока...

Опустив непроизвольно приподнятый топор, я отступил от тела и затряс головой, прогоняя наваждение.

Нет! Хватит! Надо возвращаться домой, надо...

И будто пьяный я побрел через заснеженный лес. А дальше — всё какими-то рваными кусками.

Голые ветви деревьев; серая пелена ночного неба; легкая поземка, заметающая черные точки капель крови на раскатанной дороге; вновь темнота...

Темнота окружила со всех сторон, а когда в глазах прояснилось, оказалось, что я умудрился сойти с дороги на какую-то запорошенную поземкой тропинку.

Куда это меня занесло? Мне б домой...

Но ни сил, ни желания поворачивать назад уже не было. Словно безвольная механическая кукла я переставлял ноги, надеясь, что вот-вот, за очередным поворотом окажется какой-нибудь хутор. И пусть придется потрудиться, убеждая хозяев пустить на ночлег израненного путника, но мне многого не надо — отогреться бы да перевязать раны. И поспать. Поспать в тепле, лучше прямо у очага.

Холодно...

А тропинка всё петляла средь высокого кустарника и петляла. Сил давно не осталось, нестерпимо хотелось завалиться на снег, и вперед гнал лишь нестерпимый холод, поселившийся где-то внутри.

Холод; да еще какой-то тихий, но жутко назойливый голосок в голове, который твердил, что конец пути уже близок. Что следы на заметенной снегом тропинке становятся всё отчетливей. И иногда среди них нет-нет да и мелькают черные пятнышки крови.

Крови? При чем здесь кровь?

Хриплый лай цепного пса прогнал промелькнувшую в голове догадку, и, забыв про всё на свете, я рванул вперед.

Но хутора за поворотом не оказалось. Над покосившимся забором торчала одинокая соломенная крыша невысокого домишки. Надворные постройки порядком обветшали, снег почти полностью замел хлипкие, скособоченные сарайки, и вместе с тем жилище заброшенным не было: из печной трубы валил дым. Да и собака опять же...

Значит, там люди. Люди и вытопленная печь. А больше сейчас ничего и не надо...

Только вот пробраться во двор оказалось непросто: уже на подходе меня встретила упругая пелена охранного заклинания; она облепила всего мокрой простыней и отодвинула прочь. Сразу захотелось убраться отсюда подобру-поздорову, но холод, холод оказался сильнее. Он заставил стиснуть зубы и сделать шаг вперед. А потом еще один. И еще...

Кобель во дворе так и заходиллся хриплым лаем, но, когда я заглянул в щель меж створок не до конца закрытых ворот, истошно завыл и, бряцая цепью, отбежал к конуре. И сразу в доме со скрипом распахнулась провисшая на одной петле дверь.

— Кто там еще? — раздраженно рывкнул показавшийся на пороге бородатый мужик в накинутаой поверх рубахи фуфайке. Ухватившись за косяк, он подслеповато сощурился и прикрикнул на собаку: — Трезор, чего разбрехался?!

Я попытался крикнуть ему, но смог выдать из себя лишь невнятный хрип. Что за напасть?!

Заподозривший неладное хозяин халупы обнажил длинный тесак и, сильно хромя, спустился с крыльца во двор. Загнал пса в конуру, обернулся — и вдруг его лицо показалось знакомым. И не просто знакомым: перед глазами встала оскаленная в диком крике бородатая харя нагнавшего сани бандита.

Ах ты, гад!

Рывком вломившись в ворота, я занес над головой перехваченный двумя руками топор и в один миг оказался рядом с мужиком. Он и слова сказать не успел, как тяжелое лезвие с глухим стуком врубилось в левую ключицу и засело в грудине, перебив сразу несколько ребер.

Бандит замертво повалился на снег и потянул за собой топор; удержаться на ногах удалось, лишь вовремя выпустив из онемевших рук деревянную рукоять. Я попытался высвободить из трупа оружие, но лезвие ушло слишком глубоко, а к моим пальцам хоть и начала возвращаться чувствительность, но толком они не ворочались.

Не выдернуть,дохлый номер.

Дохлый? Воистину так и есть.

И кое-как стиснув рукоять облепленного снегом тесака, я подошел к приоткрытой двери и прислушался. Пустое — слышен был только надсадный хрип цепного пса.

Да и неважно! Бежать, бежать отсюда надо, пока бандиты не всполошились!

Вот доберусь до села, соберу мужиков, и тогда они у нас попляшут! Кровью, сволочи, умоются!..

Хорошо бы, но не выйдет.

С минуты на минуту налетчики обнаружат труп поделника и отправятся вдогонку. А мне от верховых не убежать. Догонят, навалятся скопом и на куски порубят.

Не хочу...

И в лесу хорониться тоже не хочу. После короткой схватки по замерзшему телу только-только начала расходиться застоявшаяся кровь, и что теперь — опять под каким-нибудь кустом замерзать?

Ну уж нет, лучше потрепыхаюсь, вдруг чего да выгорит.

Не может здесь много бандитов быть, никак не может. Грех подвернувшемуся случаем не воспользоваться.

Голова вновь закружилась, мысли пустились в хоровод, и, толком не понимая, что именно движет вперед, я проскользнул в прихожую. Только вот там, к глубочайшему моему сожалению, никакого оружия не обнаружилось. Проход направо, проход налево — вот и всё.

Дивясь собственному бесстрашию, я опустил на корточки и, когда глаза привыкли к темноте, обнаружил, что неяркие отблески света выбиваются из-под двери только одной комнаты. В другой — темнота.

Вот туда мне и надо.

Оставляя по полу снежные следы, я пересек прихожую и легонько толкнулся внутрь. Незапертая дверь с легким скрипом распахнулась; стараясь не шуметь, я шагнул в темное помещение и сразу замер на месте, заслышав чье-то тяжелое, надсадное дыхание.

Окна оказались наглухо закрыты ставнями, и в сгустившемся мраке мне далеко не сразу удалось различить лежавшего на панцирной кровати человека, точнее — белые пятна заматывавших его грудь бинтов.

Неужто Яша пальнуть успел?

Совершенно бездумно я приблизился к койке, отложил тесак на сбившееся одеяло и склонился над раненым. Будто только этим в жизни и занимался, левой рукой зажал ему рот, а правой со всех сил стиснул горло. Подранок замычал, попытался высвободиться, но поздно — вот уже хрустнула гортань, и судорожно дернувшийся бандит обмяк и затих.

Еще один готов.

Спокойная, словно и не мне вовсе принадлежавшая мысль подтолкнула на выход, и я вернулся в прихожую. С тесаком в руке замер у второй двери, но в зазор между порогом и полотном по-прежнему выбивались неровные отблески светильника.

Свет — это плохо. Значит, там не спят. Значит, врасплох не застать.

Еще и ругаются...

Опасаясь привлечь к себе внимание, я тем не менее легонько надавил на дверь и заглянул в образовавшуюся щелочку.

— Гоша где? — раздраженно спросил кого-то мужчина средних лет, сидевший на лавке рядом с открытой печуркой.

Так вот и не скажешь, что бандит. Никакой печати порока на лице. Наоборот, очень даже солидно выглядит: широкий лоб, глубокие залысины на висках, светлые, аккуратно подстриженные волосы. Худой только...

— Пошел пса успокоить, — ответил невысокий парень и присел у печки с березовым поленом в руке.

И вот этот как раз на бандита походил весьма и весьма. Крепкого сложения, со сломанным носом и плохо зажившим шрамом под левым глазом. На поясе в кожаных ножнах — длинный охотничий нож.

— Так чего эта зверюга до сих пор заливается? — Пожилой раздраженно потеревил мочку уха и достал из кармана жилетки золотой портсигар. — Сходи, проверь, — после недолгого молчания распорядился он.

— Да ладно, Штоц, чего еще? — поежился парень и, сунув полено в печь, отряхнул ладони. — Сейчас он придет уже...

— Иди, сказал! — скомандовал названный Штоцем бандит и предупредил: — Ружье только возьми.

— Черт с тобой! — И прихватив с накрытого прожженной клеенкой стола двустволку, парень зашагал на выход.

Нисколько не волнуясь, я дождался, когда он подойдет, и тогда уже одним резким толчком распахнул дверь. Полотно со всего маху угодило не успевшему среагировать бандиту по лицу, и бандит как подрубленный рухнул на пол.

Перескочив через порог, я рванул к пожилому, но тот мигом соскочил с лавки и вскинул руку. В тусклом свете мелькнуло черное дуло пистолета, громыхнул выстрел, и что-то сильно садануло меня в грудь.

Тупой удар заставил покачнуться, и этой заминкой медленно воспользовался сбитый с ног парень. Он будто

распрявившаяся пружина приложился ботинками мне чуть выше поясицы; обстановка комнаты мелькнула перед глазами, а в следующее мгновение я шибанулся головой о кирпичную кладку печи.

— Гаси его! — заорал пытавшийся передернуть затвор заклинившего ТТ пожилой, и бугай ухватил оброненное при падении ружье.

Не вставая с пола, я левой рукой ухватил Штоца за ногу, рванул ее на себя и полосонул под коленом тесаком. Неловко взмахнув руками, главарь завалился назад, со всего маху приложился затылком об угол столешницы и скатился на пол. Я вновь замахнулся, но тут нацеливший на меня двустоволку бандит спустил сразу оба курка.

Громыхнуло просто оглушительно, но удача вновь была со мной. То ли парень слишком поторопился, то ли побоялся зацепить подельника, да только оба заряда прошли мимо и впустую вышибли из печи кирпичную крошку.

Заорав что-то матерное, крепыш подскочил и с размаху приложил меня деревянным прикладом разряженного ружья. Подставленная под удар кисть хрустнула, тесак отлетел под лавку, а просто озверевший парень навалился сверху и принялся орудовать охотничьим ножом. Клинок прошелся вскользь по шее, взметнулся и опустился вновь, рассекая фуфайку. Чувствуя, как меркнет сознание, я выхватил из печи полыхающее полено и шибанул им бандита по голове.

Взвыв от боли, тот скатился с меня и сразу получил горящей деревяшкой в глаз. Взвыл, отшатнулся, но сделать уже ничего не успел: кое-как перехватив здоровой рукой оброненный им нож, я коротко, почти без замаха воткнул острие в горло. В лицо хлестанула струя алой крови, и меня неожиданно бросило в жар, но я тут же сбросил оцепенение и, перебравшись к валявшемуся без сознания главарю, ударил его остро заточенным клинком.

Раз, другой, третий. И еще, и снова...

Когда немного очухался, голова кружилась, от левой руки шел одуряющий запах горелой плоти, но боли не было,

а всё произошедшее казалось дурным сном. И вместе с тем я был совершенно спокоен, такое впечатление, — даже пульс не участился. Будто раньше только тем и занимался, что людям глотки резал.

А ведь еще непонятно, насколько серьезно меня ранили.

Поразившись неожиданно пришедшей в голову мысли, я поднес к лицу левую ладонь и уставился на варежку. В обуглившуюся дыру виднелась обгоревшая кожа, но боли по-прежнему не было. Не было!

Поднявшись с пола, я подошел к висевшему в углу зеркалу, стер толстый слой пыли и не поверил собственным глазам...

Шея оказалась рассечена, и в глубоком разрезе белела кость; чуть ниже левой ключицы обнаружилась отметина пулевого отверстия, фуфайка на правом боку была иссечена дробью. И нигде — ни капли крови. Моей крови, чужой было предостаточно.

А потом я стянул с головы ушанку и слепо уставился на раскроенный ударом сабельного клинка череп.

И что это значит? Я — мертвец? Живой труп?

Живой — ха! Нет, по всему выходит — мертвец не бывает.

Рухнув на стул, я попытался собрать мысли в кучу и с трудом отогнал подступившее безумие. Желание голыми руками разорвать тела бандитов на куски какое-то время еще дурманило сознание, но постепенно мне удалось справиться и с ним.

Я — мертв, и с этим ничего не поделать. Можно кидаться на стены, плакать, выть, но... это ничего уже не изменит. А время... время буквально утекает сквозь пальцы. Ведь еще немного — и мою душу окончательно поглотит сущность ледяного ходака.

И что делать?

Как без меня будут жена и дочь? Кто позаботится о них?

Едва удержавшись, чтобы не вскочить на ноги и не броситься вон, я вцепился в край столешницы и заставил себя остаться на месте.

А какие варианты? Собрать с трупов деньги и передать им? Но смогу ли я так долго удерживать под контролем свою новую сущность? Не сорвусь ли в самый неподходящий момент?

В памяти всплыли страшные истории о людях, которые, возвратившись домой мертвыми, губили целые семьи, и я тихонько завыл, не зная, как быть дальше. А потом вдруг успокоился и смахнул со стола пузатую лампу. Стекло разлетелось вдребезги, и масло залило пол; тут же полыхнуло чадившее до того полено, и огонь побежал по занавескам и сбившемуся с кровати одеялу.

Миг, другой — и вот уже вся комната оказалась объята пламенем. Но мне уже было всё равно. Задавив последние крохи сомнений, я закрыл глаза и откинулся на спинку стула.

Чему быть, того не миновать. Прощайте и не поминайте лихом.

И хоть напоследок — немного тепла...

Вадим Панов

Слово автора:

Писатель — это текст. Это буквы, которые складываются в слова, слова — в предложения, абзацы, а они — в историю. Писатель — это тишина. И книга — это тишина. Все ее события — спокойные диалоги и громкие крики, мягкий шелест прибоя и грохот землетрясений, шум моторов и выстрелов, — всё происходит внутри. Мы создаем их сами и для себя. Только для себя.

И потому так интересно слушать историю, читать ее чужим голосом, чужими интонациями, чужой страстью — сравнивать отношение и впечатление. И особенно интересно слушать историю в исполнении прекрасного, артистичного рассказчика, вживающегося в историю так, что кажется, будто она звучит внутри тебя...

АНГЕЛ

(прочитан на «живом» выступлении в КЦ «ДОМ» 28.09.2014)

— Мама... Мама! Мама! Мамочка!!

Крик. Крик. Крик.

Слезы, боль, нечеловеческая боль и скрюченные пальцы, боль, заглушающая всё, отсекающая от реальности, пришедшая изнутри и затопившая, невыносимая, выпивающая, рвущая, заставляющая позабыть обо всем на свете и превращающаяся в громкий крик.

Боль.

Крик.

Если кричать, то станет легче...

Кому?!!

Впрочем, сейчас нельзя не кричать. Боль порождает крик, и, может быть, от него действительно становится легче, однако в пелене кошмарных ощущений не чувствуется ничего, кроме терзающих вспышек невыносимого.

— Мамочка!

— Тужься!

— Мама!

— Тужься!

Боль дарит глухоту, свой крик дарит глухоту, но Анна прекрасно понимает, что велит ей толстая женщина с грубым, словно сложенным из ноздреватых булыжников лицом.

— Тужься!

Ане больно. Ане страшно. Ее ногти переломаны, иногда не хватает воздуха, но разум... Нет, не он — инстинкты. Дикая боль отключила разум, но инстинкты не подводят и заставляют измученное тело делать то, что требует опытная женщина с тяжелым лицом.

— Тужься!

И Аня тужится, пытаясь расстаться с тем, к кому привыкала несколько долгих месяцев.

— Тужься!

— Мама!

— Еще! Еще!! Еще!!!

— Мамочка!!

Крик.

Нет, не ее. Уже не ее. Комната внезапно наполняется громким детским криком. Жалобным? Болезненным? Маленький человек впервые увидел свет, немножко испугался, и его крик прорывается сквозь жуткую стену болезненной глухоты — мать не может не услышать дитя.

— Что случилось? — лепечет Аня.

Она плохо понимает происходящее, она еще чувствует боль, но все ее мысли там, рядом с окровавленным орущим комочком живой плоти.

— Всё хорошо.

— Что случилось?

— У тебя мальчик.

Крик.

Счастье. Мальчик плачет, а его истерзанную мать распирает от радости, потому что теперь Анна доподлинно знает, как звучит женское счастье — это первый крик ребенка.

— Слышишь? У тебя мальчик!

Она слаба, она устала, она оглушена, она с трудом ориентируется в происходящем, но эту фразу Анна слышит прекрасно. И просит:

— Дайте его мне.

— Сейчас нельзя. Он слишком слаб.

Как так?! Позвольте прикоснуться к ребенку! Позвольте обнять, поцеловать, почувствовать биение маленького сердца... Сделайте счастье полным!

— Пожалуйста, — лепечет Анна, но ответа нет.

Крик становится тише, тише... прячется вдали... за закрывающейся дверью... Или это она теряет сознание, проваливаясь в вату усталого сна? Или во всем виноват укол,

который она почувствовала секунду назад? Анна не знает. Она просто откидывается на подушки, улыбается и шепчет: «Костя... Я назову тебя Костей...»

— Родитель «ноль»? — не понял Кирилл. — Что вы имеете в виду?

— Возможно, я использовал непонятный термин... — Судья помолчал, подбирая нужные слова, после чего осведомился: — Как вы называете изначального родителя? Мать?

— Кого?

— Мать. Маму. — Публика притихла, не совсем понимая причину задержки с ответом, и тогда послышалось дополнительное определение: — Как вы называете того, кто вас родил?

Несколько секунд изумленный Кирилл обдумывал вопрос, а затем, сообразив, наконец, чего от него хочет судья, уверенно произнес:

— В свободном мире подобный анахронизм не имеет смысла. Нельзя оскорблять второго воспитывающего партнера или других воспитывающих партнеров тем, что они меня не выносили. Все мои партнеры равны между собой. Я одинаково любил каждого из них.

— Сколько их у вас было?

— Какое это имеет значение?

— Вы собираетесь задавать мне вопросы?

Кирилл посмотрел на Падду, адвокат едва заметно пожал плечами, показывая, что с судьей лучше не спорить, но выглядел при этом таким же растерянным, как и клиент.

— Я ни в коем случае не хотел оскорбить вас, — промямлил Кирилл, делая адвокату знак глазами.

Падда кивнул, громко выдал: «Позвольте вопрос, ваша честь!» — и резво бросился к судейскому возвышению, следом подтянулся обвинитель.

— Родитель «ноль»? — торопливо произнес адвокат. — Ваша честь, в чем смысл вопроса?

— Мне стало интересно.

— Лично вам?

Несколько секунд судья выразительно смотрел на адвоката, после чего предельно вежливо произнес:

— Не забывайте, советник, что дело не только громкое, но и весьма деликатное, и чем больше я и присяжные будем знать о личности вашего клиента, тем проще будет вынести справедливый вердикт.

— Обвинение не возражает против дополнительных вопросов, — вставил прокурор.

— Кто бы сомневался, — грубовато отозвался Падда, почесывая коротенькую бородку.

— Что не так?

— Вопрос в вашу пользу, — ляпнул адвокат и тем вызвал неподдельное изумление у собеседников.

— Ваш клиент стыдится своих родителей? — осведомился судья.

— Ни в коем случае, ваша честь, он гордится ими, — тут же поправился Падда. — Но с вашего позволения, мы будем называть их воспитывающими партнерами, поскольку мой клиент привык использовать именно этот термин.

— Как вам угодно.

— Я как раз собирался поговорить о семье обвиняемого, — торопливо произнес прокурор. — Есть вопросы, которые я хотел бы прояснить.

— Вот и проясняйте.

— Спасибо, ваша честь.

Адвокат бросил на обвинителя кислый взгляд, вернулся за стол и почти минуту шептался с Кириллом, после чего подсудимый подвинул к себе микрофон:

— Я готов отвечать на вопросы, ваша честь.

Журналисты — а именно они составляли большую часть публики — обратились в слух и приготовились делать пометки в блокнотах.

— Вы помните вашего первого воспитывающего партнера? — осведомился прокурор. — Того, кто подарил вам жизнь?

— Нет, — ответил Кирилл, продолжая смотреть на судью. Обвинителя он подчеркнуто проигнорировал.

— Вы сирота?

— Нет, поскольку все воспитывающие партнеры были для меня родными людьми, близкими духовно и физически.

— Сколько их у вас было?

— С шести до четырнадцати лет я по очереди жил с двенадцатью партнерами, которых мне подбирала Служба ювенального распределения или предыдущие партнеры через он-лайн систему «Счастливый дом». В четырнадцать лет я получил право регистрации в системе и самостоятельно выбирал воспитывающих партнеров до достижения совершеннолетия. — Кирилл выдержал паузу, выслушивая подказку адвоката, кивнул и продолжил: — Если обвинению интересно, среди тех, кого я выбирал в партнеры, были и женщины. Все они хорошо обо мне заботились.

— А их мужа?

— Вы имеете в виду их временных равноправных партнеров противоположного пола?

— Полагаю, да, — не очень уверенно ответил прокурор.

— У одной из женщин был такой партнер, но я его не интересовал. Он предпочитал проводить время или с женщиной, или с младшими воспитываемыми партнерами. — Заминка осталась позади. Кирилл обрел уверенность и, явно рисуясь, поинтересовался: — Если хотите, ваша честь, я могу рассказать об этом подробнее.

Журналисты встретили предложение дружным, но негромким хихиканьем.

— В подробностях нет нужды, — медленно ответил судья, потирая подбородок. — По большому счету меня интересовало одно: помните ли вы свою маму?

— Как ты там оказалась, дура?

— Оскорблять обязательно?

— Учитывая обстоятельства...

— Палыч, рот прикрыл, — жестко бросил Дохлый. После чего повернулся к Анне и соорудил на лице извиняющуюся

улыбку. — Мой друг превосходный профессионал, но отсутствие у него воспитания — дополнительная плата, которую вам придется платить за сотрудничество. Или не придется: если Палыч вас достал, вы имеете право расторгнуть контракт прямо сейчас. В этом случае мы оставим за собой десять процентов от аванса за беспокойство, а остальную сумму я немедленно верну на ваш счет.

Дохлая вел себя предельно вежливо, много улыбался, судя по косвенным признакам, был опытным ломщиком, рвущим любые сети на завтрак, однако Анне он почему-то нравился гораздо меньше напарника: хмурого, злого и грубого Палыча. Улыбчивый Дохлая казался легким, слишком веселым, а в Палыче чувствовались сила и несокрушимая уверенность — именно то сочетание, в котором молодая женщина нуждалась сейчас больше всего. И плевать на манеры.

Поэтому Анна качнула головой, коротко отвечая на вопрос Дохлого, и вновь повернулась к его мрачному напарнику:

— Я делала пересадку и не собиралась покидать аэропорт. Мне говорили, что такая схема безопасна.

— Беременным здесь в принципе делать нечего.

— Теперь я это знаю.

Анна ожидала еще одной «дуры», но Палыч промолчал. То ли окрик Дохлого подействовал, то ли сжалился и не стал добивать попавшую в беду женщину.

— К тому же срок был еще маленький...

— Для них — очень удачный, — вздохнул Дохлая. — Семь месяцев — вполне можно рожать. Что, собственно, вы и сделали.

— Я об этом не подумала.

— Расскажи, как всё было, — велел Палыч, оставив без внимания глупое замечание молодой женщины.

Дохлая кивнул, показывая, что нужно подчиниться, и Анна приступила к рассказу, суть которого она излагала еще в самом первом письме наемникам.

— Схватки начались в самолете. Врача на борту не оказалось, помогали только стюарды и какая-то женщина из пассажиров, так что я едва не умерла от страха, пока мы садились. Из аэропорта поехали в больницу, кстати, весьма неплохую, ухоженную... Явно частную. Я потом еще думала, что мне повезло со страховой компанией: обеспечили идеальные условия... — Ближе к концу короткого рассказа Анна стала сбиваться, было видно, что воспоминания о тех событиях даются ей крайне тяжело. — В «Скорой» мне стало совсем плохо, так что дальнейшее почти не помню, наверное, чем-то накачали. Но я родила, мой Костя появился на свет... Я помню его крик. Я помню его голос. Я могу узнать его голос...

История прервалась коротким всхлипом, однако воды молодой женщине никто не предложил, теплого слова — тоже. Два человека, которых ей рекомендовал связанный с незаконным бизнесом одноклассник, молча ждали продолжения рассказа.

— Когда я проснулась, они сказали, что он умер. Что мой Костя умер... У меня не было визы на пребывание, поэтому страховая немедленно отправила меня домой. — Анна тяжело вздохнула. — Сначала я ни о чем таком не думала, потом удивилась, что мне не переслали тело. Написала письмо. В страховой компании ответили, что Костю кремировали, я возмутилась, решила приехать, разобраться, но в консульском центре мне сказали, что я внесена в «черный список».

— Причина?

— Махинации со страховкой.

— Ловко, — хмыкнул Дохлый.

Заявление женщину покорило, однако от комментариев она воздержалась.

— От бабушки мне осталась квартира в центре столицы, я ее продала, а вырученные деньги потратила на фальшивые документы и ваш контракт.

— Мы получили только аванс, — уточнил Дохлый.

— У меня есть вся сумма.

Одноклассник предупредил, что без денег наемники и пальцем не пошевелят. А они, эти самые ребята, назначившие встречу в маленькой квартирке на окраине города, стали для молодой женщины последней надеждой.

— Сама зачем приехала? — грубо осведомился Палыч. — Ты понимаешь, что можешь помешать?

— А вы понимаете, что мой сын может быть жив? — Анна вытряхнула из пачки длинную сигарету, щелкнула зажигалкой, глубоко затянулась, после чего продолжила: — И если он жив, я должна быть здесь. Я никому не верю, даже вам. Я хочу принимать участие в поисках. Я...

— Где твой муж? — перебил женщину Палыч. — Ну, в смысле, отец ребенка. Где он?

— Сбежал, когда узнал, что я забеременела.

В принципе, любви там и не было, просто секс. И неожиданное решение Анны оставить последствия этого самого секса. На Гришу она обиды не держала и поддержки от него не ждала.

— Родители?

— Они ждут... Надеются. Как и я, надеются, что Костя жив. А он...

— Мертвый, если судить по документам, — заметил ломщик.

— Я хочу, чтобы вы проверили.

— Как?

— Не издевайся над девочкой, Дохлый, — хмуро велел Палыч. — Ты знаешь как: надо искать деньги. Это самый верный след.

— То есть вы допускаете, что Костю могли похитить?

Анна надеялась. Сама понимала, что вероятность благоприятного исхода мизерная, но надеялась. Верила. И потому она с такой радостью ухватила за слова Палыча.

— Тебя срисовали в самолете и подсыпали лошадиную дозу метилэргометрина или какой-нибудь другой дряни, чтобы вызвать преждевременные роды. Еда была со специями?

— Кажется...

— Туда и махнули.

— Кто?

— Кто-то из стюардов работает на «ангелов», — как маленькой объяснил Палыч. — Они высматривают потенциальные цели и сообщают о них на землю.

— Но зачем?

— Вариантов много, — развел руками Дохлый. — Например, подсуетился коммерческий детдом.

— Всё равно не понимаю, — растерялась Анна. — Объясните, пожалуйста.

— Если коммерческий детский дом заявит, что ему на крыльцо подкинули младенца, то он автоматически получает дотацию из казны — четыреста тысяч в год.

— Ого! — не сдержался Палыч. — Четыреста штук? Я думал, что меньше.

— Четыреста.

— Почему в таком случае мы занимаемся всякой ерундой?

Сначала Анна вздрогнула и лишь через секунду поняла, что хмурый наемник шутит. Однако Дохлый ответил напарнику предельно серьезно:

— Потому что мы не хотим воровать детей в роддомах, или подкупать судей, чтобы они отнимали детей у иностранцев, или подкупать полицейских, чтобы они забирали детей у нелегалов, или подкупать чиновников, чтобы они...

— Можешь не продолжать. Я лучше буду убивать взрослых, чем делать деньги на детях. — Палыч посмотрел на Анну и мрачно произнес: — Обычно на этих словах гражданские осведомляются насчет моей совести.

— У меня украли ребенка, — жестко напомнила женщина, сдавливая окурки в пепельнице. — И если тебе понадобится убить, чтобы его вернуть, я хочу, чтобы ты убил. Если в какой-то момент ты решишь, что нужно убить еще, а моего взноса недостаточно, я продам вторую квартиру, продам всё, что у меня есть, продамся в рабство, но заплачу тебе, и ты убьешь столько людей, сколько нужно для освобождения моего сына. — Она помолчала, после чего негромко спросила: — Нет желания осведомиться насчет моей совести?

Ответом стала улыбка.

— Без дополнительной платы, — спокойно произнес Палыч, которому очень понравилось услышанное. — Я верну тебе сына без дополнительной платы и убью столько людей, сколько понадобится. — Помолчал и веско добавил: — Даю слово.

— Пожалуйста, объясните суду, что вы имели в виду.

Падда скривился, проклиная в душе длинный язык тупого клиента, но тут же вскочил на ноги и попытался сгладить ситуацию.

— Ваша честь, обращаю ваше внимание, что данное высказывание стало следствием тяжелейшего эмоционального состояния, в котором мой клиент пребывает несколько последних недель, и...

— Ваш клиент только что заявил, что его преследование вызвано ненавистью, которую к нему испытывают окружающие, — мягко напомнил судья. — Заявление весьма жесткое, я бы даже назвал его вызывающим и содержащим признаки неуважения к суду. Потому я хочу, чтобы господин Раков конкретизировал обвинения.

— Ваша честь, я уверен, что мой клиент случайно использовал столь сильное определение...

— Нас ненавидят, — громко произнес Кирилл. — Я чувствую это каждой своей клеточкой.

Сейчас он не собирался внимать доводам рассудка, точнее, адвоката. Раков решил высказаться.

— За что вас ненавидят? — уточнил судья.

Присяжные наострили уши. Прокурор, за которого говорливый обвиняемый делал половину дела, довольно усмехнулся.

— Нас ненавидят за то, что мы другие. Не такие, как все. Не из стада. И нам не могут этого простить, — громко заявил Кирилл. — Нас ненавидят за то, что мы свободны, что отвергаем ваши глупые ограничения и тупое понятие ответственности. За то, что каждый из нас живет так, как ему нравится. Мы свободны, мы — личности, мы живем для себя и наслаждаемся жизнью!

— Кто вас ненавидит?

— Вы все. Я читаю ненависть в ваших глазах. Злобу. Превосходство. Вы трахаете ваших тупых телок, они выталкивают из себя уродов, которых вы мечтаете превратить в свое подобие, не позволяя им прикоснуться к настоящей жизни. Вы смотрите на нас как фашисты только из-за того, что мы другие. Мы гордые. Мы — личности. Каждый из нас — личность. Я до сих пор с умилением вспоминаю то невероятное ощущение любви и сопричастности, которое охватило меня на слете «Человек будущего». Мы стояли на Олимпийском стадионе и пели «I will survive», мы были такими разными, такими непохожими, но мы были вместе. Сто тысяч независимых личностей, стоящих плечом к плечу. Полное единение, которое никогда не испытать вам — оболваненным членам тупого стада.

— Кого именно вы имеете в виду? — кротко осведомился судья.

Отчаявшийся Падда ткнул подзащитного в бок, но попытка заставить Кирилла умолкнуть не увенчалась успехом.

— Я приехал из другой страны, из другого общества. Я приехал оттуда, где уважаются права личности и свобода самовыражения. И я требую соблюдать мои права в полной мере.

— Вы понимаете, что нарушили законы нашей страны? — негромко осведомился судья.

— Они несовершенны! Они не соответствуют моему взгляду на мир и потому абсурдны! Ваши законы должны быть такими же, как наши. Я требую справедливого суда в своей юрисдикции! Я хочу, чтобы меня экстрадировали, или выслали, или как у вас, тупых дикарей, это называется...

Адвокат рванул разошедшегося Кирилла в кресло и почти закричал:

— Ваша честь, мы явно имеем дело с нервным срывом! Защита настаивает на перерыве!

— Я взломал базу Ювенальной жандармерии и проверил отчеты, — сообщил сидящий за рулем Дохлый. —

К сожалению, в интересующий нас период времени ни один из коммерческих детдомов не сообщал о неожиданно появившемся младенце.

— Что это значит? — ахнула Анна. — То есть Костя... То есть он...

— Успокойся, — грубо велел Палыч. — Если ты меня доведешь своими воплями, я тебя выкину из машины и больше никуда не возьму.

Женщина испуганно ойкнула.

— Похищение для перепродажи в коммерческий детский дом было лишь одной из возможных версий, — поспешил с уточнениями Дохлый. — Костю могли похитить на замену, если, предположим, у какой-то пары умер младший воспитываемый партнер.

— То есть Костя мог оказаться в какой-то семье?

— Здесь не принято говорить «семья», — буркнул Палыч. — Временное условно-равноправное партнерство взаимной любви и счастья.

— Это как? — не поняла Анна.

— Лучше тебе не знать.

— Костя маленький, так что пока ему ничего не грозит, — вздохнул Дохлый. — Но с января они отменяют возраст осмысленного добровольного согласия, потому что считается, что на современном этапе партнерства по определению несут любовь и счастье.

Полностью осознать фразу ломщика молодая женщина не сумела, однако ключевую мысль поняла и уточнила:

— А каков сейчас возраст добровольного согласия?

— Три года.

— Боже!

— Успокойся! — резанул Палыч. — До января Косте ничего не грозит, люди тут законопослушны.

«С такими-то законами...»

— Поскольку с детдомом не выгорело, мы пошли по следу денег, — продолжил Дохлый, плавно заводя автомобиль в довольно темный переулок. — Я изучил финансовые дела сотрудников клиники, в которой ты рожала, и выяснил, что

через два дня после объявления о смерти Кости на счет главной медсестры, госпожи Кулечкиной, поступило двадцать тысяч. И точно такая же сумма поступила ей три недели назад после того, как в клинике умер еще один малыш.

— Маму того парня тоже сняли с самолета, так что мы явно имеем дело с системой, — вставил свое слово Палыч. — Самым правильным было бы установить слежку и ненавязчиво выяснить круг знакомств этой Кулечкиной, но у нас банально нет времени.

— Вы боитесь, что Костю спрячут так, что мы его не найдем? — с тревогой спросила Анна.

И ошиблась.

— Со дня на день Миграционное бюро обновит коды, и твоя фальшивая виза полетит к чертям собачьим, — угрюмо поведал наемник. — Тебя накроет первый же уличный сканер.

— Пусть высылают, — отмахнулась женщина. — Главное — найти Костю.

— Анна, поскольку ты в «черном списке», то, попавшись на подделке документов, получишь не меньше семи лет, — объяснил Дохлый. — А те красивые тюрьмы, которые показывают в документальных передачах, предназначены для граждан.

— Ты же иностранка, к тому же молодая, здоровая баба, и скорее всего свой срок будешь мотать на ферме принудительного суррогатного материнства.

— Есть и такие? — изумилась Анна.

— Говорят, — равнодушно ответил Палыч. И открыл автомобильную дверцу. — Дохлый, ты на шухере.

— Удачи.

— Спасибо, — с чувством произнесла молодая женщина, выходя из машины вслед за наемником. — Спасибо...

Но уже через пять минут поняла, что удача сегодня требовалась не только им, но и полной, еще не старой женщине с грубым, словно сложенным из булыжников лицом.

Однако обстоятельства складывались так, что повезти должно было кому-то одному: или им, или ей.

Щелк!

Выламывать дверь Палыч не стал, давить на кнопку звонка — тоже, воспользовался хитрым приборчиком, который заставил электронный замок квартиры издать громкое «Щелк!» — вихрем ворвался внутрь, стащил ошарашенную женщину с дивана, придавил коленом к полу и грубо ударил в скулу.

Хрясь!

Приглушенный стон, еще один удар и негромкое:

— Дверь, дура!

Аня послушно вернулась в коридор, закрыла входную дверь, а когда снова оказалась в комнате, главная медсестра уже была связанной и с кляпом во рту.

— Соседи?

— Всё тихо.

— Очень хорошо. — Палыч повернулся к перепуганной медсестре и... И неожиданно улыбнулся ей. Широко, дружески и очень-очень обаятельно улыбнулся. Анна и представить не могла, что желчный и грубый наемник способен на такую улыбку. — Мы из налоговой инспекции, госпожа Кулечкина, мы навели справки и с удивлением узнали, что вы частенько получаете крупные суммы денег с анонимного счета. — Пауза, чтобы до связанной хозяйки лучше дошел вопрос. — Но не волнуйтесь: спрашивать, за что приходят деньги, мы не станем, мы знаем, что вы — «ангел». Мы хотим выяснить, кто вам платит. Вы скажете?

На мгновение в глазах медсестры появилось сомнение — несмотря на страх и боль в разбитой скуле, она прекрасно понимала, о чем говорит Палыч, но уже через секунду решение было принято и Кулечкина отрицательно качнула головой.

— Вы ставите меня в неловкое положение, — произнес наемник, демонстрируя медсестре весьма неприятную мимическую игру: широкая дружеская улыбка стала медленно превращаться в очень холодный, жесткий и обещающий сильную боль оскал. — Девушка, которую вы видите рядом со мной и которую, возможно, узнали, — одна из ваших

жертв. Я обещал ей помочь в возвращении сына, а вы, госпожа Кулечкина, мешаете мне исполнить взятые обязательства. Я очень прошу вас еще раз взвесить все факты и назвать мне имя.

На этот раз не было даже секундной задержки: медсестра резко качнула головой, ясно давая понять, что неизвестного делового партнера она боится гораздо больше вломившегося в квартиру наемника.

— Жаль, — подвел итог Палыч и хмуро приказал: — Анна, выйди вон.

— В коридор?

— Нет, из квартиры. — Наемник поразмыслил и добавил: — Спустись к Дохлому и не возвращайся.

Она догадалась, чем вызвано требование, но попыталась его оспорить:

— Я хочу знать, что она скажет!

— Я передам в точности.

— Палыч!

— Пошла вон, дура!

Молодая женщина еще не слышала от наемника настолько злого окрика, а потому сочла за благо подчиниться и быстро покинула комнату. Еще через пару секунд хлопнула входная дверь.

— Знаете, госпожа Кулечкина, Анна — удивительный человек. — Добившись желаемого от клиентки, Палыч вернулся к мягкому, слегка вальяжному тону. — Одно ее присутствие заставляет меня чувствовать себя грязным, но меня это устраивает. Вы, наверное, удивились, госпожа Кулечкина, но меня это действительно устраивает, потому что, чувствуя себя грязным, я понимаю, что мне не всё равно. Впервые за много лет мне не всё равно. Я воспринимаю заключенный с Анной контракт как глубоко личный и потому очень важный. Он меня задел, госпожа Кулечкина, напомнил, что я всё еще человек. Это очень важно... не знаю, поймете ли вы, но, когда я осознал, что снова могу чувствовать, я едва не расплакался... Хотя обычно плачут те, кто мешает мне исполнить принятые обязательства. — Проникновенная

речь закончилась так же неожиданно, как началась. Палыч извлек из внутреннего кармана куртки кожаный футляр с тонкими, блестящими и очень-очень острыми инструментами, подтянул рукава, взял в правую руку нечто напоминающее скальпель и деловито произнес: — Если крепко стискивать зубы, боль будет чувствоваться не так сильно. Когда же станет совсем плохо — кивните, я вытащу кляп, вы назовете имя и обретете долгожданный покой. — Пауза. — И не думайте, что сможете терпеть до смерти: я — профессионал, и вы не умрете, пока не скажете, кому отдали ребенка.

— Следствием установлено, что Кирилл Раков, вступив в предварительный сговор с гражданкой Шаровой, приобрел у нее ребенка мужского пола, ориентировочно десяти-двенадцати месяцев от роду, неизвестного происхождения. Генетическая экспертиза показала, что ребенок не является родственником гражданки Шаровой. Документы на вывоз ребенка за пределы страны были изготовлены заранее, что свидетельствует о преднамеренности действий господина Ракова..

— Протестую, ваша честь! — взвился Падда. — Обвинение оперирует выводами, а не фактами.

— Протест поддержан.

— Мой клиент сообщил суду, что документы на вывоз ребенка готовила Шарова, — развил успех адвокат.

— Бездоказательно, — отбрил прокурор.

— Как и ваше заявление.

— Все знают, что господин Раков — «ангел»!

— Кто? — не понял судья.

— Так называют торговцев детьми, ваша честь.

— Советник?

— Наглая ложь, — тут же отозвался Падда. — Наглая ложь, призванная опорочить моего клиента в глазах присяжных. Ваша честь, я настаиваю..

— Тихо! — Судья стукнул молотком, после чего осведомился: — У защиты есть доказательства подготовки документов госпожой Шаровой?

— Нет, ваша честь, — сообщил обвинитель.

— Не вас спрашивают, — осадил прокурора Падда, после чего повернулся к судье и с приятной улыбкой сообщил: — Нет, ваша честь.

— Вопрос о происхождении документов более не рассматривается, — постановил судья и кивнул прокурору: — Продолжайте.

— Спасибо, ваша честь. — Обвинитель бросил на Падду уничижительный взгляд и вновь обратился к документам. — Следствием достоверно установлено и доказано, что господин Раков передал госпоже Шаровой деньги в уплату за ребенка, которого он планировал вывезти за пределы страны под видом своего сына.

— Я хотел для него лучшей доли! — не сдержался Кирилл.

— К порядку, — машинально рявкнул пристав.

— Молчи! — Адвокат попытался усадить вскочившего клиента на место.

— Пусть продолжает, — негромко распорядился судья, удобнее устраиваясь в кресле.

— Но, ваша честь...

— Свободный человек имеет право жить в свободной стране!

Журналисты торопливо зачирикали в блокнотах. Они поняли, что пришло время очередного громкого выступления и не хотели пропустить ни слова.

— Вы растите рабов! Догматиков! Послушных исполнителей, не способных самостоятельно мыслить! Ваша система — дремучее средневековье! Ваша церковь — сборище беспощадных фанатиков! Ваша вера — насилие! Вы не знаете, что такое свобода и любовь, и не позволяете этому несчастному ребенку оказаться в счастливом мире! Вы не жалуете меня, так пожалейте ребенка! А я готов отправиться за свои убеждения в Сибирь!

Корреспонденты разразились сдержанными аплодисментами. Падда сокрушенно покачал головой, присяжные принялись шепотом обмениваться впечатлениями, а довольный прокурор что-то приказал помощнику.

— Вы закончили? — осведомился судья.

— Пока — да, — гордо ответил Раков.

Однако вернуться в кресло ему не позволили.

— В таком случае ответьте, пожалуйста, на вопрос: во сколько лет состоялся ваш первый сексуальный контакт?

Зал притих.

— Какое это имеет значение? — неуверенно осведомился Кирилл.

— Я позволил вам выступить, а теперь хочу, чтобы вы ответили на простой вопрос, который вряд ли является постыдным в вашей системе... гм... моральных ценностей. Отказ будет рассмотрен как неуважение к суду, и вы лишитесь слова до конца процесса. — Судья выдержал паузу. — Вам повторить вопрос?

Тишина.

— Сколько вам было лет во время первого сексуального контакта?

— Пять, — едва слышно произнес Кирилл.

И отвернулся.

— Впервые у нас?

— Новичков нетрудно вычислить, — смущенно улыбнулся Палыч.

Еще один открывшийся Анне талант наемника: он превосходно играл, блестяще изображая любые эмоции.

— Очень легко, — подтвердил метрдотель. И тут же продолжил: — Кто-то рекомендовал вам наш клуб?

— Нет, — качнул головой наемник. — Мы много слышали о подобных заведениях, но долго не могли решиться зайти.

— Слишком необычно? — Менеджер бросил быстрый взгляд на Анну, которая уверенно справлялась с ролью не очень продвинутой, но вполне современной женщины, жаждущей порвать с пошлостью устаревшей морали.

— Полагаю, нас сдерживали остатки глупых предрассудков, — негромко произнес Палыч. — Но с каждым днем мысль заглянуть к вам становилась всё более и более...

— Интригующей.

— Скорее, навязчивой. В последнее время мы с Ритой практически не говорили ни о чем другом. Нам очень хотелось...

— Попробовать.

— А тут как раз подросла годовщина нашего знакомства. — Палыч бросил на молодую женщину влюбленный взгляд. — Мы еще не заключили даже временного партнерства, но не против добавить в отношения немного романтики. Такого, знаете, пиратства.

— Это очаровательно.

— У вас красивая улыбка.

Метрдотель ответил наемнику не очень долгим, но много чего обещающим взглядом, после чего вернулся к делам.

— Надеюсь, вы понимаете, что у нас абсолютно легальный бизнес? Клуб «Капитан Кук» является одним из старейших заведений подобного рода в городе, мы зарегистрированы в муниципалитете и платим все полагающиеся налоги.

— Мы с Ритой не посещаем сомнительные места.

— Прекрасное правило. — Метрдотель ненавязчиво накрыл ладонью руку Палыча. В ответ мускулистый наемник выдал очередную дозу обаяния. — Мы гарантируем чистоту и здоровье своих временных сотрудников, гарантируем, что все они — добровольцы, у нас с этим строго. И гарантируем, что процедура отделения происходит совершенно безболезненно. — Не отпуская Палыча, метрдотель послал томный взгляд Анне. Женщина ответила игривой улыбкой. — На сколько персон планируется пиршество?

— Мы хотели посидеть вдвоем. При свечах.

— Как в кино, — добавила Анна.

— Тогда вам лучше ограничиться рукой, — посоветовал метрдотель. — А для первого раза я рекомендовал бы запечь ее с сыром и прованскими травами. Блюдо на двоих подается с молодым картофелем и спаржей.

— Вино?

— Некоторые знатоки уверяют, что к руке идеально красное сицилийское, но лично я посоветовал бы шардоне. Оно идеально для первого раза, поскольку превосходно оттеняет необычный вкус блюда.

— Вы нас уговорили.

— Я не прощаюсь.

Метрдотель пожал руку наемника, улыбнулся Анне и чуть пританцовывая отправился распорядиться.

— Меня сейчас стошнит, — прошептала женщина.

— Прекрасно тебя понимаю.

Они выглядели согласно легенде: парочка из среднего класса. Одежда недорогая, но с претензией, не самая дешевая бижутерия у Анны, не самые дешевые часы у Палыча. Они казались заурядными посетителями, обменивающимися впечатлениями от необычного заведения, и в какой-то мере так оно и было.

— Я не верю, что всё это происходит на самом деле. Не верю... не могу поверить, что подобное возможно. Они едят друг друга! И платят налоги!

— Официально к ним не придаться, — угрюмо произнес Палыч, стараясь говорить едва различимым шепотом. — Все местные «добровольцы» или мигранты, или нищие, они подписывают контракт...

— Я не верю, что люди едят других людей. Приходят в ресторан, заказывают чью-то руку или ногу... — А в следующее мгновение Анну перекосило: до нее дошло то, о чем Палыч запрещал себе думать с тех самых пор, как узнал, какой именно клуб принадлежит Иксуеву, на которого перед смертью указала старшая медсестра. — А не может получиться так, что Костю купили... — У молодой женщины перехватило дыхание. — Что Костю купили для...

Она представила блюдо, на котором покоится аккуратно поджаренный ребенок, обложенный молодым картофелем и спаржей, представила лощеного метрдотеля, с улыбочкой предлагающего дорогим гостям бутылку белого, представила, как умелый официант начинает разделку блюда...

Видение оказалось настолько ярким и ужасным, что Анна не сразу поняла, о чем говорит наемник.

— Здесь все помешаны на выгоде, а младенец стоит гораздо больше, чем самое дорогое блюдо. — С уверенностью, которой у него в действительности не было, произнес мужчина. — К тому же Иксуев постоянно покупал у Кулечкиной младенцев, что косвенно свидетельствует о наличии канала сбыта.

«Надеюсь, не через кухню...»

Медсестра клялась, что Иксуев детей не ест, во всяком случае не всех, а устраивает им фальшивые метрики от суррогатных матерей и перепродает «абсолютам» — безбашенным приверженцам полной свободы, которые пока не обзавелись серьезным лобби в парламенте, а потому не имели доступа к системе «Счастливый дом».

Из-за наличия метрики Дохлый и не смог вычислить Костю — не знал, кого искать, а потому выйти на след ребенка можно было только с помощью организатора преступления.

— Как ты собираешься добраться до Иксуева? — поинтересовалась женщина, отворачиваясь от соседнего столика, на который как раз выставили жареные уши с медом. — Это его заведение, и тут его охрана.

Ответить наемник не успел.

— А он сам до вас доберется, — весело произнес остановившийся у столика губастый мужчина.

— Что?

— Как?

— Дерьмо!

— Вот именно, Палыч, — дерьмо, — поддержал наемника мужчина. — Но самое дерьмо случится в том случае, если ты потянешься за оружием. Мы поняли друг друга?

За спиной Иксуева высились две скалы, два мордоворота с пистолетами в наплечных кобурах, а потому пришлось смириться.

— Да.

Легенда провалилась, и Палыч вернулся к привычной мрачности.

— Не слышу.

— Да, мы друг друга поняли.

— В таком случае прошу в отдельный кабинет, — гостеприимно предложил губастый владелец заведения. — Он у меня звуконепроницаемый, так что честные посетители не услышат ни гребаного слова из нашей прелюбопытной беседы. — И после паузы добавил: — Даже если в процессе диалога я включу бензопилу.

Анна побелела.

Один из охранников вытащил у Палыча пистолет, второй «помог» подняться женщине, и меньше чем через минуту «гости» и хозяева оказались в небольшой комнате, где за ненакрытым столиком сидел толстый, практически лысый мужчина в расстегнутой до пупа рубашке, льняных брюках и сандалиях на босу ногу. Явление Палыча и Анны толстого не обрадовало, было видно, что он воспринимает их как досадную случайность.

— Зачем сюда?

— А куда еще?

Губастый усадил «гостей», сам расположился напротив, широко улыбнулся, явно наслаждаясь каждой секундой происходящего, после чего негромко произнес:

— Палыч, я пробил тебя по своим каналам и сильно удивился: вы с Дохлым — мелкие, предельно осторожные бандиты, какого черта вас понесло в серьезные дела?

— А когда это дело успело стать серьезным? — Наемник превосходно изобразил искреннее удивление.

— В тот самый миг, когда девочка сказала тебе, что ищет ребенка, — объяснил Иксуев.

— Тогда и следовало послать ее, — нравоучительно добавил толстый.

— Права сирот защищает Комиссия по вопросам детского счастья, а это очень серьезно, — продолжил Иксуев. — Наше общество, как ты наверняка помнишь, делает всё для радости младших партнеров и жестоко наказывает тех, кто пытается их этой самой радости лишить. Хочешь прокатиться в ювенальную жандармерию? В качестве клиента? Мой хороший друг Серж легко устроит тебе экскурсию.

— Без имен, — попросил толстый.

— Не волнуйся, дружище, — утешил приятеля Иксуев. — Перед тобой не люди, а суповые наборы, они никому ничего не скажут.

Тот, кого владелец заведения назвал Сержем, прищурился на задохнувшуюся от ужаса Анну и причмокнул губами.

— Мы раньше не встречались, — хрипло произнес Палыч, пронзительно глядя на Иксуева. — Как ты понял, что я пришел за тобой?

— Я осторожен и хранию физиономии всех, кто был так или иначе причастен к моему бизнесу. Как только твоя корова переступила порог «Капитана Кука», сработала система предупреждения и ваша операция закончилась, не начавшись.

Наемник покосился на женщину:

— Я ведь говорил, что тебе тут нечего делать.

— Где мой сын? — не выдержала Анна. — Ты купил моего сына! Куда ты его дел?!

— Того сладенького? — с издевкой осведомился Иксуев. — Мяса мало, но оно очень нежное?

— Нет! — взвыла женщина. — Нет!!

— Видел, как она вздрогнула? — Губастый толкнул локтем толстого. — Смешно... Нормальные бабы давно забили на все эти тупые чувства, а тут они во всей красе.

— Ты не съел его! Я знаю! Я чувствую, что Костя жив!

— Не волнуйся, корова, младенцев мы едим редко...

— Потому что живыми они стоят дороже, — вздохнул Серж.

— Мы подобрали твоему ублюдку прелестную пару: мой бывший любовник с двумя своими мужьями. У Фридриха сейчас такой возраст — хочется с кем-нибудь возиться, нянчиться, целовать без последствий, но месяцев через восемь-десять ему это надоест и младенец окажется в «Счастливом доме» или у «абсолютов». — Вдоволь поизмывавшись над женщиной, Иксуев повернулся к наемнику: — Скажи, в жизни твой напарник такой же тощий, как

на фотографиях? Если да, то предлагать его гостям — только позориться. Вот на тебе мяса много, и внутри...

— Потроха... — с вожделием протянул толстый.

— Точно! — «вспомнил» губастый. — Если с Дохлого будет мало мяса, доберем другим продуктом. — И потрепал приятеля по плечу. — Кстати, ты не хочешь трахнуть корову? Не забыл, как это делается?

— Говорят, если их как следует вздуть перед свежеванием, то мясо получается особенно нежным. — Серж оценивающе оглядел сжавшуюся Анну, после чего икнул. — Давай трахнем.

— И Палыча тоже.

— Мужиков, вроде, надо избивать?

— Изобьем после, одно другому не мешает.

— Логично.

— Кто начнет?

Никто.

В смысле — не получилось.

Ни изнасиловать, ни избить — ничего не получилось, потому что Аня совершила подвиг. Маленький, но очень нужный подвиг. Совершила по наитию, потому что ни о чем они с Палычем не договаривались, просто женщина поняла, что должна сделать. Или же потому, что не выдержала, потому что внезапно решила покончить с издевательствами Иксуева и толстого жандарма, не доводя дело до обещанных пыток.

Не имеет значения, почему Аня это сделала, потому что значение имеют исключительно дела.

Поступки.

А поступок был таким: молодая женщина бросилась на охранников. В какой-то момент мордovorоты расслабились, оказались рядом, даже пистолеты опустили, перестав удерживать пленников на мушке, и Аня поняла, что способно подарить Палычу несколько бесценных секунд. И бросилась, перекрывая своим телом линию огня.

Бросилась, сделав самую высокую в жизни ставку: всё на «зеро», на мрачного наемника, который постоянно называл ее дурой. Ставка абсолютно на всё. Больше не будет.

Раз!

Первая секунда. Крик. Движение. Оторопь у мордovorотов. Всё понявший Палыч движется в противоположном направлении, к стулу Сержа, на спинку которого толстяк повесил кобуру с «Береттой». И прежде чем жандарм осознает происходящее, правая рука наемника ложится на рукоять.

Два!

Вторая секунда. Выстрел. Но только один, потому что не каждый охранник достоин высокой зарплаты. Выстрел, но только один, и поэтому Аня продолжает движение. Палыч выхватывает оружие.

Три!

Третья секунда и четыре выстрела сливаются в один протяжный грохот. Две пули Анне, обе в грудь, обе рвут плоть и ломают кости. Останавливают. Швыряют на пол. Убивают. Две пули, но именно за ними Анна и бросалась. Их ловила, на них соглашалась, потому что знала... Две следующие пули вылетают из «Беретты». Одна, а вторая следует за ней так быстро, что кажется — грохот случился лишь раз. Две пули Палыча попадают точно в цель, разносят мордovorотам головы, но наемник не следит за результатом. Он уже повернулся, и следующая пуля летит в живот толстого Сержа, туда, где жандарм любил переваривать людей. Еще через мгновение рукоять опускается на голову перепуганного Иксуева, вышибая из губастого сознание, а затем Палыч бросается к лежащей на полу женщине, кричит, хватается за плечи, переворачивает, снова кричит, смотрит в затухающие глаза и слышит едва различимый шепот:

— Ты обещал...

И все ушли.

Услышали от присяжных: «Виновен!», услышали от судьи: «Двадцать лет каторжных работ», и ушли. Кто-то делился впечатлениями в социальной сети, кто-то куда-то звонил, а кто-то, в основном — журналисты, пытался прорваться к выкрикивающему грязные ругательства Кириллу.

Зал опустел, коридор, напротив, наполнился, и лишь два человека не спешили на публику.

Расстроенный Падда бездумно крутил в руке телефон. Довольный прокурор делал вид, что разбирается в бумагах. Победитель и проигравший.

— Двадцать лет, конечно, перебор, — кашлянув, произнес обвинитель. — Но это Павлов, он за торговлю детьми меньше не дает.

— На апелляции скостим до десятки, — почти равнодушно отозвался адвокат. — Через семь лет выйдет по УДО за хорошее поведение.

— Тебя это устраивает?

— Я знаю, что так будет.

И снова — пауза. И снова никто никуда не идет. Дверь закрыта, приставы знают обоих и доверяют им, так что разговору никто не мешает.

— Ты почему Павлову отвод не дал? — поинтересовался прокурор.

— А зачем?

Зачем портить репутацию, рассказывая широкой публике и журналистам, что в детстве судью похитили, почти включили в систему «Счастливый дом», и лишь благодаря самопожертвованию матери мальчика удалось вернуть домой. Зачем ворошить прошлое? Эта история никого не касается. Это — личное дело и личная боль Константина Павлова, и никто не имел права поминать имя его матери.

— Я эту историю не хуже тебя знаю, — пробормотал Падда, засовывая телефон в карман. — Но будь я проклят, если использую ее для спасения «ангела». — Помолчал и уверенно повторил: — Будь я проклят.

«За день до своего рождения ребенок спросил у Бога:

— Говорят, завтра я отправлюсь на Землю. Как же я буду жить там, ведь я так мал и беззащитен?»

Бог ответил:

— Рядом всегда будет ангел, который позаботится о тебе.

Ребенок задумался, затем спросил снова:

— Здесь, на Небесах, я лишь пою и смеюсь, этого мне достаточно для счастья. Но как будет на Земле?

Бог ответил:

— Твой ангел будет петь и улыбаться, ты почувствуешь его любовь и будешь счастлив.

— Но как я пойму его, ведь я не знаю его языка? — спросил ребенок, пристально глядя на Бога. — А что мне делать, если я захочу обратиться к Тебе?

Бог мягко прикоснулся к детской головке и сказал:

— Твой ангел обучит тебя говорить и молиться. И я обязательно услышу тебя.

— Я боюсь, ведь на Земле есть зло.

— Твой ангел будет защищать тебя и, если понадобится, — отдаст за тебя жизнь.

— Но как я узнаю своего ангела? Как его зовут?

Бог мягко улыбнулся и вновь прикоснулся к голове ребенка:

— Имя не имеет значения. Ты будешь называть его Мама».

Ярослав Веров

Слово автора:

Для автора нет важнее разговора с аудиторией. МДС — это, конечно, необычайно интересный диалог. Необычайно и удивительно в наше время наблюдать переполненный зал, где собрались послушать художественную прозу. Это само по себе — культурное явление. Когда Влад попадает в авторскую интонацию — не знаю, как с другими текстами, а с моими он попал почти стопроцентно, — невольно берет дрожь. Автор, тебя понимают! На фоне психоделического техно от диджеев «Модели», цветомузыкального сопровождения это производит некое сюрреалистическое впечатление: так не бывает!

Впечатление от «Модели» можно выразить одним словом — «резонанс». Резонанс текста и музыки, текста и голоса, текста и слушателя, автора и зала... Нечто непреодолимо-наркотическое.

РЕАКЦИЯ ОТТОРЖЕНИЯ

(прочитан на «живом» выступлении в КЦ «ДОМ» 25.01.2015)

В терминале нуль-таможни оказалось многолюдно.

Тем лучше, решил Эрш Джокер, есть время упорядочить матерьял. Получив электронный жетон, прайм-репортер «Гэлэкси-моушн» устроился в угловом мини-боксе, активировал «третий глаз». Свернул в тугой комок и зашвырнул куда подальше сладко кружившие в голове мысли о скором и немалом гонораре. Работа, работа.

Эпизод первый. Горящее здание. Несколько трупов мирных тхаргов. Крупный план. Сюда чуть больше крови. Крови никогда не бывает много. Так, вот эту женщину... черт, ноги оторваны, это перебор. Ноги на место, ретушь на ожоги. Вполне аккуратный труп. Теперь выжившая. «Будьте прокляты, убийцы!» Вопрос: «Кто вас обстреливает?» Взгляд, полный презрения, на эмблему «Гэлэкси-моушн» и нецензурная брань. Варвары эти повстанцы, всё верно, чистые варвары. Так не уважать прессу... Взгляд отрезаем. С ругательством хуже. Подгонка артикуляции — его конек. Он, Эрш Джокер, — мастер своего дела. Теперь женщина произносит: «Твари, наши же тхарги, будь они все прокляты!» Кадр вниз — у юбки аборигенши пятилетний малыш, не повезло пацану: взгляд стеклянный, изо рта тонкая струйка слюны. Попал, значит, под удар облучателя. Ничего, дебилом останется, зато живым. Может быть, останется.

Прогоняем через чип-контроль. Есть, вполне аутентичная сцена, хоть на главный мнемоскоп пускай.

В телепорт пачками грузят «тяжелых» урхов. Где, интересно, им так вломили? И чем? Видел он, чем тхарги воюют, — таким старьем только на эндилоп охотиться, где-нибудь на курортной Гнее, а не воевать в мятежной колонии. А, не всё ли равно? Урхи — шлак, расходный матерьял, так же, как и тхарги. Сжать всё это, спрессовать в комок и выкинуть из головы. Не хватало еще...

Эпизод второй. Военный госпиталь урхов. Так, репортаж раненого героя, отлично. Вот здесь подчистить. Тяжелый боец мечется на койке в бреду: «Сволочи! Какие же мы все сволочи!» И так далее, и в том же духе. Экий пустячок: были «мы», стали — «они». Не всё ли равно: и те сволочи, и эти. Видели — знаем.

Эпизод третий... Стоп, стоп, стоп...

Интересненько. Через зал ведут процессию. Прямо этог... Пит Брендон... Тьфу, Пит Брейгель. Эрш покидает бокс, переводит взгляд в режим сканирования и включает на запись резервный чип. Это надо отдельно и под личный шифр. Это пригодится...

Через терминал два поводыря ведут колонну... нет, не слепцов. Парни попали под излучатель. Только парни ох не простые. Имперские пехотинцы в полном боевом, вернее, в том, что от него осталось. Вон и шевроны спецподразделения «Громовержец». А нет на Ургее никаких имперских сил. Официально, по крайней мере. А у повстанцев нет излучателей. Как бы нет. «Еще как есть», — подумалось, но Джокер сделал привычную свертку и отправил мысль в утилизатор.

— Журналист! — окрик, как щелчок курка.

Кр-расавец. Имперский таможенный офицер. Ну и верзила. Челюсть квадратом, глаза как прицелы.

— Вернитесь в свой бокс, журналист.

— А что с парнями?

— Несчастный случай, — цедит сквозь зубы таможенник. — Наблюдатели от Содружества. Дружественный огонь. Еще вопросы?

Вопросов у Джокера не было, и он вновь воцарился в своем кресле.

Пока отправляли «Громовержцев» и несколько семей беженцев-тхаргов — всё больше чумазные бабы с потомством, демонтировал третий эпизод — пытки пленных урхов, четвертый — раздача продовольственных паев на освобожденных территориях (с ликованием народа пришлось поработать) и пятый — эксгумация массового захоронения жертв повстанцев. Тут тоже пришлось потрудиться. Все-таки туземцы макеты полуразложившихся трупов изготовили из рук вон плохо. Пришлось напрячь творческое воображение, но не сильно. Нервы зрителей надо щадить.

Последние формальности, досмотр, дежурное «счастливой сборки, мистер Джокер», и он в камере. Мысль о том, что тело его превратится в какой-то волновой пакет и тут же возникнет точно в такой же камере на Земле, никогда не посещала его голову. Технология она везде технология. Дорого, но когда фирма платит — не всё ли равно?

Предчувствия ни разу не обманывали Джокера. Журналист сразу почуял неладное, когда после дежурной процедуры сканирования его пригласили пройти в медицинский бокс. Не приглашали — а тут пригласили. Нет, годное объяснение наличествовало: всякий, кто проваландался неделю среди голодных грязных повстанцев и таких же голодных и грязных правительственных регуляров на богом забытой планете, мог приволочь на себе — или в себе любую дрянь.

Но Эрш Джокер не верил в подобную чушь. Он верил в универсальную сыворотку «ТриХит», циркулировавшую в его крови, как и в крови любого порядочного военкора. Не та планетка, чтобы придумать штуку, способную одолеть «три хита». Если только... Никаких только.

Пока после рентген-камеры истуканоподобная медсестра с лычками сержанта нуль-таможни брала у него кровь, Эрш развлекался придумками сюжетов для желтой прессы.

«Скажите, Джокер, откуда у повстанцев ракетное вооружение? Ведь Империя не поставляет тхаргам технологий?» Сделать значительное лицо. Нет, снисходительное: «О, мисс, знаете ли, даже животные, когда их припрут к стенке, проявляют

чудеса изобретательности. Вы слышали что-либо об их новейшей разработке?» Взять эффектную паузу. «Фекальный ускоритель!» — «Простите, мистер Джокер, что? Что значит "фекальный"?» — «О, мисс! Повстанцы развивают биотех. Но неужели вы думаете, что мне вот так (щелчок пальцами) раскрыли военные тайны? Хотя кое-что я разнюхал!» — «Расскажите же нашим читателям!» — «Вещество биогенного происхождения, которое они называют «фекалии», смешивают с другим биогенным веществом «дрожжи», и в герметическом корпусе ракеты происходит неизвестная науке реакция. Дальность стрельбы фекального ускорителя — до пятнадцати миль. Это варварское оружие они производят сотнями и тысячами единиц...»

И ведь сожрут, подумалось Эршу. Как миленькие слопают за чистую монету и не поперхнутся. Фекальный ускоритель! Ха! Песня...

Облачившись в комплект новенькой формы, выданной взамен аннигилировавшей при переходе, он переступил порог кабинета начальника нуль-таможни, полковника Херста Оберста, как гласила голограмма на шлюзодвери. Нехорошие предчувствия никуда не делись.

— Рад сделать знакомство со знаменитым Джокером! — На полковнике, сверкая погонами, красовалась расстегнутая чуть ли не до пупка белоснежная форменная рубашка, открывая могучую волосатую грудь.

Нижнюю часть полковника скрывал стол, он же рабочий пульт. Эрш включил сканеры, вперил взгляд в заплывшие жиром серые очи чиновника, точнее сказать — пороссячьи глазки, и обнаружил, что сканеры-то заблокированы. Полковник между тем не представился — ну да, на шлюзодвери ж начертано, — от кресла зад не оторвал и руки не подал. И, похоже, знакомство делать был вовсе не рад. Кстати, сам оборот речи выдает уроженца Кесарии, отметил Джокер. Изобразить возмущение или не дергаться? Эрш выбрал второе.

Уселся в кресло и выжидательно уставился на Оберста. Тот, похоже, никуда не спешил. Извлек из недр стола бутылочку чего-то запотевшего, изрядно приложился, крикнул.

Интересно, с чего бы в кабинете начальства стояла такая жара? Предположим, Кесария — планета холодная, и выходцы оттуда любят погреть кости, но не настолько же?

— Нарушаете законы Содружества, журналист? — наконец заговорил боров.

— С какого Бодуэна? — блеснул знанием древней лексики Эрш.

Ответом было жужжание пульта, полковник вытянул на свет божий, небрежно швырнул на стол рентгеновский снимок и расцвеченный голограммами официальный бланк, в котором Эрш без труда распознал судмедзаключение. Джокер поднял со стола снимок, глянул на просвет. Тазобедренный сустав — очевидно, его собственный — не вызвал у него никакого интереса, а вот выше... Что за чертовщина?

Херст Оберст уже раскуривал сигару — несомненно контрабандную — и сочувственно кивал. Знаки безнаказанности и превосходства.

— Три почки, журналист! — Полковник выставил три жирных пальца. — Раз, два, три. Одна — «левая». Контрабанда человеческих органов из зон боевых действий под прикрытием профессиональной деятельности наказывается снижением общественного статуса вплоть до нулевого со всеми вытекающими, не так ли, друг мой?

«Гнейский птицерух тебе друг», — ответил пословицей Джокер, но про себя, вслух же ничего не сказал.

На снимке и в самом деле рядом с его законной правой почкой угнездилась еще одна, и тонкая нить мочеточника смыкалась с его же законной нитью на входе в мочевой пузырь.

— Не сомневайся, журналист, никто тут не блефует, — продолжал полковник несомненно отточенную заранее речь. — Их три. Скоро ты в этом убедишься сам. Кстати, с тобой всё окей?

Джокер поежился. Прав сукин сын, зябко. В кабинете, как в адском котле, а ему зябко. Неужто, уроды, впрыснули чего?

— Знобит чего-то.

— Гы-ы! — обрадовался полковник, веско пыхнул сигарой. — «Чего-то». Сейчас я тебе скажу — чего. Реакция

отторжения, знаешь такую штуку? Не знаешь? А с виду не-глупый. У тебя в теле чужой орган. Смекаешь? Чужой — значит, враг. Враг — значит, убить. Вот ты тут сидишь, на меня пялишься, а кровь разгоняет антитела, чтобы почку контрабандную угробить. И угробит... вместе с тобой. Только это... про адвоката там личного бодягу не разводи. Юристы, сам понимаешь. Мы это дело затынем на недельку — экспертизы, согласования, консультации, этот, как его... консилиум соберем, случай-то какой... гы. Особый. Ты и загнешься тихо. Так что решай.

— Полковник, хватит тягать мышь за усы.

— Мышь, гы. Эх, как я вас, репортеришек, ненавижу. — Херст Oberст пыхнул сигарой и мечтательно воздел очи горе. — Вот тут, — приставил два пальца к горлу, — вы у меня. Наснимал хрени, думаешь — герой? Да не мышь ты, а дерьмо коровье. Думаешь, не знаю, какие дела на Ургее творят? Всё знаю. А ты за свой пузырь розовой воды хороший гонорар получишь. Да не пялься на меня, не пялься, всё заэкранировано. Захочу — весь твой гребаный репортаж из твоих гребаных мозгов высосу.

Он отложил сигару.

— Одним словом, парень, такое предложение. Сейчас поедешь в одну клинику. Там тебе эту твою контрабанду аккуратнейшим образом изымут и утилизируют. Половина твоего гонорара мне, половина, сам понимаешь, — доку. И без шансов. Окей? Вижу, что окей.

Не то, что же здесь не то? Полицейский антиграв скользил так, что, собственно, и движения никакого не ощущалось, голову Эршу опутывала сетка-экран с застёжкой-самоликвидатором под подбородком, а Джокер всё не мог поймать, что же не то в поведении таможенного чиновника, в дурацком, да что там дурацком — безнадежном, его, Эрша положении, в чудесном появлении дополнительного органа выделения. Мысли путались, репортера «Гэлэкси-моушн» бросало то в жар, то в холод, и предательская слабость то охватывала тело, то вновь отпускала. Реакция отторжения, будь она неладна.

Он, прайм-журналист могущественной медиакорпорации. С ним — как с каким-то полуправным то ли третьего, то ли четвертого уровня рейтинга гражданином. Стоп. Вот оно. Вот.

Джокера замутило. Никогда начальник нуль-таможни не стал бы так вести себя с прайм-репортером. Кроме одного случая.

Полковник Херст Оберст разговаривал с заведомым покойником.

— Вам плохо, господин журналист?

Охранец. Сама вежливость.

— Воздуху...

Конвоир дернул за веревочку, и на колени Эрша упала кислородная маска. Джокер жадно схватил ее и пару минут шумно дышал.

В сторону панику. Не с трупом разговаривал полковник. Потому что — репортаж. Начальство ждет репортажа. Ай да Джокер, ай да сукин сын. Чутье, вот что значит чутье. Как вовремя он всё смонтировал заранее. Хотел бы Оберст его трупа — зачем бы дал говорить с боссом? Ясно, босс от нетерпения на яйцах подпрыгивает, но знает же, что монтаж — дело тонкое. Аж позеленел, когда Эрш по подсказке Оберста двенадцать часов потребовал. «Даю, но надеюсь, это будет твой лучший репортаж, Эрш! Понимаешь — лучший!»

Где ж не понять. Джокер с тоскливой злобой вспомнил о пятистах юнитах, ушедших в карман начальника таможни, и стольких же — на счет клиники... Опять же — засветили счет клиники, а не доктора. Хорошо это или плохо? С одной стороны, только мертвые не выдают тайн, с другой — счет наверняка подставной...

Перед глазами всплыло измученное лицо женщины тхага: синяки под глазами, заострившиеся черты лица, два передних зуба выбиты. Губы шевелятся, она что-то говорит... «Прокляты... все прокляты...» Кто — все? А, это из репортажа... И то верно, будь они все прокляты... Кто — они? Память в корзине... Очистить корзину... очистить корзину к такой-то матери, не хочу память, будь они все прокляты, журналистов он не любит, боров, жирный боров...

Отпустило. Это бред. Реакция отторжения. А в сухом осадке — шеф должен через двенадцать часов получить репортаж. По личному каналу. Значит...

— Вам луч...

Гравилет нешуточно трягнуло. Вежливый охранник не мешкая замкнул на запястьях Джокера электронные браслеты, а второй забубнил неразборчиво в браслет связи. Джокер разобрал только слово «курса». А потом подушка отключилась, и всё заверте...

Свет. Мягкий и матовый, он льется с высокого потолка и совсем не режет глаз, даже после того, как с третьей попытки удастся раскрыть слипшиеся веки. Эрш Джокер обнаруживает себя в... да, пожалуй, апартаментах: мягкая удобная кровать, письменный стол с узлом связи, пол устлан теплым пласт-покрытием. Всё выдержано в ровных серо-фиолетовых тонах. Вот только окон нет. Но есть дверь.

Встать удастся тоже с третьей попытки. За дверью — небольшой бассейн: вода изумрудно и призывно искрится; тут же изощренно техногенная душевая — душ обычный, душ ионный, душ озонированный, и прочие службы — вне зависимости от воли отмечает разум.

Тюрьма. С узлом связи? Эрш бросается к столу, запускает аппаратуру. Время: после катастрофы гравилета прошло около восьми часов. Настраивает личный канал, и в голове раздается недовольный голос босса:

— Справился?

— Старался, мистер Маккьюз.

— Сейчас, погоди. Давай трансляцию.

Эрш сливает боссу содержимое чипа. Откуда ощущение, что из головы льется поток дерьма? Ах, это... «Наснимал хрени, пузырь розовой воды». Реникса. Забыть. Эрш закрывает глаза и тут же открывает их не без испуга: перед внутренним взором тяжелораненый боец, от бинтов — гангренозная вонь, запах давно не мытого тела и хриплый, протяжный то ли голос, то ли стон: «Сво-олочи...» Откуда, зачем? Очищал же корзину!

Пауза. Босс осознает полученное. Наконец, заветное — «дзинь-звяк» — сообщение о заходе суммы на счет. Одобрил, значит, босс. Жаль, что денежек этих уже того... след простыл.

— Отлично, Эрш. Это твой лучший репортаж, без врак. То, что надо, парень. Завтра проснешься знаменитым, — изрекает босс и гасит канал.

О, что-то новенькое. Скупой на похвалу Маккьюз выдал. Эрш бросается в душевую, задирает перед зеркалом пижаму, поворотясь спиной, пытается разглядеть поясницу — никаких шрамов. Впрочем, какие шрамы при современной коллоидной-то медицине. Интересно, она еще там или уже того?..

— Почка в тебе, — голос раздается, кажется, прямо из воздуха.

— Ты кто? Призрак забытого замка? — мрачно острит Джокер.

— Хранитель ключа и замка, — в тон отвечает голос.

— Неужели я и ключ, и замок?

Голос бархатисто смеется. Довольно смеется.

— В каком-то смысле, малыш, в каком-то смысле. Ты пока отдыхай. Скоро тебе снова сделается нехорошо. Мы впрыснули тебе немного сыворотки, которая блокирует выработку антител, но совсем-совсем немного. Чтобы не навредить твоей... хм... беременности. Отдыхай. Питаться тебе сейчас тоже ни к чему.

Джокер метнулся обратно к узлу связи, уже понимая, что его ждет: всё верно, терминалы обесточены. Бессильно выругался и рухнул на кровать.

Думать. Только это может его спасти. Спасти? Полноте. Им играют, как картой, пусть и козырной. Но думать. Джокер распаковал все материалы по поездке на Ургею. Заурядный колониальный конфликт. Две метрополии ведут войну руками идиотов-колонистов. Колония основана сто пятьдесят лет назад, первоначальное название Тхаргея. Дальше всё как обычно, столкновение интересов Высоких Шишек, крейсера Империи и линкоры Содружества остаются в орбитальных доках, колонистов реформируют так и эдак, одну группу стравливают с другой, Высокие

Шишки меряются пиписьками, и всё это носит гордое название «большая галаполитика». Попутно Мелкие Шишки делают свои мелкие гешефты, но при чем тут, дьявол ее забери, третья почка?

Он не заметил, как провалился в зыбкий полусон, и в этом полусне реактивные системы залпового огня ровняли аккуратные дома тхаргов, горели поля с несобраным урожаем, а у обочин дорог валялись неубранные раздутые сизые трупы урхов и тхаргов, и торчали остовы разбитой бронетехники, а где-то поодаль страшно кричала беременная женщина, которую волокли в сарай двое молодчиков, а потом — протяжный свист, и кровавое месиво на месте всех троих, и он видит собственные прищуренные глаза-сканеры, прикидывающие направление и скорость снаряда, да какой же это снаряд, это фекальный ускоритель, который он же сам и придумал, и всё это — фекалии, боль, вывороченные внутренности, сожженные дотла урхи и выпотрошенные тхарги — смерть, лицо смерти...

Он вынырнул на поверхность бреда. Выпотрошенные. Разархивированная память гудела, как улей. И услужливо подсказывала: аборигены, попавшие под излучатель, пойдут на органы. Женщины-тхарги и солдаты-урхи — органы. Зародыши беременных тхаргов — стволовые клетки. Вот и почка.

Он распаковал давно не используемый отдел «математика нуль-переходов». Тело превращается в информационный пакет вне времени и пространства. По сути — набор формул. Можно дописать еще одну. Легко. На словах. При этом где-то надо эту формулу в информационном пространстве задержать. Нуль-переход в нашем пространстве-времени мгновенен, это квантовый процесс. Над решением такой задачи должен биться целый институт, и не один год. Значит, решили. Если бы две параллельные нуль-камеры сопрячь и проводить два перехода одновременно... тоже еще та задачка. Впрочем, камера на Ургее одна.

Снова эта женщина, этот полный презрения взгляд на его эмблему, эмблему «Гэлэкси-моушн», он же стер, стер, этого нет в его памяти, откуда...

«Посмотрите на беднягу, он бредит... Да, сыворотку, конечно... Мы же не звери... Штурмовать бесполезно... Мои условия неизменны... Как вы говорите — время жить и время умирать...»

Камера... камера на потолке... его показывают... кому-то. Хозяину почки.

Из стены над изголовьем выдвинулась механическая рука, аккуратно отвернула ворот пижамы и впрыснула в предплечье Джокера порцию сыворотки.

— Голос! Отзовись, сукин сын!

— Зачем? — раздалось из воздуха.

— Эта почка... Она для кого-то очень... В общем, откуда? — Джокер ткнул пальцем в потолок. — Так что даже нельзя вырезать и доставить на льду?

Голос вздохнул — лирично так вздохнул, приторно.

— Сейчас это неважно. Уникальная операция — телепортационная посадка, комар носа не подточит, а ты, малыш, здесь. Не волнуйся, скоро тебя обменяют, почка получит своего законного владельца...

— Законного?! — неожиданно для себя Джокер захохотал — истерически, до слез. — Хотел бы я видеть действительно законного владельца.

— Ты видел его, сынок. Сержант «Громовержцев» в телепорту. Его ДНК-матерьял, — Голос сказал именно «матерьял», как любил называть свои репортажи сам Джокер, и снова сладко вздохнул, — просто идеально совпал с матерьялом настоящего Хозяина. А зачем он ему после излучателя?

— Кто?

— ДНК-матерьял.

— Про дружественный огонь расскажи, — пробормотал Джокер еле слышно, однако же Голосу хватило.

— Умный мальчик. Такие нужны в моей команде. Когда победим, я тебя не забуду. Видишь ли, Президенту Содружества очень хочется жить. Собственные клоны его организм отвергает. Законы демократии суровы. А заварушка на Ургее — отличный полигон ДНК-матерьяла...

— Не произноси этого слова, сволочь! — рявкнул Эрш.

— Но это же твое слово, — якобы удивился Голос. — Твою совесть недоработали, но мы это поправим.

Эрш пропустил мимо ушей странное слово «совесть». Пока Голос в настроении, надо его дожимать.

— Что дальше?

— Дальше — услада моего сердца. Мы изничтожим тхаргов на Ургее, даром что сто пятьдесят лет назад она звалась Тхаргея, кто теперь это помнит, кроме самих тхаргов, этой горстки глупцов? В моем распоряжении отныне — в обмен на жизнь Президента — вся вооруженная мощь Содружества. Я уничтожу Империю, этот рассадник зла, и мне помогут верные союзники — урхи. Они доблестно погибнут все до одного во славу Содружества — и заметь, малыш, добровольно и счастливо! Мы дадим этим недолжникам счастье — всем, даром. Но я не расскажу тебе весь план, да ты его и не поймешь. Отдыхай пока, еще один раунд переговоров мне предстоит, важный раунд. Воды можешь попить, но не увлекайся.

Эрш Джокер ждал. Ждал? Неправильно. Впервые в жизни прайм-репортер ничего не ждал и ничего не хотел. Верно сказал полковник, коровье дерьмо. Дерьмо просто лежит на дороге и сохнет под лучами солнца. Ничего не ждет, ни о чем не думает, ничего от него не зависит. Потом кто-то подбирает его и топит печь. Как на Ургее. На разрушенной и выпотрошенной планете, где упрямые тхарги бьются против всей Галактики за свою глупую, никому не нужную независимость... Но они хотя бы не коровье дерьмо. Они так захотели сами. Их толкали, но толкали не к этому. Их пока не победили. Пока Джокер просунул руку под поясицу. Она еще там.

Сквозь расходящиеся волны вновь начавшегося бреда он ощущал лишь одно. И, пожалуй, название вертелось в голове, но он не спешил озвучить даже для себя. Действие сыворотки вновь заканчивалось, антитела взялись за свой адский труд и что-то странное творили с башкой. Голос называл это совестью. Нет. Голос не всеведущ.

Он снова видел цепочку «слепцов Брейгеля», свой сканирующий взгляд, и вот он — сержант «Громовержца» — здоровенный парень, в комбезе, но без шлема, спокойное каменное лицо, высокий лоб в зальсынах, бессмысленный голубой взгляд. Что-то сместилось в памяти, что-то далекое, какое-то интервью... Сержант имперской пехоты, позывной «Ара», герой трех войн, образование высшее техническое... Взгляд... взгляд тяжелый, но спокойный, взгляд умного и видавшего виды человека. И тебя, Ара, превратили в стеклянного дебила... ДНК-матерьял... матерьял... матерьял...

Что случилось? Чего от него снова хотят? Зачем? Почему в камере пещера? Нет? Не пещера? Аха-ха, передвижной нуль-портал... а вы кто? Воины освобождения Тхаргеи? Что ты говоришь, Голос? Чтобы я не бузил? Я вижу, что у них нет сыворотки, откуда у них сыворотка, у них только фекальные ускорители... Аха-ха... Да не бейте по щекам, я пошутил. Что ты говоришь, Голос? Чтобы я не бузил?! А вот хрен тебе! Мне нравятся эти парни! Парни, я пойду с вами, об одном прошу: не режьте меня там у себя живьем, я скоро и так загнусь! Потом выпотрошите. Только мой вам совет: сожгите. Сожгите вы ее к такой-то матери, не поможет она вам, сдохнет эта сволочь и ладно, а за почку вам всё пообещают: и еще три планеты землеподобных в придачу пообещают, и десять астероидов платиновых, и тыщу сто десять железных, только потом всё едино наколют. Не, на почки, парни, не надейтесь, а на ускорители... фекальные. Ладно, не бейте. На излучатели, на ракеты, на силу свою надейтесь, а уродам — не верьте. И мне не верьте, я сам урод. Слышишь, Голос? Я пошел! Да помню я! Там. Сыворотки. Нет.

Просто у меня эта... Реакция отторжения.

Содержание

ПРЕДИСЛОВИЕ	5
<i>Алексей Пехов</i>	
ПОСЛЕДНЯЯ ОСЕНЬ	9
<i>Олег Овчинников</i>	
ОПЕРАТОРЫ ОДНОСТОРОННЕЙ СВЯЗИ	27
<i>Андрей Николаев, Сергей Чекмаев</i>	
РЕЛИКТ	47
<i>Александр Бачило</i>	
ДОМ НА ХОЛМЕ	69
<i>Леонид Каганов</i>	
МАММА СОННИМ	87
<i>Иван Наумов</i>	
ЭМОДОМ	135
<i>Олег Дивов</i>	
СТОЯНИЕ НА РЕКЕ МОСКВЕ	155
<i>Дмитрий Градинар</i>	
ПЕРВЫЙ ДЕНЬ ВЕСНЫ	165
<i>Максим Дубровин</i>	
СМЕРТЬ ПТИЦЫ	187
<i>Михаил Кликин</i>	
МЕРТВЫЕ ПАШНИ	203
<i>Дарья Булатникова</i>	
РАСПЫЛИТЕЛЬ ПУХОЛЬСКОГО	249

<i>Дмитрий Володихин</i> ДЕСАНТНО-ШТУРМОВОЙ БЛЮЗ.....	281
<i>Татьяна Томах</i> ВРЕМЯ ЧЕЛОВЕКА.....	295
<i>Майк Гелприн</i> СМЕРТЬ НА ШЕСТЕРЫХ.....	321
<i>Павел Корнев</i> АУТОДАФЕ.....	343
<i>Вадим Панов</i> АНГЕЛ.....	357
<i>Ярослав Веров</i> РЕАКЦИЯ ОТТОРЖЕНИЯ.....	385

Литературно-художественное издание

МОДЕЛЬ ДЛЯ СБОРКИ 20 ЛЕТ

Антология

Составитель *Сергей Чекмаев*

Иллюстрация на обложке *Макс Олин*

Корректор *Наталья Воробьева*

Дизайн и вёрстка *Эрик Брегис*

ООО «Снежный Ком М»
127549, Москва, Алтуфьевское шоссе, 48, корп. 1
+7 915 260 0114
E-mail: moscow@skomm.ru
www.skomm.ru

Подписано в печать 01.10.2015. Формат 84x108 $\frac{1}{32}$
Печать офсетная. Бумага офсетная. Гарнитура «Caslon».
Печ. л. 12,5. Тираж 1000 экз. Заказ №

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.)

